

**М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева,
В.А. Салимовский**

СТИЛИСТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

Учебник

4-е издание, стереотипное

*Допущено Учебно-методическим объединением
по направлениям педагогического образования
Министерства образования и науки РФ
в качестве учебника для студентов
высших учебных заведений, обучающихся
по направлению 050300 Филологическое образование*

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
Издательство «Наука»
2011

УДК 811.161.1(075.8)
ББК 81.2Рус-5
К58

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой теории речевой деятельности
и языка массовой информации факультета журналистики
Санкт-Петербургского университета
В.И. Коньков

д-р филол. наук, проф. кафедры риторики
и стилистики русского языка
Уральского государственного университета
Т.В. Матвеева

Кожина М.Н.

К58 Стилистика русского языка : [электронный ресурс] учебник
/ М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. – 4-е изд.,
стереотип. — М. : ФЛИНТА : Наука, 2008. — 464 с.

ISBN 978-5-9765-0256-7 (ФЛИНТА)

ISBN 978-5-02-034758-8 (Наука)

В учебнике освещены основные проблемы стилистики, определены ее понятия и категории, а также направления исследований. В центре внимания вопросы употребления языка и стилевой организации текста, т.е. функциональная стилистика. Представлены и стилистические ресурсы языка. Теоретическая концепция учебника соответствует речеведческому, динамическому аспекту толкования языка и стиля, направленному на изучение употребления языка, т.е. не столько стилистики языковых единиц, сколько стилиевых свойств текста, обусловленных внеязыковой действительностью. В книге представлены церковно-религиозный стиль, дискурсивный анализ и функциональная стилистика, научные направления стилистики, электронные СМИ, вопрос о стилевом статусе рекламы.

Для студентов, аспирантов, преподавателей филологических факультетов вузов и всех интересующихся вопросами стилистики.

УДК 811.161.1(075.8)
ББК 81.2Рус-5

ISBN 978-5-9765-0256-7 (ФЛИНТА)
ISBN 978-5-02-034758-8 (Наука)

© Издательство «ФЛИНТА», 2008

О г л а в л е н и е

<i>Предисловие</i>	6
<i>Введение</i>	9
О становлении стилистики как особой научной лингвистической дисциплины	9
Язык и стиль; функционирование языка как основа стилистики	12
Предмет стилистики, ее основная проблематика и методы исследования	24
Определение стилистики, ее структура, научные направления	34
Стилистика текста	49
Задачи преподавания стилистики. Значение этой науки	60
I. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ, КАТЕГОРИИ И ПРОБЛЕМЫ СТИЛИСТИКИ	66
О некоторых понятиях стилистики: стилистических коннотациях (значениях, окрасках), стилистических средствах и других. О парадигматике и синтагматике в стилистике	66
Определение понятий «стиль» и «функциональный стиль» в лингвистической стилистике. О речевой системности функционального стиля	84
Вопрос о стилях языка и стилях речи	102
О языковых навыках и типах речевой культуры	112
Лингвистические и экстралингвистические факторы в стилистике. Основания классификации функциональных стилей и дальнейшая дифференциация функциональных разновидностей языка. Полевая структура функционального стиля	120

Вопрос о правомерности выделения художественного стиля среди других функциональных стилей	138
О стилевых чертах функциональных стилей. Функциональные семантико-стилистические категории	144
Понятие стилистической нормы. О соотношении стилистических и «речевых» ошибок в школьной практике и методике. О функционально-стилистическом аспекте обучения языку	149
Историзм стиля. Формирование функционального стиля в национальный период развития русского литературного языка	171
Значение функциональной стилистики 60—80-х гг. XX в. для последующего развития стилистики	178
Дискурсный анализ и функциональная стилистика	189
 II. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ РУССКОГО ЯЗЫКА («СТИЛИСТИКА РЕСУРСОВ»)	
Общие сведения	202
О средствах словесной образности как стилистических ресурсах речи	205
Синонимические средства языка как ресурсы стилистики	209
Стилистически окрашенная лексика	221
<i>Лексика эмоционально-экспрессивно окрашенная</i>	221
<i>Лексика функционально-стилистически окрашенная</i>	224
<i>Лексика книжная и разговорная</i>	231
Стилистические ресурсы фразеологии	237
Стилистические ресурсы словообразования	241
Стилистические ресурсы морфологии	246
<i>Именные формы</i>	247
<i>Глагол и отглагольные формы</i>	253
Стилистические ресурсы синтаксиса	260
<i>Строй простого предложения</i>	263

<i>Сложное предложение</i>	271
<i>Другие синтаксические явления</i>	274
Стилистические изменения функционирования языка в постперестроечное время	278
III. ХАРАКТЕРИСТИКА ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА	285
Научный стиль	289
Официально-деловой стиль	319
Публицистический стиль	342
<i>Стилевые особенности электронных СМИ</i>	374
<i>Вопрос о стилевом статусе рекламных текстов и их стилистике</i>	387
Художественный стиль	392
Церковно-религиозный стиль	412
Разговорно-обиходный стиль	432
О некоторых общих закономерностях функционирования языковых средств в функциональных стилях	447
<i>Литература</i>	451

П р е д и с л о в и е

Переиздание учебника «Стилистика русского языка» обусловлено стремлением авторов отразить в нем происшедшие со времени выхода в свет третьего издания (1993 г.) изменения в литературном языке в связи с социальными преобразованиями в обществе, развитием стилистики в последние десятилетия и тем, что предшествующее издание стало малодоступным новому поколению студентов. Кроме того, появилась необходимость осветить ряд дискуссионных вопросов. Иначе говоря, потребовался обновленный вариант пособия. Оно представляет собой значительно расширенное, исправленное и уточненное изложение вопросов стилистики современного языка с экскурсами в историю стилистики и демонстрацией происходящих в ней в настоящее время процессов.

В книге нашли отражение отклики на новейшие публикации по стилистике — известные работы А.И. Горшкова, В.Г. Костомарова, О.А. Крыловой, О.Б. Сиротининой, Г.Я. Солганика, Н.С. Болотновой, В.Д. Бондалетова, Н.С. Валгиной, Н.А. Кожевниковой, И.И. Ковтуновой, Т.Н. Колокольцевой, М.В. Колтуновой, Е.В. Красильниковой, Л.В. Красильниковой, И.П. Лысаковой, Л.М. Майдановой, Т.В. Матвеевой, Н.М. Разинкиной, К.А. Роговой, Н.К. Рябцевой, А.П. Сковородникова, Н.И. Формановской, В.Е. Чернявской и многих других.

Однако теоретическая концепция настоящего издания не изменилась, она соответствует речеведческому динамическому аспекту толкования стиля, направленному на изучение у п о т р е б л е н и я языка, — не только и не столько стилистики языковых единиц, сколько стилевых свойств текста, обусловленных экстралингвистически.

Отличие данного издания от предшествующего состоит в следующем.

В книгу включены *новые главы и разделы*: «Дискурсный анализ и функциональная стилистика», «Стилистико-речевые изменения постперестроечного времени», «Церковно-религиозный стиль», «Значение функциональной стилистики 60—80-х гг. XX в. для последующего развития стилистики» (глава, представляющая отклик на новейшие публикации в связи с вопросами о конструктивном принципе стиля, текстовой организации произведения и другими), «Направления стилистики», «Электронные СМИ», «Вопрос о стилевом статусе рекламы», «О полевой структуре функционального стиля», «О типах речевой культуры», «О функциональных семантико-стилистических категориях», «Исторический экскурс проблемы развития речеведческого понимания стиля».

Значительно дополнены и переработаны главы, посвященные отдельным функциональным стилям: научному, публицистическому, официально-деловому, разговорно-обиходному. Выделена в особую главу «Стилистика текста», содержание которой расширено и обновлено. Пересмотрен иллюстративный материал.

Особенностью настоящего издания является и то, что оно подготовлено авторским коллективом. Основная часть книги написана М.Н. Кожиной. Главы об официально-деловом стиле и публицистическом — М.Н. Кожиной в соавторстве с Л.Р. Дускаевой, которой написаны § 134, 135, 146—153. В.А. Салимовский — автор глав «Церковно-религиозный стиль», «Стилистико-речевые изменения постперестроечного времени», в главе о разговорно-обиходном стиле — § 168 и § 44 о типах речевой культуры.

В целом учебник сохраняет теоретическую направленность, поскольку современная лингвостилистика (особенно одно из ее центральных направлений — функциональная стилистика) — это дисциплина теоретического плана, изучающая функциональную сторону языка, еще недостаточно исследованную в лингвистике. Это, однако, ничуть не умаляет ее практического значения. Напротив, коммуникативно-функциональный принцип, представленный в лингвостилистике, явился основой для

разработки новых, наиболее эффективных методов обучения языку, в частности развития культуры речи школьников на функционально-коммуникативной основе. Так реализуется положение В.В. Виноградова о том, что «стилистика является теоретической основой национальной речевой культуры», и подтверждаются слова Г.О. Винокура: «Путь к практической стилистике лежит через теоретическую».

Изучение первого и второго разделов учебника потребует от студентов большого внимания и вдумчивости, кроме того, целостного восприятия теоретической части. Однако усвоение теоретических проблем, несомненно, окажется надежным фундаментом для овладения практической частью курса и к тому же будет способствовать активизации творческой мысли студентов, что целиком согласуется с новыми требованиями как вузовской, так и школьной методики преподавания. Следует учесть, что в последнее время появился ряд пособий собственно практического плана (в том числе сборников упражнений и практикумов по стилистике), которые помогут студентам в овладении стилистическими умениями и навыками.

Авторский коллектив издания выражает глубокую благодарность официальным рецензентам книги В.И. Конькову и Т.В. Матвеевой за полезные советы и рекомендации, а также коллегам по кафедре за поддержку и помощь при подготовке рукописи к печати, особенно М.П. Котюровой, Е.А. Баженовой, М.Н. Никифоровой.

ВВЕДЕНИЕ

О становлении стилистики как особой научной лингвистической дисциплины

§ 1. Слово *стиль* уходит своими корнями в глубокую древность; слово же *стилистика* используется в филологической науке с XVII в. Известны довольно многочисленные (в России XVIII—XIX вв.) исследования по отдельным аспектам стилистики, посвященные преимущественно стилю различных художественных произведений или писателей, а также сводные курсы стилистики; появлялись и работы теоретического характера. Однако как научная дисциплина стилистика начинает формироваться примерно с 20—30-х гг. XX в., а особенно активная разработка одного из ее центральных направлений, называемого функциональной стилистикой, происходит лишь с середины 50-х гг.

Стилистика и сама сущность стиля теснейшим образом связаны с коммуникативным аспектом языка, с проблемой его употребления, функционирования. Необходимость изучения этой проблемы была осознана еще в начале XX столетия. В России над ней, помимо И.А. Бодуэна де Куртенэ, работают Е.Д. Поливанов, М.М. Бахтин, Л.П. Якубинский, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур. Большой вклад в разработку вопросов стилистики внесла также «функциональная лингвистика» ученых Чехии и Словакии. Функционально-стилистические исследования особенно активизируются с 60-х гг. XX в. в связи с общим поворотом интересов лингвистики от изучения структуры языка к исследованию его функционирования (разработка не статической, а динамической модели языка). Тесно связано с формированием стилистики исследование проблем нормы и литературного языка.

Определение этих категорий в языкознании находит свое выражение также лишь в XX в. (В. Матезиус, В. Гавранек, Э. Косериу, В.В. Виноградов).

§ 2. Основными предпосылками формирования стилистики в качестве особой научной дисциплины явились три фактора:

- а) выдвижение в начале XX в. идеи о различении языка и речи, а несколько позже — внимание к функциональной стороне языка;
- б) разработка проблематики литературного языка и нормы;
- в) идея системности.

Кроме того, формирование стилистики обусловлено самой логикой развития языкознания, идущего от изучения «мелких» единиц (звуков — в фонетике) ко все более «крупным», в том числе текстовым, являющимся прежде всего объектом исследования стилистики. Указанные факторы оказались основополагающими для развития стилистики по трем причинам. Во-первых, потому, что само явление с т и л я по своему возникновению и назначению связано именно с речью, с функциональной стороной языка. Во-вторых, понятие с т и л я — это прежде всего понятие литературного языка, теснейшим образом с ним связанное, как и с понятием нормы и культуры языка. (Недаром в процессе развития языкознания три его дисциплины — история литературного языка, стилистика, культура речи — появляются почти одновременно. Не случайно и время их формирования — период сложившихся национальных литературных языков, когда вопросы культуры речи и стиля в связи с развитием средств массовой коммуникации становятся особенно актуальными.) В-третьих, стиль вообще — явление глубоко системное. Поэтому наиболее полное его осмысление могло произойти, когда понятие системы стало ключевым в общем развитии всей науки, а именно в XX в. До настоящего времени то или иное толкование стилистических явлений, характеристика структуры стилистики, понимание основных ее проблем и категорий прежде всего связаны с тем, как ученый (или научное направление)

трактует язык, его функции, различает ли его статику и динамику, определяет задачи лингвистики, а отсюда и стилистики.

§ 3. Стилистика, выделяясь в самостоятельную лингвистическую дисциплину, признается особой отраслью теории языка в работах по общему языкознанию (*Березин Ф.М., Головин Б.Н.* Общее языкознание. М., 1979 (гл. XI); *Степанов Ю.С.* Общее языкознание. М., 1966). Свидетельством оформления стилистики в самостоятельную науку явились также и многочисленные международные и всероссийские съезды и конференции, посвященные ее проблемам.

Появление лингвистики текста, а затем развитие прагматики активизировали некоторые новые направления стилистических исследований. Заметную роль в этой активизации в нашей стране и за рубежом (в особенности в странах Восточной Европы) сыграла в свое время дискуссия по стилистике, проходившая на страницах журнала «Вопросы языкознания» (1955). Симптоматичны в этом отношении высказывания ученых о значении и месте стилистики в современном языковедении. Так, Р.А. Будагов пишет: «...стилистика — “душа” любого развитого языка. Поэтому ей должно принадлежать важное место как в науке о языке, так и в науке о художественной литературе» (Литературные языки и языковые стили. М., 1967. С. 101). Ю.С. Степанов следующим образом определяет значение стилистики для теории языкознания и других отраслей науки: «В настоящее время исследования национальной культуры, языка и психологии стали гораздо определеннее и конкретнее именно благодаря появлению стилистики как особой отрасли языкознания» (*Степанов Ю.С.* Семиотика. М., 1971. С. 21). В.В. Виноградов, определяя роль стилистики в языкознании, отмечал, что она является своего рода вершиной исследования языка, теоретической основой развития национальной речевой культуры. Согласно известному высказыванию Г.О. Винокура, путь к практической стилистике лежит через теоретическую.

§ 4. Итак, стилистика по своему характеру — наука сугубо функциональная, что и отразилось в истории ее формирования.

Это наука к тому же теоретическая, что ничуть не умаляет ее практического значения; напротив, развитие стилистики, особенно функциональной, явилось весьма продуктивным для методики преподавания языка и других прикладных отраслей. Лингвостилистика призвана изучать фундаментальные проблемы языковедческой теории, прежде всего сущности языка (социальная природа языка, взаимосвязь его структурного и функционального аспектов, закономерности функционирования, взаимосвязь языка и мышления и др.). Решение этих проблем, в особенности последних, вызывает необходимость комплексного к ним подхода — лингвистического, гносеологического и когнитивного, социологического, психологического и др.

Язык и стиль; функционирование языка как основа стилистики

§ 5. Определение стиля зависит от трактовки языка. И хотя основные его признаки — социальная сущность, коммуникативная функция, отражательная и познавательная способность, системный характер — отмечаются всеми лингвистами, однако существующие определения языка неоднозначны, что в известной степени сказывается на различии определений стиля и стилистики.

Так, в трактовке Ф. де Соссюра, согласно которой язык есть система значимостей (ценностей) внутрисистемных отношений языковых единиц, нет места стилю, и поэтому стилистика выводится Соссюром за пределы лингвистики языка (в лингвистике речи). Однако при этом суженным оказывается понимание социальной сущности языка (при утверждении имманентности последнего) и умаляется значение воздействия на язык экстралингвистических факторов, например общества, мышления. Это отмечают современные исследователи. Например, В.З. Панфилов пишет: «Лейтмотивом теории Ф. де Соссюра является положение об имманентности языка и его требование не прибегать при объяснении языковых явлений к каким-либо экстраязыко-

вым факторам». И далее: «...если язык есть продукт внутрисистемных отношений языковых единиц, то, следовательно, никакие экстралингвистические факторы, т.е. общество и мышление, не оказывают какого-либо воздействия на язык...»

Одно из гениальных открытий в истории языкознания — это именно понимание языка не как *ergon* (кладовая, продукт, совокупность языковых единиц), в терминологии В. Гумбольдта, а как его *φ у н к ц и о н и р о в а н и е*, динамическая сторона, иначе *energeia* (употребление языка, язык в действии). Если одна из сторон единства «*ergon — energeia*», а именно структурно-системный аспект языка, уже в достаточной степени изучена, то исследование *φ у н к ц и о н а л ь н о й* — иначе речеведческой — стороны языка, причем как *л и н г в и с т и ч е с к о г о*, а не лишь психологического феномена, началось недавно.

Язык представляет собой настолько сложное и многогранное явление, что он исследуется обычно не в целом, а с какой-либо одной стороны: логической, структурно-системной, психологической и т.д. Это естественно и, в общем, для науки правомерно (научное познание всегда расчленяет объект в процессе его изучения). Однако важно, чтобы сосредоточение на какой-либо одной стороне исследования не выдавалось за единственно правильное понимание языка.

Большим достижением лингвистики XX в. явилось изучение системы языка, его структурной организации. Однако случилось так, что оно заслонило некоторые существенные признаки языка (в том числе особенно актуальные для стилистики). В настоящее время в связи с развитием коммуникативно-функциональных направлений исследования языка все шире обнаруживается интерес к его функциональной стороне, к речи, к тексту, в целом к комплексу речеведческих дисциплин.

§ 6. В самом общем виде язык определяют как *с р е д с т в о о б щ е н и я*. Структуральное изучение языка делает акцент при этом на слове *средство* и как бы оставляет в тени второй компонент словосочетания — *общение*; правда, социальная природа языка и его коммуникативная функция при этом отмечаются

либо само собой предполагаются. Однако определение сущности всякого научного объекта, тем более такого сложного, как язык, представляющего собою систему — и не статичную, а динамичную, — требует не только структурной его характеристики, но и функциональной: языка в действии. В свое время еще Аристотель обосновал принцип изучения всякого объекта с двух сторон: с точки зрения его структуры и в аспекте его функционирования — положение, сохраняемое и современной наукой.

Язык — это не просто имманентная система знаков. Его социальная природа проявляется в изначальной связи с человеческой деятельностью и общением. По замечанию А.А. Леонтьева, «язык выступает как продукт специфической человеческой деятельности» (Леонтьев А.А. Психология общения. Тарту, 1974. С. 77) (разрядка наша. — М.К.). Ключ к пониманию языка — «в трактовке языка не просто как закономерного звена фиксированной системы отношений индивида к реальной действительности, но, главным образом, как средства, орудия активной познавательной деятельности... как одной из форм взаимодействия субъекта и объекта человеческой деятельности, как «мостика» связи совокупного опыта человеческого коллектива с психикой, сознанием, личным опытом, как условия и формы существования идеальных явлений. Отсюда неверно понимание языка как формы замещения и закрепления элементов чувственного познания. Это — односторонняя трактовка. Роль языка в познании нельзя сводить только к этому» (Там же. С. 79) (разрядка наша. — М.К.). Но отсюда вытекает, что отражательная способность — это лишь один из аспектов языка, что в его сущностных признаках должен присутствовать компонент, который проистекает от деятельностной природы языка. В этой связи тем более недостаточной выглядит концепция имманентности языковой системы, как и лишь структурное описание языка (вне функционального).

Язык представляет собой необходимое условие осуществления абстрактного, обобщенного мышления и рациональной ступени человеческого познания. Это специфический признак

человеческого языка, обеспечивающий общение и мышление; в нем заключается не только мыслеформирующая, но и коммуникативная его природа. Однако этого свойства языковой единицы недостаточно для реализации речевого общения в полном объеме. Новейшие психологические, науковедческие, гносеологические и другие исследования подчеркивают коммуникативную, в том числе диалогическую, природу языка, его деятельностный характер, о чем говорил еще М.М. Бахтин.

Определение языка лишь как системы единиц оказывается узким и недостаточным потому, что ни отдельная языковая единица, ни даже система языка в целом еще не реализуют коммуникативную функцию. У отдельной единицы и языковой системы она имеется лишь *п о т е н ц и а л ь н о*. Конкретная реализация этой важнейшей социальной функции обнаруживается именно при функционировании языка в речи, в процессе реального общения (*Арутюнова Н.Д. Речь. ЛЭС, 1990. С. 414*). Только в последнем случае налицо система, несущая информацию (ср.: *Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. М., 1977. С. 26*).

Только понимание языка как единства системы и ее функционирования способно объяснить в полной мере коммуникативную его природу. Ср., например, высказывание М.А. Шелякина в статье из сборника «Проблемы функциональной стилистики» (М., 1985): «...Объект лингвистического исследования един — это динамически функционирующая система языка, служащая средством порождения речевых высказываний». Однако в этом случае функционирование следует понимать не только как использование языковой системы (строю языка) в актах речи, но и как использование языка *в ц е л о м* в процессе общения, т.е. функционирование его под воздействием целого ряда факторов (во внешней среде) для реализации целей и задач общения. А это приводит к обогащению смысловой стороны высказывания.

Обозначение в слове класса предметов, выражение понятия само по себе еще недостаточно для общения, для действительной реализации коммуникативных возможностей языка. В

процессе общения происходит конкретизация контекстом обобщенных значений слов. Ведь с единицами языка, даже словарными, связываются говорящими лишь *п р и б л и з и т е л ь н о* одни и те же значения. Эта особенность языковых единиц была замечена еще В. Гумбольдтом, который говорил о том, что общающиеся получают в словах лишь намеки на материал общения. Подобную мысль высказывали А.А. Потебня и позднее в афористичной форме румынская исследовательница Т. Слама-Казаку: парадокс общения состоит в том, что можно выразиться на языке и быть тем не менее понятым. Отсюда и проистекают «муки слова», свойственные отнюдь не только словесно-художественному творчеству, но любой форме выражения письменной речи, а также отчасти и устной, вплоть до обиходной.

§ 7. Речеобразование — процесс творческий, хотя он отчасти автоматизирован, стандартизирован, опирается на стереотипы (см.: *Гаспаров Б.М.*, Язык, память, образ... М., 1996) и далеко не одинаков в разных сферах. Опора на стереотип необходима в языковом общении, но *т о л ь к о э т о г о* свойства языка еще недостаточно для осуществления полноценного, эффективного общения — со всеми его тонкостями, всем тем, что и составляет реальное живое общение.

Иногда говорят о том, что невозможно объяснить взаимопонимание в процессе общения, а тем самым и функционирование языка, если не считать, что в самой языковой системе заложены все «правила» образования высказываний, т.е. речеобразования. Это неверно применительно к человеческому языку. Человеку в принципе свойственно творческое начало, оно пронизывает всю его деятельность, в том числе и речевую.

О творческом характере речевой деятельности писал Л.В. Щерба: «...Хотя в процессах говорения мы часто просто повторяем нами ранее говорившееся (или слышанное)... однако... несомненно, что при говорении мы часто употребляем формы, которые не слышали от данных слов, производим слова, *н е п р е д у с м о т р е н н ы е н и к а к и м и с л о в а р я м и*... не только употребляем слышанные сочетания, но *п о с т о я н н о д е л а е м н о в ы е*» (*Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 24).

Заметим, что чем выше уровень языка, тем шире эта свобода в использовании средств языка, тем ярче проявляется ее творческий характер.

Новейшие исследования стереотипности речи, например Б.М. Гаспарова (указ. соч. 1996), не отменяют это положение Л.В. Щербы.

Функционирование языка есть не просто сложение по правилам синтагматики значений языковых единиц, поскольку речь не есть механическая сумма значений языковых единиц, используемых для ее построения. Взаимопонимание же осуществляется с учетом проявляющихся в контексте общения «речевых прибавок». Например, когда кто-то из медиков впервые употребил выражение *лицо болезни*, то здесь проявились возможности языковой системы для такого употребления (использованы перенос значения, определенная модель словосочетания, потенциальные элементы значения слова); однако именно такое значение у слова *лицо* и такое словосочетание не закодированы заранее в системе языка и потому до определенного момента не известны слушающему, хотя он, впервые услышав это словоупотребление, понимает смысл высказывания. На таком свойстве основаны контекстуальные расшифровки (понимание) неизвестных слов родного и иностранных языков.

Творческий аспект связан с достижением особой выразительности, эффективности высказывания, т.е. со стилистическими явлениями. «Секрет» языковой системы состоит в том, что она заключает в себе **в о з м о ж н о с т и** творческого ее употребления. При этом сам феномен творчества как явление специфически человеческое (в отличие, например, от машинного языка) связан с функциональным аспектом языка.

Язык и речь, точнее, собственно системный (строевой) и функциональный аспекты языка, составляют единство, но не тождество.

В процессе функционирования проявляются богатейшие творческие возможности языка, которые и фиксируются в речевых произведениях, в текстах, но никогда не исчерпывают себя благодаря бесконечному разнообразию экстралингвистических ситуаций и факторов (в их комбинациях), обуславливающих закономерности функционирования языка.

Однако творческие возможности (именно возможности, потенции) реализуются во внешней среде, во внеязыковой (иначе, экстралингвистической) деятельности, которая «побуждает» говорящих к поискам все новых средств и способов выражения и детерминирует *особенности употребления* языка. Сам строй языка, его система, «взятая» вне функциональной стороны, не включает в себе таких «способностей». В связи с этим приведем справедливое высказывание В.Г. Костомарова: «Особенности функционирования языка... *не могут быть заданы составом и строением* (! — М.К.) самого языка». Они образуются «в соответствии с диктатом экстралингвистических факторов...» (*Костомаров В.Г. Наш язык в действии. М., 2005. С. 50*). Но особенности функционирования, употребления языка как раз и создают стилевые особенности речи.

Коммуникативность языковой системы в полной мере раскрывается именно в процессе общения. Все стилистико-смысловые оттенки, выразительность, стилистические эффекты, уместность, целесообразность языковых средств становятся реальными именно при функционировании языка. Тем самым *стилистическое в языке — его стилистический феномен — функция и оная природы*; для его возникновения, существования и объяснения недостаточно соотносительности с предметом, отведения ему определенного места в самой системе.

§ 8. Понимание языка как системы и ее функционирования предполагает двуаспектное его изучение: помимо строя языка исследование и функциональной его стороны.

Уже не раз высказывалось мнение, что грамматика должна строиться дважды: как грамматика языка и грамматика речи (функциональная). В связи с развитием функционально-коммуникативного направления в языкознании, а также лингвистики текста в последние десятилетия появился интерес к этому аспекту языка (см., например, работы В.А. Бондарко, Г.А. Золотовой, Е.В. Гульги, Е.И. Шендельс, А.Е. Кибрика и др.). Однако пока что в работах по функциональной грамматике изучение функционирования языковых категорий все же оказывается

замкнутым пределами языковой системы, без выхода во внешнюю среду, т.е. в многообразную реальность языкового употребления. Функциональная же стилистика сосредоточивает свое внимание именно на изучении закономерностей употребления языка в разных сферах и ситуациях общения, т.е. для нее функциональный аспект языка является предметом специального изучения. Кстати, в этом плане она сближается с дискурсивным анализом.

Здесь уместно упомянуть о том, что, опираясь на известное положение Г.О. Винокура («язык вообще есть только тогда, когда он употребляется»), Т.Г. Винокур следующим образом определяет объект стилистики: «Языковая действительность предоставляет нам возможность убедиться в том, что наиболее адекватным стилистике объектом исследования оказывается не столько извлекаемая из нее относительно статическая картина... стилистических ресурсов языка, которая отражена в системе, сколько весьма динамическая картина употребления этих элементов...» и что именно «закономерности употребления языка обществом... принадлежат... стилистике» (не как материал, а именно как объект), отсюда концепция коммуникативной природы стилистических ценностей (см.: *Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980. С. 17*) (выделено нами. — М.К.).

Между прочим, если, обобщая сказанное, посмотреть на развитие стилистики ретроспективно (при этом весьма схематизируя обозначившиеся в ней положения и научно-коммуникативные ситуации), то можно отметить ту линию (тенденцию) развития, которая привела в конечном счете во второй половине XX в. к изменению парадигмы языкознания, а именно к функционализму, со всеми его последствиями (см.: *Кибрик А.Е., Плунгян В.А. Функциональные и когнитивные теории // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М., 1997*).

Несмотря на разницу, так сказать, идейных позиций, исследования и В. Гумбольдта и, как это ни покажется парадоксальным на первый взгляд, Ф. Соссюра, далее Э. Бенвениста, в России — И.А. Бодуэна де Куртене, А.А. Потебни, Л.В. Щербы, Г.О. Виноку-

ра и других приводят к различению в общем термине-понятии «язык» как минимум двух значений: с и с т е м а общезначимых знаков для обозначения явлений действительности, т.е. 1) с т а т и ч е с к и й аспект (строевой) и 2) выражение мысли, мышления в процессе коммуникации — д и н а м и ч е с к и й, функциональный аспект.

В истории языкознания на довольно длительном ее «отрезке» можно, огрубляя факты, проследить эту линию развития. При этом г л а в н ы м признаком языка и предметом лингвистики одни ученые считали систему (строй) языка, другие — его динамический аспект, третьи — обе его стороны; во всяком случае, акценты расставлялись неодинаково. Оговорки требует позиция Ф. де Соссюра. Если В. фон Гумбольдт, как отмечалось выше, пальму первенства отдавал признаку *energeia* (движение), а не *ergon* (кладовая), то Ф. де Соссюр, как известно, главным предметом лингвистики и собственно языком считал его систему. Но, во-первых, открыв лингвистам понятие *речи* и речевой деятельности (ср. высказывание Л. Блумфилда о том, что «дав нам различение языка и речи», Соссюр тем самым определил «теоретическую основу науки о человеческой речи»), знаменитый швейцарец наряду с лингвистикой языка предполагал и раздел *лингвистики речи*, при этом (что для функционализма и функциональной стилистики немаловажно) отмечал значимость при изучении речи внеязыковых факторов. Во-вторых, самим фактом обозначения *речи* (кроме системы языка) теория Ф. Соссюра инициировала речеведческую проблематику и явилась базой для ее развития. Речеведческая проблематика связана с динамическим аспектом языка и немислима без него (ср.: мысль, мышление — это процесс; речевая коммуникация, общение — это процесс, динамика), и вместе с тем они невозможны и не могут быть поняты, определены и изучены вне учета так называемой экстралингвистической действительности.

Изначальной методологической основой для как минимум двустороннего исследования языка (оставляем вне изложения очень важный когнитивный аспект) является упомянутый тезис Аристотеля о том, что, говоря современным языком, каждый

объект изучения должен рассматриваться со стороны и формы (строения), т.е. с т а т и к и, и функции, т.е. со стороны д и н а м и к и.

Характерно также и то, что явление речи и речевой деятельности фактически (естественно, без определения самих понятий и какой-либо стройной теории) было представлено уже в античных риториках, кстати, в связи с рекомендациями о качествах речи, ее стилевых чертах и средствах выражения, а именно о том, как убедительнее выразиться, лучше воздействовать на аудиторию и т.д. Здесь, по существу, речь идет об у п о т р е б л е н и и языка, его функционировании в речевом общении. Тем самым *с т и л ь изначально связан с р е ч ью*, речевой деятельностью, *динамическим* аспектом языка.

Однако, хотя понятие стиля существовало еще в древности, изучение его и формирование стилистической науки происходит с XVII в. (ср. связанное с именем Д. Тьебо рождение французской стилистики как особой научной дисциплины) и позже — XVIII — нач. XIX в. — в связи с развитием немецкого романтизма и формированием понятия индивидуальности творческой личности, «индивидуального гения» — человека-творца. Ср. известное высказывание Ж.Л.Л. Бюффона: «Стиль — это сам человек».

Итак, язык выступает в двух ипостасях: как 1) система (строй), статика и как 2) динамика, т.е. его употребление, функционирование. В первой представлена статика единиц, в том числе ресурсов стилистики, во второй — само явление, реальность языкового функционирования, т.е. язык в действии. Заметим, что недифференцированное употребление слова *язык* приводит подчас к неясностям понимания.

Язык возник и существует для выражения мыслей (т.е. динамики), это содержательная сущность, которая в полной мере реализуется — хотя и через отдельные единицы — в тексте.

Последний является результатом, а формируется процессуально в человеческой речевой деятельности и имеет авторство; речь неоднородна и в той или иной степени отражает особенности носителя, отличается особой манерой, определяемой мно-

жеством факторов, но прежде всего характером мышления. Это (как и ряд других внеязыковых факторов, под воздействием которых происходит речевая деятельность, осуществляется речевое общение) определяет характер речи, т.е. ее *стиль*.

Таким образом, *язык и стиль связаны теснейшим образом; стиль — один из важных и ярких признаков речи, текста, свойства последнего.*

Существенно, что *стиль*, будучи признаком речи, текста и реально существующий именно в динамическом аспекте языка, в процессе его употребления, *оказывается в принципе явлением динамического аспекта, а не строя языка*. Конечно, в последнем есть стилистически окрашенные единицы, которые, однако, не создают системы (или систем, подсистем). Кроме того, они являются в современном языке отражением либо их употребления в речи, в ситуациях общения, либо — разных сфер и периодов коммуникации, «осколками» предшествующих употреблений, т.е. «потомками» функционального прошлого.

В связи со сказанным приведем высказывания некоторых ученых, в частности М.М. Бахтина: «Эмоция, оценка, экспрессия чужды слову языка и рождаются только в процессе его живого употребления» (*Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества*. М., 1979. С. 266); известного чешского ученого М. Елинка: «О стиле мы можем говорить лишь в сфере речи» (*Českoslov. přednášky pro VI mez. Sjezd slavistů. Praha. 1968. S. 350*); В.Г. Костомарова: «До сих пор торжествует... убеждение в том, что функционирование языка, его различное применение... детерминировано самим устройством языка» (с. 28), однако «нельзя забывать о невыводимости различий между текстами и их группировками из самого языка» (с. 34) и то, что, очевидно, «...основы классификации и квалификации разновидностей функционирования языка следует искать во внеязыковой действительности» (*Костомаров В.Г. Наш язык в действии*. М., 2005. С. 32).

Итак, стиль теснейшим образом связан с языком и прежде всего с такими его сторонами, как динамика (функционирование), мышление и сознание (ср. язык — это действительное сознание), речевая коммуникация (реализация коммуникативной

функции) и вместе с тем — с человеческим фактором: отражением в стиле речи, в динамике употребления социальных и индивидуальных признаков носителей языка.

Весьма справедливы и современны в этом отношении высказывания Милана Елинка (*Jelínek M. Definice pojmu 2 jazykový styl. // Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university. 1965, A 13*). Он отмечает, что «когда говорят о стиле языковом, то понимают под этим стилистические явления, касающиеся у п о т р е б л е н и я я з ы к а... в смысле: «стиль речевой (styl řečový)» (с. 44; разрядка наша. — М.К.). По мнению ученого, следует учитывать, что слово «языковой» используется в данном случае не в терминологическом (языковая система), а в житейском смысле. (Система включает лишь стилистически окрашенные и нейтральные языковые средства, но «их совокупность не может создать стиль». — Там же). «О стиле можно говорить только в области говорения (высказываний), т.е. р е ч е в о й, но ни в коем случае не в области языка» (с. 45). Далее ученый продолжает: «При этом полезно различать стиль отдельного высказывания (styl promluvvový) и речевой стиль (styl řečový)»; первый касается стилистических явлений необобщенных, второй — обобщенных. По мнению М. Елинка, термин «языковой стиль» имеет право на употребление, «но при этом важно помнить о неточности (житейском смысле) первого слова в терминологическом словосочетании и соотносить последнее с содержанием термина *речь*, то есть, употребляя выражение «я з ы к о в о й стиль», иметь в виду, что по существу это стиль р е ч е в о й» (Там же. Курсив наш. — М.К.).

То же наблюдается и в русском языке: *язык* и *речь* могут использоваться синонимически. В 17-томном и 4-томном академических словарях в одном из значений (4) слово *язык* означает: «Разновидность речи, обладающая характерными признаками, стиль, слог. *Литературный язык, Разговорный язык, Газетный язык*» (4-х томный «Словарь русского языка». С. 780). Как видим, стилистические явления связываются со значением слова *язык* в смысле *речь*. Недаром, например, А.И. Горшков говорит: «Стиль может быть только в речи» (*Горшков А.И. Русская стилистика. М., 2001. С. 32*).

Такова взаимосвязь явлений и понятий *язык/речь* и *стиль*.

Отсюда, как можно заключить, «стилистика изучает речь... высказывание, в отличие от грамматики, изучающей систему языка» (*Doležel L. O stylu moderní české prózy. Praha, 1960. S. 184*).

Предмет стилистики, ее основная проблематика и методы исследования

§ 9. Первостепенным и закономерным вопросом всякой науки (научной отрасли) является вопрос об объекте и предмете ее исследования. Объектом изучения стилистики, как и других языковедческих дисциплин, является язык, зафиксированный в текстах. Однако каждую из отраслей языкознания интересует в этом общем объекте какая-то определенная сторона: либо тот или иной уровень языка (ср.: лексикология, грамматика), либо особый аспект исследования, точка зрения, с которой изучается язык (ср.: историческая грамматика, социалингвистика, лингвосемиотика). Вопрос о предмете стилистики не получил еще однозначного решения. Это связано прежде всего с чрезвычайной сложностью как самого объекта, так и предмета исследования. Кроме того, в разные эпохи своей истории стилистика сосредоточивала внимание на различных аспектах изучения языка, что привело к чрезвычайной широте и неопределенности границ предмета исследования, вплоть до включения в него литературоведческих явлений. Наконец, определению предмета стилистики мешала неоднозначность определения фундаментальных понятий языковедческой науки, таких как «язык», в соотношении с понятием «речь», «функции языка (и речи)», «текст» как понятие лингвистики, статус и границы лингвистического и экстралингвистического в языке и лингвистилистике.

Между тем основы для плодотворного решения вопроса о предмете стилистики были заложены отечественной наукой еще в 20—40-х гг. XX в. (в трудах Г.О. Винокура, Л.В. Щербы, Л.П. Якубинского, М.М. Бахтина и др.) и позже развиты и дополнены (прежде всего В.В. Виноградовым).

Со стилем — в самом широком и общем смысле этого слова — языковеды обычно связывают представление о таких с в о й с т в а х я з ы к о в о й е д и н и ц ы и текста, которые позволяют не просто передать информацию, но осуществить это наилучшим образом, выразительно. Тем самым стиль связывается с качествами р е ч и (как и отдельной языковой единицы), ее экспрессивностью, маркировкой, с наиболее целесообразными по задачам общения в той или иной сфере и ситуации средствами выражения и организацией речи. Поскольку эти ситуации повторяются, а сферы типизируются, то стиль указывает и на наиболее типичные средства выражения и характер речи в сферах и ситуациях, способствующих эффективности общения. Таким образом, стиль — это х а р а к т е р о л о г и ч е с к о е свойство (и способность) языка — в широком смысле, включая речь, — обусловленное задачами общения (пока отвлекаемся от того, ч т о оно характеризует: говорящего, содержание, сферу общения и т.д.) и призванное наилучшим образом реализовать эти задачи. При этом речь идет о стилистическом феномене применительно и к целому высказыванию, и группе текстов, принадлежащих той или иной социокультурной сфере общения.

В истории стилистики вставали вопросы: какое место занимает стилистический феномен в языке? Составляет ли он особый уровень в системе языка? Если же он имеется на разных уровнях языковой системы, то только ли количественные различия при этом обнаруживаются или еще и качественные? В связи с последним: возникает ли стиль, например, высказывания из суммы специальных стилистических единиц, составляющих это высказывание? Можно ли говорить об одном и том же феномене, называемом словом *стиль*, применительно и к отдельной языковой единице, и к свойствам речи целой группы текстов (имеется ли здесь качественное различие)?

Основы для решения этих вопросов были заложены нашими выдающимися лингвистами. Вот главнейшие из этих положений.

1. *Стилистическое* в языке не составляет особого уровня языка (наряду, например, с лексическим, грамматическим), оно как

бы пронизывает все его уровни по вертикали и имеется в каждом из них. Тем самым в общем для всего языкознания (и стилистики) объекте — языке — предмет собственно стилистики составляет особая точка зрения, аспект изучения языка. Г.О. Винокур так говорил об этом: «Стилистика обладает тем свойством, что она изучает язык по все му р а з р е з у е г о с т р у к т у р ы сразу, т.е. и звуки, и формы... но зато с о с о б о й т о ч к и з р е н и я. Эта особая точка зрения и создает для стилистики в чужом материале ее собственный предмет» (разрядка наша. — М.К.) (О задачах истории языка // Избранные работы по русскому языку. С. 283.)

2. Стилистическая система литературного языка чрезвычайно сложна, многообразна и неоднородна. Так, согласно мнению Л.В. Щербы, в нее входят характеристики социальных и иных диалектов, разные формы письменного языка, подразделяющиеся на формы языка художественной литературы и «формы делового языка», среди которых называются «канцелярский язык или с т и л ь... научный» и др. (разрядка наша. — М.К.). Л.В. Щерба замечает также, что «чем дифференцированное общество... тем сложнее... стилистическая структура его литературного языка» (Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 117—121). При этом подчеркивается, что «каждая разновидность вызывается к жизни ф у н к ц и о н а л ь н о й ц е л е с о о б р а з н о с т ь ю», определяемой своей задачей общения. В стилистической структуре, по Л.В. Щербе, «особо стоят... четыре соотносительных слоя слов — торжественный, нейтральный, фамильярный, вульгарный (ср. *лик* — *лицо* — *морда* — *рожа*)» (разрядка наша. — М.К.). Представляя стилистику русского литературного языка в виде «концентрических кругов — основного и целого ряда дополнительных», обладающих особыми оттенками, т.е. опираясь на синонимию языка, Л.В. Щерба, однако, не сводит структуру стилистики только к стилистической синонимии. Он замечает, что к стилистике относятся «также обозначения тех понятий, которых н е т в о с н о в н о м к р у г е, но которые имеют данный дополнительный

оттенков» (Там же. С. 121) (разрядка наша. — М.К.). Обобщая воззрения Л.В. Щербы, необходимо отметить три момента, существенных для последующего развития стилистики:

- 1) н е о д н о р о д н о с т ь структуры стилистики, а следовательно, и предмета исследования (в который входят стилистические окраски, или коннотации, связанные с явлением синонимии; совокупности средств разного происхождения, функциональной направленности и как производное этого — разной окраски; р а з н о в и д н о с т и языка и речи);
- 2) связь стилистического с возможностью выражения «разнообразных о т т е н к о в», вызываемых потребностями общения, со способностью языка к гибкости выражения мысли и эмоциональных состояний говорящего; при этом отмечается наличие стилистического в языке как богатство готовых в о з м о ж н о с т е й для выражения оттенков;
- 3) связь и формирование стилистического с ф у н к ц и о н и р о в а н и е м языка в обществе, с задачами общения; при этом выразительность ставится в связь с ф у н к ц и о н а л ь н о й ц е л е с о о б р а з н о с т ь ю использования языка, потенциально готового к выполнению коммуникативных задач (Там же. С. 119—126).

Хотя Л.В. Щерба, как правило, использует термин *язык* (а не *речь*), однако применительно к стилистике он рассматривает последний в аспекте его ф у н к ц и о н и р о в а н и я.

3. С этим связано третье основное теоретическое положение, ставшее кардинальным для последующего развития стилистики. Имеется в виду тезис Г.О. Винокура: «Язык вообще есть только тогда, когда он у п о т р е б л я е т с я» (Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 221). Именно из этого понимания языка исходит современная функциональная стилистика. Она сосредоточивает внимание не столько на стилистических окрасках отдельных языковых единиц,

взятых вне контекста, и ресурсах стилистического в системе языка, сколько на закономерностях употребления языка в различных сферах общения и образуемой в результате этого особой речевой организации (речевой системности).

4. На этой основе В.В. Виноградовым выделяются функциональные стили языка и речи как исторически сложившиеся коммуникативно целесообразные системы средств выражения в различных сферах общения. Это, по его мнению, также и словесные произведения в разных сферах, каждое со своим составом словесных контекстов, т.е. по существу типы речи, характерные для той или иной сферы общения.

§ 10. *Итак, исходя из сказанного, предметом исследования стилистики являются выразительные возможности и средства разных уровней языковой системы, их стилистические значения и окраски (иначе называемые коннотациями), а также закономерности употребления языка в разных сферах и ситуациях общения и как результат этого — своеобразная организация речи, специфичная для каждой сферы.* Исследование стилистикой выразительных возможностей и окрасок языковых единиц, способов достижения выразительности связано с давней традицией этой науки, тогда как остальные компоненты предмета — коммуникативно-обусловленные закономерности функционирования языка и речевая организация (речевая системность текста или определенной группы текстов) — становятся общепризнанными значительно позже. Однако с современной точки зрения именно они составляют центральный предмет стилистики, поскольку стиль — явление речевое, текстовое.

Те и другие явления (выразительные средства и возможности, закономерности употребления) отражают по существу разные аспекты языка: структурный и функциональный. (Правда, следует учесть, что изначально стилистические возможности языковых единиц также связаны с особенностями их употребления.) Тем самым предмет исследования стилистики как бы

раздваивается. Однако если учесть, что задачи стилистики — в наиболее эффективном удовлетворении целей общения, которые достигаются как использованием отдельных выразительных средств языка, так и всей организацией речи, текста, то с этой — коммуникативно-функциональной — точки зрения раздвоения предмета стилистики не происходит.

§ 11. С вопросом о предмете стилистики связан и выдвигаемый иногда вопрос об особом стилистическом уровне языка. При этом обычно говорят об уровне разнообразных стилистических приемов. Однако стилистические приемы создаются и употребляются в речи, в тексте, в процессе функционирования. Назначение их самое разное в зависимости от коммуникативных задач. Они могут твориться заново, строиться по известным моделям и, наконец, использоваться в готовом виде. В структурном отношении они могут быть лексико-семантическими, словообразовательными, фразеологическими, грамматическими (в том числе синтаксическими), а также собственно текстовыми сущностями (выходящими за пределы предложения), например композиционными. Это говорит о том, что особого уровня (в общепринятом лингвистическом смысле слова) они не образуют, так как составляют неравновеликие и качественно разнородные, т.е. принадлежащие разным ярусам, единицы и явления. (В языке нет уровня, состоящего из каких-то особых, самостоятельных стилистических единиц или приемов.) Правда, все эти средства объединяются единой функцией в речи — направленностью на эффективность высказывания. Таким образом, и стилистика приемов «прорезает» разные уровни языковой системы, а потому и не составляет особого уровня языка. Кроме того, эта стилистика приемов представляет собой аспект употребления языка, узус, т.е. опять-таки «особый угол зрения», и, собственно, относится к функционированию языка.

Однако когда речь заходит об употреблении языка, соответствии стиля высказывания коммуникативным задачам (уместности — неуместности, выразительности — невыразительности,

эффективности приемов, реализации стилистических окрасок), т.е. о явлениях стилистических, то они обнаруживают себя именно в высказываниях, в тексте (устном или письменном). Обычно окраски получают свою конкретизацию и определенность в контексте высказывания. Слово, например, нередко является полиокрашенным (с несколькими потенциальными окрасками). Контекст же способен и нейтрализовать, и видоизменить, и конкретизировать слово, и придать ему новую (оказиональную) окраску. Может быть, уровень текста и есть стилистический уровень? Такое заключение правомерно лишь отчасти.

Стиль действительно теснейшим образом связан с текстом; и тем самым особый угол зрения на язык в качестве стилистического — это и есть в известном смысле текстовый аспект. Но текст является лишь материалом, откуда извлекается стиль (аспект исследования) и в котором стиль реализуется (аспект функционирования, узуса). *С т и л и с т и ч е с к и м и оказываются те свойства организации текста, которые преследуют (и достигают) цели целесообразности, выразительности, эффективности высказывания в соответствии с комплексом его экстралингвистических основ, включая содержание.* Тем самым текст — это своего рода «место приложения» стиля.

Текстовая «ткань», единицы и категории текста (от приемов, сверхфразовых единств до вариантов композиции и функционально-смысловых типов речи) являются, как, впрочем, и единицы других уровней языковой системы, лишь с р е д с т в а м и р е а л и з а ц и и стиля. Вместе с тем отдельный текст обладает определенным стилем, является носителем последнего.

Таким образом, если признавать среди языковых уровней и уровень текста, то, конечно, прежде всего именно с ним связана лингвостилистика. Очевидно, как раз поэтому многие проблемы лингвистики текста зарождались в русле стилистики. Однако стиль не отождествляется с текстом и, следовательно, последний не составляет особого стилистического уровня в системе языка. *Стиль, стилистическое — это лишь одно из свойств, один из аспектов текста.*

§ 12. Требуется оговорки еще один момент, когда речь заходит о тексте. Предметом лингвостилистики, как и всякой другой языковедческой дисциплины, не является само по себе конкретное содержание, выраженное в речи, в тексте. Однако лингвостилистический анализ теснейшим образом связан с анализом содержания, поскольку вне последнего невозможно определить степень эффективности реализации коммуникативных задач средствами языка. Собственно, коммуникативная цель и весь смысл, значение стилистического в речи и направлены на наиболее целесообразное и эффективное донесение содержания до адресата. (Не изменяют дела и случаи намеренного сокрытия смысла, подтекстность, так как они также достигаются строем речи, ее стилем.) А стилистический анализ как раз и состоит в выявлении того, в какой степени адекватно речевая ткань передает адресату содержание высказывания, цели и намерения говорящего (автора) и каким образом стиль речи помогает глубже проникнуть в содержание. В этом отношении экстралингвистический фактор, не являясь собственно языковым (и лингвистическим), тем не менее в известном смысле становится объектом исследования. Это тот случай, когда граница между лингвистическим и экстралингвистическим теряется, и экстралингвистическое в известном смысле становится лингвистическим (см.: Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977. С. 41, 166).

При анализе разных функциональных стилей значимость фактора содержания оказывается не одинаковой: наиболее велика она, конечно, при изучении художественной речи. Но тем не менее даже и здесь, где содержание и средства его реализации и выражения составляют единство, в лингвостилистическом анализе в отличие от литературоведческого на первое место выдвигается исследование стилистически типичного и специфичного для художественной речи. Однако сами по себе задачи анализа художественного текста могут быть различными: для выявления, например, общей специфики художественной речи, в отличие от других функциональных стилей, достаточна опора на «тип содержания», на общие принципы использования язы-

ка для передачи образной мысли. Правда, подобный уровень анализа лишь своего рода фундамент, на котором затем могут ставиться и решаться другие исследовательские задачи, более непосредственно связанные с решением литературоведческих проблем (что имеет место при анализе отдельных конкретных художественных произведений).

§ 13. О возможности выделения той или иной области исследований в самостоятельную науку можно говорить, как известно, лишь тогда, когда налицо особый предмет исследования, свои понятия и категории, проблематика и, наконец, методы. Все это у современной стилистики есть.

Как указывалось, стилистика в отличие от других отделов лингвистики изучает выразительные средства и возможности языка, определяет средства и закономерности функционирования языковых средств в различных речевых разновидностях, обусловленных целями и задачами общения, наконец, сосредоточивает свое внимание на речевой системности стилей, образующейся в речевой деятельности под воздействием внелингвистических факторов (как реализация функционально-стилистических потенций языка). Итак, стилистика имеет свой о с о б ы й п р е д м е т и с с л е д о в а н и я .

Эта наука имеет круг с п е ц и ф и ч е с к и х п о н я т и й и к а т е г о р и й . Укажем, например, такие: стиль, функциональный стиль, стилистическая окраска, стилистическое средство, стилевая черта, стилистическая норма, речевая системность стиля, стилеобразующие факторы, функциональные семантико-стилистические категории и др.

У стилистики как языковедческой дисциплины определена и обширная п р о б л е м а т и к а , не известная другим лингвистическим наукам. В качестве основных проблем стилистики можно назвать такие:

- 1) определение стиля вообще, а также функционального стиля; соотношение стиля языка и стиля речи; специфика и речевая системность последнего;

- 2) определение закономерностей функционирования языка в разных сферах общения;
- 3) классификация функциональных стилей и их дальнейшая дифференциация;
- 4) соотношение лингвистического и экстралингвистического в стилистике;
- 5) проблема объективного и субъективного (индивидуального) в стиле;
- 6) соотношение функциональных стилей и форм речи;
- 7) соотношение стилистики лингвистической и литературоведческой;
- 8) взаимодействие стилей и их целостность;
- 9) проблема отношения языка художественной литературы к функциональным стилям;
- 10) определение стилистических норм и их историзм;
- 11) проблема диахронии и синхронии в стилистике;
- 12) соотношение «стилей» произношения и функциональных стилей и многие другие проблемы.

Наконец, в стилистической области исследований разработаны свои методы анализа материала. Поскольку стилистика имеет дело с проблемой адекватности выражения оттенкам смысла, со стилистическими значениями, постольку семантико-стилистический метод анализа текста в стилистике является основным. Взаимосвязь языковых средств и общая стилистическая окраска функциональных стилей речи также базируются на семантико-стилистических связях языковых единиц различных уровней, причем специфика стилей становится отчетливой при их сравнении. Отсюда неизбежность и целесообразность сравнительного метода анализа.

При анализе художественной речи большое значение приобретает метод, который условно можно назвать методом «слово — образ (микрообраз)». (Последний означает каждый предмет — в

широком смысле — того поэтического мира, который писатель воплощает в тексте.) Этот метод состоит в выявлении комплекса языковых средств различных уровней со всеми их стилистико-смысловыми нюансами, который служит выражению (и созданию) данного микрообраза в системе образной мысли писателя.

Поскольку изучение функциональных стилей опирается на учет экстралингвистических факторов, при этом необходимо использование знаний различных научных дисциплин, т.е. применение к о м п л е к с н ы х методов, весьма актуальных в современной лингвистике.

При исследовании функциональных стилей, в частности при выяснении воздействия на стиль речи тех или иных экстралингвистических факторов, при определении специфики стиля используются статистические, или с т и л о с т а т и с т и ч е с к и е, методы исследования. (Полнее о методах в стилистике см. соответствующую статью в кн.: *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / Под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2006.)

Определение стилистики, ее структура, научные направления

§ 14. В языкознании нет общепринятого определения стилистики. Это происходит отчасти потому, что в процессе своего формирования эта отрасль языковедения развивалась в составе различных направлений. Во второй половине XX в. расширился и объект исследования этой науки, далеко вышедшей за пределы изучения художественной речи.

В самом общем смысле *с т и л и с т и к у* можно определить как *лингвистическую науку о средствах речевой выразительности и о закономерностях функционирования (употребления) языка, обусловленных наиболее целесообразным использованием в тексте языковых единиц в зависимости от содержания высказывания, целей, ситуации и сферы общения.* Выделяются прежде всего такие типовые и социально значимые сферы общения, как научная,

художественная, публицистическая, официально-деловая, разговорно-бытовая, частично — религиозная. В соответствии с ними различаются и функциональные стили (их подстили и т.д.).

Иногда стилистику определяют лишь как науку о выразительных средствах языка. Это не вполне верно: при таком понимании игнорируется функциональный аспект стилистики — аспект употребления языка в речи, в тексте, стилового построения последнего, а ее предмет ограничивается стилистически окрашенными языковыми единицами. С другой стороны, определение стилистики только как науки о функциональных стилях недостаточно, поскольку исторически в лоне стилистики развивается традиционное направление, изучающее стилистические ресурсы языка (окраски и пр.). Кроме того, в формировании функциональных стилей принимают участие разнообразные выразительные средства, и изучение их состава логично включать в стилистику.

Таким образом, приведенное выше определение является наиболее полным и исторически соответствующим действительности. Однако это определение, так сказать, общей стилистики. Оно может быть расчленено на две части, соответствующие двум основным исторически сложившимся аспектам стилистических исследований.

1. Традиционное — о внеконтекстуальных стилистических ресурсах языка (для краткости условно будем называть его «**стилистика ресурсов**») — аспект строевой, структурный.
2. О закономерностях функционирования, употребления языка в различных сферах общения (**функциональная стилистика**) — аспект собственно коммуникативный, динамический, языка в действии. В этом направлении в свою очередь можно особо выделить стилистику **художественной речи** в силу специфики исследуемого ею объекта и обширности имеющихся в этой области исследований. Однако следует помнить, что это внутреннее ответвление той же функциональной стилистики, в котором художественная речь исследуется в аспекте ее общих специфических черт.

Художественная речь как объект исследования в силу своей сложности допускает различные аспекты изучения и потому подразделяется как минимум на три более частных направления.

1. **Стилистика художественной речи (текстов)** как один из функциональных стилей, обладающий спецификой, обусловленной искусством как особой формой общественного сознания. Это наиболее общий аспект изучения и описания художественной речи, в центре которого выявление именно специфики последней по сравнению с другими функциональными стилями.
2. **Наука о стилях художественной литературы**, представленная прежде всего трудами В.В. Виноградова и охарактеризованная им как особая дисциплина в книге «О языке художественной литературы» (М., 1959). Сюда относятся и изучение лингвостилистических особенностей произведений писателей.
3. **Коммуникативная стилистика художественного текста**, развиваемая под руководством Н.С. Болотновой.

Экспрессивная стилистика, *смыкающаяся со стилистикой ресурсов*, но более широко и специально изучающая всю **к о н н о т а т и в н у ю** «сферу» языка (не только стилистические, но и экспрессивные, эмоциональные, оценочные средства). Кроме того, она исследует средства и способы достижения выразительности речи в соответствии с целями общения и интенциями говорящих в тех или иных ситуациях и сферах коммуникации. Предметом ее изучения являются не столько сами по себе экспрессивно-эмоциональные и другие выразительные средства языка, сколько сложившиеся (и окказиональные) **п р и е м ы**, способы использования этих средств в речи, их сочетания — стилистические и композиционные приемы — и достигаемый при этом коммуникативно-стилистический эффект.

В 80-е гг. XX в. сложилась в качестве особого направления **сти-
листика текста**, сосредоточившая свое внимание на спе-

цифике целостного текста (подробнее об этом направлении см. в следующей главе учебника).

Наконец, следует упомянуть еще и о собственно нормативном и прикладном аспекте стилистики. Г.О. Винокур писал о нем: «С проблемой искусно писать связано понятие нормативной лингвистической стилистики как практической дисциплины» (Избр. работы. М., 1959. С. 235). Строго говоря, этот аспект не составляет особого направления науки (в точном смысле слова), его задачи — проведение в жизнь принципов теоретической стилистики, воспитание стилистической речевой культуры. Базой для этого является знание стилистических ресурсов языка и закономерностей его функционирования, которое и обеспечивает практическое владение навыками речеобразования в соответствии со стилистическими нормами. В связи с этим можно говорить о **практической стилистике** как учебной дисциплине и о методике преподавания стилистики.

§ 15. Охарактеризуем кратко каждое из указанных направлений стилистики, составляющие ее структурные разделы.

1. **Направление, изучающее стилистические ресурсы языка** («стилистика ресурсов»), является, как сказано выше, наиболее традиционным. Это своего рода описательная, иначе аналитическая, или структурная, стилистика, характеризующая стилистически окрашенные средства языка, выразительные возможности и семантико-функциональные оттенки слов, форм, конструкций, а также так называемые средства словесной образности. Один из центральных аспектов этой науки — стилистическая синонимия языка (на разных уровнях языковой системы). Некоторые лингвисты придают этому направлению лишь служебную роль.

Как известно, в процессе формирования русского литературного языка большое значение имело взаимодействие двух его форм — письменной и устной. Языковые средства, преимущественно используемые по традиции в книжных жанрах, некогда находившихся под воздействием славяни-

зированной типа языка, приобретали обычно стилистический характер официальности, при этом нередко с экспрессивными оттенками риторичности, торжественности и др. В целом эти средства несколько условно объединяются под названием книжных средств (или книжных стилей). Языковые же единицы устной речи, особенно обиходной, сохраняют и в сфере литературного употребления характер непринужденности или даже фамильярности, с богатой палитрой своеобразных экспрессивных окрасок. Все они называются разговорными, а также просторечными (литературное просторечие).

Книжные и разговорные языковые средства имеются на различных уровнях языковой системы (хотя далеко не в одинаковых количествах): фонетическом, лексическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом. Нередко эти единицы оказываются синонимичными как друг другу, так и «нейтральным» (неокрашенным). Изучение этих средств и составляет объект характеризуемого направления стилистики, которое описывает с о с т а в средств, с т р у к т у р н ы й аспект стилистики языка. Правда, изначально (в диахронии) он все же связан с особенностями функционирования языка.

Не только в истории развития стилистики, но и в процессе обучения закономерен переход от «стилистики ресурсов» как своего рода базовой к другим направлениям стилистики. В настоящем учебнике это направление представлено особым разделом.

2. **Функциональная стилистика** исследует закономерности функционирования языка в зависимости от коммуникативных задач в той или иной сфере общения и прежде всего специфику и речевую системность функциональных стилей и других функционально-стилевых разновидностей: «подстилевых», жанровых, ситуативных и т.д. В ее задачи входит изучение реализации потенциальных стилистических возможностей языка в зависимости от целей и задач общения, характера содержания, форм мышления и различных ситуативных особенностей общения в той или иной социальной сфере,

иначе говоря — закономерностей функционирования языка в разных сферах общения.

Предмет ее исследования — закономерности употребления л е н и я, ф у н к ц и о н и р о в а н и я языка, а не его структура: не столько сами по себе языковые средства, сколько принципы их отбора и сочетания, определяемые экстралингвистическими факторами, и образующаяся в результате этого р е ч е в а я о р г а н и з а ц и я (стилистико-речевая, текстовая, системность) в той или другой сфере общения.

Таким образом, *функциональная стилистика* — это лингвистическая наука, изучающая закономерности функционирования языка в различных сферах общения, соответствующих тем или иным разновидностям человеческой деятельности, а также речевую системность складывающихся при этом функциональных стилей и иных функционально-стилевых разновидностей, нормы отбора и сочетания в них языковых средств. Это, по признанию многих ученых, одно из центральных направлений современной стилистики, и весьма перспективное. Именно с его формированием связано оформление стилистики в XX в. в качестве самостоятельной научной дисциплины. О важности и значимости изучения проблем функциональной стилистики, помимо известных отечественных ученых, неоднократно говорили, например, стилисты из Чехии, Словакии, Польши, Германии, другие зарубежные лингвисты. Приведем высказывание Р. Глезера: «Созданная и разрабатываемая лингвистами... концепция стилистики как учения о функциональных разновидностях языка — «функциональных стилях» — получила...широкое признание в мировой лингвистике. Описание функциональных стилей является доминирующим... исследовательским направлением» (см.: *Скрёбнев Ю.М.* Очерк теории стилистики. Горький, 1976. С. 7).

Актуальность и развитие функциональной стилистики в наше время связаны с общей переориентацией лингвистических исследований во второй половине прошлого столетия от структурных (формальных) к функциональным. При

этом не случайно, именно прагматическим направлениям, в том числе стилистике, принадлежит приоритет в этой переориентации, поскольку в центре внимания стилистики был и остается текст, а значит, законы функционирования языка. Таким образом, два основных направления стилистики — «стилистика ресурсов» и функциональная — представляют собой два аспекта языка (и его изучения): структурный и функциональный. Такая двуплановость касается не только стилистики, но и других разделов языкознания; ср., с одной стороны, структурную грамматику, с другой — функциональную, объединяемые общим термином *грамматика*.

3. **Стилистика художественной речи** включает частные направления:

- а) Изучение художественной речи в аспекте функциональной стилистики, т.е. как одного из функциональных стилей, с учетом его специфики [см. далее в учебнике главы: «Художественный стиль» и «Вопрос о правомерности выделения художественного стиля среди других функциональных стилей»];
- б) **Наука о стилях художественной литературы** представляет собой, по словам В.В. Виноградова, историческую науку лингволитературоведческого характера. Она исследует взаимодействие литературного языка и различных стилей художественной литературы в их историческом развитии и прежде всего вопрос о том, в какой мере литературный язык определенного уровня развития может обеспечить потребности слагающегося стилистического направления литературы. Так, одно из открытий В.В. Виноградова состоит в доказательстве возможности развития стилей реализма на основе сложившегося национального литературного языка, каким и был русский литературный язык в XIX в.

К этому же направлению относится стилистика индивидуальной речи, или стиля писателя и отдельного ху-

дожественного произведения, в частности вопросы интерпретации конкретных текстов. Одной из центральных проблем стилистики художественной литературы, выдвинутой и обоснованной В.В. Виноградовым, является изучение речевого воплощения в художественном произведении образа автора.

В проблематике исследований стилистики языка художественной литературы выделяется подход, ведущий свое начало от языка русской формальной школы 20-х гг. XX в., когда язык художественной литературы рассматривается как специфический язык искусства, противопоставленный литературному языку. Однако при всей значимости эстетической функции языка в художественной литературе его нельзя отрывать от литературного языка, который, кстати, «шлифуется» и нормализуется в лаборатории писателя. По М.М. Бахтину, словесное художественное произведение опирается на слово языка, отталкивается от него. Понятия «литературный язык» и «язык художественной литературы», конечно, не тождественны, но соотносительны. «Язык художественной литературы, будучи явлением искусства, не утрачивает своей лингвистической субстанции» (*Бельчиков Ю.А. Стилистика // Энциклопедия. Русский язык. М., 1997. С. 540*).

- в) Коммуникативная стилистика художественного текста (КСХТ), реализующая коммуникативно-деятельностный подход при анализе текста, опирается на разработанную Н.С. Болотновой систему коммуникативных универсалий, на основе которых и ведется исследование языковых единиц и приемов при функционировании их в тексте. Коммуникативно-деятельностный аспект предполагает изучение текста с точки зрения взаимодействия деятельности автора и адресата.

Опираясь на модель языковой личности, разработанную Ю.Н. Карауловым, КСХТ исследует языковые средства текстовой деятельности на *вербально-семантическом, когнитив-*

ном и мотивационном уровнях, выявляя наиболее оригинальные индивидуально-авторские средства. Это направление изучает регулятивные текстовые структуры различных типов, стимулирующие познавательную деятельность читателя, с чем связана разработка теории регулятивности как системного качества текста, сопряженного с его информативностью, структурностью, интегративностью. Исследуются способы ассоциативного развертывания текста и проявление идиостиля в «доминантных личностных смыслах», для чего проводится соотношение текстовых ассоциативно-смысловых полей с данными ассоциативных словарей. Анализ когнитивного уровня языковой личности автора позволяет раскрыть его концептуальную картину мира. В КСХТ используются своеобразные методы исследования (опрос, анкетирование, эксперимент в сочетании с традиционными методами).

Таковы основные аспекты исследований коммуникативной стилистики художественного текста, связанные с разработкой теории регулятивности, теории текстовых ассоциаций и смыслового развертывания текста. Это раскрытие стиля личности, идиостиля во всем многообразии его проявлений. Не случайна высокая оценка К.А. Роговой этого направления стилистики, подчеркивающей, что соответствующие работы имеют методологический характер и направлены на поиск закономерностей в аспекте определения смысловых приращений как специфических черт художественного текста.

Художественная речь настолько многообразна, специфична и богата стилевыми функциями, что она предполагает разнообразные аспекты изучения, которые трудно ограничить какими-либо рамками. Кроме указанных направлений ее исследования, можно назвать, например, такой аспект, как *поэтическое речевое мышление*. Это направление изучает зафиксированную в тексте творческую интеллектуальную деятельность поэта, связанную с его способностью создавать образы, обладающие эстетикой, индивидуальной семантикой и вызывающие представление благодаря использованию богатых возможностей семантической структуры слова. (См.,

например: *Чернухина И.Я.* Поэтическое речевое мышление. Воронеж, 1993; Она же. Общие особенности поэтического текста. Воронеж, 1987; *Поляков М.* Вопросы поэтики и художественной семантики. М., 1978 и др.)

В последние годы стало развиваться еще одно интересное направление — поэтика грамматических категорий или *поэтическая грамматика*. Оно исследует семантико-стилистические функции грамматических форм и конструкций в поэтических текстах, например смысловую структуру поэтического «Я»; ипостаси лирического «Я». (См. монографию авторского коллектива: И.И. Ковтунова, Н.А. Кожевникова, Е.В. Красильникова и др. Поэтическая грамматика. Т. I. М., 2006).

4. **Стилистика текста**, сравнительно недавно оформившаяся на пересечении стилистики и лингвистики текста, изучает целый текст, структурно-стилистические возможности речевых произведений, их композиционно-стилевые формы и типы, конструктивные приемы и функционирование в речи языковых и собственно текстовых единиц (сверхфразовых единств, абзацев и др.) в единстве с идейным содержанием произведений. Она не тождественна лингвистике текста в силу своей стилистико-функциональной направленности (подробнее см. в следующей главе учебника).
5. **Практическая стилистика**. Одним из главных принципов стилистики, который должен усвоить каждый говорящий и пишущий, является целесообразность и уместность использования того или иного языкового средства в зависимости от сферы общения и, следовательно, конкретных его целей и задач, ситуации, содержания высказывания, жанра и других экстралингвистических факторов. Практическая стилистика должна воспитывать у говорящих стилевое чутье, знакомить с нормами того или иного функционального стиля, развивать умение строить речь, связный, протяженный текст в соответствии со спецификой последнего.

В свое время В. Матезиус справедливо говорил о необходимости изучения уже в школе не только грамматики, но и стилистики. Несомненно, это способствовало бы повышению общей

культуры речи. Известно, например, что одной из «болезней» речи недавнего да и современного периода является неуместное использование канцеляризмов, тот самый «канцелярит», о котором с такой болью за судьбы родного слова писали и говорили К. Чуковский, К. Паустовский, другие писатели. Можно отметить также немотивированное употребление разного рода не-литературной лексики.

Исторически сложилось, что так называемая практическая стилистика, возникнув, не имела четкой теоретической основы и порой не отделялась от ортологии (вопросов элементарной правильности речи). Современная практическая стилистика, бесспорно, должна углублять свою функциональную направленность, а ее пособия — включать в себя стилистические нормы употребления средств языка во всех функциональных стилях и других наиболее общих и «типичных» функциональных разновидностях языка. Таким образом, она должна стать прикладной дисциплиной, представляющей собой непосредственное приложение результатов исследования указанных выше направлений стилистики к практике речеупотребления. Практическая стилистика сегодня призвана способствовать формированию стилистических навыков и умений в коммуникативно-речевой деятельности, необходимых каждому будущему учителю для его успешной работы в школе по повышению уровня стилистико-речевой культуры учащихся. Другим направлением методического характера является лингвостилистический анализ текста.

§ 16. Однако структурные подразделения стилистики не ограничиваются названными основными. Как всякая наука со сложным объектом исследования и достаточно длительной историей существования, стилистика представляет собой разветвленную систему научных направлений. Они различаются по объекту и материалу исследования: уже отмеченные стилистика (далее С.) художественной речи, С. текста, С. нехудожественной речи (научной, деловой, публицистической, разговорной), С. изобразительных средств; по методам и аспектам иссле-

дования (С. теоретическая, С. практическая, С. языковых единиц — как статичная, С. функциональная, т.е. динамическая, С. экспрессивная, С-ки синхроническая, диахроническая, иначе историческая, сопоставительная, С. кодирования и С. декодирования); по уровням языковой системы (С. грамматическая и — уже: С. лексическая, С. синтаксическая, фоно- и ортостилистика); с учетом форм речи (С. устной речи, С. письменной речи); с учетом взаимодействия С. с другими и научными дисциплинами (прагматическая С., когнитивная С.) и др.

Известны попытки систематизации направлений общей С. (С. в целом), определения структуры стилистики на одном, двух или нескольких основаниях (В.В. Виноградов, В.Д. Бондалетов, К.А. Долинин, М.Н. Кожина, Г.Я. Солганик, Д.Н. Шмелев и др.). Однако общепринятой систематизации — тем более на едином принципе — не существует. Между тем для полноты знания о стилистике важно представлять имеющиеся в ней направления: предмет их изучения, методы и материал анализа, исследовательскую проблематику.

В.В. Виноградов называл три стилистики: *стилистику языка, стилистику речи, стилистику художественной литературы* (Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963). Это имеет глубокие основания, но не исчерпывает спектр направлений стилистики.

Несмотря на выделение в общей стилистике (как одном из разделов языкознания) довольно большого числа направлений, почти все их можно подразделить на два круга исследований: структурный (строю языка) и функциональный, т.е. статический и динамический. Именно здесь проходит главный «водораздел» двух разных подходов к языку и стилю, как это свойственно языкознанию вообще (ср. структурная и функциональная грамматики соответственно подразделению: лингвистика языка и лингвистика речи). Иначе говоря, по аналогии с дихотомией языка-речи можно говорить о 1) стилистике языковых единиц (в аспекте строя, системы языка) и 2) стилистике речи (использования, употребления языка), функциональной стилистике.

Такое подразделение происходит почти в каждом из многочисленных направлений стилистики, включая и С. художественной речи (текстов).

Известна попытка классификации направлений стилистики В.Д. Бондалетовым на основе дихотомических (парных) противопоставлений: стилистика средств (ресурсов) и стилистика функциональная; С. языка худож. литературы и С. нехудож. стилей; С. кодирования и С. декодирования; С. синхронная и С. диахроническая и т.д. Однако, как показывает вышеприведенный перечень направлений С-ки, он не ограничивается этим принципом классификации.

Указанные в § 15 направления стилистики являются основными, представляя структурные ее подразделения. Но можно говорить о направлениях стилистики и на другом, более низком уровне абстракции, так сказать, о более частных и «специализированных». Продолжая тем самым характеристику направлений стилистики (С.), отметим еще следующие.

С. историческая (диахроническая), малоработанное, но весьма перспективное направление исследований. С. историческая призвана изучать развите стилистических средств литературного языка и его стилевых разновидностей: прежде всего форм и ро в а н и е функциональных стилей (их специфики, речевой системности, стилевых категорий) в связи с историей русского литературного языка; кроме того, взаимодействие функциональных стилей, их роль в литературном языке на разных этапах его истории, т.е. в целом — обогащение литературного языка за счет функционально-стилевых разновидностей и др. Собственно говоря, это проблематика функциональной С. и С. ресурсов, но представленная не в синхронном «срезе», а в диахронии: с одной стороны, прослеживается формирование стилистических ресурсов языка на разных уровнях последнего (лексическом, грамматическом), с другой — образование различных стилей в истории языка, в том числе и функциональных стилей на более поздних этапах его развития.

Сопоставительная С., предмет изучения которой — стилевые системы двух-трех сравниваемых языков, их различия и воз-

возможные сходства. Так, функциональные стили славянских и — шире — западноевропейских языков имеют многие общие стилиевые закономерности. Однако по традиции сопоставительная С. до недавнего времени ограничивалась аспектом сопоставительной лингвистики, лишь частично изучая сходства и различия стилистических окрасок и значений языковых единиц по уровням языковой системы (лексических, грамматических и т.д.), выявляя национальные и другие характерологические черты сравниваемых языков, но без выхода в функционально-стилистические проблемы исследования. В последнее время помимо изучения в сопоставительном плане стилистически маркированных языковых единиц и стилистических систем сравниваемых языков (статический аспект) все чаще проводятся исследования сходства и различий в функционально-стилевой дифференциации разных языков (собственно функционально-стилистический аспект).

С. кодирования и **С. декодирования** выделяются на основе структуры речевого акта (автор — код — получатель) с учетом того, на котором компоненте (первом или третьем) сосредоточивается исследовательское внимание. При этом **С. кодирования** (С. от автора) изучает речевое произведение (преимущественно художественное) в аспекте реализации в нем авторского замысла и движущих сил творческого процесса писателя. Она пересекается с историей и теорией литературы. Основные понятия С. кодирования заимствованы из теории информации. Методом анализа текста в С. кодирования является стилометрический (статистический), который устанавливает зависимость стиля речи, отбора языковых единиц от особенностей личности писателя.

С. декодирования (С. восприятия, С. читателя) изучает те стороны высказывания, которые передают читателю (декодирующему, принимающему) сообщение, мысли и чувства автора, а также исследует факторы, определяющие воздействие текста на адресата. Цель анализа С. декодирования — объективное лингвистическое подтверждение идейно-художественного содержания произведения. Главная задача — изучение кодов и алгорит-

мов декодирования сообщения относительно разных уровней языка и культуры. С. декодирования является теоретической базой интерпретации текста. Практическое значение С. декодирования связано с необходимостью повышения культуры чтения.

Новые направления стилистики — прагмастистика и когнитивная С.

Прагмастистика, находясь на пересечении стилистики и прагматики, а также теории речевых актов, риторики, герменевтики и ряда смежных дисциплин, изучает закономерности речевого воздействия на адресата в определенных ситуациях общения, вопросы определения истинных намерений говорящего (подтекст) и способов достижения ожидаемого (перлокутивного) эффекта. Она опирается на положение о том, что содержание высказывания не сводится к тому, что выражено в речи, но существует в опыте общения. Таким образом, прагмастистика исследует стилистику прямых и косвенных речевых актов.

Когнитивная С. в целом направлена на исследование отражения в речи когнитивных, мыслительных процессов как детерминантов стиля. Она изучает вопросы связи подачи информации со специфическим отбором когнитивных операций в процессах построения и интерпретации текстов разных типов, а также зависимость этих процессов от типов личности. Исследует комплекс вербально реализуемых когнитивных процедур обработки знаний; имеет отношение, в частности, к изучению повествования, описания, аргументации в аспекте когнитивных процессов, определяющих структуру языковой деятельности человека. Примером работ, смыкающихся с этим направлением (из характеризующих в нашем пособии), являются монографии Н.К. Рябцевой и Н.В. Данилевской. (См.: в главе «Научный стиль» § 130—131).

При всем различии названных выше направлений и аспектов исследований их объединяет общий объект и исследовательская цель — *стиль*, хотя и изучаемый, как всякое многогранное явление, с различных точек зрения. Знание направлений стилистики, помимо более полного и «дифференцированного знания» о структуре последней, дает основу для стилистически правильного по-

строения речи (текста) в различных сферах общения и жанрах литературы. Иначе говоря, *это — направления (аспекты) в н у т р и сложного целого.*

Надо сказать, что отечественная стилистика, особенно функциональная, продолжая и развивая традиции ученых 30—40-х гг. (Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура и др.) и пражской функциональной лингвистики, рассматривает широкий круг проблем, не ограничиваясь анализом стиля художественных произведений (их «малых форм» — стихов). Интересы наших современных лингвостилистов изначально сфокусированы на проблемах употребления языка в различных сферах речевой деятельности и под разным углом зрения.

Стилистика текста

§ 17. На рубеже 70—80-х гг. прошлого века, отчасти в связи с развитием лингвистики текста, появилась тенденция выделять особо с т и л и с т и к у т е к с т а. Сначала как одно из направлений стилистики, а позже как центральный и наиболее значимый ее раздел, изучающий стиль текста сквозь призму композиционно-смысловой организации последнего, его текстовых категорий и закономерностей употребления языка.

В настоящее время по с т и л и с т и к е т е к с т а имеется достаточно обширная литература. Термин *стилистика текста* становится все более употребительным, хотя само понятие — как это бывает в процессе развития науки — еще не получило однозначного определения.

По существу, многие принципы стилистики текста (в теоретическом плане и конкретных образцах анализа) были представлены уже в ранних трудах В.В. Виноградова, а также в работах Г.О. Винокура, Б.А. Ларина и некоторых других. В.В. Одинцов, опираясь на эти принципы и развивая их на новом этапе истории языкознания, определил соотношение стилистики с новым для нашего времени направлением — лингвистикой текста. В своих работах он представил наиболее глубокую и обо-

снованную теоретическую характеристику стилистики текста как особого направления стилистики, неадекватного лингвистике текста. (Не затрагиваем разработку стилистики текста К. Гаузенбласом.)

По определению В.В. Одинцова, «стилистика текста изучает структурно-стилистические возможности речевых произведений (включая литературно-художественные), композиционно-стилистические типы и формы, конструктивные приемы и функционирование в речи языковых средств. Стилистика текста входит в состав стилистики речи...», ее «методологической основой... служит представление о... единстве формы и содержания», «стилистика текста, учитывая стилистическую значимость языковых единиц, стремится определить и описать стилистические эффекты, возникающие в речи благодаря структурной организации текста...» (Одинцов В.В. Стилистика текста. С. 50—51).

В этой характеристике следует обратить внимание на три момента, относящихся к предмету исследования этого аспекта стилистики. Они позволяют уточнить статус стилистики текста относительно других направлений стилистики. Во-первых, ф у н к ц и о н а л ь н ы й подход к объекту, поскольку речь идет о функционировании в тексте (речи) языковых и речевых средств, и тем самым — единство «угла зрения» с функциональной стилистикой (правда, в н а ш е м понимании, последней, так как В.В. Одинцов относит термин *функциональный* только к стилистике языка). Во-вторых, важнейшим предметом исследования в стилистике текста, по В.В. Одинцову, являются конструктивные приемы (последовательное или параллельное изложение, градация, охват, вопросно-ответный ход и др.) и функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение и др.), т.е. налицо внимание к собственно т е к с т о в ы м е д и н и ц а м и к о м п о з и ц и и, иначе — к структурно-композиционным принципам организации текста. В-третьих, анализ текста в единстве формы и содержания, причем содержания и формы к о н к р е т н о г о произведения (прежде всего художественного), с целью углубленного его прочтения.

Как видим, в первых двух случаях предметом исследования является функционирование в тексте речевых единиц и принципы их организации. Если учесть при этом, что автор обращает внимание и на типологию речи (композиционно-стилевые типы изложения в соответствии со сферами коммуникации, в том числе нехудожественными), то налицо функционально-стилистический аспект исследований, правда, с акцентуацией в последнем текстовых единиц, однако во взаимодействии с языковыми единицами других (дотекстовых) уровней. Цель же и предмет исследования в третьем пункте (случае) — иные, хотя и сохраняющие функциональный подход.

Позднее в одной из своих работ автор более узко определяет стилистику текста, ограничивая ее предмет исключительно изучением композиции и приема, отдавая стилистике речи исследование в з а и м о д е й с т в и я этих компонентов в тексте средствами языка, а также с темой и сюжетом (см.: *Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи.* М., 1982. С. 140).

Другие исследователи рассматривают стилистику текста как дисциплину в рамках лингвистики текста (иначе — грамматики текста), почти отождествляя их (см., например: *Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования.* М., 1981), либо в соотношении с прагмалингвистикой (как отделом семиотики), либо вообще выводят ее за рамки языкознания. Причины этого, очевидно, в том, что стилистический феномен наличествует и в системе языка, и в функционировании последнего, т.е. в речи, тексте, однако только в последнем он раскрывается полноценно. Но при этом нельзя забывать, что сам текст может изучаться в двух аспектах: структурном (когда лишь в ы д е л я ю т с я и с и с т е м а т и з и р у ю т с я текстовые единицы) и функциональном (когда речь идет о ф у н к ц и о н и р о в а н и и этих единиц).

Как видим, стилистика текста оказалась на пересечении, с одной стороны, собственно стилистики (прежде всего функциональной) и, с другой — лингвистики текста. Однако в конечном счете, исходя из природы текста, в а ж н е й ш и м в стили-

стике текста следует признать не структурный, а функциональный аспект, принципом анализа которого является выяснение роли структурных компонентов и природы развертывания текста для эффективной передачи содержания в соответствии с целями и задачами общения в той или иной коммуникативной сфере.

Таким образом, стилистика текста (любого) — это как бы продолжение функциональной стилистики: те же акценты на и спользовании единиц (преимущественно текстового уровня), на принципах текстообразования в разных сферах общения (и тем самым на типологии речи, текстов). Однако здесь необходимо учитывать следующее: если на первых этапах развития функциональной стилистики исследователи сосредоточивались преимущественно на анализе принципов употребления языковых единиц дотекстовых уровней (и это естественно в процессе развития науки), то в настоящее время в ней все чаще и шире представлено изучение именно законов развертывания текста, принципов его построения (в той или иной сфере). И при этом (что важно!) в аспекте стилистико-речевой (текстовой) системности (организации речи), которая всегда была предметом особого внимания в функциональной стилистике.

§ 18. Обобщая сказанное, следует признать, что в пределах функциональной стилистики существует круг исследований со специальным интересом именно к структурно-композиционной стороне текста, его информативно значимому строению (при учете роли и дотекстовых единиц), именуемый стилистикой текста. Причем функциональная стилистика, изучающая закономерности употребления, функционирования языка — речь, тексты в различных сферах общения, их стилистико-системную организацию, — по своему предмету и методам исследования сближается со стилистикой текста. Объединяет их прежде всего общий предмет исследования — текст, внимание к организации его единиц, принципам его развертывания. Объединение происходит потому, что стилистико-речевая системность предполагает принципы употребления языка, взаимосвязь всех компонентов текста, единиц всех уровней, текстовых

и дотекстовых, поскольку все они обусловлены единой экстралингвистической основой, целями и задачами общения в той сфере, к которой принадлежит данный текст (группа текстов).

Тем самым очевидно, что *стилистика текста в конечном счете может быть включена в функциональную стилистику* (особенно если иметь в виду аспект типологии речи, текстов). Но поскольку в исследовательской практике бывает целесообразно сосредоточиться на функционировании именно текстовых единиц, то в этом случае уместно употребление термина *стилистика текста*. (Употребление данного термина целесообразно еще и потому, что он отделяет стилистическое направление исследований от собственно лингвистики текста, которая, по существу, является именно структурной, т.е. грамматикой текста, а не функциональной.)

Одно из различий между функциональной стилистикой и стилистикой текста как раз и состоит в предметном интересе при исследовании текста либо к собственно текстовым единицам (со стороны стилистики текста), либо и к дотекстовым, к общей организации речи (со стороны функциональной стилистики).

Другое различие между этими аспектами исследований состоит в том, что одной из центральных проблем функциональной стилистики является проблема типологии речи, специфических типов речи (текстов), тогда как стилистика текста хотя и не обходит эти вопросы, но обычно сосредоточивает свое внимание на изучении конкретных текстов с целью их наилучшей интерпретации, наиболее глубокого осмысления их идейного содержания. Именно последний подход реализует принцип единства формы и содержания. Такой аспект особенно актуален при исследовании художественных произведений, отчасти — публицистических.

Здесь, как видим, обнаруживается и третье различие: с одной стороны, внимание к идейному содержанию отдельного текста (произведения) в стилистике текста, с другой — учет преимущественно лишь обобщенного содержания, его предметной направленности — при изучении типологии речи (текста) в

функциональной стилистике (хотя всякое исследование, естественно, начинается с анализа конкретного произведения). Между прочим, последний аспект стилистики текста (в особенности художественного), очевидно, смыкается со стилистикой художественной литературы. Кстати, этот аспект исследований по существу является теоретической основой для вузовского практикума «Лингвистический анализ художественного текста» (поэтому работы такого плана требуют особого внимания со стороны студентов).

Подводя итог этим рассуждениям, подчеркнем, что стилистика текста, очевидно, не представляет собой единого направления. В ней заключено, как это отмечено выше, по крайней мере, два указанных аспекта исследований (конкретного текста, типологии текстов). Кроме того, следует учесть, что предмет, методы исследования, изучаемые единицы у стилистики текста и функциональной стилистики *в основном* одни и те же. Тем не менее уже сам факт устойчивого употребления термина *стилистика текста* говорит о целесообразности выделения соответствующего круга исследований, которые сосредоточиваются прежде всего именно на анализе текстовых единиц и категорий, на смысловой структуре текста, его композиции. При этом объект, предмет и метод анализа у одной части исследований стилистики текста общие с функциональной стилистикой, а у другой — со стилистикой художественной литературы.

Итак, на основании исследований 80-х гг. прошлого века можно дать такое определение: *с т и л и с т и к а т е к с т а* — это круг (аспект) лингвостилистических исследований, изучающих структурно-смысловую организацию текста (группы текстов): его композиционно-стилистические типы и формы, конструктивные приемы и в целом функционирование в нем системы текстовых (преимущественно) и дотекстовых единиц, их ролей в «построении» и выражении содержания конкретного произведения, его стилового своеобразия. Обычно все это изучается с целью углубленного прочтения (интерпретации) содержания анализируемого текста.

§ 19. В последнее время стилистика текста, как сказано выше, получает все большее признание и даже называется главным, центральным разделом стилистики (см., например, мнение А.И. Горшкова, высказанное в его книге «Русская стилистика». М., 2001), либо сама номинация *стилистика текста* используется вместо прежней (функциональная стилистика, или стилистика речи) в качестве ее преемницы, для обозначения нового этапа развития этой науки (Костомаров В.Г. Наш язык в действии. М., 2005). При этом концептуальный акцент делается на понятии *употребление*. Заметим, что проблема употребления (функционирования языка в процессах речи, речевой деятельности и общения) изначально была выдвинута в известных исследованиях Г.О. Винокура и разработана функциональной стилистикой. Тем самым в вопросе статуса *употребления* для стилистики новейшие концепции не оригинальны. Другое дело, что они связывают явление употребления языка с феноменом текста. Ср. А.И. Горшков: «Текст есть феномен употребления» (2001. С. 53), «Стилистика текста изучает текст как явление употребления» (Там же, с. 48); «Текст — ...результат любого употребления языка» (Костомаров, 2005. С. 36). Хотя в последней работе В.Г. Костомарова параллельно с термином *текст* в качестве синонимов используются номинации *функционирование* и *речь*. Ср.: «Стилистика текстов основана на реальности *функционирования* языка» (Там же, с. 222); «*Речь* определяется как реализация языка» (с. 53); «Стилистика текста предстает как свод... правил и схем *функционирования* языка, существующих в нашем сознании» (с. 42). Иначе говоря, указанные термины используются в качестве взаимозаменяемых; но все же акцент делается на терминах *текст* и *употребление*, стилистика видится как стилистика текста, задачей которой является изучение «способов построения текстов» (Там же, с. 42).

То, что *употребление*, *функционирование*, *использование* (языка), *речеобразование* выступают в лингвистической литературе как синонимы, как слова взаимозаменяемые, не требует доказательств. Так же используются термины *текст* и *речь*, и на это обратим особое внимание. Н.Д. Арутюнова в «Лингвистическом

энциклопедическом словаре» пишет: «Реч ь есть воплощенная реализация языка (кода), который только через речь выполняет свое коммуникативное назначение; Реч ь вводит язык в контекст употре б л е н и я» (Арутюнова Н.Д. Речь // ЛЭС. М., 1990. С. 414) [кстати, ср. «Текст... единственно данная в наблюдении реальность применения языка» (Костомаров В.Г. Указ. соч. С. 12)]. В 17-томном академическом словаре: «Текст — это сочиненная кем-либо связная реч ь»; «Текст — это произведение, речетворческо го процесса...» (Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. 1981. С. 18. В цитатах разрядка наша. — М.К.).

Таким образом, когда говорится о тексте как феномене употребления, то в этом верном положении слово *текст* можно заменить на *речь* (или *функционирование* языка), что и было представлено в более ранних работах по стилистике речи, или функциональной стилистике (ФС). Недаром В.В. Одинцов, один из первооткрывателей стилистики текста, говорил, что «стилистика текста входит в состав стилистики речи». Конечно, слово *текст* (как и стилистика текста) имеет помимо отмеченного общего смыслового звена с термином *речь* и определенные различия. Так, под текстом обычно понимается **результат** речевой (текстовой) деятельности, иначе говоря — **статика**. (Между прочим, в этом ключе дает определение текста А.И. Горшков, который отмечает лишь признаки «упорядоченного завершенного целого», связи с содержанием и жанром, ограниченность от других подобных целых. — Указ. соч. С. 65). Ср. также: «Текст... — **продукт**, любой **результат** любого общения» (Костомаров, Указ. соч. С. 12), т.е. налицо р е з у л ь т а т и с т а т и ч е с к и й а с п е к т. Между тем речь всегда понимается как процесс, явление динамики, речевой деятельности, именно факт *употребления* языка (кода). Однако, например, Н.Д. Арутюнова в ЛЭС отмечает, что «под речью понимают как сам п р о ц е с с говорения..., так и его р е з у л ь т а т (речевые произведения, фиксируемые памятью или письмом)» (с. 414. Разрядка наша. — М.К.). Как видим, здесь опять-таки *речь* и *текст* используются синонимично. Однако, как правило, *речь* связывается с динамикой язы-

ка, языком в действии. Конечно, и текст **создается** в речетворческом процессе, но под самим термином *текст* понимается обычно результат. Даже в «Русской стилистике» А.И. Горшкова при всей направленности его концепции на фактор употребления, а значит динамику, в конечном счете рассматривается обобщенная структура текста (как результат речемыслительной деятельности, как стиль текста в качестве категории стилистики текста и т.п.). Тем не менее автор сетует, что у В.В. Одинцова динамический аспект, аспект употребления при характеристике структуры текста не представлен. Конечно, он может быть представлен, но требует особой методики анализа.

В ФС-ке такие исследования, нацеленные именно на изучение собственно динамики, процесса текстообразования, имеются (например, в области стилистики научной речи или, иначе, научных текстов; см., напр., далее в главе «Научный стиль» о работах Н.В. Данилевской, 2005, 2006; В.А. Салимовского, 2002; В.Е. Чернявской, 1996 и др.).

Попутно коснемся также вопроса о соотношении понятий *стиля* и *текста* (а также *речи*). *Стиль* является с в о й с т в о м текста — не единственным, но существенным. Это утверждение применимо и к *речи*: речь выступает носителем стиля; ее языковые средства, ее организация, обусловленные экстралингвистически, принципы ее построения, речевая системность — все это (и не только это) создает стилевое своеобразие речи. Аналогично — только с большим числом детерминантов, а в ряде текстовых разновидностей (например, художественной, отчасти публицистической) и, так сказать, с большей осознанностью, целенаправленностью и искусством — формируется и стиль текста.

Именно потому, что стиль является одним из признаков текста (как и речи), т.е. потому, что *стиль* и *текст* обозначают разные явления, эти термины нельзя отождествлять (учитывая принцип части и целого). Тем не менее такое их использование наблюдается. Даже в самой ФС-ке термин *ФС-стиль* как обозначение *разновидности речи* определенного стиля не очень точен, его следует понимать как метонимическое выражение. В этом случае термин *стилистика текста* более приемлем, что и продемонстрировал В.Г. Костомаров. Хотя следует учесть, что номинация *стилистика текста*

синонимична терминам *функциональная стилистика*, или иначе — *стилистика речи*.

При общности значений слов *текст* и *речь* (их общем семантическом «ядре») и возможности взаимозамен при их употреблении между ними есть и различия. Кроме указанных выше, следует отметить связь *речи* с понятиями некой естественности, «первородности», спонтанности употребления слова: в смысле *речь вообще*. А у слова *текст* — некой специальной (даже искусственной) созданности, построения словесного *п р о з в е д е н и я*. Это проявляется во всяком случае в одном из значений этого термина и, как увидим далее, в одной из разновидностей стилистики текста.

Современная стилистика текста не является монолитной. В ней можно выделить, по крайней мере, *три внутренних направления* или раздела (и соответственно значения термина), кстати, обозначенных еще в прошлом.

Одно из них изучает *текст* как *к о н к р е т н о е п р о и з в е д е н и е*, сосредоточиваясь на проблеме связи содержания и его выражения, при этом в центре внимания вопрос: как построен данный текст, т.е. анализ связи содержания и формы. Исследование текста в этом случае сосредоточено на собственно построении, структуре текста, способствующей наилучшему его прочтению. Задачи исследования и методика анализа здесь приближаются к литературоведческим, во всяком случае несут на себе его печать. И хотя они предполагают своим объектом и нехудожественные тексты, но даже терминологически и, главное, фактически отражают эту печать. Ср. например, при обозначении структуры текста использование терминов *сюжет*, *фабула*, *идея* и др. или, например, в указанной книге А.И. Горшкова введение в анализ структуры текста *образа рассказчика*.

В общем такое понимание стилистики текста коррелирует с трактовкой ее В.В. Одинцовым. Хотя бесспорно привлекательной новацией является, если можно так выразиться, пафос этого рода стилистики, связанный с проблемой *употребления*. Однако реализация этого теоретического положения, очевидно, дело будущего.

Другое внутреннее подразделение современной стилистики текста как изучения языка в действии рассматривает вопросы

применения языка в качестве инструмента построения текстов, проблемы воздействия внелингвистических факторов на принципы организации текстов, а также направления выбора языковых средств в различных группировках текстов. Этот аспект представляет собой, как видим, развитие функциональной стилистики на новом витке ее истории. В этом направлении речь идет, как правило, не об отдельном произведении (которое, конечно, является исходным объектом наблюдения), но именно о группировках различных разновидностей текстов. Данное направление С. текста не только терминологически, но и по существу демонстрирует развитие и углубление многих поставленных в ФС-ке вопросов и расширяет горизонт для ее дальнейших исследований.

Можно назвать и третье направление, именуемое стилистикой текста, но находящееся на стыке с лингвистикой (или грамматикой) текста. Это собственно лингвистический подход к тексту, специально рассматривающий структуру, построение текста вообще, его единицы (текстовые единицы: абзац, СФЕ, ССЦ, прозаическую строфу и др.) и их связи в композиции целого текста, их стилистические функции и стилистическую значимость. Это своего рода стилистика ресурсов текстовых единиц (см.: *Солганик Г.Я.* Стилистика текста. М., 1997).

Следует отметить также в связи с развитием концепции целого текста последовательно функционально-стилистический подход Т.В. Матвеевой к изучению текстовых категорий и реализации последних в разных функциональных стилях (*Матвеева Т.В.* Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск, 1990; она же, Текстовая категория // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2003). См., кроме того, работы М.Н. Кожиной (например: *Кожина М.Н.* О функциональных семантико-стилистических категориях текста // Филологические науки, 1987, № 2; отдельные главы в кн.: *Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII—XX вв.* Т. II, ч. 2. Пермь, 1998 и др.)

Такова, кратко, структура современной стилистики текста в аспекте ее истории.

Задачи преподавания стилистики. Значение этой науки

§ 20. Задачи преподавания стилистики состоят в том, чтобы помочь через познание ее теории овладеть практикой, способствовать повышению лингвостилистической культуры общества, научить оценивать языковые факты, отбирать и сочетать языковые средства, учитывая содержание, ситуацию, сферу общения, особенности жанра. Изучение стилистики должно способствовать воспитанию стилистического чутья, овладению умениями и навыками стилистически целесообразного употребления языка и построения текста.

К оценке языковых явлений нужно подходить со строго определенных функциональных позиций. Необходимо оценивать тот или иной речевой факт только в аспекте целей и задач конкретной сферы общения, особенностей содержания, жанра, ситуации, в общем, всей системы экстралингвистических факторов, влияющих на стиль речи.

Известно, что в лингвистике, в методике преподавания языка и даже стилистике до сравнительно недавнего времени оценка качеств речи исходила из особенностей в основном художественной речи. Между тем различные функциональные стили обладают неодинаковыми стилевыми нормами, и то, что хорошо в одном стиле, может оказаться неуместным в другом. Б. Гавранек отмечал, что невозможно и неправильно принимать какой-либо функциональный стиль за критерий оценки других стилей. (См.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967). Однако нередко к нехудожественным стилям подходят с позиций стиля художественного.

Например, долгое время считалось вообще недопустимым использование штампов и клише даже в официально-деловой речи. Сравнительно недавно ученые пришли к признанию целесообразности клише и штампов в деловой сфере. Последние являются здесь коммуникативно целесообразными и значительно облегчают общение. Или другой пример. В конце 1972 — начале 1973 г. на страницах «Литературной газеты» проходила дис-

куссия о характере научно-технической речи. Журналист С. Газарян предлагал изъять из употребления многие весьма распространенные слова и обороты, называемые им словами-паразитами: *производится очистка, производить сваривание, процесс изготовления, удалять с помощью имеющихся резервов, принимать участие* и т.п. Конечно, плохо, когда в том или ином научно-техническом тексте эти обороты употребляются слишком часто. Однако изгонять их из этой сферы речи было бы неверным. Г.Я. Солганик в ответной статье прекрасно доказал целесообразность и даже необходимость этих слов и оборотов именно для научно-технической речи.

Для научной речи характерны подчеркнутые логичность и связность изложения. В ней весьма употребительны такие обороты, как: *теперь перейдем к.., обратимся к.., далее отметим.., остановимся на характеристике...* и т.п. Эти обороты некоторыми считаются ненужными, засоряющими речь. Однако если в отношении художественной или публицистической речи это мнение справедливо, то в отношении научной оно лишено функционально-стилистической целесообразности и потому неверно. (См. справедливые возражения А.К. Панфилова по этому вопросу одному из редакторов научной литературы в кн.: Лекции по стилистике русского языка. М., 1968. С. 35.)

В публицистической речи нежелательно и даже недопустимо повторение одних и тех же слов. Отсюда обилие синонимов, использование перифрастических выражений, столь характерное для газеты. Научной или деловой речи, напротив, разнообразие синонимов не свойственно; здесь в силу требований предельной точности и терминованности выражения допустимы и даже весьма употребительны повторения одних и тех же слов (особенно терминов) в пределах небольшого контекста, вплоть до предложения. Не случайно понадобилась выработка стилистико-нормативных рекомендаций для редактирования научной литературы. Последнее должно быть строго функциональным, учитывающим специфику научной речи.

§ 21. В чем же значение стилистики? В теоретическом плане оно состоит прежде всего в том, что стилистика, особенно функ-

циональная, знакомит с закономерностями употребления языка в различных сферах общения, их стилевым своеобразием и тем самым обогащает наши знания о функциональном аспекте языка, следовательно, о языке в целом. Дело в том, что до второй половины прошлого века из-за преимущественного интереса к строю языка и явно недостаточного внимания к его функциональной стороне, а также в связи с тем, что материалом лингвиста являлась обычно художественная, отчасти публицистическая речь (тексты других сфер использования языка — научной, деловой — привлекались редко), суженным оказался объект лингвистических исследований. В основном на анализе этого функционально суженного круга текстов базировались (и еще базируются) наши грамматики и словари. В результате многие функциональные особенности языка оставались неучтенными и неописанными, а система представленных в этих изданиях норм — недостаточно полной и функционально направленной.

Например, в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова при слове *стоимость* (причем в терминологическом значении) имеется указание: «*мн.* нет». Между тем это слово в литературе по экономике широко употребительно в форме множественного числа, которую для данной сферы следует признать нормативной. Это касается и многих других слов-терминов.

Еще пример. В прежних грамматиках (в основном ориентирующихся на словоупотребление художественной литературы) обычно отмечалось, что кратким прилагательным русского языка, в отличие от полных, не свойственно значение постоянства признака (вневременной характер); ср. *мать больна* и *мать больная*. Однако анализ научных текстов опровергает категоричность такого заключения, поскольку в них широко употребительны краткие прилагательные со значением постоянства признака: *белковые вещества сложны* и т.п.

Таким образом, развитие функциональной стилистики благодаря расширению материала лингвистического исследования приводит к более полному и всестороннему знанию языка и его функционально-стилистических вариантов, уточненному пред-

ставлению о стилевой норме. Язык уже представляется не как монолит, более или менее одинаково репрезентируемый своим основным нейтральным фондом в различных сферах общения. Последние заметно различаются в этом плане: они избирательно относятся к общезыковому потенциалу, отбирая из него лишь коммуникативно целесообразное для той или иной сферы, нередко семантически трансформируя его и «изобретая» новое, исходя из задач общения.

Значение стилистики обнаруживается и в углубленном специальном изучении проблем взаимодействия лингвистического и экстралингвистического, в том числе, например, проблемы связи языка/речи и мышления, влияния на речь и ее типологию различных социальных факторов. Заметим, что с применением стилостатистических методов удается довольно убедительно доказать влияние тех или иных конкретных экстралингвистических факторов на стиль речи, и при этом на определенные его черты. А с развитием диахронического аспекта функционально-стилистических исследований в сочетании с использованием данных и методов гносеологии, психологии, социологии, науковедения и т.п. создается возможность не абстрактно в общетеоретическом плане, а конкретно изучать проблемы взаимодействия языка/речи и мышления, различных «типов рациональности» (или стилей мышления) в истории развития общества. Кроме того, глубже понять и описать, например, законы построения, развертывания и интерпретации смысловой структуры научного текста.

Следует отметить, что с развитием функциональной стилистики все более укрепляется статус ее как теоретической дисциплины.

§ 22. Помимо значения стилистики собственно для теории языка, ценность ее еще и в том, что она закладывает теоретические основы ряда прикладных дисциплин — культуры речи, практической стилистики, методов редактирования, школьной методики преподавания русского языка (проблемы развития речи), методики преподавания русского языка как иностранно-

го, русского в национальной школе, а также такой учебной дисциплины, как лингвистический анализ текста.

О важности стилистики как теоретической основы культуры речи неоднократно говорили В.В. Виноградов и Г.О. Винокур, заложившие основы научной культуры речи, опирающейся именно на функциональный подход. Напомним слова В.В. Виноградова о том, что стилистика «является своего рода вершиной исследования языка, теоретической основой развития национальной речевой культуры» (разрядка наша. — М.К.). Известные современные теоретические (как и практические) разработки проблем культуры речи, например Л.И. Скворцова, В.Г. Костомарова, А.А. Леонтьева, А.Н. Васильевой и др., имеют, несомненно, функционально-стилистическую направленность.

До сравнительно недавнего времени не была еще развита теория и практика редактирования (нехудожественной литературы) на научной основе. Так, редакторы специальной (научной) литературы нередко ориентировались либо на норму художественной речи, либо на какие-то усредненные нормативы, не учитывающие специфику речи в конкретных типах текстов. Формированию самой этой отрасли — редактирования специальной литературы — во многом способствовало развитие функциональной стилистики.

На данные стилистики опирается и вузовская дисциплина «Лингвистический анализ художественного текста», поскольку одним из принципов анализа является учет специфики того или иного функционального стиля, к которому относится изучаемый текст, так как этот фактор влияет на отбор и организацию языковых средств.

О значимости и эффективности функционального подхода в преподавании языка говорил еще И.А. Бодуэн де Куртенэ, подчеркивая необходимость отражения в учебной литературе «живого» материала, «грамматических тонкостей». Основы функционального подхода в методике обучения языку были, как известно, представлены и в работах Л.В. Щербы. Однако, к сожалению, принципы эти с большим трудом и весьма медленно проникали в школьную практику. Но теперь именно в связи с развитием

лингвостилистики ученые и методисты ясно осознали необходимость введения функционально-стилистических принципов в методику преподавания языка.

Подробнее о значении стилистики для методики преподавания языка см. далее (§ 63). Здесь лишь приведем высказывание К.А. Долинина в этом плане: «Стилистика — это не роскошь, а лингвистическая дисциплина, изучающая важную и неотъемлемую часть системы языка, без знания которой нельзя и думать о том, чтобы успешно преподавать его» (Стилистика французского языка. Л., 1978. С. 52). И о значении функциональной стилистики для ее последующего развития см. §§ 68—70.

Таким образом, стилистика как раздел языкознания имеет большое значение для развития и теории языка и ряда прикладных дисциплин, в частности методики преподавания языка.

I. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ, КАТЕГОРИИ И ПРОБЛЕМЫ СТИЛИСТИКИ

**О некоторых понятиях стилистики:
стилистических коннотациях (значениях, окрасках),
стилистических средствах и других.**

О парадигматике и синтагматике в стилистике

§ 23. В лингвистической и собственно стилистической литературе широко употребляются указанные в названии главы слова-понятия, хотя не все из них получили пока общепринятые определения. Все они теснейшим образом взаимосвязаны и представляют обычно собственно системный, внеконтекстуальный аспект языка.

Как известно, в языке, в частности в его словарном составе, выделяется обычно план содержания, внутренней стороны (закрепленной в материальных, звуковых комплексах), иначе — значения. **З н а ч е н и е** (семантический состав слова) рассматривается как особая форма **о т о б р а ж е н и я** предмета действительности (явления, качества, процесса и т.д.) в сознании, как отношение, по выражению Д.Н. Шмелева, «между звуковым комплексом и понятием и как отнесенность звукового комплекса к явлениям действительности» (ср. основное значение слов — называть предметы и явления окружающей действительности). В целом такое определение акцентирует понятийно-логическую трактовку языка (его отражательную, познавательную, абстрактно-логическую способность). Согласно этой трактовке в значении слова, помимо предметной информации, понятийно-логического компонента, выделяются **к о н н о т а ц и и** — дополнительные значения, т.е., по определению

О.С. Ахмановой в «Словаре лингвистических терминов», «сопутствующие семантические или стилистические оттенки... для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов» (С. 203—204). Примерно в этом же смысле используются термины: *окраска* (стилистическая, экспрессивно-эмоциональная, функционально-стилистическая), *стилистическая маркированность* (-овка). Ср.: «...окраска — то же, что коннотация» (Там же, с. 285).

Итак, стилистической коннотацией языковой единицы являются те дополнительные к выражению предметно-логического и грамматического значений экспрессивные или функциональные свойства (компоненты значений), которые ограничивают возможности употребления этой единицы определенными сферами и условиями общения и тем самым несут стилистическую информацию.

Эти стилистические признаки имеют постоянный характер и воспроизводимость в определенных условиях. По выражению Д.Н. Шмелева, «значимым в слове является не только его “предметное” значение (понятийное содержание), но и его экспрессивно-стилистическая окраска в широком смысле» (Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973. С. 254).

Стилистическая коннотация — одно из центральных понятий стилистики. В современной лингвистической литературе этот термин обычно употребляется в качестве синонима не только к стилистическому значению, но и к стилистической окраске, маркировке, поскольку под ним разумеется часть семантической структуры языковой единицы. Поэтому здесь используется этот более широкий термин. (Это в какой-то степени перекликается с употреблением Е.Ф. Петрищевой также одного термина — *окраска*, со ссылкой на неразличение в литературе терминов *стилистическое значение* и *окраска*) (Петрищева Е.Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. М., 1984. С. 17.)

§ 24. Следует сказать, что вопрос о стилистических значениях и окрасках, а также принципах их классификации весьма сложен и не нашел еще, к сожалению, в литературе общеприня-

того и удовлетворительного решения. Прежде всего не определены различия и даже соотношения понятий: значение — окраска (стилистические), семантическое — стилистическое, хотя известны попытки решения этих вопросов (Т.Г. Винокур, Н.М. Разинкина, В.И. Шаховский). Это не случайно, поскольку названные понятия теснейшим образом взаимосвязаны, а сами явления, вероятно, нерасчленимы (стилистический феномен обычно связан с семантической нюансировкой), если, конечно, не сводить семантику лишь к соотношенности единиц с денотатом, к сугубо предметному и понятийному аспекту. Последнее, однако, свидетельствовало бы об узком, обедненном понимании не только языка, но и мышления и познания (сведение их лишь к логико-понятийной стороне), что было бы неверно. Ср. справедливое и симптоматичное в аспекте затронутой проблемы высказывание Д.Н. Шмелева: «Сказать, что, например, глаголы *грясти* и *шествовать*... имеют такие-то значения без определения их стилистической роли, это значит, по существу, отказаться именно от их семантического определения, подменив его приблизительной формулой предметно-понятийных сопоставлений» (разрядка наша. — М.К.) (Очерки по семиологии. С. 111).

В связи со сказанным позитивны те подходы к решению указанной проблемы, при которых семантическое и денотативное трактуются шире, чем собственно предметная отнесенность слова, и когда в семантику включаются и коннотативные компоненты. (Тенденцию к совмещению, а не противопоставлению семантики и прагматики находим у ряда авторов теоретических работ.) Отсюда справедливо, например, мнение В.И. Шаховского о том, что экспрессия и оценка — это элементы денотации, что эмотивный компонент участвует в номинации, что денотативные и коннотативные компоненты в слове взаимодействуют и потенциально равны (Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания. Волгоград, 1983. С. 16—29). Последнее утверждение особенно важно и весьма правомерно при учете, в частности, того, что согласно данным гносеологии и психологии осознание неотделимо от

оценки, от выражения отношения к воспринимаемому предмету, явлению.

Пока что нерешенным оказывается и вопрос соотношения понятий: стилистическое, экспрессивное, эмоциональное, оценочное; большей частью в первое включаются три следующих. Так, наличие у языковых средств оценки (впрочем, как и экспрессии, эмоциональности) позволяет многим исследователям отнести их к стилистически окрашенным. Например, в работе Е.Ф. Петрищевой в стилистически окрашенной лексике совмещаются единицы эмоциональные, экспрессивные и оценочные. Однако В.И. Шаховский стремится различать эмотивные компоненты, с одной стороны (называя лишь их коннотативными), а экспрессивные и оценочные (как денотативные) — с другой.

Все это, конечно, сказывается на попытках систематизации соответствующих коннотаций и стилистически окрашенных средств, выражается в отсутствии единообразной классификации.

Очевидно, одним из конструктивных путей решения этого сложного вопроса является различение функционального (речевого) и системно-структурного аспектов языка. Т.Г. Винокур, например, стилистическое значение рассматривала применительно к узусу, к употреблению.

§ 25. Думается, в аспекте функциональной стилистики можно было бы предложить следующее определение функционально-стилистического значения: это тот компонент смысловой стороны языковой единицы, который способен реализовать свои функционально-стилистические потенции при употреблении этой единицы, делая последнюю стилиобразующей в речевой системе других стилиобразующих средств данной речевой разновидности (например, настоящее вневременное в контексте научной речи или настоящее долженствования в деловой оказываются функционально-стилистически значимыми).

А вообще, если исходить из предмета стилистики, то в самом общем смысле стилистически значимыми в языке и речи

следует считать все те языковые средства и способы их употребления, которые способствуют достижению выразительности речи, эффективной реализации коммуникативных задач в той или иной сфере и стилевой специфике последней. Это достигается как стилистически маркированными в системе языка (внеконтекстуальными), так и другими языковыми единицами. С этих позиций любая маркировка языковой единицы и закономерности ее использования, отвечающие указанным задачам, являются стилистически отмеченными, т.е. признаком стиля. В связи с этим с т и л и с т и ч е с к о й оказывается не только отнесенность средств к определенной сфере (как полагают некоторые), но и эмоциональность, экспрессивность, оценочность. Однако поскольку не ко всем этим случаям применим термин *значение* (в строгом лексикологическом и семантическом смысле), то, вероятно, правомернее пользоваться обозначением *окраска*. Таким образом, допустимо синонимичное употребление обоих терминов (*стилистические значения* и *окраски*), что соответствует сложившейся традиции, либо объединение того и другого более общим словом — *коннотация*.

§ 26. Стилистические коннотации по природе своей (по происхождению и функционированию) неоднородны. Можно говорить о трех их разновидностях.

1. Оценка, отношение к содержанию языковой единицы заключены в самом ее значении (сюда можно отнести и случаи переноса и «ввод» этой оценочности через аффиксальные элементы), например: *губошлеп, забулдыга, кляча, мешанина, книжонка, дуб* (о человеке), *тряпка* (о мужчине). Здесь как бы опредмечивается и именуется само отношение к называемому предмету (в широком смысле слова) и само значение по природе своей коннотативно. Назовем такие коннотации собственно эмоционально-экспрессивными.
2. В самом логико-понятийном значении непосредственно не заключены оценка или отношение к предмету, но они как бы сопутствуют ему (в этом смысле выступают как созначения)

благодаря тому, что языковая единица употребляется (либо употреблялась раньше, традиционно) в контекстах, сферах употребления оценочной значимости: большей частью — высоких, торжественных либо сниженных. Например: *грядущий, стяг, стезя, очи* и т.п.; назовем их условно традиционно-экспрессивными.

Заметим, что резкой грани между этими двумя разновидностями нет: традиционно-экспрессивная коннотация может нередко осознаваться как эмоционально-экспрессивная либо «переходить» в нее. Ср. ставший хрестоматийным пример: *У Ули не глаза, а очи*, где подчеркивается оценочный момент. В связи с этим напомним о мнении Д.Н. Шмелева, согласно которому стилистическое значение может влиять на понятийное содержание, во всяком случае, оно всегда окрашивает восприятие смысла слова.

3. Коннотации заключаются не в оценочности и выражении отношения к называемым предметам, а в отнесенности к о б ы ч н о й для языковой единицы с ф е р е у п о т р е б л е н и я, функциональной разновидности языка. В данном случае можно говорить, что это — коннотации собственно функциональные: *исходящий, дебет, истец; лабиализованный, гносеология, синхрофазотрон; коммюнике, репортаж* и т.д. Это средства функционально-стилистически окрашенные.

Итак, первые две разновидности коннотаций относятся к экспрессивно-эмоциональным и экспрессивно-оценочным, третья — к функционально-стилистическим. Эти две группы различаются между собой по степени окраски: весьма яркой — в первой группе (двух первых разновидностях, взятых вместе) и менее определенно и отчетливо выраженной — во второй, именно потому, что первая связана с выражением о ц е н о ч н о с т и, отношения, а вторая обычно лишь у к а з ы в а е т на сферу употребления, сигнализирует о ней. Эмоционально-экспрессивная окраска как бы органически присуща языковой единице в отличие от функциональной, которая обусловлена лишь преимущественным употреблением языковой единицы в той или иной сфере.

В классификации Е.Ф. Петрищевой стилистически окрашенная лексика представлена следующими тремя группами:

- 1) сообщающая о сфере употребления (книжная, разговорная, соотносительная с тем или иным функциональным стилем);
- 2) сообщающая об отношении говорящего к предмету речи (разного рода эмоционально, экспрессивно окрашенная и оценочная);
- 3) характеризующая говорящего (нелитературная, просторечная, сленг, диалектная и т.д.).

Таким образом, и здесь в собственно литературном языке выделяются те же группы (третья относится к нелитературному языку).

Итак, в одном случае — неотделимость окраски от значения языковой единицы (взятой внеконтекстуально), в другом — преимущественная роль условий ее употребления в определенной сфере. Правда, нельзя сказать, что во втором случае нет связи с основным значением единицы. Наблюдения показывают, что существует строгая зависимость между семантико-стилистической стороной языковой единицы и преимущественной сферой ее употребления. В результате то или иное значение получает определенную стилистическую квалификацию и окрашенность. Ср., например, *входящие* и *исходящие* (бумаги), *ходатайство*, *клиент*, *пациент*. Ср. также случаи окраски грамматического значения, например так называемое настоящее долженствования, характерное для официально-деловой речи: *Капитальный ремонт л е ж и т на нанимателе* (в смысле: «должен лежать, осуществляться»). Данное грамматическое значение оказывается функционально-стилистически окрашенным. (Весьма возможно, что само появление в языке именно такого значения обусловлено коммуникативными нуждами соответствующей сферы общения. Правда, степень яркости этой окраски обычно слабее, чем эмоционально-экспрессивной.)

Таким образом, и функциональная стилистическая окраска может быть органически присуща языковой единице; при этом функциональная окраска особенно заметна в конкретном высказывании. К тому же в процессе употребления (и в зависимости

от специфики сферы общения, функциональной разновидности) функциональная окраска может нередко совмещаться с оценочной. Это характерно для многих слов деловой (в частности, канцелярской), публицистической (одним из признаков которой является открытая оценочность) и разговорно-обиходной речи.

Следует сказать также, что те или иные экспрессивные окраски и соответствующие языковые единицы имеют тенденцию употребляться в определенной, конкретной сфере общения. Именно поэтому языковые единицы обладают одновременно двумя разновидностями окраски — экспрессивной и собственно функциональной, что и помечается в словарях посредством наличия у одного слова двух, а то и трех стилистических помет. Например, публицистические средства языка (аспект функциональных стилей) обладают в то же время торжественными, поэтическими, риторическими или, напротив, уничижительными оттенками. Ср. *отечество, вояж, вития, вещать*. Поскольку в большинстве случаев экспрессивная окраска совмещается с функциональной, одни и те же окраски нередко относятся различными авторами к разным стилистическим аспектам. Например, по наблюдению Е.Ф. Петрищевой, возвышенную лексику (экспрессивный аспект) некоторые ученые относят к одной из разновидностей лексики книжной (функциональный аспект). Некоторые группы функционально окрашенных средств, например канцеляризма, как отмечает Т.Г. Винокур, одновременно «всегда стилистически самодостаточны, и экспрессивно-смысловая их нагрузка очень велика» (разрядка наша. — М.К.).

Вместе с тем другие функционально-стилистические средства, по мнению ряда авторов, вообще лишены какой-либо стилистической окраски. Обычно при этом имеются в виду термины. По-видимому, отсутствие экспрессивной окраски, сопутствующей функциональной, принимается за отсутствие стилистической окраски вообще. Вернее, однако, считать, что термин (в особенности узкого специального употребления) наделен определенной функционально-стилистической окраской: он несет на себе печать научного стиля и привносит ее в той или иной степени в контекст, в котором используется.

§ 27. Обычно стилистические коннотации и средства, их несущие, выделяются на фоне нейтральных. При этом стилистически нейтральными называются такие языковые единицы, которые могут использоваться в различных сферах и условиях общения, не привнося в высказывание какого-то особого стилистического признака. Это, например, такие общеупотребительные слова, как *дом, рука, человек, гора, читать, говорить, красный, легкий* и т.д. Именно на фоне этих языковых единиц выделяются средства со стилистическими коннотациями. Таким образом, это своеобразный нулевой (стилистически) уровень, причем в аспекте системы языка, внеконтекстуальном. Но и этот нуль по-своему тоже стилистически значим.

В живом употреблении, в контексте — особенно в речи разговорной, публицистической, в художественных произведениях — нейтральные единицы способны приобретать особые стилистические окраски, что следует учитывать при анализе текста.

В узусе может происходить как нейтрализация стилистических окрасок, так и их видоизменение и стилистическое обогащение при «столкновении» единиц разных стилистических (в том числе нейтральных) окрасок. Подробно этот вопрос освещен в книге Т.Г. Винокур «Закономерности стилистического использования языковых единиц» (М., 1980).

При всем своеобразии видов стилистической окраски следует учитывать, что резких границ между ними в процессе употребления обычно не наблюдается. Среди единиц, имеющих собственную стилистическую окраску, обнаруживается постоянное взаимодействие, а особенности их использования могут видоизменять характер окраски: окраска ласкательности и одобрения может переходить в ироническую и т.д. Например: *Опять спорят! Вот будет кино!* (нейтральное с экспрессивной коннотацией); *Замарашика ты моя милая!* (переход общеязыковой неодобрительной коннотации в ласкательную); *Опять разглазговствует, прямо в и т и я какой-то!* (высокое, устарелое в значении неодобрительного, сниженного). Ср. стилистическое столкновение изначально противоположных окрасок: «Грядущий хам» (высокое, торжественное и низкое, просторечное).

Указанные выше разновидности коннотаций (и соответственно «слоев» языковых единиц) отражают реальность языка (существующую как в языковом сознании носителей языка, так и в описаниях языка — грамматиках и словарях). Однако не верно было бы представлять дело таким образом, что в процессе функционирования языка (в речевом потоке, в текстах) стиль образуется в результате суммирования коннотаций единиц одной стилистической «тональности» (окраски, разновидности). Это неверно в особенности относительно экспрессивно-эмоциональных средств. Как правило, в языковой действительности (во всяком случае, в современном русском литературном языке) живая речь не может состоять лишь из средств одной экспрессивной окраски. Для этого в современном языке недостаточно средств одинаковой экспрессивной окраски на всех уровнях его системы. Если в лексике еще имеется большой круг средств с той или иной экспрессивной окраской, то нет столь же широкого круга средств с теми же разновидностями окрасок (например, иронической, пренебрежительной, да и вообще экспрессивной) в морфологии и синтаксисе.

Следовательно, если терминологически употреблять слово *система*, экспрессивные коннотации и средства, ими наделенные, не образуют систем или подсистем. Поэтому лучше в данном случае употреблять термин *стилистические слои* средств определенной окраски. (Именно такой термин находим у Л.В. Щербы — см.: Избр. работы по русскому языку. М., 1957. С. 121; а также у русистов Чехии и Словакии — см.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 435—443.)

Поэтому В.В. Виноградов, определяя стиль как явление системное, высказывался против признания экспрессивных стилей как таковых.

Следует отметить также, что различные виды стилистических окрасок, особенно экспрессивно-эмоциональных, являются своего рода осязательными и прочными стилистическими системами, утратившими к нашему времени свою стилистико-системную актуальность, ср., например, высокий

стиль. Другой случай, когда речь идет о функциональных окрасках, о той или иной социальной маркировке: профессионализмы, жаргонизмы и т.д., — т.е. когда в литературном употреблении допускаются лишь отдельные элементы соответствующей речи. Для создания экспрессивно-эмоциональной окрашенности речи и для стилизации под какой-либо социальный диалект достаточно бывает инкрустировать речь некоторым числом языковых единиц соответствующей маркировки. Именно на этом основан прием стилизации в художественной литературе.

§ 28. Каковы же стилистические средства русского языка? В принципе любое языковое средство способно быть стилистическим и использоваться для выражения того или иного стиля в тех или иных сферах и условиях общения. Однако решение затронутого вопроса во многом зависит от осмысления самого понятия «стиль». Одни ученые считают, что средства создания и выражения стиля — это лишь единицы языка с устойчивой внеконтекстуальной стилистической окраской. Другие полагают, что стиль может создаваться и иными, не окрашенными в системе языка средствами (если «нейтральные» средства не считать окрашенными). Думается, что традиционность использования той или иной языковой единицы в определенных речевых условиях, ее своеобразная прикрепленность к определенной сфере общения уже образует у этой единицы функциональную стилистическую окраску. Это тем более справедливо, что обычно семантическая сторона языковой единицы, одно из ее значений, имеет склонность к функциональной прикрепленности. Согласно такой точке зрения любая языковая единица, особенно многозначная (не только лексическая, но и грамматическая), может быть стилистическим средством. Причем она одновременно может иметь несколько различных стилевых окрасок, особенно функциональных, соответственно разным ее значениям и особенностям употребления.

Стилистически окрашенные языковые средства обычно разделяются на две большие группы в соответствии с характером окраски:

- 1) функционально окрашенные;
- 2) экспрессивно окрашенные (ради краткости будем называть их в дальнейшем просто: функциональные и экспрессивные).

Ф у н к ц и о н а л ь н ы е с р е д с т в а традиционно разделяются прежде всего на книжные и разговорные. В свою очередь, книжные обычно классифицируются по их принадлежности к тому или иному функциональному стилю: научному, деловому, публицистическому, художественному, религиозному. Разговорные средства преимущественно используются в разговорно-обиходной сфере и вообще в сфере непринужденного общения; к ним примыкают также средства просторечные и некоторые нелитературные (вульгаризмы). В художественных произведениях они используются прежде всего как средства речевой характеристики персонажей и для стилизации. Это следует учитывать при анализе художественных текстов.

Э к с п р е с с и в н ы е с р е д с т в а представляют собой единицы языка с ярко выраженными эмоционально-экспрессивными оттенками (торжественным, уничижительным, ласкательным, ироническим, неодобрительным, фамильярным и мн. др.).

Вопрос о стилистических средствах и, следовательно, о стилистических ресурсах языка теснейшим образом связан с проблемой с и н о н и м и и. По мнению А.И. Ефимова, отражающему общепризнанную точку зрения, синонимика речевых средств — центральная проблема стилистики. Существование стилей в известном смысле обеспечено синонимией, т.е. наличием разных языковых форм, которые можно использовать для описания одного и того же внелингвистического «факта».

Однако было бы неверным представлять дело таким образом, что синонимией ограничиваются ресурсы стилистики, о чем писал еще Л.В. Щерба (Избр. работы... М., 1957. С. 121). О значимости синонимии для стилистики в целом (очевидно, главным образом в аспекте «стилистики ресурсов») и вместе с тем ограниченности ее значения для функциональной стилистики говорит Т.Г. Винокур: «Для стилистики... категория синонимии является центральной. Однако на уровне употребления

она теряет часть ведущих позиций...» (Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980. С. 35).

Проблема соотношения синонимических средств языка и функциональных стилей недостаточно разработана. Бесспорно, однако, что в функциональных стилях по-разному используются синонимические богатства языка и что стили обладают неодинаковыми возможностями для реализации этих богатств. Так, если художественная речь отличается широтой использования синонимии и ей свойственно обогащение ее за счет индивидуального употребления, то, например, научный и официально-деловой стили по самой своей коммуникативной природе (стремление к точности и однозначности выражения) ограничены в возможностях обращения к разнообразным синонимическим средствам языка.

Как указывалось, представленная выше картина стилистических значений, окрасок и средств, во-первых, является более или менее общепринятой; во-вторых, в основном дана в аспекте системы языка, внеконтекстуальном; правда, автор пытался сделать «экскурсы» в аспект употребления этих средств. Специальное исследование в узально-стилистическом плане проведено Т.Г. Винокур; оригинальное по концепции и интересное по материалу, оно представляет собой попытку перекинуть мост между стилистикой структурной и функциональной.

Т.Г. Винокур предприняла попытку исследовать условия, средства и способы достижения стилистического эффекта, появляющегося в процессе употребления языковых единиц в реальной речевой действительности (правда, ограничив при этом объект своего изучения как в собственно лингвистическом, так и в экстралингвистическом плане).

Особенно ценным и перспективным в труде Т.Г. Винокур является именно функциональный подход, стилистический узус (Указ. соч. С. 37) как объект исследования, при этом под узусом понимается принятое употребление, «коммуникативные навыки языкового употребления». Иначе говоря, согласно мнению автора, стилистика — это явление употребления (как в свое время ее определял и Г.О. Винокур), явление коммуникативной

природы стилистических ценностей. В этом-то и заключается функциональная основа концепции.

Центральной категорией этой узуальной стилистики является узуально-стилевой комплекс, который, в свою очередь, включает основную оппозицию: стилистическое (в смысле экспрессивное) задание и стилистическое значение. При этом экстралингвистический аспект включает задание и эффект, а собственно лингвистический — значение, определяющее стилистическое средство и прием. Таким образом, звенья узуально-стилевого комплекса — это стилистические з н а ч е н и е, с р е д с т в о, п р и е м, а также з а д а н и е и э ф ф е к т.

Стилистическое значение — ключевое понятие узуальной стилистики — само по себе определяется как обычно (в аспекте «стилистики ресурсов»), т.е. как созначение, которое соответствует стилистической семантике, совокупности экспрессивных оттенков, обертонов, осложняющих лексическое и грамматическое значения языковой единицы. Однако значение при этом рассматривается в динамике, в процессе его образования при словоупотреблении, в контексте высказывания и тем самым в единстве с другим звеном узуально-стилевого комплекса — с приемом. Динамика здесь такова: «...языковое средство становится стилистическим, получая стилистическое значение в процессе образования с его участием стилистического приема» (ср., например, приобретение нейтральным словом оценочного значения: *пальтишко нормальное*, т.е. хорошее) (Там же. С. 20). Именно в этой динамике показан мост между функциональной стилистикой и «стилистикой ресурсов». Узуальная стилистика, по Т.Г. Винокур, как стилистика экспрессивных значений и приемов, сосредоточенная на изучении закономерностей стилистического использования языковых единиц, обнаруживается в явлениях стилистического с о г л а с о в а н и я и к о н т р а с т а. При этом отмечается также в качестве стилеобразующей тенденция к новизне употреблений и значений.

К стилистическим ресурсам по давней традиции относят и так называемые с р е д с т в а с л о в е с н о й о б р а з н о с т и — т р о п ы и ф и г у р ы. В последнее время анализ стилистических приемов — стилизации, интимизации, цитации, профессионализации, эмоционального усиления оценки, гиперболы и т.д. — значительно активизировался (см., например, работы А.П. Сквородникова и его школы).

§ 29. Характеристика парадигматики в стилистике (по аналогии вообще с парадигматикой языковой системы) была дана в свое время М.В. Пановым. Опираясь на представление Л.В. Щербы о стилистической системе русского литературного языка, М.В. Панов считает, что «стилистические парадигмы пронизывают все ярусы: лексику, словообразование, словоизменение, синтаксис, фонетику» (О развитии русского языка в советском обществе // Вопросы языкознания. 1962. № 3. С. 6—8 и след.). Действительно, синонимические отношения языковых средств различной стилистической окраски можно обнаружить в довольно большом (хотя и неравном) количестве на всех уровнях языковой системы, например в лексике: *глаза — очи — гляделки; смотреть — взирать — глазеть; есть — вкушать — уплетать*; в словообразовании — соотнесенность морфемных моделей: *формализм — формалистика, утопизм — утопистика, перекручивание — перекрутка, отбеливание — отбелка* и т.п.; в синтаксисе: *Если бы я пришел раньше... — Приди я раньше...; Автор, переводший... — Автор, который перевел...* и т.д. (Примеры из указ. статьи М.В. Панова.)

Более подробно в теоретическом плане вопрос о стилистической парадигматике в соотношении со стилистической синтагматикой рассматривает Ю.М. Скребнев (см.: Очерк теории стилистики. Горький, 1976. С. 76—156). Понятие стилистической парадигматики он не ограничивает стилистико-синонимическими отношениями единиц, называя, например, среди явлений парадигматической семасиологии метафоры и метонимии.

Надо сказать, что хотя систематизация стилистических явлений по парадигмам удобна, однако парадигматическая стилистика наталкивается на большие, даже непреодолимые трудности.

Во-первых, здесь нет той четкости противопоставлений, законченности рядов сопоставляемых единиц, которые свойственны парадигматике языковой системы на фонетическом, морфологическом и других уровнях. Для стилистической парадигмы, напротив, характерны нечеткость противопоставлений, размытость границ (открытость, «неконечность») и тому подобные признаки, нарушающие четкость структуры.

Во-вторых, в парадигматической систематизации стиля, как правило, не выдерживается принцип единого основания. Ср., с одной стороны, четкость падежной парадигматики существительного: *человек — человека — человеку — человека — человеком — человеку*, с другой — «парадигматику» различных стилистических окрасок слова, когда в одних рядах нейтральной окраске противопоставлена окраска только с повышением стиля (*надежда* ↗ *чаяние, упование; лоб* ↗ *чело*), в других — только с понижением (*битва* ↘ *колотить — лупить — колошматить — дубасить*), в третьих — и та и другая (*лик* ↖ *лицо* ↘ *роза, морда, рыло*); причем количество окрашенных компонентов ряда может быть самое различное. Кроме того, у одного и того же слова (даже значения) может быть одновременно несколько окрасок разной «квалификации», например: «книжн.», «высок.» у слова *твердыня*; с теми же пометами плюс «спец.» и «арх.» у слова *фортеция* и т.д.

В результате при стилистической систематизации единиц на разных уровнях обнаруживается много «пустых клеток». Так, при распределении стилистических единиц по самой общей (традиционной и довольно распространенной в литературе) модели: «+ 0 —» (т.е. повышение стиля — стилистическая нейтральность — понижение) у значительного количества слов, в еще большей степени у фразеологизмов, у подавляющего большинства грамматических форм и конструкций эта модель не выдерживается либо вообще не реализуется (т.е. налицо лишь один показатель из трех, в лучшем случае — два); парадигмы, содержащие все три члена, редки. Это закономерно вытекает хотя бы из тех подсчетов, которые представлены Ф.П. Филиным по седьмому тому 17-томного «Словаря русского языка»: в нем лишь 25% стилистических — маркированных — позиций (окрасок слов, значений) и 75% — нейтральных. При этом около 17% сниженных против 8% слов с другими окрасками, в том числе «возвышенными» (см.: *Филин Ф.П. О просторечном и разговорном в русском литературном языке // Филологические науки. 1979. Вып. 2. С. 21*). Зато, с другой стороны, например, в лексике (но не только в ней) показатели со знаком и «плюс», и «ми-

нус», и «нуль» могут заключать по несколько стилистических вариантов.)

На трудности описания стилистической парадигматики в лексике указывает Ю.М. Скребнев: в частности, здесь «нет единой классификационной системы», а препятствие в том, что коннотации «многомерны, комплексны» (Очерк теории стилистики. Горький, 1976. С. 27).

Следует отметить, что распространенная характеристика стилистической «системы» лексики по указанной модели («+ 0 —») восходит к описанной М.В. Ломоносовым системе «трех штилей», которая еще в пушкинский период была преодолена в русском литературном языке. Поэтому подобные характеристики несут на себе печать устарелости, не отвечают современному стилистическому состоянию языка. Если, например, в начале XIX в. книжная лексика (и соответствующая окраска) обладала достаточными системными связями, то для современного носителя литературного языка (нефилолога) условность ее выделения налицо. Результат этого — неоднозначность подачи стилистических помет в разных словарях.

Историческое развитие структурной и функциональной (в частности, стилистической) сторон языка протекает неодинаково. Если в процессе развития, например, грамматической системы (ср. утрата аориста и имперфекта у глаголов, звательного падежа у существительных) не разрушается принцип системности и парадигматика (например, на указанных ее участках — время, падеж) остается, то изменение стилистической стороны языка идет иначе.

Так, стилистическая парадигма, основанная на синонимике средств, оказывается в весьма сложных отношениях с функционально-стилевой дифференциацией языка. Об этом явлении пишет Т.Г. Винокур: «Семантические тенденции отдельных функционально-стилевых объединений таковы, что отражающие их единицы языка фактически не переводимы на средства другого стиля. Стилистическое значение, присущее одним из членов синонимического ряда, сдвигает их смысл... чем объясняется наличие пустот в межстилевой парадигматике» (Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980. С. 39).

Разрушается стилистическая целостность, системность, т.е. парадигма (ср. известную строгость норм высокого и низкого стилей в XVIII в., а отсюда и системность единиц на разных уровнях языка), и остаются — порой в большом количестве — лишь отдельные компоненты этой системности. К тому же именно в стилистических целях могут извлекаться из прошлого языка давно забытые единицы (архаизмы), неактуальные — в структурном смысле — для современной системы языка, но актуальные для стилистики. Все это, конечно, создает и сложность стилистического феномена в языке, и дополнительные трудности его описания.

Наряду с парадигматической стилистикой и в соотношении с ней иногда выделяют (в частности, Ю.М. Скребнев) с и н т а г м а т и ч е с к у ю с т и л и с т и к у, стилистическая значимость в которой создается не «фактом присутствия» языковой единицы в системе, как это наблюдаем в парадигматике, а «фактом совместной встречаемости: соотносительности в тексте одной единицы с другой» (Очерк теории стилистики. Горький, 1976. С. 78). Эти единицы могут быть стилистически нейтральными, но их взаимодействие стилистически значимо. Стилистическая синтагматика рассматривается Ю.М. Скребневым на всех языковых уровнях (от фонетического до синтаксического и текстового).

Так, к стилистическому синтаксису в синтагматическом аспекте относятся параллелизмы с различными видами лексико-синтаксических повторов — анафора, эпифора, симплока, анадиплозис («подхват»), хиазм («перекрещивание»), прием обрамления; в синтагматической семасиологии называются фигуры тождества (сравнение, синонимы-заменители), фигуры неравенства (климакс, т.е. нарастание, синонимы-уточнители, каламбур и др.), фигуры противоположности (оксюморон, антитеза). Синтагматическая морфология, по Ю.М. Скребневу, изучает проблемы совместной встречаемости морфем и грамматических значений в разных типах текстов и в литературном языке вообще. Синтагматическая лексикология исследует стилистические функции совместной встречаемости слов разных стилистических тональностей в пределах словосочетания, предложения, сегмен-

тов большей протяженности и т.д. Кстати, интересный иллюстративный материал относительно употребления этих фигур представлен В.В. Одинцовым в книге А.Н. Кожина, О.А. Крыловой, В.В. Одинцова «Функциональные типы русской речи». М., 1982. (Ч. III).

**Определение понятий «стиль»
и «функциональный стиль»
в лингвистической стилистике.**

О речевой системности функционального стиля

§ 30. О том, как многообразно понятие стиля в различных работах по стилистике, неоднократно писали В.В. Виноградов, А.И. Ефимов и др. По-видимому, не одно, а несколько различных определений стиля — явление оправданное; нужно только всегда строго различать, о каком аспекте исследований идет речь. Хуже, когда в одной и той же работе термин *стиль* употребляется недифференцированно, обозначая различные понятия, или когда между автором и читателем существует непонимание: каждый из них воспринимает этот термин в своем (весьма различном у обоих) смысле.

В каких же основных значениях используется слово *стиль* в филологии? Приведем несколько определений, взятых из Большой Советской Энциклопедии и «Словаря русского языка» С.И. Ожегова:

- применительно к художественной литературе это «исторически сложившаяся устойчивая общность образной системы, средств и приемов художественной выразительности, обусловленная единством идейного общественно-исторического содержания» (например, *реалистический стиль, стиль романтизма*);
- в более широком смысле это «совокупность характерных отличительных признаков, присущих произведениям искусства»; примерно то же в иной формулировке: «Харак-

терный вид, разновидность чего-нибудь, выражающаяся в каких-нибудь особенных признаках, свойствах художественного оформления»;

- совокупность приемов использования средств общенародного языка для выражения тех или иных идей, мыслей; иначе — *своеобразие речевой ткани* художественного (или иного) произведения, в целом творчества писателя (или вообще пишущего), т.е. слог или индивидуальная *манера речи*;
- использование языка в соответствии с нормативно-стилистическими правилами или без соблюдения последних (*хороший стиль, плохой стиль, ошибки стиля*);
- метод, совокупность приемов какой-нибудь работы, деятельности (ср. *его стиль работы*).

И это еще не все значения.

Словоупотребления, включающие слово *стиль*, чрезвычайно разнообразны; кроме указанных, это *стиль басни, фельетона, газетный, разговорный стиль, высокопарный стиль, канцелярский, книжный, академический, архаизированный, жаргонизированный, стиль Пушкина* и т.д.

В современных лингвистических словарях термин *стиль* определяется прежде всего как *функциональный стиль* (см. далее).

Если сопоставить все эти значения, то мы обнаружим ряд общих признаков. Самым общим из них является связь понятия «стиль» с деятельностью человека: это характер либо самой этой деятельности как процесса, либо признаков ее в продуктах труда (поэтому, кстати, не говорят «стиль травы, природы»). Далее, это явление глубоко системное (и в искусстве, и в речи, и в поведении). Затем, это — явление культуры, причем осознанное и целенаправленное, что вытекает из предшествующих черт. Кроме того, это характерологический признак своеобразия чего-либо, кого-либо.

Осознанность стиля подчеркивал В.В. Виноградов. Употребление того или иного языкового средства, конечно, может быть и неосознанным, но вряд ли тогда оно будет явлением стиля.

(Правда, в семиотике стиль определяется как явление неявной (неосознанной) культуры, но при этом он трактуется либо весьма расширительно (например, вообще национальные черты языка), либо узко как проявление в речи отдельных признаков индивида: возрастных, половых характеристик говорящего.) Деятельность человека, психика, общение не могут быть вне выражения оценок и отношений, связанных с осознанием. Еще в статье, написанной в 1942 г., В. Матезиус отмечал, что высказывание — это не просто ряд слов, выражающих какой-то факт действительности, оно обязательно «должно выражать отношение говорящего к этому явлению действительности в данный момент» (Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 445).

Коммуникативная, лингвистическая сущность стиля в том и состоит, что он существует (и создается) в расчете на воспринимающего речь. С этим связана прагматическая направленность речи, расчет на эффективность (либо эффект) общения. Выразительность речи, ее стиль связаны с «оформлением» коммуникации наилучшим образом (по мнению говорящего, общества, в русле естественно сложившихся традиций), т.е. соответствующим назначению общения в данной сфере.

Наконец (и это весьма существенно), стиль — это свойства, признаки содержательного (смыслового) плана, обусловленные экстралингвистически, получающие реализацию через своеобразное построение (систему) материальных элементов — своеобразные «комбинации» языковых единиц, особое построение речи (текста), выступающее в качестве плана выражения. В этом проявляется системность и единство формы и содержания (в широком смысле). Характер мышления говорящего может быть выражен не в каких-то отдельных, внеконтекстуальных средствах, а в особенностях построения речи, ее организации.

В приведенных выше определениях стиля как лингвистического понятия он связан с употреблением языковых средств, и это важно.

§ 31. В традиционной «стилистике ресурсов» (структурной) стиль определяется как совокупность стилистически одинаково окрашенных языковых средств. Такое определение допустимо лишь в отношении к системе языка в узком смысле (взятой внеконтекстуально). Да, в языке имеются совокупности (слои) одинаково окрашенных стилистических средств. Очевидно, и в языковом сознании говорящих имеется представление о стилистических коннотациях средств, готовых к употреблению, представленных совокупностями единиц с одинаковой окраской.

А если обратиться к функционированию языка? Можно ли себе представить действительную речь, речевой поток, состоящий из совокупностей средств одной стилистической окраски? В пределах словосочетания и, вероятно (да и то с большой натяжкой), короткого предложения такое явление возможно. Вообще же оно нереально, неестественно и просто невозможно в речевой действительности, когда имеются в виду высказывания большой протяженности. Оно возможно лишь в отношении так называемых нейтральных средств. Не бывает речи, состоящей, например, только из неодобрительных, торжественных, канцелярских средств. Напротив, стилистический эффект в ряде функциональных сфер (разговорной, художественной, публицистической), жанров и отдельных ситуаций создается как раз за счет «столкновения» к о н т р а с т н ы х коннотаций. Поэтому функциональная стилистика пытается дать иное определение стиля.

Функциональная стилистика стремится изучить, в к а к и е с и с т е м н ы е о т н о ш е н и я входят языковые средства при ф у н к ц и о н и р о в а н и и языка в зависимости от типичных и традиционных, прежде всего социально актуальных, сфер общения. Она пытается определить также, к а к и е языковые единицы при этом наиболее часто «выбираются» из системы языка и к а к о н и о р г а н и з у ю т с я в потоке речи, т.е. на текстовой плоскости. Иначе говоря, каковы принципы отбора и сочетания языковых средств и в результате — какова речевая организация.

Предполагается, что в зависимости от задач коммуникации и всего комплекса экстралингвистических стилеобразующих

факторов в той или иной сфере речевой деятельности создается особый характер речи, который воспринимается как ее стиль. При этом возможно, как указывалось, вкрапление в речевую ткань средств с различными внеконтекстуальными стилистическими окрасками (коннотациями), а также использование нейтральных. Это обусловлено индивидуальными, жанровыми, ситуативными и другими частными задачами конкретного высказывания. Однако степень включения этих средств в ткань речи как бы контролируется о б щ и м целевым заданием и основными экстралингвистическими факторами соответствующей речевой разновидности.

В аспекте психологии общения, в том числе речевого общения как деятельности, говорится о п о д ч и н е н н о с т и ч а с т н о й, самостоятельной цели (речевого акта) о б щ е й. Степень использования различных внеконтекстуальных коннотаций в разных функциональных разновидностях речи неодинакова. Отмеченные выше вкрапления обычно не нарушают общей стилевой окрашенности контекста (макроконтекста) — его макроокраски.

В некоторых работах (см.: Стилистические исследования. М., 1972) высказываются мнения, что, во-первых, нельзя говорить о стиле макроконтекста (а лишь микроконтекста), во-вторых, что неудачен вообще сам принцип определения такого широкого понятия «стиль», в-третьих, что якобы в этом случае стиль отождествляется с текстом, и потому подобное понимание стиля выходит за пределы лингвистики. В качестве позитивных, согласно этому мнению, критериев определения стиля выдвигаются следующие: стиль — явление узуса (употребления); он создается лишь стилистически окрашенными в системе языка средствами; стиль — явление весьма узкоконтекстное, так как каждый текст принципиально разностилен.

Что же тогда получается? Что такое с т и л ь в аспекте этих последних положений? Определить его трудно, поскольку положения противоречивы: с одной стороны, стиль — явление узуса, употребления, т.е., надо полагать, функциональное, речевое, с другой — понятие узуса сразу же ограничивается. Но главное даже не в этом, а в том, что разностильность высказываний текста о п-

ределяется с позиций внеконтекстуальных окрасок, т.е. с позиций абстрактной системы языка. Между тем само столкновение разнотильных окрасок может быть функционально-стилистическим принципом той или иной речевой разновидности (аспект именно узуса), например в публицистических произведениях, и в этом смысле функционально-стилистическое единство сохраняется.

Относительно же опасений, что якобы «стили макроконтекста» выходят за пределы лингвистических понятий и что здесь якобы происходит отождествление стиля и текста, это просто недоразумение. Функциональный стиль (макростиль) выражается через структуру текста, последний является материальным воплощением стиля, но не самим стилем. Стиль — одно из свойств текста.

Следует строго различать в анализе и лингвистических оценках текста аспекты структурный (стилистики ресурсов) и функциональный, связанный с изучением организации речи. При этом нельзя оценивать, например, функциональный стиль с позиций стилистики ресурсов, т.е. лишь набора (совокупности) стилистически окрашенных языковых единиц.

§ 32. Очевидно, в результате проявления в той или иной сфере сложившихся общих принципов отбора и сочетания языковых единиц, обусловленных общими же целевыми заданиями и условиями общения, создается своеобразная организация языковых средств в речи (в текстах), способная создавать и выражать функциональный стиль. Последний ощущается и в микро- и в макроконтексте. Функциональный стиль, как сказано, это одно из свойств языковой ткани текста, обусловленное общей спецификой экстралингвистической основы текста (или совокупности текстов).

Собственно, разграничение лингвистического и экстралингвистического нередко весьма условно при учете социальной сущности языка. Ср. высказывание Д.Н. Шмелева: «Тема и условия речевого общения — категории экстралингвистические, но приобретающие собственно-лингвистическую значимость, поскольку с ними связано стилистическое распределение языко-

вых средств» (*Шмелев Д.Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977. С. 166. Разрядка наша. — *М.К.*).

В.В. Виноградов дает такое определение функционального стиля: «Стиль — это общественно осознанная, функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» (Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. 1955. № 1. С. 73).

В этом определении не вполне еще очерчено понятие «сфера общения»; его можно трактовать по-разному, например общение на улице, на производстве, в дружеском кругу и т.д. У русистов Чехии и Словакии это понятие было уточнено через соотнесение его с видом общественной деятельности. Но и этого, видимо, недостаточно. В конечном счете те функциональные стили, о которых обычно говорят, формируются в сферах общения и в то же время видах деятельности, соотносительных с формами общественного сознания (искусство, наука, политика, право, религия). В качестве соответствующей основы разговорно-обиходного стиля следует назвать сферу бытовых отношений и быденное сознание.

Цель и задачи общения в обусловленной таким образом сфере определяются назначением соответствующей формы общественного сознания, типом мышления, свойственным этой сфере, типовыми особенностями содержания; причем все эти факторы теснейшим образом взаимосвязаны. Их комплекс составляет базовую экстралингвистическую основу функционального стиля.

Известно, что с начала XIX в., т.е. со времени образования более или менее единых и строгих норм, одни и те же единицы русского литературного языка используются в различных сферах его применения (в особенности это касается средств фонетического, морфологического и синтаксического

уровней). Это не привело, однако, к исчезновению стилей. Правда, по сравнению со «штилями» ломоносовского времени природа стилей изменилась (что и подчеркивает историзм понятия). Теперь стили формируются за счет того, что при функционировании происходит своеобразная «перестройка» языка: коммуникативная задача (цели и условия общения в той или иной сфере) оказывается толчком к реализации своеобразной речевой организации, в которой эти единицы становятся взаимосвязанными и по-новому, функциональному, значению. Благодаря такой организации языковых единиц создается функционально-стилистическая системность, свойственная функциональному стилю (и его разновидностям).

Таким образом, опираясь на указанную дефиницию В.В. Виноградова с учетом высказанных дополнений и уточнений, можно дать следующее определение: *функциональный стиль — это своеобразный характер речи той или иной социальной ее разновидности, соответствующей определенной сфере общественной деятельности и соотносительной с ней форме сознания, создаваемый особенностями функционирования в этой сфере языковых средств и специфической речевой организацией.* (О внутренней дифференциации функционального стиля см. в главе о классификации функциональных стилей. О понятиях *стиль*, *функциональный стиль* см. в соответствующих статьях Стилистического энциклопедического словаря русского языка. М., 2006.)

§ 33. Одним из центральных понятий функциональной стилистики является понятие о речевой системности функционального стиля.

При использовании языка в реальной действительности происходит не простое «фотографирование», реализация, «исполнение» известной системы языка (его строя), но перестройка ее в соответствии с потребностями общения в той или иной его сфере. В процессе функционирования язык обнаруживает как бы двойную системность. Во-первых, он функционирует в соответствии с правилами построения форм, слов и их сочетаний, т.е. сложившейся парадигматикой и синтагматикой, вер-

нее, обнаруживая их в процессе употребления, иначе — реализует свою системность. Во-вторых, в процессе функционирования языка создается другая, речевая системность.

Она заключается в том, что в зависимости от целей и задач общения в конкретной социальной сфере, от проявляющейся в ней соответствующей формы мышления, от типа содержания и т.д. в речи активизируются определенные языковые единицы различных уровней и определенные их семантические значения, функционально-стилевые окраски. Эти единицы, реализуясь в конкретной речевой сфере, оказываются теснейшим образом функционально-стилистически взаимосвязанными на основе общего коммуникативного задания. Благодаря такой взаимосвязи высказывание (и тип речи) в целом оказывается стилистико-семантически своеобразным, «окрашенным». Все это и формирует то качество речи, которое воспринимается как ее стиль.

Это не означает, что буквально каждая единица языка, используемая в высказывании, обладает соответствующей стилистической окраской. Дело в том, что создается общий «преобладающий тон» речи, «окрашивающий» ее в целом, несмотря на отдельные иностилевые единицы. (Допустимая их доля обычно обуславливается в целом экстралингвистически, она зависит и от специфики данного функционального стиля, хотя в отдельных высказываниях может колебаться в известных пределах.) Во всех случаях, когда языковая единица способна выражать функционально-стилевое значение, оно появляется у нее, но именно в соответствующем контексте. Такая активизация определенных значений и появление функциональной окраски происходят у всех единиц высказывания, обладающих в принципе такой возможностью. Тогда эти единицы и становятся функционально-стилистически взаимосвязанными.

Эта взаимосвязь, а в конечном счете — речевая системность не тождественна понятию языковой системы, так как принцип ее организации и взаимосвязи иной — коммуникативно-функциональный и реализуется он на текстовой плоскости. Следует помнить о том, что свойства реального высказы-

вания предопределены отнюдь не только языковой системой (как имманентной сущностью), «что внелингвистические убеждения носителя языка, а также когнитивные структуры человеческого мышления... управляют использованием языка» (см.: Проблемы современного зарубежного языкознания (80-е годы). М., 1988. С. 18).

Таким образом, при этом важным оказывается единство лингвистического и экстралингвистического. Одна и та же языковая единица в разных контекстах может выражать разное функционально-стилистическое значение. Например, глагольная форма настоящего времени, обычно выражающая в науке и в официальной речи вневременное, абстрактное значение, в законодательной используется в значении настоящего должноствования. Ср. с типичным употреблением времени в научной речи: *Эта равнина лежит восточнее склонов Уральских гор* (расположена, находится вообще); *Такая схема составляется следующим образом...* (т.е. схему составляют, она составляется обычно, вообще таким образом); уже приводившийся пример из законодательного текста: *Капитальный ремонт лежит на нанимателе* (т.е. предписано, чтобы он лежал на нанимателе; наниматель обязан производить ремонт); или такой: *Законы составляются и утверждаются Государственной Думой* (т.е. установлено, чтобы Государственная Дума составляла законы, ее обязанностью является составление законов) и т.п. В газетном же сообщении в связи с его информативным характером та же форма наполняется обычно иным содержанием. Ср., например: *Сегодня день открытия заседаний Государственной Думы. Депутатам предстоит обсудить проект закона... Составляется новое законодательство о...* (настоящее момента речи или, точнее, настоящее актуальное).

Художественной речи более свойственно — в соответствии со спецификой этой речевой разновидности — настоящее историческое, иначе называемое настоящим живого представления, способное образно передать действие как бы происходящим на глазах читателя: *Давеча задремал в канаве, слышу — идут... Думаю, значит, часть идет* (А.Н. Толстой). Эта

форма времени неизвестна научному и деловому стилям, во всяком случае, нехарактерна для них.

Наконец, та же временная форма в разговорно-обиходной речи часто выступает в значении настоящего времени момента речи: *Я же говорю тебе, что ушел. Я думаю, что это не так. Посмотри, с каким аппетитом он хлеб ест.* Она употребляется и в значении будущего времени: *Завтра я иду в театр.*

Получается интересное явление: языковая единица (причем любого уровня) как бы расщепляется семантически, точнее, функционально-семантически, и той или иной своей стороной (значением) участвует в создании того или иного стиля.

§ 34. Весьма показательны для раскрытия понятия стилистико-речевой системности наблюдения над закономерностями употребления ряда семантических групп глаголов — движения, конкретного физического действия, речи — в различных функциональных стилях (см.: Салимовский В.А. Семантический аспект употребления слова в научном стиле сопоставительно с другими функциональными стилями. Саратов, 1987). В использовании этих глаголов обнаруживается достаточно жесткая связь с коммуникативной целесообразностью и спецификой каждого функционального стиля.

Так, в научной речи указанные глаголы употребляются в их отвлеченных и обобщенных значениях; в официально-деловой — со значением долженствования и констатации; в публицистической — в оценочных контекстах; в художественной — в конкретных, с функцией создания речевой образности. Примеры: один из наиболее многозначных глаголов русского языка *идти* активно реализует в научных текстах лишь одно-два значения, причем отвлеченной семантики: *Все эти синтезы идут с достаточно большой скоростью...* (Кузин); *Речь идет о...* (Лурия); *Главная масса азота... идет на производство аммиака* (Неорганическая химия); *Фазовое превращение идет с пониженной свободой энергии...* (Китайгородский). В официально-деловой речи глагол *идти* не зафиксирован среди высокочастотных, но другой

глагол движения — *проводить* — используется здесь в типичном для данного стиля значении выражения долженствования: *Каждая из Договаривающихся Сторон проводит водохозяйственные мероприятия за свой счет* (Сборник международных договоров... Ст. 9), т.е. в смысле «должна проводить». В газетно-публицистических текстах глагол *идти*, зафиксированный в качестве широкоупотребительного и более многозначного, чем в научной речи, используется согласно стилевой специфике этого функционального стиля, во-первых, в стандартизированных оборотах (например, *идут дела*) и, во-вторых, в оценочном контексте. Примеры: *Увы, не вверх, а вниз по спирали идут дела...* (Лесная промышленность); *...неплохо идут дела и в апреле* (Звезда); *Первый раунд российско-американских переговоров показал, что они идут трудно* (Известия).

Будучи чрезвычайно высокочастотным в художественных текстах, глагол *идти* (и производные), представляя к тому же наибольшее разнообразие значений, используется преимущественно в его конкретных значениях, контекстуально способствующих передаче образной мысли (микрообраза): *Он шел медленно, вытирая широким рукавом глаза* (Шукшин); *Сафонов шел, по махи в ая прутиком* (Бондарев). Ср. также: *...и ходил по-матроски — чуть враскачку* (Бондарев); *Он грузно прошел к двери...* (Шукшин) (примеры заимствованы из указ. соч. В.А. Салимовского) и т.п.

Подобная функционально-стилевая специализация касается и собственно текстовых единиц, тем самым *стилистика-речевая системность охватывает языковые средства в сех уровнях*. Например, наблюдается известная специализация и в использовании таких текстовых единиц, как функционально-смысловые типы речи (ФСТР), иначе, типы изложения. Если, например, рассуждение наиболее типично для научной речи (и строго организовано), то официально-деловой оно несвойственно (здесь формируются свои, специфичные именно для данной сферы общения ФСТР — подчеркнутой констатации, долженствования); для художественной наиболее типично (и даже специфично) повествование при наличии других ФСТР и т.д. Во-

обще в каждом функциональном стиле наблюдается своя «конфигурация» в использовании ФСТР, которая «вплетается» в общую речевую системность стиля и, следовательно, обусловлена задачами общения в конкретной его сфере.

Таким образом, одни и те же единицы — в том числе стилистически не окрашенные в системе языка — в контексте каждой конкретной речевой разновидности выполняют особую функцию, получают определенную функционально-стилевую окраску. Подчеркнем: именно в контексте данной речевой разновидности как элемент данной речевой системы. Конечно, все эти значения и функциональные возможности имеются у единиц в языке, но там они существуют в потенциале и не составляют собой системы.

Важно, что подобное явление наблюдается у очень многих средств разных уровней языковой системы. При функционировании языковых единиц появление у них в контексте той или иной речевой разновидности определенного значения и функциональной окраски строго закономерно; в этом обнаруживается зависимость функциональных значений от экстралингвистической основы стиля и в то же время диалектическое единство со спецификой стиля. Например, из того, что основная функция права — регулировать отношения между членами общества и государством, проистекает та общая специфическая стилевая черта деловой речи, которую можно назвать предписующе-долженствующей. Этим же обусловлена и безличность (неличный характер) деловой речи. Поэтому даже грамматические средства языка, которые считаются наименее стилеобразующими, функционируют здесь соответствующим образом; это же отражается на составе и частотности определенных языковых средств.

Итак, взаимосвязь единиц на основе определенного функционально-стилистического значения создается именно в конкретном контексте, отражающем традиционно-типовую сферу общения. Такого рода взаимосвязи единиц различных уровней нет в языковой системе (точнее, в ее структуральной модели). Объединение их, создание определенного стиля происходит именно в речи, в процессе функционирования, на ос-

нове выполнения конкретного коммуникативного задания. Так, потенциальные стилистические возможности единиц языковой системы реализуются, формируя конкретный речевой стиль. Закономерности функционирования языковых единиц имеют объективный характер.

§ 35. Покажем формирование речевой системности стиля на примере научной речи в сравнении ее с другими стилями, в частности с художественным.

Замечено, что среди основных стилевых черт научной речи имеются отвлеченность и обобщенность. Языковые единицы разных уровней, будучи употребленными в научной сфере общения, активизируют те свои значения и оттенки, которые являются наиболее отвлеченно-обобщенными. Отвлеченность и обобщенность научной речи выражаются всей ее организацией, средствами всех уровней, в том числе морфологического. Между употребляемыми здесь языковыми единицами существует взаимосвязь, обусловленная единым целевым заданием общения — выражением научных понятий и умозаключений, т.е. экстралингвистической основой стиля. Языковые единицы в контексте научной речи оказываются взаимосвязанными на основе одного общего функционально-семантического значения — отвлеченно-обобщенного — и тем самым придают речи единую функционально-стилевую окрашенность, формируют одну из специфических стилевых черт данной речевой разновидности.

Так, для научной речи очень характерно широкое использование отвлеченной лексики (кстати, многочисленная терминология представляет как раз этот лексический пласт); даже конкретные по своей семантике слова получают в научном тексте обобщенное значение, например: *В лабораториях берут воронку* (воронку вообще, а не конкретную); *Ухо — анализатор звуков*; *Дуб — порода светолюбивая*. Здесь выделенные слова, сами по себе конкретные, выражают общее понятие, а не представление о конкретном предмете.

Совсем иное наблюдается в художественной речи. Здесь не только значительно меньше абстрактной лексики, но обычно и упот-

ребяющиеся отвлеченные слова конкретизируются благодаря образному их употреблению. Ср., например, *...прокрадывался унылый страх* (Тургенев); *На вызревшее в золотом цветении чувство наступил Гришка тяжелым сыромятным чириком* (Шолохов).

Отвлеченность и обобщенность лексического уровня как бы ведут за собой аналогичную черту морфологическую: среди используемых здесь форм глаголов, существительных, прилагательных, местоимений и т.д. получают большую частотность именно наиболее отвлеченно-обобщенные по своим значениям. Здесь широко используются, как указывалось, глаголы во вневременном значении, в виде абстрактного настоящего. Среди глагольных форм настоящего времени это значение оказывается преобладающим (98—99%). Глаголы настоящего времени в научной речи вообще составляют подавляющее большинство (около 70% от всех временных форм). В результате получается, что в научном изложении преимущественно используются формы настоящего времени с абстрактным значением: *Водород при горении образует воду. Азот соединяется с кислородом. Корень растет подобно стеблю, удлиняясь* и т.п. Характерно, что эта черта (отвлеченность значения) распространяется и на другие времена глагола. Так, будущее в научной речи очень часто используется в «опустошенном» (ослабленном) грамматическом значении (ср.: *Х выстрелов будет случайной величиной* в смысле: «является, оказывается»), оно синонимично настоящему вневременному. Это же касается и значения форм прошедшего.

Отвлеченно-обобщенный характер имеют в контексте научной речи и формы лица глаголов, и личные местоимения. Например, местоимение *мы*, как и 1-е лицо множественного числа глаголов, используется в типичных для научной речи обобщенных или грамматически ослабленных значениях: *Мы* (т.е. всякий человек вообще. — М.К.) *можем различать две близкие яркости. Все замечаемое нами мы ясно различаем как вещество или как явление* и т.п.

Не менее показательно употребление ряда грамматических категорий существительного. Так, формы единственно-

го и множественного ч и с л а существительных в контексте научной речи очень часто используются в значениях, к которым, по сути, неприложимо понятие числа, счета, т.е. в значениях обобщенно-отвлеченных: *образование воды при горении воска; большое разнообразие процессов* и т.п. Это происходит главным образом потому, что большой процент среди существительных (особенно среднего рода) составляют в научных текстах абстрактные или вещественные существительные.

Совсем иное характерно для художественной речи, в которой подавляющее большинство существительных используется в единственном числе для указания на отдельные, считаемые предметы, а во множественном числе — на множество, совокупность также отдельных предметов. Кроме того, при олицетворении конкретизируется единственное число отвлеченных существительных.

Своеобразно в научной речи и употребление форм грамматического р о д а существительных. Более, чем в других стилях, здесь употребительны существительные среднего рода. Это преимущественно отвлеченные по значению слова (в отличие, например, от наиболее употребительных конкретных слов среднего рода в художественной речи — *лицо, окно, сердце* и т.д.). По мнению В.В. Виноградова и некоторых других ученых, средний род и по своей грамматической природе, и в лексическом наполнении является более отвлеченным по значению, чем мужской или женский, так как к существительным среднего рода принадлежат многие абстрактные слова. Это функциональное свойство данной грамматической категории и используется в научной речи.

Интересно также употребление к р а т к и х п р и л а г а т е л ь н ы х, которые в научном контексте приобретают отвлеченное значение, а именно — указывают на постоянство признака. Ср.: *Удельный вес минералов низок. Белковые вещества сложны* и т.п.

В художественной речи эти формы выражают временный признак: *Голос его был спокоен, хотя тоном ниже о б ы к н о в е н н о г о* (Лермонтов); *...т е п е р ь его открытое лицо было красиво* (Бунин). (Разрядкой выделены контекстуально конкретизирующие сопутствующие средства.)

Интересующая нас особенность научной речи проявляется и в с и н т а к с и с е. Она обнаруживает себя, в частности, в сравнительно широком использовании в научных текстах страдательных конструкций, неопределенно-личных, обобщенно-личных и безличных предложений, в сравнительном преобладании причинно-следственных связей и в другом.

На текстовом уровне специфика речевой системности научного стиля выражается в подчеркнутой связности предложений, типичности рассуждения, а также описания, но не повествования, в использовании и своеобразном выражении текстовых категорий гипотетичности, диалогичности и др.

Как видим, широкому кругу единиц лексического и грамматического уровней языка свойственно в научной речи отвлеченно-обобщенное функциональное значение. Такая целостная взаимосвязь языковых средств разных уровней по определенной стилевой черте, специфичной для данной речевой разновидности, и создает то ее качество, которое мы ощущаем как научный стиль. Большое значение в создании этого стиля имеет, как следует из сказанного, фактор ч а с т о т н о с т и (см. также главу «О некоторых общих закономерностях функционирования языковых средств в функциональных стилях»).

§ 36. *Итак, речевая системность функционального стиля — это взаимосвязь языковых средств в конкретной речевой разновидности (как внутри каждого языкового уровня, так и между уровнями), а также текстовых единиц на основе выполнения ими единого коммуникативного задания, обусловленного экстралингвистической основой данной речевой разновидности. Это взаимосвязь и системность на текстовой плоскости. Языковые средства связаны между собой по определенному функциональному значению, выражающему специфику стиля. В результате этой взаимосвязи образуется общая функционально-стилевая окраска речи, которой обладает также та или иная отдельная языковая единица в контексте данной речевой разновидности.*

Именно это качество стиля позволяет современному русскому языку — с его едиными и общеобязательными нормами, со

сравнительно небольшим количеством устойчиво стилистически окрашенных грамматических средств — создавать вполне определенные, ярко очерченные функциональные стили. Так одни и те же языковые единицы, неодинаково функционирующие в различных сферах общения, способствуют образованию различных стилей. Указанную системность можно назвать и стилистико-речевой.

Без учета этого свойства стиля, этой его способности, т.е. без понятия стилистико-речевой системности (при опоре только на стилистически маркированные в языке средства-приметы), невозможно объяснить формирование функциональных стилей на современном этапе развития языка. По существу, на различие двух видов системности (в языке как *ergon* и в речи) указывал В.В. Виноградов, тем самым определяя понятие, близкое речевой системности. Ср.: «Связи и отношения языковых элементов однородной стилистической окраски опираются не на структурное качество языка, не на формы... а на социально-экс-пресивные оттенки, на свойства функционального использования языковых средств в многообразии видов общественно-речевой практики» (Виноградов В.В. *Стилистика, теория поэтической речи...* М., 1963. С. 201).

Как видим, речевая системность функционального стиля отличается от синтагматики языка — при понимании последней в сосюровском и структуральном смысле, ограничивающемся стандартными моделями и статичностью системы, с чем несовместима живая коммуникация в конкретных условиях общения. Отличается понятие речевой системности функционального стиля и от стилистической синтагматики (стилистики последовательностей), обрисованной Ю.М. Скребневым.

Понятие речевой системности функционального стиля вскрывает качественно иное явление. Оно позволяет, во-первых, показать единство взаимосвязей языковых единиц разных уровней в определенной речевой сфере и, во-вторых, объяснить эти связи, определить их обусловленность, принцип их образования.

Вопрос о стилях языка и стилях речи

§ 37. Вопрос о стилях языка и стилях речи — один из наиболее спорных в стилистике. Решение его связано, естественно, с более общей проблемой — определением языка, соотношением понятий языка и речи.

Представленное выше (см. главу о языке и стиле) толкование языка как динамической, функционирующей системы, стилистический аспект которой связан и по своему происхождению, и по реализации именно с речевой деятельностью, с функциональной стороной языка, его употреблением, по существу, снимает проблему противопоставления стилей языка и стилей речи.

Функциональные стили (определение см. в § 32) — это явление функционального аспекта языка, что и подчеркивается терминологически («типы функционирования языка», по удачному выражению Б.Н. Головина); в конечном счете — это языковые стили, или стили (разновидности) языка (Д.Н. Шмелев), поскольку имеется в виду лингвистический феномен — язык как функционирующая система. При этом тот же термин (определение-прилагательное *функциональные*) указывает, что данные разновидности связаны с динамической стороной языка: его функционированием в процессе речевой деятельности. И в этом смысле их можно назвать речевыми (если, конечно, не ограничивать понятие речи сосюрковским *parole* как явлением чисто индивидуальным).

Собственно определение *функциональный* у нас выступает как синоним *речевой* (если понимать речь как *energeia*). Заметим, что Б.Н. Головин отмечает функциональные стили и в аспекте языка, и в аспекте речи: «Каждый из них (функциональных стилей языка. — М.К.) реализуется в *речевых* стилях, поэтому читатели свободно различают художественные, публицистические, научные речевые стили» (Основы культуры речи. М., 1980. С. 270. Курсив наш. — М.К. С. 270).

Функциональными стилями, естественно, не исчерпывается стилистическое расслоение языка. Это, так сказать, базовые стили. В процессе функционирования языка в зависимости от

более частных задач общения в более конкретных сферах появляются и соответствующие (более «мелкие») функционально-стилевые разновидности (подстили и т.д.). Например, в научном стиле, помимо произведений собственно научного характера, можно выделить и научно-популярные и др. (см. об этом в главе о классификации функциональных стилей и в разделе «Характеристика функциональных стилей русского языка»). В них представлен вариант стиля в сфере научного общения, в котором наряду с признаками собственно научного стиля появляются другие, обусловленные реализацией «дополнительных» задач коммуникации — п о п у л я р и з а ц и е й научных знаний. Таким образом, научный стиль представляет собой своего рода инвариант ряда функционально-стилистических вариантов (разновидностей) в научной сфере общения в целом. (Ср. формулировку В.В. Виноградова: «...языковые стили (имеются в виду функциональные. — М.К.) становятся б а з о й для дифференциации многочисленных стилей... характеризующих усложненность и многообразие форм речевого общения».)

Итак, функциональный стиль — это одновременно и стиль языка (как инвариант), и стиль речи (как его конкретная реализация), а точнее, стиль ф у н к ц и о н а л ь н о г о а с п е к т а языка. Причем в процессе функционирования языка он может выступать как в более или менее чистом виде (в одних речевых ситуациях), так и в осложненном дополнительными признаками (в других ситуациях), не изменяющими, однако, существенно характер, т.е. стиль речи. Последнее важно, так как позволяет сводить варианты к одному инварианту. Кроме того, функциональный стиль как явление системное проявляется, существует реально именно в речи (*energeia*), в процессе функционирования языка и закрепляется в текстах, в их организации, или стилистико-речевой системности.

Если же иметь в виду аспект собственно строя языка (*ergon*), то в нем нет э т о й системности стиля (речевой, стилистико-функциональной), потому что принцип структурной организации абстрактной системы языка иной (понятийно-логический), реализованный в связях языковых единиц, составляющих пара-

дигматику и синтагматику языка. (Как известно, согласно концепции Ф. де Соссюра, это принцип значимости, ценности единицы в системе. Кстати, этот имманентный принцип, как верно указывает В.З. Панфилов, по существу, исключает социальность языка.) Здесь просто нет места речевой системности стиля (с ее конкретно-коммуникативной обусловленностью), которая образуется в процессе речевой деятельности на и н ы х основаниях, а именно к о н к р е т н ы х потребностях общения в тех или иных конкретных сферах и ситуациях (со всем грузом их экстралингвистических обусловленностей). «Стиль не может формироваться только стилистически маркированными языковыми единицами, так как они не составляют системы, достаточной для коммуникации в определенной сфере общественной деятельности. Поэтому, оперируя понятием «стиль языка», большинство лингвистов... подчеркивают о т с у т с т в и е в нем с и с т е м н о й организации...» (*Лариохина Н.М.* Вопросы синтаксиса научного стиля... М., 1979. С. 8). Потому-то Ф. де Соссюр закономерно исключает стиль из языковой системы, не находит в последней места для него, что логично с точки зрения его абстрактной системности.

§ 38. Встречающиеся иногда в лингвистической литературе высказывания о том, что функциональные стили — это абстракция, а реально существуют лишь стили, представленные конкретными текстами (в которых при этом наблюдаются отклонения от функциональных стилей), по меньшей мере некорректны. В этих высказываниях обнаруживается нестрогое оперирование терминами *абстрактный* — *конкретный*, как и *общее* — *единичное*. Прежде всего следует помнить, что аспект абстрактного и конкретного — это аспект гносеологический, а не самой «вещной» действительности. (Кстати, о неправомочности соотнесения дихотомии «язык—речь» с такими категориями диалектики, как *общее—отдельное*, *абстрактное—конкретное*, см. у В.З. Панфилова, а также в книге А.П. Шептулина «Система категорий диалектики» (М., 1978).) (Кроме того, *общее* и *единичное* н е и м е ю т с а м о с т о я т е л ь н о г о существования, а являются л и ш ь с т о р о-

н а м и предметов (объектов), которые присущи к а ж д о м у из них. В противном случае налицо номиналистическая позиция, согласно которой лишь единичное реально существует, а общее — «плод ума».) В свете сказанного в *отдельном, конкретном тексте имеются и общие черты, относящие его к какой-то группе текстов (к функциональному стилю), и в то же время непременно частные, индивидуальные, неповторимые, незапрограммированные* (о чем хорошо писал Л.В. Щерба), ибо всякое движение, деятельность, творчество, связанные с речью (речевой деятельностью), закономерно продуцируют новизну. Однако последнее не отменяет первого.

Иногда язык представляют как совокупность подязыков (субязыков), имея в виду среди них функциональные стили. В действительности в сознании общественных индивидов, очевидно, имеется о д н а система языка (хотя и сложная) с его полисемией и вариативностью единиц и норм. Кроме того, имеется представление о правилах использования языка в определенных сферах и ситуациях, т.е. обусловленных экстралингвистически п р и н ц и п а х отбора и сочетания языковых средств. В связи с этим можно считать, что в языковом сознании носителей языка имеется представление о функциональных стилях как особых принципах отбора и использования языковых единиц в различных сферах общения. Их можно именовать функциональными стилями языка (в узком смысле последнего слова), представляющими отражение соответствующих стилей речи, но только в этом смысле. Исходя из целей и задач конкретной коммуникации, говорящий использует язык с о о т в е т с т в у ю щ и м о б р а з о м (т.е., по словам Б.Н. Головина, приводит в действие соответствующий «режим работы»: Основы культуры речи. М., 1980. С. 266—267). Но, повторяем, создающаяся при том с и с т е м н о с т ь р е ч и принципиально и н а я, чем системность языка, так как она строится на к о н к р е т н ы х коммуникативных задачах.

§ 39. В процессе речеобразования (общения и мышления на языке) иначе: когда *ergon* функционирует, он сразу же как бы п е р е с т р а и в а е т с я под воздействием конкретных потребностей, задач общения. Это можно выразить и по-другому: языко-

вые единицы, используя в соответствии с правилами языковых норм (парадигматики и синтагматики), в то же время оказываются подвластны и другим законам — законам фонетики и орфографии, речеобразования, которые обусловлены комплексом действующих в той или иной сфере общения экстралингвистических факторов.

Таким образом, в процессе речеобразования стиль формируется задачами общения в данной сфере и всей совокупностью экстралингвистических факторов этой сферы, включая форму мышления, тип содержания и т.д. Движущей силой речеобразования, тем более стилиобразования, являются конкретные потребности общения той или иной его сферы: необходимость и стремление выразить наилучшим образом содержание и быть понятым. И поскольку комплекс действующих экстралингвистических факторов многообразен и каждый раз выступает в новых, в том числе и неповторимых, сочетаниях, а у носителя языка имеются лишь общие представления, приблизительные знания о принципах отбора и сочетания языковых средств, способствующих достижению эффективности общения в той или иной сфере, лишь нетвердые навыки, то для говорящего открываются большие творческие возможности, руководствуясь общими правилами, всякий раз по-новому строить речь. Это создает трудности овладения языком (не всякая речь оказывается коммуникативно эффективной), но зато в таком устройстве языка — залог творческого развития и самого языка, и человеческого познания мира.

Реальное функционирование языка — это речевая деятельность, ориентированная на норму и систему, но вместе с тем в какой-то степени и нарушающая их в том смысле, что нередко заново создаются комбинации языковых элементов. Напомним слова Л.В. Щербы: «В процессах говорения... мы часто употребляем формы, которых никогда не слышали от данных слов... все формы слова и все сочетания слов создаются нами в процессе речи... в условиях конкретной обстановки данного момента... речевая организация человека не может просто равняться сумме речевого опыта...» (О тройном аспекте... // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 24—25).

Функциональный стиль речи нельзя представить как и с п о л н е н и е известной (структурной, таксономической) модели языка, ибо процессом функционирования, использования языка в реальной действительности «дирижируют» законы коммуникации — цели и задачи общения в той или иной сфере и весь комплекс базовых экстралингвистических факторов.

Итак, в языке, в я з ы к о в о м с о з н а н и и носителей языка стиль существует в в и д е п р и н ц и п о в о т б о р а и с о ч е т а н и я языковых средств в социально значимых сферах общения. Эти принципы реализуются в процессе функционирования языка, создавая системность стиля. Стиль — это, конечно, не сами принципы, а то, что получается в речи в р е з у л ь т а т е реализации этих принципов (или правил). Однако если иметь в виду особенности я з ы к о в о г о с о з н а н и я говорящих (что, по-видимому, и подразумевал В.В. Виноградов), то в нем, очевидно, имеются именно указанные принципы.

В структурной же модели языка (в аспекте ее представления и описания) запечатлеваются в качестве р е з у л ь т а т а функционирования языка в разных сферах общения ф у н к ц и о н а л ь н о - с т и л и с т и ч е с к и е о к р а с к и, формирующиеся у языковых единиц, наиболее часто использующихся в тех или иных сферах.

По мнению В.В. Виноградова, кроме того, «в стилистику языка входит изучение... разных форм и видов экспрессивно-смысловой окраски», а систематизация стилей «может осуществляться на основе... противопоставлений... между частными системами выражения... (например, синонимии...)» (Стилистика, теория... М., 1963. С. 7—8.) Как известно, экспрессивных стилей как целостных образований В.В. Виноградов не признавал именно из-за отсутствия у них системности. Таким образом, в абстрактной языковой системе (структурной модели языка) экспрессивные стили, если употреблять это слово, существуют в виде ресурсов, но не систем, представляя структурную стилистику, иначе «стилистику ресурсов». Представление о всех этих ресурсах (разного рода окрасках, синонимии), конечно, имеется и в языковом сознании говорящих.

Такова наиболее вероятная и, по нашему мнению, реальная трактовка вопроса о стилях языка и стилях речи. Однако она представляет собой лишь одну из возможных точек зрения.

§ 40. Достаточно распространенным является мнение А.К. Панфилова, представленное в «Лекциях по стилистике русского языка» (М., 1972), которое опирается на высказывание В.В. Виноградова (1963). Стили я з ы к а понимаются как совокупности или «частные системы форм, слов, рядов слов и конструкций внутри единой структуры языка» (Лекции по стилистике... М., 1972. С. 5). Они и представляют функциональные стили языка — научный, деловой, публицистический и др., а стили речи базируются на этих языковых стилях, становящихся основой для дифференциации многообразных речевых проявлений (стилей): жанровых (дискуссия, доклад, лекция, беседа); соотносительных с устной и письменной формами речи; монологических и диалогических во всех их «внутренних» разновидностях; индивидуальных; стилей массовой коммуникации. Здесь, как видим, стили речи выступают как к о м п о з и ц и о н н ы е ф о р м ы современной устной и письменной речи во всем их разнообразии. Аналогична позиция по этому вопросу О.А. Крыловой (Лингвистическая стилистика. М., 2006).

Такое понимание соотношения языковых и речевых стилей подкупает простотой и вниманием к многообразию форм речевого общения. Однако эта *концепция уязвима в том отношении, что понятие «стиль» определяется в языковом и речевом аспектах на основе р а з н ы х принципов.* Тем самым единство языка / речи разрывается. Неясно, почему стилям языка — научному, деловому, публицистическому и т.д. — отказывается в таком признаке, как речевое проявление в соответствующих сферах общения? Ведь все эти стили реально существуют в речи, в определенных видах текстов, так же как и упоминаемые стили речи (доклад, лекция, беседа). В конце концов получается, что стили языка и стили речи, по существу представляющие собой единую цепь, явления одного порядка, искусственно разрываются. При этом стили языка трактуются как «системы слов, форм», т.е. в

структурном ключе, а стили речи — в аспекте функциональном. Противоречие здесь еще и в том, что функциональные стили, по самому своему происхождению связанные с функционированием языка в разных социально значимых сферах общения, выделяются (называются) лишь в аспекте языка (структурном), но отсутствуют среди стилей речи. Кроме того, здесь, как указано выше, нарушена диалектика категорий общего и особенного, а термин *язык* употребляется в узком смысле как его структуральная модель, но не как функционирующая система. (Еще раз напомним слова Г.О. Винокура: «Язык есть только тогда, когда он употребляется».)

Следует сказать, что взгляды В.В. Виноградова на проблему стилей языка и стилей речи, очевидно, еще не успели окончательно сформироваться ко времени публикации цитируемой работы (на которую обычно ссылаются по затронутому вопросу — *Стилистика. Теория поэтической речи... М., 1963*). Это видно хотя бы из того, что в тексте монографии «стили языка» выделяются на основе соотнесенности то с функцией, то со сферой общения; при этом слово *функция* используется не однозначно, по существу, дается три варианта классификации, на что указывает и сам автор. Кстати, на это обратил внимание И.Р. Гальперин, отмечая, что различие между стилями языка и стилями речи у В.В. Виноградова «остается не совсем ясно очерченным» (*Гальперин И.Р. Проблемы лингвостилистики // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1980. Вып. IX. С. 13*). И.Р. Гальперин считает, что вариативность стилей речи не могла затемнить то общее, что оказалось характерным для всех текстов данного «стиля», составляющее их инвариант. Отсюда «...существенного различия между стилистикой языка и стилистикой речи нет» (Там же). В свое время Б.В. Горнунг, полемизируя с В.В. Виноградовым и связывая явления стиля только с планом текста (а не языковой системы), отмечал, что тем самым снимается противопоставление стилистики языка и стилистики речи. (Анализ соответствующего раздела книги В.В. Виноградова «Стилистика. Теория поэтической речи...» (С. 5—14) см. во втором издании учебника.)

Вопрос о стилях языка и стилях речи подробно рассматривается Б.Н. Головиным, его трактовка при близости к только что рассмотренной имеет и отличия. Одно из них указано выше: это признание функциональных стилей и языка, и речи. Причем стили языка понимаются как «типы его функционирования, его структурно-функциональные варианты, соотнесенные с типами социальной деятельности» (Основы культуры речи. С. 267), т.е. их определение весьма близко нашему. Существенным и, несомненно, положительным моментом является указание на качественно-количественные показатели: функциональные стили отличаются друг от друга «совокупностями и системами различий в степени активности средств языка, достаточными для их интуитивного опознания в процессе общения» (Там же. С. 267—268). Именно качественно-количественная гипотеза, по справедливому заключению автора, «позволяет видеть в функциональных стилях языка т и п о в ы е в а р и а н т ы е г о ф у н к ц и о н и р о в а н и я в типовых условиях его применения» (Там же. С. 266). Это понимание стилей переключается с понятием «речевая системность функционального стиля» и образующейся при этом его общей макроокраской (об «окрашенности» стилей языка см.: Там же. С. 268), не имеющей ничего общего с внеконтекстуальными экспрессивными окрасками, не образующими стилей как системных образований.

Однако, характеризуя стили речи и называя среди них функциональные (научный, художественный, публицистический и др.), автор классифицирует их на разных основаниях (без попытки найти объединяющую их основу, принцип), выбор которых не мотивируется. В связи с этим определение стилей речи выглядит недостаточно убедительным, ср.: «Видимо, стили речи — это устойчивые («воспроизводимые») совокупности и системы особенностей ее языкового состава и построения, соотнесенные со стилями языка, целями и задачами общения, жанрами литературы, ситуациями общения и личностями авторов» (Там же. С. 271).

§ 41. Итак, наиболее конструктивным и объективно верным очевидно будет следующее решение рассматриваемого вопроса.

При понимании языка и речи как единства *функциональные стили* можно считать *стилями и языка, и речи*, иначе говоря, *стилями функционального аспекта языка* в процессе речевой деятельности, в реальности его употребления в актах общения. Однако такое понимание соответствующих терминов справедливо именно при трактовке языка в динамическом плане (языка как функционирующей системы). При узком же, одностороннем понимании языка указанное соотношение стилей языка и стилей речи отпадает.

Поэтому правомернее считать, что функциональные стили — это, безусловно, стили *речевые, реально существующие в речи* (со всеми их более частными разновидностями: подстилевыми, жанровыми и др.), в процессах речевого общения. Само по себе явление стиля — явление текстовое (иначе говоря, речевое). Известно, что в системе языка нет достаточных средств стилевой окраски какого-либо определенного функционального стиля (тем более каждого из стилей). Функциональный стиль *создается в процессе употребления языка*, в языковой практике и выражается в речевой системности, принципиально отличной от устройства системы языка (его парадигматики и синтагматики).

Функциональные стили *можно называть языковыми только в смысле того, что это лингвистическое* (а не литературоведческое или какое-либо иное) *явление*, существующее в сознании говорящих. В.Г. Костомаров, например, неоднократно отмечает, что особенности каждого текста и текстовых группировок не могут быть заданы составом и строением самого языка, но внеязыковыми потребностями (*Костомаров В.Г. Наш язык в действии. М., 2005*).

Представленное нами в итоге соотношение функциональных стилей языка и стилей речи опирается на современное понимание единства языка / речи. Так, Н.Д. Арутюнова отмечает: «Речь и язык (система языка) в совокупности образуют *единый феномен языка*» (*Арутюнова Н.Д. Речь // Русский язык. Энциклопедия. М., 1997. С. 417. Разрядка наша. — М.К.*). Г.В. Колшанский в своей последней монографии пишет: «Если рассматривать язык в его реальной функции, т.е. в функции общения, то

каждое реальное звено цепи общения может квалифицироваться... как речевой акт... а так как коммуникативный акт является, естественно, языковым, то синонимичным выражением может считаться и «речевой акт». ...Существование языка равнозначно его речевому статусу, поскольку речевая деятельность и есть само осуществление языкового общения» (Разрядка наша. — М.К.) (Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984. С. 22).

В конечном счете решение вопроса о стилях языка и стилях речи зависит от толкования терминов-понятий *язык* и *речь* и их соотношения.

Если рассматривать *язык* и *речь* как *двуединство* — согласно указанному определению Н.Д. Арутюновой, — *то по аналогии функциональные стили* в качестве существующих в *сознании* людей принципов отбора и сочетания языковых средств в разных сферах общения, *т.е. как абстракция, будут языковыми*. Однако *реально существующими они являются в речи*, в процессах речевой деятельности и общения. Эти два аспекта надо различать, а не подменять один другим и не абсолютизировать каждый из них. Функциональная стилистика как наука речеведческого плана изучает *процессы употребления* языка, а значит, функциональные стили речи. См. также § 8.

Неразличение этих двух аспектов и разрыв указанного единства создает путаницу в стилистических исследованиях, которой следует избегать.

О языковых навыках и типах речевой культуры

§ 42. Вопрос о стилях языка и речи тесно связан с вопросом о языковых навыках (навыках владения языком) говорящих. При этом язык как закодированная в сознании система единиц и принципов их употребления может быть, очевидно, представлен, во-первых, в обобщенном виде как потенциальная, готовая к употреблению система; во-вторых, как язык в процессе речевой деятельности. Следует учесть при этом поло-

жение, хорошо сформулированное А.С. Мельничуком: «Наиболее непосредственно языковые навыки проявляются именно в процессах речевой деятельности, и, хотя они существуют в сознании носителей и в периоды перерыва между речевыми актами, их осознание осуществляется лишь в связи с психологической подготовкой к речевому акту или восприятию» (*Мельничук А.С. Язык как развивающаяся реальная система // II Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания «Диалектика развития языка»: Тезисы докладов. М., 1980. С. 5).*

Таким образом, какой-либо конкретный язык в целом — это, с одной стороны, абстрактная система в том смысле, что полностью он воплощен лишь в сознании носителей данного языка, как и во всем континуме текстов. Язык отдельного индивида (и отдельного текста) не совпадает с языком вообще не только по полноте состава, но и по тем индивидуальным вариациям, от которых «отвлекается» языковая система в целом.

Интересные мысли по затронутым вопросам находим в уже упоминавшейся статье А.С. Мельничука: «...абстрактная система имеет и практическое значение: оформленная в виде школьного курса языка, зафиксированная на письме в учебниках, абстрактная система лучше усваивается носителями языка, накладывается на приобретенные в детстве языковые навыки и начинает контролировать и направлять их дальнейшее развитие» (Там же. С. 6). И далее: «Закрепляясь в сознании и исследователей, преподавателей, а затем и всех грамотных носителей языка, абстрактная система языка заменяет собой конкретное представление о действительной природе языка» (Там же. Разрядка в цитатах наша. — *М.К.*).

По-видимому, целесообразно в аспекте стилистики говорить о двух степенях овладения языком носителями конкретного языка, или двух ступенях языковых навыков. Однако эти две ступени не следует абсолютизировать и представлять дело так, что вторая целиком и исключительно следует за первой. В реальной действительности они могут и совме-

щаться, но в о б щ е м такое подразделение имеет смысл и отражает процесс формирования языковых навыков (ср. характерный для человека творческий подход в детском языке).

Первая ступень представляет собой в основном овладение строем языка, т.е. инвентарем языковых единиц, грамматических категорий и элементарными правилами их сочетания, иначе парадигматикой и синтагматикой языка (кстати, эти навыки шлифуются школой в процессе обучения языку — в этом практический «выход» науки о языке). Применительно к стилистике эту ступень можно назвать, пользуясь традиционной терминологией, «ступенью правильностей», т.е. нормативного употребления языка.

Подобным оказывается обычно и овладение иностранным языком. Подчеркнем, что эти навыки касаются реализации не только парадигматики, но и синтагматики языковой системы. При этом синтагматика понимается в том виде, как ее описывал, например, Ф. де Соссюр, ограничивавший ее стандартизированными словосочетаниями, фразеологией, моделями предложений и некоторыми типизированными высказываниями, относя в целом свободные реальные высказывания окказионального, т.е. творческого, характера — иначе говоря, всю реальность общения — к речи (см.: «Курс общей лингвистики»).

Вторая ступень, которую условно назовем творческим владением языком, составляет владение в известном смысле искусством слова. (Вспомним, что в свое время В.Г. Белинский, подчеркивая разницу между грамматикой и стилистикой, писал, что «говорить правильно и говорить хорошо — совсем не одно и то же», а А.М. Пешковский подчеркивал, что стиль речи — это не просто ее правильность, а искусство.) Владение искусством слова представляет собой действительное знание языка и свободное владение его богатствами, и именно с ним связано выражение тонкостей общения на языке, выразительность и коммуникативная эффективность речи. Именно вторая ступень называется ступенью функционально-стилистической.

Применительно к аспекту нормы литературного языка и вопросам культуры речи аналогичное мнение о двух степенях

(ступенях) владения языком и языкового сознания представлено в работах Г.В. Степанова и Л.И. Скворцова; впервые же подобная идея была высказана, как известно, Г.О. Винокуром в его книге «Культура языка». Так, Л.И. Скворцов говорит о целесообразности ввести членение в общее понятие «культуры языка (речи)» и говорить о «д в у х с т у п е н я х о с в о е н и я л и т е р а т у р н о г о я з ы к а и д в у х с п о с о б а х в л а д е н и я и м . П е р в о й , н и з ш е й с т у п е н ь ю о к а з ы в а е т с я п р а в и л ь н о с т ь р е ч и » . В т о р о я , в ы с ш а я с т у п е н ь с в я з а н а с о ц е н к о й в а р и а н т о в : « л у ч ш е — х у ж е , т о ч н е е — у м е с т н е е » (*Скворцов Л.И.* Теоретические основы культуры речи. М., 1980. С. 95—96. Разрядка наша. — *М.К.*).

Влияние на речь экстралингвистических факторов не поддается полному учету и потому не может быть заранее запрограммировано в системе языка. Да это и не нужно, так как именно свобода языкового творчества, заложенная в системе языка и взаимосвязанная с творческим мышлением, позволяет эффективно осуществить предназначение языка в обществе — быть гибким средством общения, мышления, познания.

Говоря языком школьной методики, первая ступень связана с изучением фонетики, лексики и грамматики языка, а вторая — с так называемым развитием речи, опирающимся на развитие творческого мышления, практического усвоения стилистики. Автоматизм первой ступени является лишь условием для овладения второй. Овладение функционально-стилистическими богатствами и законами употребления языка не всем дается с одинаковой легкостью. Одни обладают «чутьем языка», другие — нет. Не случайно существуют выражения «муки слова», «дар речи» (последним наделен не каждый, но его можно развить). Если системой языка на уровне правильностей владеют все грамотные люди, то далеко не все из них оказываются хорошими ораторами, просто рассказчиками, далеко не все владеют навыками общения в различных сферах устной и письменной речи (т.е. нормами различных функциональных стилей). Ср. элементарные случаи — трудности при составлении того или иного делового документа, устранимые лишь после специального обучения.

Владению нормами различных функциональных стилей нужно специально обучать даже филологов. Наименьшие трудности вызывает овладение разговорно-бытовой речью. И не только потому, что она не ограничивает функционирование строгостью правил, отличается сравнительной узостью ситуаций и содержания речи, отсутствием полноты оформленности речи (так как последняя понимается с полуслова), но и потому, что разговорная речь обладает специфическими функционально-стилистическими особенностями. Ей свойственна как бы непосредственность выражения эмоционального мира в интонациях, эллиптической структуре фраз, готовом фонде эмоционально-экспрессивной лексики. Не случайно в языке круг средств именно с этими коннотациями превосходит другие слои лексики (с книжными, высокими и т.п. окрасками). Отсюда богатая функционально-стилистическая и эмоциональная насыщенность разговорно-бытовой речи.

§ 43. Связано ли приобретение языковых навыков второй ступени (овладение искусством речи) с каким-либо определенным уровнем языковой системы? В принципе — нет. Однако наибольшие трудности овладения речью обнаруживаются на синтаксическом и особенно на текстовом уровне. Овладение связной речью (не только в письменной форме, но и в устной; ср. выступления на собраниях, по радио и т.д.) требует действительно больших усилий от говорящего (пишущего).

Трудности овладения речеобразованием обусловлены не только тем, что закономерности функционирования языка еще очень мало изучены и не описаны в виде сводных функциональных грамматик, но и тем, что для образования текста вовсе не достаточно знания комплекса языковых единиц и правил их сочетания. Поэтому для овладения техникой текстообразования — отнюдь не одинаковой в различных сферах общения — требуется чтение (и анализ) литературы в соответствующей области. Язык, в частности его функциональная природа, закрепляется в готовых продуктах — текстах. Поэтому изучение текстов, их типологии — единственный путь постижения функционально-стилистического богатства языка, законов его функционирования. Но изучает и описывает закономерности построения

текстов функциональная стилистика; в этом ее практическое значение. Анализ различных видов текстов, знание их специфики, законов построения, закономерностей функционирования в них языка будет способствовать осознанию второго, функционально-стилистического, уровня (ступени) культуры речи и поможет практическому овладению им. Этим определяется значимость стилистики и анализа текста для студентов вузов, призванных воспитывать эти навыки у учащихся школы.

Итак, в сознании большинства носителей языка в навыках владения языком налицо преимущественно лишь первая ступень, соотносительная с абстрактной, в основном логико-понятийной, системой языка. В этом состоит не только положительное, но и негативное, «обратное» влияние абстрактной системы на язык, а именно на речевую культуру общества (причем потому, что эта система понимается и описывается вне функционального аспекта). Это проистекает отчасти из-за того, что средняя школа ограничивается в основном преподаванием языка на уровне этой первой ступени, оставляя в тени функциональную, в частности функционально-стилистическую. Задача школы — обеспечить преподавание языка на функциональной, в том числе стилистической, основе (что в последнее время уже начинает осуществляться). Но для реализации этой общественно важной задачи требуется, естественно, развитие самой стилистики как науки.

Стремление понять и описать реальность языка неизбежно предполагает выход за пределы узкосистемного, структурного его представления и восполнения его функциональным, точнее, коммуникативно-функциональным, речеведческим. Отсюда возрастание роли и значения функциональной стилистики как в теории языкознания, так и в методике преподавания языка.

Следует учесть, что владение тем или иным функциональным стилем речи в полной степени происходит в процессе самой практической деятельности в соответствующей сфере. Оно, естественно, не является врожденным, как и язык вообще, что лишний раз подчеркивает социальность языка и связь его с че-

ловеческой деятельностью. Хорошее, свободное владение публицистическим, научным, официально-деловым и тем более художественным стилем требует профессионализма. Однако знание своеобразия этих стилей и элементарные навыки владения ими необходимы каждому культурному человеку, например умение написать тот или иной текст в соответствующем стиле (заметку в газету, научно-популярную лекцию или статью, протокол, акт и т.д.). Кроме того, знание законов функционирования языка и специфики стилей способствует лучшему восприятию и пониманию (а также объективной оценке) соответствующих текстов, что важно учитывать в практике их редактирования.

§ 44. Вопрос о разных степенях владения языком изучается в последние годы и с лингвокультурологических позиций.

Отправным пунктом его разработки стали мысли Н.И. Толстого об изоморфизме структур национальной культуры и конкретного языка и о целесообразности применения в отношении культуры терминов-понятий, выработанных в языкознании. По мнению ученого, сложившейся в лингвистике стратификации форм национального языка соответствует стратификация разновидностей национальной культуры: литературный язык соотносим с культурой элитарной («книжной»), территориальные диалекты — с культурой народной, просторечие — с промежуточной культурой, арго — с традиционно-профессиональной культурой (*Толстой Н.И. Язык и культура // Русский язык и современность. М., 1991. Ч. 1.*).

В дальнейшем эта дифференциация культурно-языковых стратов была конкретизирована, а указанная проблематика стала осмысливаться не только применительно к национальному языку и национальной культуре в целом (главным образом с этнолингвистических позиций), но и в аспекте теории литературного языка. Так, согласно концепции О.Б. Сиротининой, носители литературного языка, отличаясь друг от друга уровнем и характером образования, родом деятельности, отношением к выработанным за века правилам общения, образуют не одну, а несколько культурно-речевых общностей (См.: *Сиротинина О.Б. Русский язык в разных типах речевых культур // Русский язык сегодня. М., 2000*). По степени соответствия коммуникативному идеалу автор различает полнофункциональный, неполнофункциональный, среднелите-

ратурный, литературно-жаргонизирующий и обиходный типы речевой культуры.

Полнофункциональный тип свойствен людям с высшим образованием и наиболее высоким уровнем общей культуры. Он предполагает использование всех возможностей лексической и грамматической системы литературного языка при осторожном и целесообразном применении внелитературных средств, а также иностранных слов. Для него характерны: соблюдение всех ортологических норм, владение всеми функционально-стилевыми разновидностями литературного языка, умение свободно переходить с одной разновидности на другую в зависимости от условий общения. Обязательно соблюдаются все этические нормы, проявляется безусловное уважение к собеседнику. Это эталон владения литературным языком, который достигается в речевой практике сравнительно немногих наших современников.

Значительно шире представлен *неполнофункциональный тип*. Его носителями тоже являются люди с высшим образованием, но при этом не столь высоким уровнем общей культуры, как в предыдущем типе. Коммуниканты используют не все богатства литературного языка, эпизодически допускают ортологические ошибки, не владеют свободно многообразием функциональных стилей и жанров, их устная речь ориентирована на письменную форму общения. Иногда ими нарушаются этические нормы, но грубые нарушения редки. По определению О.Б. Сиротининой, «это как бы несформировавшийся полнофункциональный тип речевой культуры» (Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2006. С. 344).

Среднелитературный тип охватывает большинство лиц со средним образованием, но распространен он и среди людей с высшим образованием. В этом типе речевой культуры отступления от ортологических норм регулярны. Его носители, помимо разговорной речи, владеют еще одним функциональным стилем, связанным с их профессией. Зачастую они смешивают средства устной и письменной речи. Нередки нарушения этических норм, в том числе неоправданный переход на «ты-общение», особенно в разговоре с собеседником более низкой социальной роли. Иногда используются грубые слова и выражения.

В последние годы средствами массовой информации формируется *литературно-жаргонизирующий* тип. Его носители обычно вполне владеют нормами литературного языка,

но, утверждая в обществе свою манеру речевого поведения, не считают нужным строго им следовать. Коммуниканты реализуют установку на иронично-нигилистическое отношение к действительности и в связи с этим на снижение речи, для чего используют любые нелитературные средства, очень широко — просторечные и жаргонные; без необходимости употребляют иностранные слова.

Обиходный тип речевой культуры характеризуется тем, что его носители — нередко это молодежь — владеют лишь разговорной речью и потому беспомощны в устном публичном и письменном общении. Они не умеют строить монолог, не владеют «репертуаром» речевых жанров разных коммуникативных сфер, очень часто допускают ортологические ошибки. Из-за малого словарного запаса собеседники используют в основном наиболее частотные слова и обороты речи. Неумеренно употребляются жаргонная и грубая (в том числе табуированная) лексика.

Исследования типов речевой культуры показывают, таким образом, что переход от первой ее ступени ко второй осуществляется разными группами носителей литературного языка неодинаково успешно, что эти группы существенно различаются с точки зрения умения выразительно и эффективно использовать языковые ресурсы в речевой коммуникации. Из этой концепции также следует, что лингвистическая стилистика изучает ценности и нормы речевого общения, составляющие содержание высшего — полнофункционального — типа речевой культуры. Другие типы отличаются от него и друг от друга отношением коммуникантов к этим ценностям и нормам — от стремления их усвоить и реализовать в речи (неполнофункциональный тип) до их отрицания (жаргонизирующий тип).

**Лингвистические
и экстралингвистические факторы в стилистике.
Основания классификации функциональных стилей
и дальнейшая дифференциация
функциональных разновидностей языка.
Полевая структура функционального стиля**

§ 45. Проблема лингвистического и экстралингвистического в стилистике является одной из центральных. Так, в «Тезисах

Пражского лингвистического кружка», как и в других трудах лингвистов Чехии, Словакии и отечественных ученых функционального направления, подчеркивается влияние на характер высказывания целенаправленности общения, а также его сферы, ситуации, жанра и других неязыковых факторов. В связи с развитием коммуникативной лингвистики и усилением интереса к проблемам текста вопрос о влиянии на речь экстралингвистических факторов становится все более актуальным и в мировом языкознании (В. Лабов, Т. Тейлор, Р. Фаулер, Р. Познер, М.А.К. Халлидей, М. Фуко, П. Сериио и др.).

Разные уровни языка неодинаково связаны с экстралингвистическими явлениями. На уровне лексики эти связи непосредственны и очевидны, а в фонетике и морфологии они менее заметны. Стиль по сравнению с другими аспектами языка особенно тесно и глубоко связан с экстралингвистикой. Это и понятно: стиль формируется в результате функционирования языка в конкретном высказывании под воздействием экстралингвистических факторов. Функционирование языка и все стилистические изменения не осуществляются вне места, времени и самих участников общения. Все это вместе взятое непременно сказывается на характере речи, на окрасках языковых единиц, взаимосвязях элементов высказывания и в целом на речевой организации. Причем изучение этих явлений ни в коей мере не отвлекает нас от лингвистического, потому что мы изучаем **з а к о н о м е р н о с т и ф у н к ц и о н и р о в а н и я я з ы к о в ы х е д и н и ц**, т.е. функциональный аспект языка. Итак, стиль — это явление, теснейшим образом связанное с экстралингвистическим фактором, точнее, обусловленное им. Это явление, которое может быть понято только при учете целей, задач, ситуации и сферы общения, а также самого содержания высказывания в стилистическом аспекте.

Не случайно в качестве оснований классификации функциональных стилей и дифференциации иных стилистических разновидностей языка большинством ученых избираются именно экстралингвистические факторы, рассматриваемые, конечно, в единстве с собственно лингвистическими. Эти факторы лежат в

основе определения понятия «функциональный стиль», предложенного В.В. Виноградовым, и других понятий и категорий стилистики: «стилистика окраска», «стилевая черта», «стилистика норма» и т.д.

Известны детальные разработки целых комплексов внелингвистических факторов, под воздействием которых формируются функциональные стили (см.: В.В. Виноградов, О.С. Ахманова, А.Н. Васильева, К. Бюлер, Б. Гавранек, К. Гаузенблас, М. Елинек, Дж. Кэрролл, Й. Мистрик и др.).

Для отечественного языкознания, с его интересом к социальной сущности языка и вопросам его функционирования и развития, характерно исследование проблемы взаимодействия лингвистического и экстралингвистического, воздействия неязыковой действительности на язык. А поскольку функциональные стили образуются под воздействием экстралингвистических факторов, то целесообразно давать их определение и классификацию на этой основе. Мы уже видели, что лишь на собственно лингвистической основе стили как системные образования не существуют.

§ 46. Какой же (или какие) из множества экстралингвистических факторов положить в основу классификации функциональных стилей? Казалось бы, естественно исходить из различных функций языка. Однако попытки дать классификацию, основываясь на этом принципе, не увенчались успехом. Ср., например, отсутствие дифференцирующего начала в известной классификации стилей, в которой на основе трех называемых функций выделяются пять стилей: функция общения (разговорный), функция сообщения (деловой и научный), функция воздействия (художественный и публицистический) (*Виноградов В.В.* Стилистика. Теория... 1963). А вопрос, на каких основаниях разделяются указанные «пары» стилей, игнорируется. (См. анализ этой проблемы в кн.: *Шмелев Д.Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977. С. 9—16.)

Неудачи классификации стилей на основе функций обуславливаются и тем, что сама проблема функций языка недоста-

точно разработана и решается неоднозначно, особенно если рассматривать ее в аспекте дихотомии языка и речи. Невозможность дать классификацию стилей на основе функций языка связана с тем, что они обычно присутствуют в к а ж д о м рече-вом акте. А такие функции речи, как сигнальная, магическая, этническая, эмотивно-волево-волевая, не охватывают всех сторон проявления языка.

Как говорилось выше, определение функционального стиля опирается на сферы общения, соотносительные с видами деятельности и формами общественного сознания. Очевидно, эти факторы и надо учитывать при классификации стилей.

Поскольку язык есть действительное сознание, то, очевидно, при определении и систематизации функциональных стилей логично опираться на известные ф о р м ы о б щ е с т в е н н о г о с о з н а н и я (наука, политика, право, религия, искусство), тем более, что каждой из них соответствует определенный вид деятельности и социально значимая, типизированная и традиционная сфера общения со сложившимися принципами употребления языковых средств, образующих своеобразную стилистико-речевую организацию. В качестве экстралингвистической основы разговорно-бытового стиля следует назвать обыденное сознание в сфере бытовых отношений и общения, а в конечном счете — быт как область отношений людей вне их непосредственно производственной и общественно-политической деятельности.

Таким образом, на указанной экстралингвистической основе выделяются функциональные стили: научный, деловой, публицистический, художественный, религиозный, разговорно-бытовой. В каждой названной сфере общения имеется свой б а з о в ы й комплекс стилеопределяющих (или стилеобразующих) факторов, обуславливающих специфику данного функционального стиля. В него входят: н а з н а ч е н и е соответствующей формы общественного сознания (науки, права и т.д.), характерная для него ф о р м а м ы с л и, а также т и п с о д е р ж а н и я и определяемые всем этим ц е л и и з а д а ч и общения в определенной сфере деятельности. Этот комплекс обуславливает

наиболее целесообразное использование языка в каждой названной сфере для осуществления в ней эффективной коммуникации. Он в известной степени определяет и более частные, вторичные факторы, например: совокупность жанров, преимущественные функционально-смысловые типы речи и др.

Функциональные стили представляют собой *основные*, наиболее социально значимые речевые разновидности. В то же время они составляют глубинные и наиболее типизированные стилевые особенности речи в той или иной сфере общения. Однако речь, испытывая влияние различных факторов, может приобретать вместе с тем и иные стилевые особенности, как бы более частные, наслаивающиеся на основные и реализующиеся в конкретном тексте. Как видим, функциональная разновидность речи, соотносительная с той или иной сферой деятельности и формой сознания, имеет *иерархическое* строение, а точнее — *полевую структуру*.

§ 47. В реальной языковой действительности функциональные разновидности речи (функциональные стили) существуют как в виде наиболее «чистого» и типичного представления специфики данного стиля (научного, официально-делового и т.д.), так и в вариантах, более или менее близких к нему либо отдаленных, т.е. составляющих ядро (центр) стиля и периферию.

В речевом континууме, таким образом, имеются не только типичные реализации функционального стиля, поскольку на функционирование языка оказывают воздействие не только базовые факторы. Следует говорить о сложной иерархии экстралингвистических факторов, так или иначе влияющих на использование языка говорящим. Тем не менее не все факторы оказывают *существенное* влияние на характер речи, не все являются стилепределяющими. Иерархии экстралингвистических факторов (по разной силе их стилепределяющей значимости) соответствует иерархия в функционально-стилевой дифференциации языка (речи). Схематично это можно представить следующим образом.

Каждый функциональный стиль подразделяется на подстили, а они, в свою очередь, на еще более частные разновидности

и т.д., вплоть до проявления в речи индивидуального своеобразия. Такое деление не означает, что утрачиваются черты более «крупных» речевых разновидностей («макростилей»). Например, *во всех частных («подстилевых», жанровых и др.) разновидностях научной речи сохраняются основные специфические черты, свойственные вообще научному стилю*. Вместе с тем в зависимости от влияния на речь частных экстралингвистических факторов — отрасли науки, жанра, популяризаторских задач, способа изложения, проявления в речи авторской индивидуальности и др. — конкретное высказывание (текст) обычно имеет, кроме основных, специфичных вообще для научной речи, ряд частных стилевых особенностей, которые как бы наслаиваются на основные, сосуществуют с ними либо отчасти модифицируют их.

§ 48. Таким образом, функционально-стилевое расслоение речи не сводится, естественно, к шести основным стилям, оно представляет собой чрезвычайно сложную картину. К тому же в реальной действительности стили взаимодействуют, и тот или иной конкретный текст или даже жанр в целом может совмещать черты разных стилей; в этом случае он «находится» в области пересечения стилей.

Как отмечено, функционально-стилевое расслоение языка удобно представить в виде *полевого структурирования*, а именно так, что у каждого стиля есть центр и периферия. Центр составляют тексты, наиболее «чисто» и полно эксплицирующие специфику данного функционального стиля, а в области периферии находятся тексты, менее «чисто» представляющие его специфику, т.е. с видоизменениями и наслоениями, в том числе «заимствованными» от других стилей, так как именно на периферии, в пограничной «зоне» наблюдается пересечение функциональных стилей и наиболее возможное их взаимодействие. *Однако до тех пор, пока тот или иной конкретный текст заключает в себе специфические черты соответствующего стиля, он, очевидно, относится к последнему; на периферии же находятся слабо выраженные и переходные стилевые (частные) разновидности. Итак, стиль «построен» по принципу поля, а сами эти стили*

взаимодействуют и влияют друг на друга преимущественно в периферийной области.

Например, на пересечении деловой и научной речи и, следовательно, на периферии каждого из этих функциональных стилей находится текст и стиль и н с т р у к ц и и как жанра. Либо медицинская э к с п е р т и з а при расследовании какого-либо судебного дела, текст которой совмещает черты официально-делового документа (с соблюдением всех правил этого жанра) и стиля научной речи. Или обсуждение в Госдуме какого-либо закона при его составлении и утверждении представляет собою реализацию нескольких стилей: законодательного (официально-делового) и публицистического, но еще и разговорного (поскольку обсуждение происходит в устной форме).

Полевая структура функциональных стилей в речевом континууме напоминает отчасти картину стилей как концентрических кругов (Л.В. Щерба).

§ 49. Проблема научно обоснованной классификации стилей и их дальнейшей («внутренней») дифференциации чрезвычайно актуальна и имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение, в особенности для культуры речи, литературного редактирования, методики обучения языку. Между тем, хотя эта проблема и не осталась вне поля зрения лингвистов, как и связанная с ней проблема экстралингвистических факторов функциональных стилей, она решалась нередко на интуитивном уровне, потому требует дальнейшего специального и комплексного исследования. Только комплексное исследование (особенно относительно таких сфер, как научная, законодательная) может дать действительно научно обоснованную классификацию.

Иногда пишут об отсутствии единообразной классификации функциональных стилей. Однако степень различий известных классификаций преувеличена. Как правило, принципиальных разногласий не наблюдается. Впечатление разнобоя большей частью создается из-за нежелательной синонимичности терминов (ср., например, наименования стиля в сфере право-

вых отношений: *деловой, официально-деловой, административный, канцелярский, законодательный*). Поскольку стиль речи зависит от множества экстралингвистических факторов, необходимо разобраться в их стилеобразующей значимости, силе и степени их воздействия на характер речи (говоря языком статистики, существенности или несущественности их влияния). Следует различать первичные и вторичные, сильные и слабые, наконец, стилеобразующие и нестилеобразующие экстралингвистические факторы. Так, например, в сфере письменной научной речи такой фактор, как жанр, оказывается слабым стилеобразующим (статья, монография, очерк почти не различаются относительно проявления специфических черт научного стиля), тогда как в официально-деловой речи этот фактор (жанр) оказывается более сильным.

В связи с влиянием на стиль речи множества факторов различаются, например, разновидности монологической и диалогической речи; массовый или немассовый характер коммуникации; разновидности массовой коммуникации (диспут, беседа, симпозиум и др.), не говоря о влиянии на свойства стиля особенностей содержания, проявления в нем авторской индивидуальности. Сильное воздействие на характер речи оказывает и форма общения — устная или письменная. Все функциональные стили известны как в письменной, так и в устной форме. Правда, существование некоторых стилей в устной форме ограничено (художественный, официально-деловой), а для других именно устная форма наиболее типична (разговорно-обиходный).

Трудности учета воздействия на стиль экстралингвистических факторов усугубляются проявлением в речи и таких индивидуальных черт говорящего, как темперамент, языковые привычки, уровень и характер образования, интересы и склонности, настроение в момент речи. В лингвистической литературе последнего времени (отечественной и зарубежной) среди факторов, влияющих на речь, отмечаются также возраст, образовательный ценз, годовой доход, семейное положение и т.п. По-видимому, не все из названных факторов оказываются в одинаковой мере стилеопределяющими и даже вообще способными влиять на

определение стиля. Во всяком случае, они находятся за пределами внимания функциональной стилистики.

Чрезвычайно плодотворна идея чехословацких стилистов подразделять экстралингвистические факторы на объективные стилеобразующие и субъективные. Например, по-видимому, нельзя считать стилеобразующими факторами функционального стиля образовательный ценз, пол, возраст, поскольку они, так сказать, произвольны, оказываются проявлением в речи черт именно индивидов, тогда как нормы стиля обязательны для всех говорящих в данной сфере независимо от особенностей и желаний индивида. Кроме того, функциональный стиль базируется на принципе социально осознанного выбора, а такие индивидуальные факторы, как пол, возраст, образование т.п., исключают у говорящего возможность выбирать. Поэтому названные факторы вряд ли можно считать стилеобразующими с точки зрения функциональной стилистики.

§ 50. В настоящее время не существует более или менее полной классификации частных функциональных разновидностей, поэтому представленная далее систематизация неполна.

Так, научный стиль подразделяется на подстили — собственно научный, научно-учебный, научно-технический, научно-популярный, представляющие собой как бы варианты научного стиля; последний подстиль добавляет к стилевым чертам научности черты популярности. Далее, каждая из этих разновидностей может быть подразделена по соотношению с отраслями науки (химия, физика, языкознание и т.д.), в связи с чем возникают различия, правда, прежде всего лексических, а иногда и некоторых иных особенностей речи. Жанр также влияет определенным образом на характер речи (ср. стиль монографии, статьи, автореферата, научной информации и т.д.). Наконец, стиль научных текстов различается по способу изложения: рассуждение, описание. Указанные факторы неравнозначны по стилеобразующей значимости.

Иногда говорят об особом производственном стиле, хотя этот вопрос специально не изучен. По-видимому, общение в

разных отраслях производственной деятельности имеет общие черты и в то же время обнаруживает связь с той сферой научной (научно-технической) области, которую он практически реализует. Кроме того, выступая не столько в письменной, сколько в устной форме, он заключает в себе черты устно-разговорной речи. В результате это речевое образование в аспекте полевого структурирования находится на периферии научного (определенной отрасли научно-технического) стиля, а точнее, — на пересечении научно-технического с разговорным.

О ф и ц и а л ь н о - д е л о в о й стиль распадается на собственно законодательный, юрисдикционный, административный подстили, иногда выделяют еще и дипломатический. Они включают ряд жанровых разновидностей: кодекс, устав, инструкция, договор, приказ, акт, заявление и т.д. Жанрово-стилистические отличия в официально-деловом стиле заметнее, чем, например, в научном, т.е. внутренняя функциональная дифференциация в деловой речи ярче и определеннее. Далее, стилевые различия мотивируются тематикой содержания документа и узкой сферой его бытования. Так, например, стиль «Устава автомобильного транспорта РФ» отличается от стиля устава какой-либо политической партии (имеются в виду различия не в содержании, а в языке — и не только лексические). То же самое можно сказать о стиле международного договора и трудового соглашения. Стилевые различия обнаруживаются и в зависимости от функционального назначения текста (например, стиль «Уголовного кодекса» отличается от стиля «Уголовно-процессуального кодекса»). Наконец, стилевая дифференциация в этой сфере общения обусловлена отражением в высказывании характера издающего органа или инстанции; стилевые особенности зависят и от структурно-композиционного расчленения текста.

П у б л и ц и с т и ч е с к и й стиль оказывается особенно сложным и разветвленным, с многочисленными переходными (межстилевыми) явлениями. Основные его подстили — собственно публицистический в узком смысле слова (памфлеты, очерки и т.д.), газетный и политико-агитационный (воззвания, призывы, прокламации, выступления на митингах). Во второй

половине прошлого века формируются подстили электронных СМИ (см. далее § 151—152). В свою очередь, каждый подстиль подразделяется по жанровым и иным особенностям. Кстати, жанровые различия здесь весьма ощутимы. В ряде случаев наблюдаются более или менее близкие стилевые особенности у группы жанров.

Весьма сложным оказывается внутрителивное расслоение газетной речи. Прежде всего стилевые различия в ней связаны с преобладанием в конкретном тексте одной из основных газетных функций — информативной или воздействующей. Кроме того, отличаются по стилевым особенностям некоторые специфические газетные жанры: репортаж, интервью, информация и др. Отличия стиля обусловлены и характером издающего органа, специализацией газеты, зависят они и от тематики содержания и авторского почерка. В газетных жанрах весьма ощутимы переходные, межстилевые влияния, например воздействие художественно-беллетристического стиля на очерк, фельетон, репортаж. Собственно, очерк является синтетическим, художественно-публицистическим жанром, и это находит отражение в его стиле. Однако в целом газетный очерк отличается по стилю от собственно художественного.

Далее, газета, являясь популяризатором знаний в области техники, экономики и т.п., представляет в ряде своих материалов особую разновидность научно-популярного или научно-публицистического стиля. Воздействие научного стиля проявляется также в проблемных статьях, где дается аналитико-обобщенное изложение предмета речи. При всем разнообразии газетных материалов — что находит отражение в стиле речи — можно говорить об общих принципах построения газетной речи, об общности ее функции, структуры и стилевой окраски, следовательно, о газетном подстиле в целом.

Характерно в этом отношении исследование стилевых особенностей различных газетных жанров, представленное, например, в коллективной монографии (Стилистика русского языка. Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста. М., 1987). Даже при специальном внимании авторов к стилистико-рече-

вomu своеобразию отдельных жанров налицо общие стилевые черты, характерные для газетной речи в целом: реализация установки на воздействие (отсюда экспрессивно-эмоциональный характер речи), прямая социальная оценочность и вместе с тем «переплетение» этих черт с информативностью, т.е. в разных вариациях сочленение экспрессии и стандарта, о чем говорят В.Г. Костомаров (Русский язык на газетной полосе. М., 1971; Он же. Наш язык в действии. М., 2005) и Г.Я. Солганик (Лексика газеты. М., 1981; Он же. Практическая стилистика русского языка. М., 2006).

Публицистика как сфера массовой коммуникации имеет и другие разновидности. Выделяются радиопублицистика, кинопублицистика, телепублицистика. В каждой из них, помимо общих черт, свойственных публицистике, формируются свои лингвостилистические различия. Характеристику средств массовой коммуникации — телевизионной, радиоречи, а также экранной см. в разделе о функциональных стилях, а также в названиях, указанных в списке литературы.

Оговорки требует актуальный в настоящее время вопрос о р е к л а м н о й речи, которая некоторыми авторами (например, Е.С. Кара-Мурза) выделяется в о с о б у ю функциональную разновидность языка. Между тем по своему назначению, по целям и задачам общения и функциям рекламные тексты (речь) отличаются прежде всего *проявлением определенной политики* (в отношении результатов какой-либо деятельности) *посредством открытого воздействия на адресата* с целью привлечения его на свою сторону. А это сближает функции политики и публицистического стиля.

Вопрос этот пока остается дискуссионным. Другой дискуссионный вопрос — о стилевом статусе о р а т о р с к о й речи. Последнюю можно считать особым публицистическим подстилем, представляющим сложное взаимодействие письменно-публицистической и устно-публицистической речи. Вопрос о статусе ораторской речи в функционально-стилевом расслоении языка сложен. Это устная форма продуманной, обычно заранее подготовленной, искусной речи, предполагающей с п е ц и а л ь н о е в о з д е й с т в и е на слушателей.

Однако ораторская форма речи не однородна и тяготеет по ряду своих черт к тем функциональным стилям и соответствующим сферам, в которых она проявляется (ср. ораторская публицистическая речь, академическое красноречие, судебное красноречие). Это как раз тот случай, когда пересекаются функциональные стили и формы речи. Степень воздействия на стиль речи особенно сложного здесь комплекса экстралингвистических факторов требует специальных исследований. Очевидно одно: это сложная («синтетическая») функциональная разновидность речи, которая, в свою очередь, подразделяется на ряд других (зависящих преимущественно от предмета, содержания высказываний и сферы их использования). Вместе с тем все эти внутренние разновидности объединяет общая целевая установка — воздействие на слушателей с расчетом достижения заранее предусмотренного эффекта. В соответствии же с принципами классификации функциональных стилей ораторскую речь, очевидно, не следует включать в их число, «потому что, — по мнению В.П. Мурат, — нет такой специальной области, где люди постоянно и регулярно общались бы при помощи ораторского стиля» (*Мурат В.П.* Об основных проблемах стилистики. М., 1957. С. 23).

Самое общее стилевое расслоение художественной речи происходит, очевидно, в соответствии с тремя родами литературы: лирикой, эпосом, драмой. Отсюда — подстили: стихотворная речь в целом, художественно-прозаическая, драматургическая. Далее, общие стилевые различия обнаруживаются в зависимости от принадлежности текста к тому или иному жанру, методу изображения (романтизм, реализм), литературной школе, преобладающему способу изложения (повествование, описание); зависят они и от характера рассказа (например, сказовая манера изложения), наличия или отсутствия стилизации, кроме того, от идеи и темы, композиционных особенностей, системы образов и в очень большой степени (в отличие от других функциональных стилей) от авторской индивидуальности, от образа автора и иных факторов.

Несмотря на особую сложность, многоаспектность стилевой структуры художественной речи и непременно проявление в

ней авторской индивидуальности, все же можно говорить об определенной стилевой общности художественной речи в целом и тем более — о стилевом единстве отдельного произведения. Художественная речь всегда содержит специфические стилевые черты, принципиально отличающие ее от стиля других сфер языкового общения. Обусловлены эти стилевые черты функциональным единством: использованием в речи языковых средств в эстетической функции. При всем том в известном смысле художественная речь «многостильна»: в ней находят отражение языковые элементы других функциональных стилей. (Важно, что это именно элементы, а не целостное отражение какого-либо другого стиля; они всегда выступают в измененной, а именно в эстетической функции.) Вместе с тем в художественной литературе есть и синтетические жанры (например, в области художественной публицистики). Кроме того, художественная литература представляет в ряде случаев своеобразное отражение устно-разговорной и (уже) разговорно-бытовой речи, которая, конечно, представлена в ней не фотографически и выступает опять-таки в эстетической функции. Таким образом, художественное произведение оказывается синтетическим стилистико-речевым явлением (см. далее § 54).

Разговорно-бытовая сфера общения, характеризующаяся в целом весьма четкими специфичными стилевыми особенностями, в то же время неоднородна в стилистическом отношении. Прежде всего выделяются разновидности устной и письменной (главным образом эпистолярной) речи. Кроме того, различаются собственно диалогическая форма речи (вопросно-ответная система, при этом двуголосный и многоголосный диалог из коротких реплик), беседы на разные темы, наконец, монологическая речь (рассказ о каких-либо событиях, происшестви-ях). Силевые различия обусловлены также степенью близости говорящих, ситуацией общения, тематикой, узкоцелевым (индивидуальным) заданием, характером личности и настроением говорящих, их взаимоотношениями.

Такова в самых общих чертах внутренняя дифференциация функциональных стилей.

§ 51. Следует еще раз подчеркнуть, что в языковой действительности как в любом сложном объекте нет резких границ между стилистико-функциональными разновидностями, отмечается немало переходных явлений. Например, в современной научной речи появились многочисленные жанры так называемой вторичной литературы (разнообразные реферативные и аннотирующие издания), отличающиеся, конечно, по стилю от собственно научных жанров (первичной литературы). Вопрос о степени этих отличий еще недостаточно изучен, однако уже ясно, что они несущественны, хотя интуитивно весьма ощутимы. В связи с широким развитием техники, разрушением «барьера» между наукой и производством появляется немало жанров, совмещающих в себе черты научного и делового стилей, — патенты, тексты инструктивного характера, объясняющие, как обращаться со сложной техникой, и т.д.

Подобные пограничные явления (как результат в основном взаимодействия функциональных стилей), наблюдаемые в конкретных текстах (не только научно-делового, научно-популярного характера, но и других), дают основание некоторым специалистам-стилистам усомниться в существовании «чистых» стилей, а отсюда и в реальности классификации функциональных стилей и даже вообще в возможности соответствующих систематизаций, адекватных языковой действительности. Однако это — недоразумение, основанное, как указывалось в главе «Вопрос о стилях языка и стилях речи...», на недоучете диалектики общего и единичного, абстрактного и конкретного. Всегда можно найти отдельный конкретный текст, отличающийся по стилю от средней нормы данного функционального стиля, к которому он все же относится и который он реализует, так как в целом обладает специфическими чертами последнего. Текст может быть наделен и рядом других черт, например заимствованных от других стилей, что обусловлено своеобразием экстралингвистических факторов и условий общения при формировании данного текста. Это, однако, не бросает тень на существование функциональных стилей и реальность их классификации. Так, Д.Н. Шмелев пишет: «Основные разновидности языка реализуются в

конкретных высказываниях и текстах, естественно отражающих их нормы, но это отражение может быть в разных случаях неполным и непоследовательным, что не должно ставить под сомнение объективное существование самих норм...» (разрядка наша. — М.К), т.е. и функциональных стилей (Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977. С. 167).

Так, например, в сфере научного общения есть не только собственно научные тексты, но и научно-популярные, при этом разных «рангов» популяризации. (В отличие от научно-популярных научно-художественные тексты, по нашему мнению, выходят за пределы научного функционального стиля и находятся на пересечении двух соответствующих стилей, представляя своеобразный гибрид.) В сфере правовых отношений наличествуют публичные выступления адвокатов (судебное красноречие), столь далекие от «сухой» деловой речи. (Заметим, что здесь значительно изменяется базовая основа экстралингвистических факторов, на которую наслаивается не только устная, ораторская, форма, но и целевая задача высказывания — воздействие на слушателей, т.е. фактор, как бы заимствованный из другой сферы общения.) В разговорно-бытовой сфере есть рассказ (повествование) человека, обладающего «даром речи» (с признаками художественной речи). Все это несколько не мешает реальному существованию (и описанию в науке) соответствующих функциональных стилей и явлений их взаимодействия.

Нельзя впадать в крайность, фактически отрицать существование «чистых» текстов, представляющих собой в наиболее полном виде специфику соответствующего функционального стиля и являющихся (так же как и «синтетические», переходные) отражением языковой действительности. Так, например, в той же научной, деловой или художественной сферах преобладающее большинство (при несущественных вариациях) составляют все-таки тексты, в достаточно «чистом» виде представляющие специфические черты соответствующих функциональных стилей. См. высказывание Д.Н. Шмелева: «Вкрапления в чисто научный текст элементов разговорной речи говорят не о

неопределенности стилей... Сам факт осознания вкраплений свидетельствует о существовании стилей» (разрядка наша. — М.К.) (Русский язык в его функциональных разновидностях. С. 32).

§ 52. Представленная выше классификация функциональных стилей не является единственной. Известны попытки дать систематизацию на других исходных основаниях. Так, Д.Н. Шмелевым предложена характеристика стилей на основе структуры речевого акта (Там же. С. 40, 56 и след.). Однако при этом следует учесть, что структура речевого акта не является дифференциальным признаком для классификации функциональных стилей, так как она присутствует во всякой речи, в любой сфере (очевидно поэтому автор оперирует названными известными функциональными стилями).

Имеются также попытки положить в основу определения функциональных стилей и систематизацию последних «социально-ролевой» принцип. А.К. Долинин, например, считает, что «функциональные стили — это не что иное, как обобщенные речевые жанры, т.е. речевые нормы построения определенных, достаточно широких классов текстов, в которых воплощаются обобщенные социальные роли — такие как ученый, администратор, поэт, политик, журналист и т.п.» (Стилистика французского языка. Л., 1978. С. 60). Однако перечень этих ролей (в других местах книги автора и в работах по социальной психологии) продолжается почти до бесконечности: роль клиента, пассажира, покупателя, отца, учащегося, влюбленного, зрителя и т.д. Таким образом, исследователь здесь, в сущности, идет не от общего, не от языка, не от собственно социального и лингвистического аспекта речи (хотя выше и упоминались «обобщенные формы»), но от индивидуального, от говорящего индивида: «Стиль речи — речевое произведение в целом сигнализирует... признаки говорящего (пишущего)... Мы воспринимаем эти сигналы и судим по ним о человеке» (разрядка наша. — М.К.) (Там же. С. 36—37). Это верно, но этот индивидуализированный частный признак не может быть дифференциальным для систематизации более общих социально-речевых сущностей, обладающих признаками стилового разнообразия.

Конечно, всякое высказывание принадлежит говорящему, но в лингвистической классификации исходить следует из типичных особенностей речи. Одна и та же социальная роль может быть «сыграна» разными людьми по-разному в смысле характера речи, т.е. стиля. При ориентации на типовой образец социальной роли тем не менее существенны различия речи разных говорящих в роли пассажира, или покупателя, или отца и т.д. (в зависимости от их общей культуры, социальной принадлежности, связей с диалектной средой, темперамента и т.д.). Именно это вызывает сомнения в правомерности прямого перенесения ролевого принципа из социальной психологии в лингвостилистику, хотя сама по себе указанная классификация интересна и могла бы быть принята в качестве дополнительной. Однако это все же аспект собственно социологический, а не функционально-стилистический.

Функциональные же стили, выделяемые с учетом существенных характеристик языка (связь с видами деятельности, соответствующими формами сознания), отличаются устойчивыми нормами употребления (принципами отбора и сочетания языковых единиц), более или менее строгими и специфичными для каждой сферы, и давней традицией.

§ 53. Итак, представленная в первой части главы классификация, очевидно, является наиболее обоснованной и целесообразной именно для лингвостилистики, хотя как будто и дается на экстралингвистических основаниях (а в конечном счете на лингвистических, поскольку речь идет о функциональном аспекте языка, языке как речевой деятельности и как «действительном сознании»). Обобщая сказанное, подчеркнем, что при всем стилевом разнообразии речи последнее не противоречит возможности ее систематизации по известным функциональным стилям, которые представляют собой полевые структуры. *Ядерные, центральные их жанры наиболее полно и в «чистом виде» выражают сущность и форму стиля, периферийные — менее, но сохраняют основные специфические черты.* Вместе с тем стили взаимодействуют, у них есть переходные явления и пограничные зоны.

Между тем еще не до конца решенные вопросы «внутристилевой» дифференциации требуют дальнейшего научного изуче-

ния, под которым понимается комплексный подход с привлечением данных смежных наук. Тем не менее лингвостилистика должна изучить это явление, описать и объяснить его (к тому же с учетом перспектив развития) и дать нормативно-стилистические рекомендации. Ср. замечание А.С. Мельничука: «Закрепляясь в сознании исследователей... абстрактная система языка заменяет... представление о действительной природе языка, оттесняя саму мысль о необходимости ее изучения. *В современном языкознании этому способствует не правильная интерпретация положения о самостоятельности науки о языке, о необходимости ее размежевания с другими науками, в частности с психологией*» (курсив наш. — М.К.) (Язык как развивающаяся реальная система // II Всесоюзная научная конференция... «Диалектика развития языка»: Тезисы докладов. М., 1980. С. 6).

Не случайно в современном языкознании все более развиваются комплексные методы исследования, которым принадлежит большое будущее. Весьма перспективны они и для функциональной стилистики, а также для лингвистики и стилистики текста. См. об этом высказывание Г.В. Колшанского (Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984. С. 126).

Вопрос о правомерности выделения художественного стиля среди других функциональных стилей

§ 54. Обычно среди функциональных стилей называют и художественный или художественно-беллетристический (В.В. Виноградов, Ю.А. Бельчиков, Р.А. Будагов, А.И. Ефимов, И.Р. Гальперин, Б.Н. Головин, А.К. Долинин, В.Г. Костомаров, Э.Г. Ризель, Г.Я. Солганик и многие другие отечественные ученые, а также зарубежные — Б. Гавранек, К. Гаузенблас, С. Гайда, М. Елинек, Й. Мистрик и др.). Имеется и иная точка зрения, согласно которой нет основания в числе функциональных стилей выделять особый художественный стиль (В.Д. Бондалетов, О.А. Крылова, Л.Ю. Максимов, Н.А. Мещерский, А.К. Панфилов, Д.Н. Шме-

лев и др.). В качестве аргументов этого последнего положения обычно отмечают:

- 1) язык художественной литературы не включается в понятие литературного языка;
- 2) язык художественной литературы многостилен, незамкнут; вбирая в себя прочие функциональные стили, он в то же время не имеет специфических языковых примет;
- 3) у языка художественной литературы особая, эстетическая функция.

Конечно, язык художественной литературы, точнее, художественный функциональный стиль, занимает особое место среди других стилей хотя бы потому, что реализуемая в нем эстетическая функция выражается в весьма специфичном использовании языковых средств. В связи с этим в известном смысле справедливо разделение всех стилей на художественный и нехудожественные.

Общепризнано различие понятий «литературный язык» и «язык художественной литературы». Здесь особенно важно то, что нормы литературного языка и языка художественной литературы не вполне совпадают: язык художественной литературы использует, помимо нормативного, и фонд внелитературных языковых средств.

Таким образом, нельзя смешивать понятия «язык художественной литературы» и «литературный язык», однако не следует их и разрывать. Взаимоотношения между этими понятиями и явлениями весьма сложны. Русский национальный *литературный язык и его нормы формируются под влиянием языка художественной литературы*. Собственно, литературным общенародный язык становится в большой степени в результате именно «обработки» его писателями. Художественная литература — мастерская, в которой шлифуются нормы литературного языка. Язык художественной литературы — это образец литературного языка, на который равняются в отборе языковых средств и в речеупотреблении, это критерий правильности речи, своего рода идеальная норма (имеется в виду авторская речь). Кроме того,

при всей специфичности использования языка писателями язык их произведений не становится качественно иным явлением (это не какой-то особый язык), иначе он не был бы понятен народу. *Не случайно художественные тексты являются основным материалом* (в том числе и иллюстративным) *грамматик и словарей* литературного языка.

По вопросу соотношения понятий «литературный язык» и «язык художественной литературы» следует сказать, что они, безусловно, не тождественны. «Язык художественной литературы» — это одна из разновидностей литературного языка, т.е. эти понятия соотносительны как общее, родовое и видовое. *Использование языка в сфере художественной литературы в эстетической функции не превращает его в какую-то новую субстанцию*, не аннулирует его коммуникативной функции (напротив, эстетическая функция существует на базе коммуникативной). Очень удачно по затронутому вопросу выразился, как мы уже отмечали, Ю.А. Бельчиков: «Язык художественной литературы, будучи явлением искусства, не утрачивает своей лингвистической субстанции, он «обязательно ориентирован на нормы литературного языка» (*Бельчиков Ю.А. Стилистика // Русский язык. Энциклопедия. М., 1997. С. 540*). Нельзя забывать, что эстетическая функция — это функция языковая (Д.Н. Шмелев). Таким образом, функциональная стилистика не отождествляет понятия «литературный язык» и «язык художественной литературы», различает их, соотносит, но не разрывает как две совершенно разные сущности.

Показательно, что Д.Н. Шмелев, в одной из своих последних работ «смягчивший» категоричность прежних взглядов по рассматриваемому вопросу, отмечает, что «эстетическая функция объединяет все виды словесных художественных произведений» (*Грамматические исследования... 1989. С. 22*). Именно она и определяет принципы и закономерности речевой организации художественных произведений, создавая их специфику, отличную от других функциональных стилей. Это самая общая (инвариантная) черта художественной речи, не препятствующая, однако, проявлению индивидуально-авторского и жанрового многообразия художественной литературы.

Выведение художественной речи за пределы функциональных стилей обедняет наше представление о функциях языка, создает ложное мнение о том, что эстетическая функция ему не присуща. Между тем использование языка в эстетической сфере — одно из высших достижений литературного языка, и от этого ни литературный язык не перестает быть самим собой, используясь в художественном произведении, ни язык художественной литературы не перестает быть проявлением литературного языка.

Учитывая особенности взаимоотношения литературного языка, языка художественной литературы и других функциональных стилей, художественная речь в аспекте принятого нами определения функционального стиля не может быть выведена за пределы существующей системы функциональных стилей.

По вопросу о многостильности отметим следующее.

Несмотря на кажущуюся многостильность художественной речи, последняя использует лишь отдельные черты и элементы других стилей, а не выражает их стилистико-речевую системность (причем бóльшая часть специфичных для других стилей элементов остается не отраженной в художественной речи). Не только художественный, но никакой другой функциональный стиль не создается совокупностью каких-либо специфических языковых средств (тем более одной окраски); они лишь часть (и не главная) стилевой специфики того или иного функционального стиля. Вкрапления в художественный текст отдельных языковых единиц из других функциональных стилей можно назвать многостильностью только с позиций стилистики речурсов; с точки же зрения функциональной стилистики в этом случае нет многостильности, поскольку функциональный стиль создается не совокупностью (не суммой) стилистически маркированных единиц, а специфической в каждом из них *речевой организацией* (системностью).

Кроме того, элементы других стилей используются в художественной речи в эстетической функции, а не в той, которую они выполняют в тех стилях, откуда взяты. Заметим

также, что художественная речь, несмотря на яркое проявление в ней авторской индивидуальности, отличается достаточным единством речевой стилистической системности и специфики, которые четко отделяют художественную речь в целом от всякого другого функционального стиля (см. далее о художественно-образной речевой конкретизации в главе «Художественный стиль»).

Наличие эстетической функции у художественной речи как раз и составляет ее специфику, на основе которой следует выделять художественную речь в особую функционально-стилевую разновидность (как это делается в отношении и других функциональных стилей с учетом принципа их классификации); это один из существенных стилеобразующих признаков функционального стиля. Следовательно, наличие специфики у художественных текстов в виде эстетической функции служит аргументом не против отнесения этого типа речи к функциональным стилям, а за включение его в эту систему (ср.: в научном — речевая экспликация п о з н а в а т е л ь н о - к о м м у н и к а т и в н о й функции; в официально-деловом — коммуникация через предписующе-долженствующую установку деонтического мышления и т.д.).

Очевидно, нерешенность обсуждаемого здесь вопроса проистекает оттого, что исследователи, придерживающиеся и той и другой точек зрения, не учитывают возможности рассмотрения одного объекта — художественной речи (текста) — в разных аспектах: с точки зрения функциональной лингвостилистики и как произведения художественной литературы, воплощающего эстетическую функцию языка. К тому же в последнем случае наблюдается абсолютизация эстетической функции и противопоставление ее коммуникативной. Упускается из виду то, что эстетическая функция — это лишь преобразование все той же коммуникативной функции, но не «ликвидация» ее в эстетической сфере; в противном случае было бы невозможно общение посредством произведений искусства слова, понимание художественного произведения читателем.

Заключим изложение рассматриваемого вопроса двумя высказываниями, появление которых симптоматично:

«...Долго спорили о том, существует ли в современных европейских языках функциональный стиль художественной литературы... Ясно, что если толковать функциональные стили как нормы речевого построения текстов различных жанров, то нет никаких препятствий для того, чтобы рассматривать в ряду функциональных стилей и стиль художественной литературы в целом, несмотря на его стилистическую неоднородность, — ведь... стиль любого текста состоит из различных стилистических значений. И если мы решаем, что функциональный стиль выделяется на основе сферы деятельности, которую он обслуживает, и основной функции... (а все функциональные стили выделяются именно так), то сложность и неоднородность его состава не должны нас остана в л и в а т ь» (разрядка наша. — М.К.) (Долинин А.К. *Стилистика французского языка*. Л., 1978. С. 66—67).

«...Нет никаких видимых оснований выводить “язык художественной литературы” за пределы ряда функциональных стилей и признавать как бы языком в языке; что касается термина “язык художественной литературы”, то его лучше было бы заменить термином “художественный стиль” (см. статью Б.Н. Головина в сб. «Вопросы стилистики», Саратов, 1978. С. 120—121). В этой работе Б.Н. Головиным высказаны весьма убедительные аргументы в пользу признания художественного функционального стиля. Аналогичное мнение высказывают Р.А. Будагов, А.А. Брагина, И.Р. Гальперин, В.Г. Костомаров и др., подчеркивающие е д и н с т в о художественной речи при всех авторских индивидуально-стилевых различиях.

Итак, художественная речь — один из функциональных стилей русского литературного языка.

И все же вопрос о статусе художественной речи среди функциональных стилей требует оговорки: в силу функциональной сложности художественной речи, последняя, «обладая» статусом функционального стиля, занимает особое положение среди других функциональных стилей (как и — по другим причинам — разговорная речь). Есть основания принять такую известную в стилистике классификацию функциональных сти-

лей: художественная речь (стиль) — нехудожественная (специальная), представленная стилями: научным, официально-деловым, газетно-публицистическим, — обиходно-разговорная. Кстати, такая схема представлена в чехословацкой стилистике.

Более детальная аргументация по рассматриваемой проблеме дана автором в первом издании «Стилистики» (с. 59—70). См. также статью в кн.: *Стилистический энциклопедический словарь*. М., 2003, а также: *Кожина М.Н.* Структура лингвостилистики в связи с вопросом о стилевом статусе художественной речи // *Стереотипность и творчество в тексте*. Вып. 8. Пермь, 2005. В статье дан развернутый анализ второй точки зрения по рассматриваемому в настоящей главе вопросу, представленной в учебном пособии: *Крылова О.А.* Лингвистическая стилистика. М., 2006.

О стилевых чертах функциональных стилей. Функциональные семантико-стилистические категории

§ 55. Обычно тот или иной функциональный стиль характеризуется рядом специфичных стилевых черт, которые, в свою очередь, создаются и кругом определенных языковых единиц, и специфичной речевой системностью данного стиля. Однако «набор» стилевых черт не так уж многочислен, и поэтому нередко та или иная стилевая черта оказывается присущей одновременно нескольким стилям. Например, *точность* называют стилевой чертой и научного, и делового, а иногда и других стилей. То же касается стилевых черт *образности*, *логичности*, *ясности*, *экспрессивности*, *категоричности* и других стилистических признаков речи.

Прежде всего следует различать такие требования к стилю речи и (соответственно) стилевые черты, которые имеют в себе общий, стилистико-нормативный характер. Например, всякое высказывание должно быть не только правильным (соответствующим литературным нормам данного языка), но и ясным, достаточно выразительным, логичным, точным. Эти стилевые черты имеют общеобязательный характер. Вместе с

тем некоторые черты, в частности точность, логичность, образность и др., существенно различаются по своим свойствам в пределах различных функциональных стилей, оказываются вариативными. Это обусловлено различием языковых средств и способов реализации этих черт, а главное — различиями в целевой, функциональной направленности и специфике стилей. Получается, что точность точности, как и логичность логичности, образность образности — рознь применительно к разным стилям. Каждая из стилевых черт одного стиля нетождественна «аналогичной» черте другого, по существу, она в известном смысле омонимична ей.

Например, не говоря уже о том, что художественная речь не всегда должна отвечать требованиям точности и логичности (в ней могут быть и неточности, и алогизмы, хотя бы как средство образной характеристики персонажа), такая ее стилевая черта, как точность, весьма своеобразна и отличается от точности речи деловой, научной и т.д. В художественном произведении точность речи — это верность образу. В речи деловой, как подметил Л.В. Щерба, точность — это *не допущение инотолкования*. (Для сравнения вспомним, что возможность разночтений и инотолкования художественного текста — одна из известных и, можно сказать, естественных и неперемennых его особенностей.) Точность научной речи, являясь важным ее признаком, все же допускает и некоторую степень инотолкования (ср. неодинаковые осмысления различных теорий). Последнее, правда, нейтрализуется и корректируется строгой логичностью изложения, а также тем, что результаты научных наблюдений, научные сведения проверяются экспериментальным путем и допускают критическое к себе отношение со стороны читателя, даже требуют такого отношения. Совсем другое дело — законодательный текст. Здесь инотолкование и разночтения принципиально недопустимы, так как ведут к нарушению одной из основных функций права — регулировочной. К тому же различное или неверное толкование текста закона может приводить к тягчайшим последствиям, так как от того или иного решения зависят судьбы, а порой и жизнь людей.

Примерно то же можно сказать и о такой черте, как логичность. Всякая речь должна быть в той или иной степени логична. Однако, как мы указывали, в художественной речи возможна алогичность. Логичность здесь, так сказать, образная, это — логика построения и выражения образа, образной мысли. Логичность научной речи отличается предельной строгостью, ибо научное мышление выражается в цепи доказательств. Научная речь не просто логична, ей свойственна именно *п о д ч е р к н у т а я* логичность. Весь строй речи здесь направлен на то, чтобы выразить логику изложения, этому служат специальные языковые и речевые средства и в лексике, и в синтаксисе предложения, и в структуре текста. Деловой речи не свойственны рассуждения и доказательства, так как правовые нормы даются как закон, предписание, не подлежащее обсуждению и доказательству. Поэтому логика здесь совсем иного характера (деонтическая, модальная) как по содержанию, так и по средствам и способам выражения, в том числе лингвистическим.

Образность художественной речи — это образность эстетическая, она отличается индивидуализированностью и неповторимостью признаков при их «предельной» конкретности. Нельзя считать, что образность противопоказана научной речи. Гносеологической сущности познания и научного творчества свойственна образность мышления, и потому речевая образность естественна и целесообразна в науке; она выполняет здесь познавательную роль. Вместе с тем не только функция этой образности в научной сфере принципиально иная, чем в художественной (а именно познавательно-популяризаторская). Главное в том, что природа образности в сопоставляемых нами стилях оказывается различной.

В отличие от художественной речи образность научного стиля отличается схематизмом, типизированностью, известной обобщенностью и абстрагированностью; здесь не место индивидуализированным, конкретным, неповторимым признакам, так как речь идет о закономерностях и общих явлениях. И это связано со спецификой научной речи, одной из основных стилизованных черт которой является абстрагизация. Сказанное, конеч-

но, не отрицает существования в научных текстах индивидуального стиля и речевой образности (особенно в произведениях крупных ученых), однако в научной сфере это — возможность, а в художественной — необходимость.

Таким образом, *рассмотрение стилевых черт должно быть строго функциональным.*

§ 56. Идея стилевых черт была высказана в свое время В. Шнейдером, а затем нашла свое развитие в работах Э.Г. Ризель, М.П. Кульгава и др. Одним из аспектов этой концепции является противопоставление стилевых черт по их полярности, например: точность — неточность, образность — безобразность, эмоциональность — рациональность (сухость) и т.п. Обычно обе черты не могут присутствовать одновременно в одном и том же функциональном стиле, причем стили противопоставляются по наличию в них полярных стилевых черт.

Весьма плодотворно положение М.П. Кульгава о своеобразной иерархии стилевых черт, признаков речи и языковых средств их реализации. Эти понятия и явления следует четко различать. Первые — стилистические и в известном смысле экстралингвистические, последние — собственно лингвистические.

Важно различение стилевых черт в аспекте первичных и вторичных, иными словами — специфичных, обусловленных основными экстралингвистическими факторами данного стиля, и дополнительных, периферийных, связанных со вторичными по значению экстралингвистическими факторами. Например, для деловой речи первичными стилевыми чертами окажутся предписующе-долженствующий характер речи, ее неличный характер и точность (не допускающая инотолкования). Шаблонность же, или стандартизованность деловой речи — одна из важных, но не первичных стилевых черт. Она восходит не к специфике самого права как формы общественного сознания, а к условиям его проявления. Наличие формы, стандарта облегчает общение в области права и в делопроизводстве. Поэтому стандартизованность здесь неизбежная и целесообразная черта речи. А например, такое свойство, как выразительность,

или эстетическая отделка речи, отодвигается на задний план во многом из-за необходимости осуществления точности, не допускающей инотолкований. Последнее нередко приводит к усложненности синтаксиса текста.

Анализируя ту или иную речевую разновидность, важно осознавать, в какой связи находятся те или иные ее стилевые черты, с одной стороны, с собственно лингвистическими средствами их выражения, с другой — с экстралингвистическими факторами стилей.

§ 57. Понятие стилевых черт продуктивно для квалификации стилистических признаков функциональных стилей и других речевых разновидностей. Однако оно страдает некоторой размытостью, возможностью субъективных характеристик, известной неопределенностью.

В 80-х гг. прошлого века был найден способ структурирования стилевых черт благодаря использованию модели функциональных семантико-стилистических категорий (ФССК), представленных полевой структурой (с центром и периферией). Статус функциональных семантико-стилистических полей, или категорий, придает стилевым чертам полную определенность в отношении связи их содержания, функций и средств выражения.

Под *функциональной семантико-стилистической категорией* понимается система разноуровневых средств (включая текстовые), объединенных функционально-семантически и стилистически на текстовой плоскости (в целом тексте, типе текстов одного функционального стиля), т.е. выполняющих в тексте какую-либо определенную функцию, реализующую тот или иной категориальный признак данного текста как представителя соответствующего функционального стиля. В связи с этим стилевые черты, а также наиболее существенные компоненты смысловой структуры данного типа текста, приобретая категориальный статус, становятся более определенными, так как получают возможность структурирования. ФССК обычно обладают, как сказано выше, полевой структурой: с центром и периферией. Центр составляют средства, семантически и функционально наиболее значимые для выражения стилевой специфики дан-

ной группы текстов и конкретной стилевой черты либо соответствующего компонента смысловой структуры. Другим критерием определения центральных (ядерных) либо периферийных средств ФССК является показатель частоты их употребления.

Таким образом, стилевая черта как один из признаков речевой разновидности эксплицируется через полевое структурирование — круг центральных и периферийных средств ее выражения, представляющих модель ФССК.

Среди ФССК называют *субъектность* (от фактора «субъект речи»), *обобщенно-отвлеченность* (абстрагизацию), *диалогичность*, *гипотетичность*, *логичность*, *точность* (изложения), *оценку*, *акцентность* (функционально-смысловую), *категоричность / некатегоричность*, *стандартизованность* и др. Не все из названных ФССК достаточно изучены. Причем исследуются они пока на материале научной речи. (См. далее главу «Научный стиль», а также: Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII—XX вв. Т. II, ч. 2. Стилистика научного текста. Пермь, 1998; *Сретенская Л.В.* Функциональная семантико-стилистическая категория оценки в научных текстах разных жанров: Автореф. дис... канд. филол. наук. СПб., 1994; *Милянчук Н.С.* Лингвопрагматическая категория некатегоричности высказывания в научном стиле современного русского языка. Автореф. дис... канд. филол. наук. Владивосток, 2005; *Кожина М.Н.* О функциональных семантико-стилистических категориях текста // Филологические науки. 1987. № 2.)

Понятие стилистической нормы.

О соотношении стилистических и «речевых» ошибок в школьной практике и методике.

О функционально-стилистическом аспекте обучения языку

§ 58. Проблема нормы, тем более стилистической, теснейшим образом связана с проблемой соотношения культуры речи

как самостоятельной научной дисциплины, с одной стороны, и стилистики — с другой. Ни та ни другая проблема не нашла еще, к сожалению, в языкознании однозначного решения. Между тем обе они важны не только для науки, но и для практики, в частности для методики обучения языку, например для определения стилистических и иных речевых ошибок школьников.

Как отмечалось, для современного языкознания характерен усилившийся интерес к изучению процессов функционирования языка, к вопросам нормы. Так, функциональную природу нормы подчеркивает В.В. Виноградов. Принцип коммуникативной целесообразности лежит в основе определения нормы в статье В.Г. Костомарова и А.А. Леонтьева (см.: Вопросы языкознания. 1966. № 5), и актуальность его сохраняется до настоящего времени. В другой работе А.А. Леонтьев пишет: «Правильность литературного выражения выступает функцией коммуникативно-стилистической целесообразности данного высказывания, функционального стиля, жанра... Такая функциональная целесообразность языковой единицы... должна быть признана важнейшим критерием отнесения данной единицы к норме... ибо язык — средство общения, а всякое общение целенаправленно» (Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969. С. 76). Подобная точка зрения восходит к взглядам И.А. Бодуэна де Куртенэ, Е.Д. Поливанова, Л.П. Якубинского. Разработка проблемы нормы языка и определение этого понятия связаны с Э. Косериу, чехословацкой функциональной стилистикой, в центре внимания которой стоят вопросы литературного языка и соответствующих языковых явлений.

В отечественном языкознании второй половины прошлого века норма определяется следующим образом: «Литературная норма — это некоторая совокупность коллективных реализаций языковой системы, принятых обществом на определенном этапе его развития и осознаваемых им как правильные и образцовые» (Семенюк Н.Н. Норма // Общее языкознание. М., 1970. С. 566). Л.И. Скворцов вводит понятие динамической нормы, включая в него и признак потенциальных возможностей реализации языка. Кроме того, он настаивает на необходимости четкого от-

личия явлений собственно нормы от кодификации (описаний нормы и предписаний, закрепленных в словарях и грамматиках). Языковая норма, понимаемая в ее динамическом аспекте, есть «обусловленный социально-исторически результат речевой деятельности, закрепляющей традиционные реализац и системы или творящей новые языковые факты в условиях их связи как с потенциальными возможностями системы языка, с одной стороны, так и с реализованными образцами — с другой» (разрядка наша. — М.К.) (Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970. С. 53).

В исследовании Л.И. Скворцовым теоретических вопросов нормы весьма конструктивны как в общем плане, так и собственно для стилистики следующие (взаимосвязанные друг с другом) положения (Теоретические основы культуры речи. М., 1980. С. 27—30). Это и уже отмеченное выше понимание динамической природы нормы, включающей как статику (систему языковых единиц), так и динамику (функционирование языка). Важно, что норма автором понимается на уровне речевой деятельности. В связи с этим находится и вариантность, «т.е. варианты в пределах нормы».

Существенным для стилистики является «принцип коммуникативной целесообразности (соответствия нормы ситуации и цели общения)». Отмечается автором и «разная степень обязательности» норм. Понятие нормы «не ограничивается реализованной частью, — оно необходимо включает потенциальную» (Там же. С. 29), тем самым норма, «вырываясь из пут пуризма», как бы узаконивает творческое начало. Все это базируется на функциональном аспекте лингвистики и перекликается с функциональной стилистикой. Недаром Л.И. Скворцов «теоретической и фактической базой» исследований нормы называет «области функциональной грамматики и функциональной стилистики» (Там же. С. 7).

§ 59. Если в настоящее время понимание литературной нормы более или менее единообразно, то с определением стилистической нормы дело обстоит иначе. И это, в свою оче-

редь, связано с неоднозначностью понимания стиля. Высказывается даже мысль, что стиль проявляется лишь в отклонениях от нормы, в связи с этим норма противопоставляется стилю. Но большинство лингвистов разделяет мнение о существовании стилистических норм (обычно не противопоставляя их общеязыковым литературным). Так, по мнению М.В. Панова, «литературный язык понимается как система стилей; каждому из них присуща особая нормативность». Ср. также высказывание Д.Н. Шмелева о том, что наше представление о стиле существует как представление об определенной системе норм.

Вопрос о стилистической норме тесно связан, как указывалось, с вопросом соотношения культуры речи и стилистики, поскольку именно первая область исследований имеет дело прежде всего с понятием языковой нормы. Правда, границы этих дисциплин не определены достаточно ясно, и они порой просто отождествляются. Если предметом культуры речи считать не только правильность, но и в известном смысле искусство речи, то стилистика включается в культуру речи. Ср., по Л.И. Скворцову: «Подлинная культура речи предполагает владение формами и стилями современного литературного языка в соответствии с целями и задачами общения» (Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970. С. 97). Такое же понимание культуры речи представлено в другом определении того же автора: «Наука о культуре речи в собственно лингвистическом плане представляет собой теоретическую и практическую дисциплину, смежную со стилистикой языка и стилистикой речи, обобщающую их положения и выводы как с целью живого оперативного воздействия на языковую практику, так и с целью “определения основных эстетических норм, форм, тенденций связи литературной речи с движением стилей художественной литературы” (последние слова, в кавычках, В.В. Виноградова). (Там же. С. 102).

По-видимому, наиболее правильной будет восходящая к Г.О. Винокуру концепция двух ступеней культуры речи: низшей, связанной лишь с правильностью речи, и высшей, смыкающейся со стилистикой (ср. в связи с этим высказывание Г.О. Винокура о том, что стилистические нормы — цель и вершина речевой культуры). Культура языка, по Г.О. Винокуру, это: 1) учение о

средствах языка и 2) учение о языковых заданиях с точки зрения разнообразного применения языковых средств в каждом из них. Кстати, это в целом перекликается с положением о двух ступенях владения языком (см. главу: «О языковых навыках и типах речевой культуры»).

Таким образом, культура речи в целом, не ограничиваясь проблемами правильности речи, на высшем своем уровне пересекается с проблематикой стилистики и даже включает в себя некоторые ее аспекты, не совпадая с ней полностью: у каждой из этих наук имеются свои специальные задачи и предмет исследования. В.В. Виноградов писал: «Не надо думать, что проблема культуры языка целиком совпадает с задачами и принципами стилистики литературной речи» (Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания // Вопросы языкознания. 1964. № 3. С. 15).

Большинство исследователей различают языковые нормы литературного языка (фонетические, лексические, грамматические), с одной стороны, и нормы стилистические — с другой. В свою очередь стилистические нормы нередко связываются со стилистически маркированными единицами языка и принципами их употребления. Так, по мнению Е.Ф. Петрищевой, речевые стилистические нормы — это «коллективные привычки употребления окрашенных элементов языка в тех или иных условиях, не остающиеся неизменными» (Стилистические исследования. М., 1972. С. 133).

С более последовательных функциональных позиций решает эту проблему Э.Г. Ризель. Под стилистическими нормами она понимает «обязательные в данное время закономерности отбора и организации языковых норм в функциональных стилях и жанровых подстилях», при этом различая:

- 1) «языковые стилистические нормы — кодируемые списки средств, наиболее частотных в стилях» (можно добавить: с определенными потенциальными значениями, соответствующими специфике и общей макроокраске того или иного функционального стиля);
- 2) «речевые стилистические нормы — нормы построения целого текста и его частей».

Кроме того, стилистические нормы подразделяются на:

- 1) функционально-стилистические и
- 2) экспрессивно-стилистические, которые выделяются на общем фоне языковых литературных норм, не связанных с ограничением круга их реализаций (см.: Проблемы лингвистической стилистики. М., 1969. С. 117—118).

Учитывая динамическую и функциональную природу языковой нормы, ее коммуникативную целесообразность, можно заметить, что нормы дифференцированы применительно к различным признакам речевой ситуации и к другим характеристикам общения. Но при этом следует учитывать положения Л.И. Скворцова о недопустимости абсолютизировать «общеобязательность» языковых норм: речь должна идти не столько об их общеобязательности, сколько об **о б щ е у п о т р е б и т е л ь н о с т и** (см.: *Скворцов Л.И. Теоретические основы культуры речи.* М., 1980. С. 33).

§ 60. Применительно к функциональной стилистике **с т и л и с т и ч е с к и е н о р м ы** — это исторически сложившиеся и вместе с тем закономерно развивающиеся общепринятые реализации заложенных в языке стилистических возможностей, обусловленные целями, задачами и содержанием речи определенной сферы общения; это правила наиболее целесообразных в каждой сфере общения реализаций принципов отбора и сочетания языковых средств, создающих определенную стилистико-речевую организацию.

Функционально-стилистические нормы имеют более свободный характер, чем общеязыковые, однако эта свобода относительна. Степень допустимости отхода от сложившихся правил организации речи меняется в зависимости от того, какое место — центральное (наиболее близкое к специфике данного функционального стиля) или периферийное, «межстилевое» — имеет данное высказывание (текст). В первом случае нормы строже и определеннее, во втором — свободнее, вариативнее. Однако эта свобода закономерно экстралингвистически и коммуникативно-прагматически обусловлена, хотя и оставляет простор для творческих возможностей.

В традиционной «стилистике ресурсов» понятие нормы обычно связано с представлением о единстве стиля — недопустимости столкновения в узком контексте средств с разными, контрастными стилистическими маркировками. Для современного речепотребления т а к а я строгость стиля имеет весьма относительный характер, хотя все же в общем не утратила своей силы. Так, например, нежелательно, даже недопустимо (без специальных «узких» мотивировок) заполнять разговорную речь книжными высокими словами или канцеляризмами либо, напротив, научную или деловую — разговорными. И это правило — именно как общее — сохраняет свою силу. Однако как только мы переходим к рассмотрению функционирования языка в его многообразных конкретных проявлениях, то определять и оценивать речь должны со стороны коммуникативно-функциональной. А это означает, что и в употреблении средств, и в оценке стиля главным будет фактор коммуникативной целесообразности в конкретной сфере общения, речевой ситуации, с учетом целей и задач общения, содержания высказывания, его жанра и т.д. (Все это следует учитывать при анализе текстов разных функциональных стилей и жанров.)

Вместе с тем следует помнить, что всякая частная ситуация как факт речи подлежит обобщению и в к о н е ч н о м с ч е т е обычно может быть отнесена к тому или иному функциональному стилю, когда осуществляется в его русле. (Помимо, конечно, случаев пересечения стилей и некоторых «пограничных», «синтетических» жанров.) В частности, намеренное столкновение разностильных, контрастных элементов издавна (со времен посланий Ивана Грозного) является одним из эффективных стилистических приемов публицистической речи. Для современного фельетона, например, стилевой нормой является столкновение разностильных единиц. Подобное известно и в художественной литературе, свойственно и разговорной речи, которой, естественно, вообще присуща большая свобода в сочетаемости различных стилистических элементов (преимущественно как выражение ее эмоциональности). Для речи же официально-деловой (основных ее жанров) и научной отмеченное явление нехарактерно.

Таким образом, *критерий соответствия или несоответствия высказывания стилистическим нормам должен быть гибким и многофункциональным; необходимо учитывать соответствие выражения* (т.е. языковой ткани речи, речевой организации и состава ее средств) *его экстралингвистической основе* (т.е. сфере, условиям и ситуации общения, его целям и задачам, содержанию высказывания и т.д.). Помочь определить это и призвана стилистика, а именно — теоретические и практические знания в области функциональной стилистики и «стилистики ресурсов».

При этом следует помнить о том, что если даже общеязыковым нормам (на уровне правильностей) свойственна вариативность, то тем более характерна она для норм функционально-стилистических. Кроме того, нередко сами задачи общения могут требовать сочетания генетически разнотильных средств, и это не будет нарушением стилистической нормы с точки зрения функциональной, если только такая речевая организация коммуникативно целесообразна. Так, подобный стилистический прием, как указано, широко представлен в фельетоне, встречается в научно-популярной литературе (но, конечно, с иным коммуникативным заданием). Обо всех особенностях функционально-стилистических норм должен помнить учитель-словесник при анализе текстов, так как функционально-стилистические нормы связаны с принципами отбора и сочетания языковых средств той или иной разновидности текстов.

Т.Г. Винокур в одной из своих последних работ продемонстрировала многочисленные случаи не только стилистического согласования, но и контраста высказываний. Правда, вывод о массовости разнотильных контекстов обусловлен самим материалом исследования: это преимущественно тексты (высказывания), так сказать, аккумулирующие разнотильные средства (устная речь, некоторые газетные, например фельетон, и художественные жанры). Отмеченный факт даже привел автора к парадоксальному на первый взгляд решению: узואльно-стилевая норма — это в некотором смысле «антинорма» (Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980. С. 233—234). Последний термин, правда, вызван не только указанным выше сочетанием разнотильных еди-

ниц, но и тем, что антинорма «принимает в себя элементы не-литературных пластов... языка» (Там же).

И тем не менее в целом ни противоречия с функционально-стилистическим подходом к норме, ни отрицания существования понятия стилистической нормы (как могло показаться) здесь нет потому, что контрастные стилевые явления о п р а в д а н ы ф у н к ц и о н а л ь н о - с т и л и с т и ч е с к и: коммуникативным заданием, сферой, ситуацией общения, жанром и т.д. В этом плане интересно мнение: «Всякое употребление может быть правильным, если оно обусловлено характером сферы общения...» (Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. М., 1982. С. 39).

Заключая этот раздел, еще раз подчеркнем: *то, что стилистически уместно, как раз и является нормативным для данного функционального стиля* (или подстиля, жанра и т.д.).

* * *

§ 61. В процессе обучения языку, овладения им нередки весьма грубые, как бы лежащие на поверхности, нарушения элементарных стилистических норм речи (наряду, конечно, вообще с нарушением норм языка). Их можно назвать с т и л и с т и ч е с к и м и о ш и б к а м и.

Вопрос об этих ошибках, их классификации и соотношении с другими ошибками в речи школьников является одним из актуальных в методике преподавания русского языка.

Одной из причин недостаточной культуры речи школьников оказывается все еще встречающееся извинительное отношение учителей к так называемым стилистическим ошибкам. При чем часто к стилистическим относят в школьной практике все нарушения языково-речевых норм, кроме орфографических, пунктуационных и орфоэпических: ошибки в использовании лексики и фразеологии, морфологии и синтаксиса и даже логические и фактические.

В последнее время значительно повысились требования к стилистической культуре речи школьников, внимание к вопросам коммуникативной целесообразности при отборе языковых

средств и построении речи. Учитель-словесник знакомит учащихся с понятием коммуникативной ситуации, типами речи, ее стилевой дифференциацией. Большое внимание уделяется вопросам развития связного изложения, свободного владения языком, что невозможно без знакомства с основными признаками текста и достигается соответствующими упражнениями.

Однако внимание к тексту, связной речи, очевидно, не «отменяет» работу по предупреждению нарушений стилистических норм, устранению элементарных стилистических и других речевых ошибок у школьников. Кстати, они, к сожалению, встречаются и в речи учителя. См. свидетельство Т.А. Ладыженской об ошибках на управление, наличие «лишних слов», жаргонизмов в устной речи учителей (*Ладыженская Т.А. Живое слово. М., 1986. С. 33—34*).

В целях повышения речевой культуры школьников необходимо, во-первых, изменить отношение ко всем нарушениям языковых норм литературного языка, в том числе к стилистическим ошибкам. Во-вторых, если и допускать несколько меньшую требовательность к стилистическим тонкостям, то все прочие нарушения языковых норм (в том числе элементарно стилистических, влекущих за собой «грубые стилистические ошибки») нужно учитывать с той же строгостью, что и ошибки орфографические и пунктуационные.

А для этого необходимо глубокое осознание учителем разновидностей речевых ошибок, места среди них собственно стилистических и четкой классификации всех этих случаев нарушения норм. Недопустимы распространенные и по настоящее время случаи, когда учитель ставит на полях помету «ст.» при ошибках на управление, согласование, употребление слов в несвойственных им значениях и в других подобных случаях.

Таким образом, нужна классификация ошибок, наиболее распространенных в речевой практике. Конечно, невозможно отразить в такой классификации все встречающиеся и возможные ошибки, да это и не нужно творчески мыслящему учителю. Гораздо важнее определить общие принципы, усвоив которые учитель всегда сможет верно квалифицировать новую для него (не отмеченную в классификации) ошибку. Сле-

дует иметь в виду, что могут быть и переходные случаи, которые не укладываются в схему классификации.

Наиболее часто встречающиеся в письменной и устной речи учащихся нарушения норм языка (условно — «речевые ошибки») целесообразно подразделить прежде всего на *нестилистические* и собственно *стилистические*. К первым отойдут случаи нарушения норм лексических, фразеологических, словообразовательных, морфологических и синтаксических. Стилистическими ошибками (или недочетами) окажутся случаи нарушения единства стиля, где это недопустимо, кроме того, несоответствия употребленных форм, слов, конструкций избранной стилистической манере высказывания и задачам данной сферы коммуникации, а также неучитывание особенностей форм и типов речи, жанра. Применительно к школе возможно, по-видимому, представить стилистические ошибки по степени их сложности и по степени овладения со стороны учащихся богатствами и стилистическими нормами языка. Поэтому схематически здесь можно выделить следующие ступени стилистической грамотности и группы ошибок:

- 1) стилистические недочеты, связанные со слабым овладением ресурсами русского языка;
- 2) стилистические ошибки, обнаруживающие недостаточно развитое языково-стилистическое чутье;
- 3) ошибки, связанные с нарушением норм функциональных стилей.

При характеристике этой третьей ступени и группы ошибок следует особо подчеркнуть необходимость соответствия стиля речи содержанию, т.е. единства формы и содержания.

§ 62. Можно предложить следующую классификацию наиболее часто встречающихся речевых ошибок школьников.

I. Нестилистические ошибки.

1. Лексические ошибки:

- 1) употребление слов в несвойственном им значении как следствие незнания значений этих слов. Примеры

взяты из сочинений школьников и отчасти из студенческих работ, а также из статей и пособий по практической стилистике: «Началась гражданская *интервенция*»; «Онегин улучшил жизнь крестьян тем, что заменил *ярм* барщиной»; «Художник *нарисовал репродукцию* и вышел из комнаты»;

- 2) неумение учитывать семантическую сочетаемость слов, известных учащимся: «Летом и осенью тысяча девятьсот сорок первого года фашисты *строили налеты* на Москву»; «Во всем мире *проходят лозунги* за мир» (здесь, кроме того, налицо повторение одного и того же слова и пропуск члена предложения);
  - 3) неустраненная контекстом многозначность, порождающая двусмысленность: «У него еще нет *понятия нормы*»; «Это предложение надо *оставить*»;
  - 4) смешение паронимов: «Зина *поступила* в подпольную организацию “Юные мстители” (*вступила*)»; «К службе Чацкий относился честно и *добровольно*» (*добросовестно*);
  - 5) лексические анахронизмы (их можно считать и лексико-стилистическими ошибками): «Печорин получил *путевку* на Кавказ»; «Лиза была *домработницей* в доме Фамусова»;
  - 6) употребление неизвестных литературному языку слов как результат неправильного словотворчества (этот тип ошибок может быть отнесен и к ошибкам словообразовательного характера): «Наташе очень хотелось, чтобы все почувствовали *очаровательство* природы»; «Мне нравится его прямота и *остроумность*».
2. Ошибки в использовании фразеологических оборотов:
- 1) смешение компонентов в близких по значению фразеологизмах: «Пьеса «Вишневый сад» *сыграла* большое значение» (смешение фразеологизмов *иметь значение* и *играть роль*);

- 2) анахронизмы при использовании устойчивых словосочетаний: «У бабушки Ненилы были плохие *жилищные условия*»; «После окончания лицея Пушкин *был принят на работу* в Коллегию иностранных дел»; «Дворовых заставляли работать и *по выходным дням*»;
  - 3) несоответствие значения фразеологического сочетания контексту: «Отец Павла Власова *посвятил жизнь побоям* жены».
3. Морфологические ошибки (связанные с нарушением правил образования форм слова):
- 1) образование форм множественного числа от существительных, употребляемых только в единственном числе: «У наших писателей выражены *преданности* идее»; «У них все время происходят *брани*»;
  - 2) ошибки в образовании падежных форм имен существительных: «Рахметов был обыкновенным *юношем*»; «А сколько построено *фабриков*»; «Свободных *местов* в зале не было»;
  - 3) ошибки в образовании степеней сравнения прилагательных: «Алеша Попович *более моложе*, чем все остальные богатыри»; «...Это был *самый умнейший* человек своего времени»; «Эти частицы еще *более мельче* молекул»;
  - 4) ошибки в образовании местоимений: «*Ихнее* поместье должно продаваться за долги»; «*Ихняя* религия — это собственность»;
  - 5) ошибки в образовании глагольных форм: «Душа Катерины *жаждает* любви»; «Мы *хочем* пойти в лес»;
  - 6) неправильное образование деепричастий: «Деревья, *почувствуя* приход весны, распускают листики»; «Солдаты, *увидя* наши танки, бросились в атаку»; «Моя мама, *работав* на фабрике, одновременно учится в институте».

4. Синтаксические ошибки:

- 1) ошибки на разные случаи согласования: «Наше *правительство* *закljučают* мирные договоры»; «Автором *раскрито* важные факты»; «*Крестьянство* боролось против гнета помещиков»;
- 2) ошибки на разные случаи управления: «Иной бы *примирлся и к такой жизни*»; «Ниловна *начинает гордиться за Павла*»;
- 3) смешение краткой и полной форм имен прилагательных в роли сказуемого: «Все были *готовые* к походу»; «Он был *недовольный* его поведением»;
- 4) нарушение видовременной контекстной соотносительности глаголов: «Когда мать *узнает*, что сын читает запрещенную литературу, у нее *появился* страх за него»;
- 5) ошибки при однородных членах предложения:
  - а) нарушения в грамматической связи однородных управляемых слов со словом управляющим: «В прошлом люди *мечтали и стремились о новой счастливой жизни*»;
  - б) объединение на правах однородных членов слов, обозначающих видовое и родовое понятия: «Наши современники любят и читают *стихи и произведения* Высоцкого»;
  - в) объединение на правах однородных членов слов, принадлежащих разным частям речи: «Книги помогают нам в *учебе и выбирать* профессию»;
  - б) нарушение порядка слов в причастном обороте: «*Приехавший* Онегин в *деревню*, поселился в доме дяди»;
- 7) неправильное употребление деепричастного оборота (неучитывание того, что деепричастие выражает действие того же подлежащего, что и глагол-сказуемое):

«Заходя в комнату, у нас сосало под ложечкой»; «Читая пьесу, Петя Трофимов мне очень понравился»;

- 8) нарушение правил размещения слов в предложении: «В основе драмы Островского «Гроза» *лежит с окружающим темным царством конфликт Катерины*»;
- 9) неправильное употребление местоимений, приводящее к двусмысленности: «Из окна падает свет и освещает туго заплетенные косички девочки и светлую кофточку, но *она* ничего не замечает» (удаленность местоимения от соотносительного слова);
- 10) дублирование подлежащего: «*Пелагея Ниловна она* прошла большой жизненный путь»; «*Лопухов и Кирсанов они* типичные демократы-разночинцы»;
- 11) нарушение порядка расположения частей сложного предложения; удаленность придаточного от определяемого им слова, создающаяся при этом неясность высказывания: «Несколько *птиц* Вера подарила зимовщикам острова Диксон, *которые там хорошо акклиматизировались*»;
- 12) установление отношений однородности между членом простого предложения и частью сложного: «Шабашкин увидел в Дубровском *человека горячего и что он мало знает толку в делах*»;
- 13) отсутствие логико-грамматической связи между частями сложного предложения: «Татьяна не хочет повторять печальный пример своей матери, которая в молодости была выдана за нелюбимого человека, но затем ей понравилось быть полновластной хозяйкой усадьбы»;
- 14) загромождение сложного предложения (в частности, придаточными): «Павел стал уходить в город, где были революционеры-интеллигенты, которые давали ему политическую литературу, распространявшуюся нелегально, с тем, чтобы помочь Павлу разобраться в тех вопросах жизни, какие его особенно интересовали»;

- 15) смешение прямой и косвенной речи: «Володя ответил, *что не я* это сделал»;
- 16) неумелое введение цитат.

II. Стилистические ошибки.

Сразу оговоримся, что термин *стилистическая ошибка* носит условный характер. В этом случае уместнее говорить о недочетах, неудачах высказывания. Но мы сохраняем этот термин в целях методических — ради единства терминологии.

1. Ошибки, связанные со слабым овладением ресурсами русского языка:

1) бедность словаря и фразеологии:

а) немотивированное повторение в узком контексте одного и того же слова или однокоренных слов: «*Строители* не страшатся смерти. Когда погибает Костя Зайкин, они не убегают *со стройки*, так как знают, что *стройка* нужна городу»; «Она любит свою *работу* и *работает* на заводе давно. Приходит с *работы* усталая»;

б) плеоназмы и тавтология, которые делают речь бедной, однообразной, снижают ее выразительность. Примеры тавтологии: «Лодки *приближались* все ближе»; «Машины освобождают *трудоемкий труд* рабочих». Плеоназмы: «Шабашкина не мучила *своя собственная* совесть»; «Удар пришелся ему *внезапно и неожиданно*»; «*Ведущий лидер* в нашем классе Сережа Нифонтов»; «Нашим войскам пришлось *отступить назад*»;

2) употребление штампов: «В своей комедии Грибоедов очень *остро поставил целый ряд* важнейших проблем того времени»; «Это они, героини-молодогвардейцы, *отдали свою жизнь за светлое будущее всего человечества*». Из-за невнимания к штампам, отсутствия борьбы с ними эти устойчивые словосочетания попадают

в устную разговорную речь учащихся и закрепляются в ней. См. отмечаемое Норой Галь употребление штампов в разговорной речи школьников: «Мы всегда ведем борьбу за повышение успеваемости» (*Галь Н.Я. Слово живое и мертвое. М., 1987. С. 5*);

- 3) употребление слов-паразитов, которые особенно часты в устной речи, например: «Ну, пошли, *значит*, мы однажды в лес...»;
  - 4) немотивированное употребление нелитературной лексики: просторечных слов, диалектизмов, например: «На Плюшкине было какое-то *шмотье*»; «В жаркие дни очень *охота* купаться»; «Павел еще *пуще* сплачивает своих друзей»; «Кабаниха всячески *стращала* Катерину»; «Чичиков сумел всех *обвегорить*» (в сочинении);
  - 5) однообразие в построении предложений, в выборе конструкций;
  - 6) отсутствие образных средств там, где они естественны и даже необходимы для раскрытия темы сочинения.
2. Ошибки, обнаруживающие недостаточно развитое языковое стилистическое чутье:
- 1) погоня за красотой (употребление экспрессивных средств, не мотивированное стилистически):
    - а) неоправданное использование определений-прилагательных в целях достижения якобы речевой образности, выразительности; неумелый выбор этих определений (неуместных в данном контексте) либо их нагромождение, обращение к излишней по теме эмоциональности, гиперболизму и т.п.: «В наши *веселые, радостные, счастливые* дни детства запускаются на другие планеты сложнейшие летательные аппараты»; «Памятный всем нам образ Высоцкого и *задиристые, грохочущие, искрометные* его песни не забудутся»; «Пьеса «На дне»... призывала к другой, справедливой, свободной, *радостной и веселой* жизни»;

- б) создание надуманных метафор, неудачных сравнений в стремлении к красивости: «А что за небо! Его серебристо-голубая лазурь, как добродушный гномик, улыбается нам веселой, искрящейся улыбкой»;
- 2) смешение разностильной лексики, в частности немотивированное употребление разговорных и книжных слов: «Мы видим, что Андрей Болконский — человек с передовыми взглядами. Светское общество ему *не родня*» (последнее слово в данном контексте неуместно не только по смыслу, но и потому, что носит разговорный характер); «А.П. Чехов в пьесе «Вишневый сад» показал не только людей двух разных классов, но и новых, *посредством* которых писатель обличал существующий строй» (немотивированное использование книжного слова); «Достоевский *лез из кожи*, чтобы как-то выбиться из долгов» (неуместный по стилистической окраске фразеологизм);
- 3) неблагозвучие, которое создается:
- а) скоплением гласных: «А у Андрея Болконского...»; «**Не ее ему** лучше было встретить...»;
- б) скоплением шипящих: «Роман «Мать» — замечательнейшее произведение, изображающее лучших людей того времени, посвятивших свою жизнь, как они считали, борьбе за светлое будущее»;
- в) употреблением рядом или повторением одинаковых в звуковом отношении частей слов: «Не **раз** распространяли молодогвардейцы листовки»; «**Допрос** рослого парня продолжался».
3. Ошибки, связанные с нарушением норм функциональных стилей.

Сюда относится широкое и немотивированное использование в одном стиле речи языковых средств (слов, словосочетаний, форм, конструкций), наиболее типичных для другого. Например:

- 1) злоупотребление канцеляризмами (лексикой и фразеологией делового стиля): «Не только в те годы, но и сейчас произведение «Война и мир» *пользуется большим спросом у населения*» (здесь же и неудачный выбор слова);
  - 2) злоупотребление специальными терминами в тексте ненаучного характера.
4. Нарушения стилистических требований, связанных с широким контекстом.

Сюда входят нарушения требований общей функционально-стилевой целостности произведения, которая определяется темой сочинения, избранным аспектом ее раскрытия, характером заголовка. Так, в школе нередки случаи, когда тема сочинения, требующая эмоционального выражения своих впечатлений от прочитанного, воплощается в форме сухого пересказа сведений из учебника, сюжетной линии произведения и т.п.

Например, в сочинении ученика X класса на тему «Мать и сын рядом. Это прекрасно!», вместо эмоционального, глубоко прочувствованного рассказа об идеальных отношениях между матерью и сыном, их не только кровном, но и духовном родстве, излагается история создания романа, затем поочередно показывается сначала жизнь Павла, а затем — Ниловны. В заключение сочинения учащийся пишет о значении романа «Мать».

В результате оказалось, что сочинение написано не на тему, а его эмоциональный тон и стиль не отвечают заглавию.

К довольно распространенным ошибкам анализируемой группы относятся и случаи обращения автора сочинения к патетике, неуместной по теме и общей стилистической атмосфере текста, к ложноторжественным восклицаниям, к не отличающейся языковым вкусом образности («красивостям»). Учащиеся средних школ слабо владеют типами речи, особенно рассуждением, недостаточно сведущи в особенностях жанров (знакомство с которыми предусмотрено программой и рекомендуется методистами).

Если же говорить об элементарных речевых ошибках, упомянутых выше, то большую часть из них в речи школьников составляют нарушения норм грамматики и лексики; возможность появления таких ошибок должна непременно учитываться в системе методических приемов при изучении соответствующих тем. Предупреждение и исправление собственно стилистических ошибок тоже должно быть предметом постоянного внимания учителя, как того и требуют новейшие методические рекомендации.

§ 63. Естественно, что задачи воспитания речевой культуры в школе не ограничиваются отмеченным выше аспектом. Важно, чтобы само преподавание языка, особенно так называемое развитие речи, было функционально-стилистически направленным, т.е. деятельностным.

Школьные программы по русскому языку предусматривают формирование «умений и навыков связного изложения мыслей в устной и письменной форме», знакомство с основными функциональными стилями (не только теоретическое, но и практическое, например написание сочинения в публицистическом стиле, заявления и т.д.). Курс родного языка в школе призван помочь учащимся не только приобрести орфографическую и пунктуационную грамотность, но и овладеть языком как средством общения в различных сферах жизни, т.е. овладеть навыками использования стилистически дифференцированной речи. Для достижения этой цели требуется целенаправленная методика преподавания.

Конечно, самым эффективным методом повышения речевой культуры, в том числе стилистической, является такой, при котором обучение проводится на уровне речевой деятельности. А это невозможно вне функционально-стилистической основы. В свое время В. Матезиус высказывал мысль, что воспитание стилистической культуры и чутья, чувства стиля должно начинаться с ранних лет. О важности развития чувства языка и «вкуса» пишет В.Г. Костомаров. Об искусственности школьных упражнений говорил еще Л.В. Щерба. Исследования психологов,

психолингвистов, методистов показывают, что приближение условий обучения к естественным условиям общения способно значительно повысить речевую культуру.

Если, например, упражнения в выборе нормативного или синонимического средства являются сами по себе важными, однако имеют все же преимущественно лишь познавательный характер, то «эффективность наблюдений над языковыми средствами значительно повышается, если они проводятся в рамках речевой деятельности, потому что только в этом случае проблема выбора языкового средства... перестает быть искусственной, наполняется практическим смыслом, становится учебной проблемной ситуацией» (*Капинос В.И.* Значение стилистики в практике преподавания родного языка // Основные понятия и категории лингвостилистики. Пермь, 1982. С. 6).

Тот же автор — В.И. Капинос — отмечает: «...чтобы придать речевой работе коммуникативный характер, надо включить в систему работы над связной речью умение ориентироваться в условиях и задачах речи, устанавливать стиль будущего высказывания», «ясно представлять себе собеседника, условия речи и основную цель общения» (Там же. С. 10, 13). При этом указывается и теоретическая основа, на которую должны опираться методические «разработки»: «Стилистика делает возможным организацию обучения родному языку как речевой деятельности или, что то же самое, как средству общения. В этом основной смысл введения стилистики в школьный практический курс языка» (Там же. С. 13). Развивая далее свою мысль, В.И. Капинос пишет: «Практика показала, что работа над связной речью учащихся... становится значительно эффективнее, если в обучении мы опираемся на понятие функционального стиля речи... В этом случае появляется возможность увязать на основе стиля изучение грамматики... с работой по развитию речи учащихся» (Там же. С. 2).

О роли и значении стилистики — причем именно функциональной — для школы говорят и другие исследователи, например: «Школа не может ограничиться отработкой лишь логической стороны связной речи... необходимо работу над связной

речью поставить на функционально-стилистическую основу» (*Иконников С.Н.* *Стилистическая работа в процессе изучения русского языка.* М., 1977. С. 3). Очень интересна и полезна в этом отношении книга Т.А. Ладыженской «Живое слово» (М., 1986).

Стилистика помогает ввести учащегося в речевую ситуацию, подобную естественной, развивает умение оценивать задачи общения в той или иной сфере, а методика преподавания языка, развития речи должна быть направлена на то, чтобы вызвать у учащихся «потребность к коммуникации». «Тем самым она подключает речевое действие к деятельности общения (коммуникации) и превращает искусственное говорение... в естественное высказывание» (*Капинос В.И.* *Значение стилистики в практике преподавания родного языка.* М., 1982. С. 11). Это закономерно, так как «язык выполняет свое назначение лишь постольку, поскольку в нем есть стилевая дифференциация. Отсюда очевидно, что функциональные стили должны быть отправным пунктом рационального преподавания языка...» (*Виноградов В.В., Костомаров В.Г.* *Теория советского языкознания и практика обучения русскому языку иностранцев // Вопросы языкознания.* 1967. № 2. С. 8).

Однако пока что, к сожалению, методика преподавания русского языка в средней школе не всегда обеспечивает коммуникативный принцип в работе по развитию речи. Задачи методики в этом плане связаны с углублением коммуникативно-деятельностных основ развития речи, а следовательно, и функционально-стилистических. Основываясь на представлениях о структуре речевой деятельности, разработанных А.Н. Леонтьевым, В.И. Капинос, например, определяет четыре фазы умений, соответствующие фазам речевой деятельности (ориентировка в предмете речи; планирование; реализация программы; контроль), и отмечает, что современная методика развития речи лишь частично формирует эти навыки. В основном она направлена на раскрытие темы и основной мысли, т.е. мотивирована лишь содержательно. Мотивации же более высокого ранга уделяется меньше внимания.

Историзм стиля.

Формирование функционального стиля в национальный период развития русского литературного языка

§ 64. Стиль — понятие историческое; тем более это относится к понятию функционального стиля.

Особенности истории развития русского литературного языка отражаются на процессе формирования стилистических ресурсов языка и его функций. К таким особенностям относятся прежде всего следующие:

- 1) литературный язык формируется на народной восточно-славянской и церковнославянской основах с последующим их взаимодействием;
- 2) одним из типов литературного языка является деловой язык на народной основе;
- 3) между письменной и устной формами речи отмечаются значительные расхождения, и лишь с конца XVIII — начала XIX в. происходит их сближение, постепенное олитературивание разговорных средств языка, которые, однако, долго сохраняют стилевую окраску разговорности и фамильярности;
- 4) наличие в русском литературном языке нескольких типов, на основе которых позднее оформляются три стиля.

Как известно, русский литературный язык прежде всего развивался в письменной форме, постепенно расширяя свои функции вместе с расширением сфер применения: деловой, художественной, научной, публицистической. Постепенно происходит олитературивание и разговорной речи.

В литературном языке XIX и XX вв. ясно ощутимы стилевые окраски средств, традиционно связанных с употреблением их преимущественно либо в письменной форме речи, либо в устно-разговорной. Это основное стилевое подразделение стилистических ресурсов русского литературного языка (прежде всего лексических), которое обычно и представлено в словарях систе-

мой помет. Кроме различия средств книжно-письменных и устно-разговорных, стилистические характеристики языковых единиц традиционно представляются еще в аспекте повышения и понижения стиля (т.е. торжественно-возвышенные и снижено-фамильярные). В свою очередь, и те и другие языковые единицы различаются многочисленными экспрессивно-эмоциональными стилистическими оттенками, которые преимущественно обусловлены традициями употребления этих единиц в определенной сфере, речевой ситуации, жанре, а также их лексическими значениями, заложенной в них оценочностью.

Стилистическая палитра и стилистические возможности языковых средств постепенно расширяются, более четко оформляются и вместе с тем становятся вариативными. Кроме того, постепенно происходят переосмысление и видоизменение стилистических окрасок языковых средств. Ср. стилистико-смысловые видоизменения у многих лексических единиц в дооктябрьский и послеоктябрьский периоды, например, слов: *барыня*, *знатный*, *красный* и мн. др. и позже, в постперестроечный период. Все это происходит под воздействием речевой практики писателей, публицистов, ученых, общественных деятелей и в результате постепенного расширения функций литературного языка, его внутрилингвистических процессов, а также появления новых технических средств общения и формирования функциональных стилей, т.е. в целом — в связи с историей развития языка и общества.

Так в общих чертах идет формирование стилистических ресурсов русского литературного языка.

§ 65. Сложнее обстоит дело с формированием функциональных стилей.

Согласно мнению В.В. Виноградова, распространение понятия (и термина) «стиль» на период донационального русского языка вообще нежелательно и неверно, поскольку о стилях можно говорить в пределах одного языка, а в донациональный период литературный язык развивается на двух языковых основах. Поэтому применительно к языку русской народности, по

мнению В.В. Виноградова, лучше говорить не о стилях, а о типах литературного языка. Зарождение и развитие двух или трех стилей происходит в XVI—XVII вв., а окончательное их оформление имеет место лишь в XVIII в. (см. теорию «трех штилей» М.В. Ломоносова).

Однако теория М.В. Ломоносова регламентировала преимущественно функционирование языка в сфере художественных жанров, и «штиль» прежде всего предписывались последним. Правда, как показывают свидетельства современников и анализ нехудожественных, например научных, произведений ломоносовского периода, стилистическая теория М.В. Ломоносова в действительности охватывала не только область художественной литературы.

Интересно, что влияние М.В. Ломоносова оказалось далеко идущим не только в отношении осмысления стилистических окрасок языковых средств. Ломоносовское понятие стиля, имеющее в известном смысле экспрессивно-жанровый характер, повлияло на понимание стиля в лингвистике более позднего времени и отразилось на его определениях даже в наше время. Между тем принцип формирования стилей и их соотношение с литературным языком были в XVIII в. иными, чем в современном языке. Известно, что экспрессивно-жанровые стили XVII—XVIII вв. опирались на «тройные» или, по крайней мере, «двойные ряды» не только слов, но и форм разной стилистической окраски (обусловленной различием их происхождения и традицией употребления). Отсутствие в русском языке того времени единых норм и наличие многочисленных языковых дублетов создавало реальную основу для замкнутости стилей языка. Так, в жанрах высокого стиля существительные мужского рода употреблялись в родительном падеже единственного числа с окончаниями на *-а*, в низком стиле на *-у*; прилагательные — на *-аго* (в высоком), *-ого* (в низком), что сочеталось с отбором соответствующей лексики: с одной стороны, *Святаго Духа, ангельскаго гласа*, но с другой — *мужицкого голоса*, а также *визгу, грузу, попреку*; то же в формах предложного падежа единственного числа; соответственно в деепричастиях: *держаа*, но *толкаячи* и т.д.

Большой круг средств одного стиля не мог быть использован в другом. Замкнутость стилей в указанный период была обусловлена состоянием самой системы литературного языка, чего уже нет в наше время начиная с XIX в.

Широкие возможности обогащения стилистических ресурсов языка, развитие способности у одного и того же средства выражать многообразие стилистических оттенков и, кроме того, формирование известных функциональных стилей связаны лишь с современным, начиная с А.С. Пушкина, периодом русского литературного языка. Только достаточно сформировавшийся национальный литературный язык с его едиными нормами оказывается способным выразить все многообразие оттенков мысли и содержания речи через семантико-стилистические ресурсы.

Недаром, например, Б. Гавранек связывает формирование функциональных стилей не только с периодом сложения единых норм литературного языка, но и с высоким уровнем его культуры, богатством функциональных возможностей и способностей осуществлять коммуникацию в многообразных интеллектуальных сферах высокоразвитого общества. В силу складывающихся традиций употребления языковых средств в типичных коммуникативных ситуациях стилистические возможности постепенно оформляются в довольно устойчивые стилевые окраски, приемы, значения.

В связи с разрушением старой «трехстильной» системы языковых средств, формированием многообразия стилистических средств, окрасок, значений и потенций языка утрачивается стилистическая однородность речи (в том или ином жанре). Обычно, как уже отмечалось, в современном языке (в отличие от языка XVIII в.) в одном контексте используются, а порой и намеренно сталкиваются в целях речевой выразительности языковые единицы с традиционно различными стилевыми окрасками (книжные, разговорные, торжественные, официальные, нейтральные и др.). Однако при этом обычно все же сохраняется об щ а я ф у н к ц и о н а л ь н о - с т и л е в а я окрашенность речи, обусловленная закономерностями функ-

ционирования языковых средств в данной сфере общения в связи с единством цели коммуникации, а также типа мышления и содержания. В результате стилистико-речевая системность, организация речи, ее связь со спецификой конкретного функционального стиля не исчезают. Таким образом, старое понятие стиля, восходящее к пониманию «стиля» М.В. Ломоносовым, уступает место новому. Вместо стиля, единого по составу средств, — одной традиционной стилистической окраски, создается стиль с разнообразным составом средств, но единый по семантико-функциональной окраске и значению, по своеобразию речевой организации. Создается стиль, единство которого обусловлено особой взаимосвязью языковых единиц на основе выполнения ими единого коммуникативного задания в соответствующей сфере общения. Теперь это не совокупность одинаково окрашенных языковых средств (либо высоких, либо низких), а система на текстовой плоскости с особыми стилевыми чертами, обусловленными определенными базовыми экстралингвистическими факторами и целями и задачами общения.

Так видоизменяется и в то же время обогащается стиль в процессе исторического развития, а вместе с тем и понятие о стиле.

§ 66. Формирование отдельных функциональных стилей происходит, по-видимому, следующим образом.

Образование функционального стиля обусловлено не только стилистическими возможностями языка, уровнем его развития, но и характером коммуникативных задач и степенью развития общества, его культуры. Конечно, развитые функциональные стили в их современном (или близком к нему) состоянии складываются в русском национальном языке лишь в XIX в. Однако истоки, становление этих стилей и образование ряда их основных специфических стилистико-функциональных черт и соответствующих значений у некоторых языковых единиц относятся к значительно более раннему времени.

Возможности их формирования связываются с появлением соответствующих коммуникативных задач и стилеобразующих

экстралингвистических факторов, а также с уровнем развития языка. Так, некоторые специфические черты законодательного стиля и функциональная соотносительность с ним отдельных языковых средств начинают складываться еще в древнерусский период. Например, модальность долженствования и констатации, условно-следственные конструкции.

Такая специфичная черта художественного стиля, как его художественно-образная речевая конкретизация, тоже формируется очень рано и известна наряду с приемами и средствами словесной образности уже «Слову о полку Игореве».

Позднее — и это естественно — складываются стилевые черты и функционально-стилевые значения языковых средств, нормы речевой организации в научной сфере общения. Наука как таковая на Руси появляется позже делопроизводства, и еще позже — в XVIII в. — происходит оформление научных знаний на своем, русском национальном литературном языке. Однако уже в текстах руководств по различным ремеслам, в пособиях по арифметике, в лечебниках XVII в. можно обнаружить некоторые стилевые черты и функциональные значения языковых единиц, специфические для научной речи более позднего времени, в особенности для учебной литературы. Здесь можно отметить общую отвлеченность и обобщенность речи и значений отдельных единиц (как и довольно яркое выражение логичности) и в качестве средств достижения этого, например, своеобразие функционирования временных личных форм глагола и инфинитивов (сближающееся с современным). Так социальный заказ и появление того или иного вида деятельности и общения, а также связанных с ними особых задач коммуникации вызывают к жизни формирование соответствующего функционального стиля (со свойственными ему закономерностями функционирования языка и своеобразной речевой организацией).

В первые десятилетия XIX в. складываются основные функциональные стили, которые затем, с развитием языка претерпевают известные изменения. Прежде всего идет процесс олитературивания многих новых средств, рост терминологических систем, увеличение абстрактной лексики, в том числе за счет ее

семантического обогащения (развития полисемии). Эти явления особенно активны в научной и политической (публицистической) сферах общения.

История развития функциональных стилей русского языка (впрочем, как и всех других) еще не исследована и не описана. Более других изучен в этом отношении научный стиль, однако и его исследование в диахроническом аспекте только еще начинается. Многочисленны работы в области стиля художественных произведений, но история развития художественной речи в функционально-стилевом аспекте рассматривается очень немногими учеными, хотя ей и посвящены труды В.В. Виноградова.

§ 67. В течение XIX в. в связи с формированием единых норм литературного языка (складывающихся в результате преодоления устаревшей к этому времени модели «трех стилей») идет интенсивное развитие в с е х основных функциональных стилей, включая и разговорно-обиходный (который как раз и связан с процессами олитературивания: отбора и «отсеивания» средств). Собственно, по отношению к концу XVIII — началу XIX в. нельзя и говорить о существовании разговорно-обиходного стиля, поскольку в то время еще не завершился процесс включения разговорной речи в литературный язык; сама же по себе сфера обиходного общения была по языку чрезвычайно пестрой: от диалектно-просторечной до макаронической, русско-французской, салонной. Вероятно, в меньшей степени несформированностью отличается деловой стиль, но и он претерпевает немалые изменения.

Заметное развитие получают научный и публицистический функциональные стили. Вспомним, как А.С. Пушкин жаловался на отсутствие сложившихся средств выражения как раз в этих сферах (см. его общеизвестное выражение, что «метафизического языка у нас вовсе не существует»).

Таким образом, в литературном языке указанного времени идут интенсивные процессы стилистико-функциональной специализации. Формируются принципы отбора и сочетания языковых средств, призванные — при их реализации — способство-

вать наиболее эффективной коммуникации в соответствующей сфере общения. Все это происходит, естественно, в связи с развитием самого общества, появляющимися новыми сферами и потребностями общения, обслуживаемыми литературным языком.

В период после событий 1917 г. и в эпоху НТР происходят значительные изменения в стилистической системе русского литературного языка — не только в стилистических окрасках, но и в функционально-стилевом его расслоении. Происходят процессы его глубокой внутренней дифференциации, усиление взаимовлияния стилей, повышение их роли в развитии литературного языка (ср. роль публицистического и разговорного, а затем и научного стилей). Рост социальной активности общества после революции 1917 г. (выступления на собраниях, митингах), научно-технический прогресс и связанное с ним появление новых средств связи (кино, радио, телевидение, Интернет) способствовали появлению новых форм и сфер общения, в каждой из которых создавались свои принципы отбора и сочетания языковых средств, функционально-стилистические нормы и требования к речи. Бурное развитие массовой коммуникации — характерная функционально-языковая примета нашего времени.

Значение функциональной стилистики 60—80-х гг. XX в. для последующего развития стилистики

§ 68. С 20-х гг. прошлого столетия благодаря деятельности замечательных отечественных ученых В.В. Виноградова, Л.В. Щербы, Г.О. Винокура, Б.А. Ларина, А.М. Пешковского, позже А.Н. Гвоздева, А.И. Ефимова, Р.А. Будагова, И.Р. Гальперина проблемы стилистики активно изучаются и стилистика становится научной дисциплиной. Однако многие ее вопросы, в том числе дискуссионные и кардинальные, еще нуждаются в дальнейшем и всестороннем изучении. Кстати, первоочередным вопросом, требующим решения, является вопрос о стиле как понятии лингвистики, сущности стиля, его структуре и историческом развитии,

а также вопрос о статусе стиля в языке и общественной коммуникации. Назрела необходимость обсуждения нерешенных и спорных проблем лингвостилистики. Эта ситуация вылилась в дискуссию по проблемам этой науки в журнале «Вопросы языкознания», инициированную Ю.С. Сорокиным и продолжавшуюся в течение 1954 г., итоги которой подвел В.В. Виноградов в первом номере журнала за 1955 г. При этом он отметил, что дискуссия не решила обсуждаемых проблем, но поставила много вопросов.

В дискуссии приняли участие все крупные ученые того времени, занимающиеся стилистикой: кроме В.В. Виноградова и Ю.С. Сорокина Г.В. Степанов, Р.А. Будагов, И.Р. Гальперин, Т.И. Сильман, Л.П. Жуковская, В.Д. Левин и др. Несмотря на в известной мере критическую оценку дискуссии В.В. Виноградовым, она, бесспорно, имела большое значение для развития отечественной стилистики: прежде всего получило определение понятие *стиль*, данное В.В. Виноградовым, были поставлены проблемы историзма стиля, многообразия и взаимодействия стилей; дискуссия побудила к дальнейшему изучению многих проблем стилистики, к разработке новых направлений лингвостилистики, в том числе функционального (см. обзор дискуссии в аспекте последнего направления: *Кожина М.Н.* Пути развития стилистики русского языка во 2-й половине XX в. // *Stylistyka VI. Opole*, 1997. Перепечатка: *Кожина М.Н.* Речеведение и функциональная стилистика: вопросы теории // *Избр. труды.* Пермь, 2002).

§ 69. Дискуссия 1954—1955 гг. явилась сильным толчком для развития функциональной стилистики. С 60-х гг. в русле этого направления появляются исследования целой плеяды ученых: А.Н. Васильевой, Т.Г. Винокур, Б.Н. Головина, М.Н. Кожинной, В.Г. Костомарова, М.П. Кульгава, О.А. Лаптевой, О.Д. Митрофановой, Г.Г. Полищук, Н.М. Разинкиной, Э.Г. Ризель, К.А. Роговой, О.Б. Сиротининой, Ю.М. Скребнева, Е.С. Троянской и др., несколько позже Д.Э. Розенталя, Ю.А. Бельчикова, К.А. Долинина, Г.Я. Солганика, В.В. Одинцова, О.А. Крыловой, Н.М. Лариохиной, Н.М. Фирсовой, В.Д. Бондалетова, Т.В. Матвеевой и др.

Исследования этих ученых обозначили многие новые проблемы и направления стилистики и способствовали оформлению функциональной стилистики в качестве главного ее направления, которое стало интенсивно и последовательно развиваться. И хотя сейчас порой появляются высказывания критического характера в адрес отдельных положений этого направления стилистики, например об абстрактном характере функциональных стилей, однако бесспорно, что именно функциональная стилистика способствовала реализации, укреплению и утверждению в лингвостилистике идеи связи стиля с динамическим, функциональным аспектом языка — его употреблением. Сформулированный еще Г.О. Винокуром и ставший «крылатым» упоминаемый выше тезис: «Язык есть лишь тогда, когда он употребляется», реализуется во многих современных стилистических исследованиях, становится приоритетным, является фундаментальной теоретической основой современной стилистической науки и учебных дисциплин (см., например, новейшие публикации А.И. Горшкова, В.Г. Костомарова, Г.Я. Солганика и др.).

§ 70. В чем же в дальнейшем проявилась роль функциональной стилистики, определившей значение и пути развития стилистической науки в целом, вплоть до современности?

I. Первое и главное сказано выше: утверждение функционального аспекта, реализация в стилистике тезиса Г.О. Винокура (в известном смысле восходящая еще к В. Гумбольдту). Ср. определение стилевых разновидностей языка как разновидностей употребления (*Горшков А.И.* Русская стилистика. М., 2001), а также стилевых группировок текстов (*Костомаров В.Г.* Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики, 2005).

Кроме того, в наше время, как сказано выше, встречаются высказывания об абстрактности функциональных стилей (далее ФС-лей) и приоритетности исследования более частных разновидностей речи: текстов, отражающих реальность языкового континуума, в которых якобы трудно уловить связь с ФС-лями. В известной степени и на первый взгляд это справедливое мне-

ние. Однако оно поверхностно, поскольку не учитывает исторического развития функциональной стилистики.

Во-первых, дело в том, что изначально ФС-ли определялись отнюдь не как монолитное неделимое явление, при этом отмечалось, что они дифференцируются на подстили и другие более частные разновидности (вплоть до индивидуальных). Кроме того, функциональная стилистика (ФС-ка) предполагала два уровня исследований, глубинный, фундаментальный, изучающий макростили, и более поверхностный, на котором и следует изучать частные, конкретные разновидности употребления языка (подстили и др.). Об этом, в частности, писала А.Н. Васильева. Но не сразу ФС-ка дошла до исследований второго уровня. Оно стало проводиться позднее, продолжает привлекать внимание ученых и в наше время. При этом следует учесть, что принципы отбора и организации языковых средств и специфика того или иного макростили проявляются и на поверхностном уровне, определяют речевую системность стиля конкретного текста, относящегося в конечном счете к данному макростилю. Конечно, на каждом небольшом отрезке текста они могут быть и незаметны. И тем не менее связь с глубинной основой ФС-ля сохраняется и реализуется в соответствующем целом тексте и группировке текстов; п р и н ц и п ы отбора средств и организации текста, свойственные данному ФС-лю, как сказано, сохраняются. Однако лишь при добавлении средств и способов выражения, определяемых новыми (частными, конкретными: жанровыми, индивидуальными и другими) задачами коммуникации в данной речевой разновидности. Важно, что именно принципы отбора и организации языковых средств в этих речевых (текстовых) разновидностях остаются и, как говорит В.Г. Костомаров, определяют группировку текстов (иначе, подстилевых разновидностей). Ср., например, высказывание В.Г. Костомарова о том, что тексты монографии, учебника, учебной лекции при их различиях сохраняют «базовые особенности научного текста» (Указ. соч. С. 37).

Во-вторых, стилистико-речевой континуум, как уже отмечалось, представляет собой полевою структуру с центром, состоя-

щим из текстов, стилевые особенности которых демонстрируют, так сказать, в идеальном виде специфику соответствующего ФС-ля. Дальше от центра следуют тексты со стиливыми признаками, менее идеально выраженными и «обрастающими» такими проявлениями, которые определяются более частными экстралингвистическими факторами (подстилевыми, жанровыми и т.д.). На периферии находятся тексты с еще менее яркой и последовательно выраженной спецификой стиля, а также «пограничные» и «совмещенные», представляющие взаимодействие двух или трех соседствующих стилей. Именно на периферии ФС-ля и в межстилевом «пространстве» сильны процессы взаимодействия и взаимовлияния стилей. Таким образом, ФС не монолит, и следует различать, какую «часть» его стиливой структуры представляет каждый конкретный текст, а отсюда — и степень представленности в нем стиливой специфики данного ФС-ля, а также иностилевых и межстилевых вкраплений.

В последние десятилетия, как известно, русская речь претерпевает значительные изменения, отражающиеся и на единицах языка (их произношении, семантике, лексике, фразеологии, грамматических формах и др.), что происходит под влиянием СМИ, которые сами лингвостилистически заметно изменились, являясь проводниками в литературный язык, с одной стороны, разговорной речи, просторечия, жаргонизмов, арготизмов, окказионализмов, с другой — иноязычных слов и выражений, специальных терминов. Свобода и раскрепощенность (от строгих норм литературного языка) телеречи, в целом массмедийного общения отражается на стилевом облике прежде всего публицистики, в том числе газетных текстов, а отдельные черты и языковые средства проникают и в другие стили. Однако следует учесть, что, во-первых, они в меньшей мере затрагивают так называемые качественные газеты, а в них далеко не все жанры (более представлены стиливые новации в интервью и публикациях не профессиональных журналистов, а представителей, например, шоу-бизнеса и других профессий; на телеэкране же в речи тележурналистов указанные новации используются гораздо шире). Во-вторых, большая часть профессионального газетного материала, в меньшей мере радио и телевидения, следует нормам литературного языка и стиля. В-третьих, представ-

ления о влиянии новых веяний СМИ на нашу речь (и тем более язык), по-видимому, все же несколько преувеличены, и соответствующие утверждения гипотетичны. Возможно, в будущем эта тенденция и победит, но пока современные тексты различных стилевых разновидностей — научные, деловые, в целом художественные — следуют своим стилевым закономерностям (естественно, с некоторыми изменениями). Во всяком случае, эта проблема требует глубокого всестороннего изучения на большом фактическом материале. Работа эта находится в самом начале, и пока утверждения о глобальном характере стилистико-речевых изменений все же остаются гипотетичными. См., однако, например, интересные наблюдения саратовских ученых в сборниках «Проблемы речевой коммуникации» под редакцией М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой (Саратов, 2005. Вып. 5; 2006. Вып. 6). И наконец, особого рассмотрения требует вопрос о стилевом статусе желтой прессы. Бесспорно, что эта явно периферийная, точнее, пограничная область публицистики (если считать ее таковой), скорее всего, представляет собой ее суррогат или стилевой гибрид с разговорной нелитературной речью. Это еще одна проблема, требующая изучения.

Одним из новейших исследований по стилистике динамического аспекта языка, пафос которого — в стремлении не замыкаться в жесткие рамки и изучать «живую жизнь» стилистики текста, является продуктивная концепция В.Г. Костомарова о конструктивно-стилевых векторах (КСВ). С ними связываются принципы направлений отбора и организации языковых средств текстов, представляющих разные виды употребления языка, детерминированные внеязыковой действительностью. Ср. «...Особенности функционирования языка... не могут быть заданы составом и строением самого языка. Они в состоянии лишь обеспечить конкретные приемы и формы своего употребления в соответствии с диктатом экстралингвистических факторов...»; «Разумнее всего признать... обусловленность каждого текста и текстовых группировок внеязыковыми потребностями» (*Костомаров В.Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. М., 2005. С. 50*).

Эта теория восходит ко времени формирования функциональной стилистики, к предложенному В.Г. Костомаровым понятию конструктивного принципа ФС-ля, дальнейшая разра-

ботка которого и вылилась у автора в интересную концепцию. В 60—70-х гг. наряду с термином «конструктивный принцип» использовалось синонимичное ему обозначение «стилеобразующий стержень», означающее закономерности употребления языка в разных сферах общения, обусловленные экстралингвистически. Имелось в виду назначение в обществе соответствующей формы общественного сознания.

С недавних пор объектом изучения стилистики стал церковно-религиозный стиль (Л.П. Крысин, О.А. Крылова, Н.Н. Розанова, Л.М. Майданова и др.). Однако правомерность его выделения в системе функциональных стилей была обозначена в 60-е гг. (см. в списке литературы работы М.Н. Кожинной 1966 и 1968 гг.) в связи с определением ФС-лей и их классификацией на основе форм общественного сознания. Правда, в то время еще не возникли условия для его оформления на русском языке и изучения. Перемены социальной жизни, расширение функций русского языка, который стал активнее использоваться в сфере религиозного общения, создали условия для развития указанного стиля в наше время. Таким образом, и в этом вопросе исходной позицией явился начальный этап формирования функциональной стилистики.

Развитие и расширение исследований по стилистике текста (вплоть до замены термина-понятия *стиль* «текстом» у В.Г. Костомарова) восходит также к предшествующему «этапу» функциональной стилистики (хотя глубокий анализ стиля художественного текста представлен еще в работах В.В. Виноградова и его современников) — прежде всего к теоретически обоснованным исследованиям В.В. Одинцова (см. § 17—19).

Среди теоретических новаций современной стилистики (касающихся ее структуры и статуса ее разделов) можно отметить еще одну, являющуюся следствием развития и утверждения именно функционально-стилистических позиций. Если по традиции из трех (либо четырех) разделов стилистики первым — главным и даже исходным — обычно считается *стилистика ресурсов*, то в работах последних лет этот раздел хотя и называется, однако «уходит в тень», за пределы *стилистики текста*,

единственно признанной сейчас в качестве предмета стилистики (В.Г. Костомаров; А.И. Горшков же для этого традиционного раздела вообще не находит места). Это мнение имеет все основания при учете того, что стиль — явление речевое, функциональное, носителем которого является текст. Набор же стилистически окрашенных единиц языка собственно стиля не составляет, являясь лишь «кладовой» — и то недостаточной для «построения» стиля.

II. Теперь о том, что дала ФС-ка для стилистики вообще — о явлениях признанных, недискуссионных — и тем самым о ее значении и вкладе в развитие общей стилистики.

Прежде всего следует отметить значительное расширение объекта стилистики. Если до середины XX в. стилистика изучала почти исключительно художественные тексты — это была стилистика художественной речи (наряду со стилистикой речурсов), — то ФС-ка обращается к широкому, всеохватному изучению речевого континуума, всех основных и общественно значимых сфер употребления языка — научной, официально-деловой, публицистической, разговорно-бытовой и, конечно, художественной. И к настоящему времени эти стили уже значительно изучены и описаны. (Если ранее у некоторых ученых даже возникал вопрос, дело ли лингвистов — изучать стиль научных текстов, то позднее вопрос этот, естественно, отпал.)

Вначале ФС-ли понимались и описывались как набор, совокупность стилистически маркированных языковых средств. Но в связи с развитием ФС-ки стало ясно, что такой подход к стилю ничего не объясняет, что он недостаточен, точнее, неправомерен. Очень хорошо эту ситуацию в стилистической науке характеризовал В.В. Одинцов. Он отмечал, что присущее традиционной стилистике исследование и описание стилей путем перечня лексико-грамматических средств оказалось неэффективным, даже напротив, «чем полнее, глубже, детальнее описывались» таким способом стили, «тем менее ясной становилась стилистическая специфика каждого из видов речи... Стало ясно, что одного перечня признаков для выявления специфики функциональных стилей... совершенно недостаточно, что необходимо описать особенности функционирования этих стилей

(коль скоро они функциональные), соотнести стилеобразующие факторы и языковые средства, показать роль экстралингвистических». Но после того как это положение было признано, т.е. «по-новому был поставлен вопрос о специфике функционирования языковых средств в речевых разновидностях... функциональная стилистика стала успешно развиваться» (*Одинцов В.В.* Стилистика текста. М., 1980. С. 16—17).

В последнее время этот вопрос неоднократно поднимается в названной книге В.Г. Костомарова. Например: «...сегодня нет оснований... связывать существование реальных текстов, их стилистику, в целом функционирование языка с известными ресурсными наборами средств выражения, тем более с формами воплощения» (Указ. соч., 2005. С. 240).

Большое значение для понимания стиля имеет и вопрос о речевой системности стиля, а именно о взаимосвязи и взаимообусловленности языковых средств и текстовых компонентов определенного ФС-ля, объединенных и детерминированных общей функцией и принципом, определяющим отбор этих средств и их организацию.

Если ранее при изучении художественных текстов (в отношении именно их) В.В. Виноградов отмечал системный характер стиля того или иного произведения, то исследование ФС-лей показало, что всем им свойственна особая, речевая, системность (См.: Кожина 1969, 1971 и др., а также соответствующий раздел в учебнике). Как выразился И.Р. Гальперин, «речь тоже системна» (*Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. С. 3).

Привлечение понятия полевой структуры в стилистике дало основание и возможность для конкретного изучения вопроса о взаимодействии и взаимовлиянии функциональных стилей, особенно в периферийных и пограничных зонах, — вопроса, выдвинутого еще В.В. Виноградовым.

В ходе развития стилистики появлялись все новые направления исследований, обусловленные необходимостью изучения воздействия многосторонних внеязыковых факторов на процессы функционирования языка в реальной дей-

ствительности. К настоящему времени структура стилистики стала намного сложнее, а ее проблематика — шире. Исследование общего вопроса о влиянии экстралингвистических факторов на стилевые разновидности языка идет вглубь (ср. направления когнитивной стилистики, прагматилистики, комплексное исследование научной речи). Это потребовало разработки и использования новых методов.

Приоритетными в ФС-ке оказались комплексные методы, поскольку изучение функционирования языка под воздействием различных экстралингвистических факторов — социальных, когнитивных, психологических, а также условий общения и т.д. — потребовало учета знаний соответствующих наук. Обращение к этим методам в стилистике (как и в ряде других современных наук) было закономерным, а сами они эффективными.

Среди методов исследований ФС-ки 60—70-х гг., не нашедших, к сожалению, широкого использования впоследствии, оказались стилостатистические методы (не путать просто с количественными!), привлекающие весь необходимый инструмент математической статистики. Говорим «к сожалению», так как сейчас, когда, так сказать, на очереди в стилистике встал вопрос изучения реальности употребления языка в различных многообразных сферах, в многочисленных подстилях, жанрах и других разновидностях текстов, обращение к стилостатистическим методам просто необходимо. При определении стилевого статуса текстов, объективных (!), а не субъективно-вкусовых оценок при идентификации исследуемых текстов, этот метод был бы особенно кстати. Поэтому можно надеяться, что он возродится в исследованиях по стилистике.

К прежним положительным оценкам этого метода В.В. Виноградовым, Б.Н. Головиным и другими крупными учеными можно добавить мнение А.И. Горшкова, высказанное недавно: «Вероятностно-статистический анализ... для исследования, например... частотности тех или иных компонентов текста... не только приемлем, но и желателен. Надо только иметь в виду два важных момента. Во-первых, речь идет не об элементарных арифметических подсчетах, а о применении специальных методик и формул (инструментов) математической статистики. Во-вторых, вероятностно-

статистический анализ применим только к обширным текстам...» (Горшков А.И. Русская стилистика, 2001. С. 254—255).

Роль и значение функциональной стилистики 60—80-х гг. не только для развития общей стилистики (стилистики в целом), но и для лингвистики трудно переоценить. Именно она способствовала пробуждению интереса не только к исследованию динамической стороны языка, но и изучению закономерностей его употребления в реальности общения и последовательной реализации идеи функционализма. Именно она способствовала тем самым усилению тенденции к развитию функциональной лингвистики, активизации процесса изменения парадигмы современного языкознания.

Это явление отмечено многими известными учеными. См., например, высказывания И.Р. Гальперина: «...именно стилистика начала расшатывать основы структурной лингвистики, заставляя исследователей включать в сферу своих наблюдений живые формы языка.... Начался пересмотр канонов лингвистического анализа» (Гальперин И.Р. Проблемы лингвостилистики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX: Лингвостилистика. М., 1980. С. 9) и В.Н. Телия: «Стилистика раньше других разделов языкознания... обратилась к исследованию динамического состояния языковой системы и к проблемам анализа целостного текста. И это не случайно: в центре ее внимания всегда находились закономерности выбора средств, способных удовлетворить... интенции говорящего... Именно в стилистических штудиях был сохранен интерес к деятельностному проявлению языковой компетенции, к речевой деятельности (langage), в то время как в лингвистике основное внимание было уделено языку (langue)» (Телия В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991. С. 9—10. Разрядка наша. — М.К.).

По словам Ю.С. Степанова, в свое время «...в противопоставлении развивающемуся учению о структуре языка... стилистика стала осознаваться как общее учение об употреб-

р е б л е н и и я з ы к а» (Степанов Ю.С. Стилистика // ЛЭС. М., 1990. С. 493).

Дискурсный анализ и функциональная стилистика

§ 71. В связи с развитием различных новых направлений лингвистики с 60—70-х гг. — лингвистики текста, прагматики речи, подхода к речи как социальному действию, интереса к речевому употреблению, субъективному аспекту речи и др. — формируется теория дискурса и дискурсный анализ (АД). Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «косвенные отношения связывают теорию дискурса с риторикой и разными версиями учения о функциональных стилях» (Арутюнова Н.Д. Дискурс // ЛЭС. С. 137). Поэтому в междисциплинарном анализе дискурса (Д) участвуют наряду со специалистами разных гуманитарных отраслей и представители стилистики.

Сам термин «дискурс» (фр. discours — р е ч ь, англ. discourse) осмысливается, по определению Н.Д. Арутюновой, как «связный текст в совокупности с э к с т р а л и н г в и с т и ч е с к и м и — прагматическими, социокультурными, психологическими и др. ф а к т о р а м и», а также как «текст, взятый в событийном аспекте: речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Д. — это р е ч ь, “п о г р у ж е н н а я в ж и з н ь”» (Там же, с. 136—137).

Обращает на себя внимание многозначность этого термина и отсутствие точного его определения, о чем неоднократно писал один из основателей французской дискурсивной теории Мишель Фуко, а также Патрик Серию, который отмечает, что дискурс преимущественно осмысливается как *речь, текст, высказывание* в их п р о ц е с с у а л ь н о м аспекте и в совокупности с э к с т р а л и н г в и с т и ч е с к и м фоном. Однако «в начале 90-х годов наблюдается быстрый рост исследований, относящихся

себя к ”анализу дискурса”, что затрудняет установление границ между АД и другими научными подходами» (Серюо П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. М., 1999. С. 25—26). Вот некоторые из определений:

- вообще «сам термин *дискурс*... эквивалент понятия “речь” в сосюрровском смысле, т.е. любое конкретное высказывание»;
- в связи с развитием «прагматики ”дискурсом” стали называть воздействие высказывания на его получателя», иллюкативную силу высказывания;
- в исследованиях живой разговорной речи под дискурсом стали понимать *беседу, диалог*;
- добавим также, что в связи с появлением в свое время лингвистики текста номинация «дискурс» стала использоваться параллельно с названием «текст»;
- П. Серюо отмечает, что дискурсом именуют и «о п р е д е л е н н ы й т и п в ы с к а з ы в а н и й» какой-либо «с о ц и а л ь н о й и л и и д е о л о г и ч е с к о й п о з и ц и и», например: «административный дискурс», «феминистский дискурс» (Указ. соч. 1999. С. 26. Разрядка наша. — М.К.).

Даже беглый анализ сказанного до сих пор обнаруживает связь признаков дискурса с функциональным стилем. Это особенно явственно обнаруживается при сравнении французской школы АД с отечественной функциональной стилистикой. Отчасти поэтому мы избрали в качестве примера анализа вопроса о соотношении АД и ФС-ки ф р а н ц у з с к у ю школу АД.

В разных странах в АД реализуются несколько различные подходы, но взаимовлияния школ очевидны. При этом исследователи отмечают *особую роль и авторитет французской традиции* наряду с американской. Весьма велико, например, влияние французской школы АД на германо-австрийскую, в которой, вслед за М. Фуко, АД рассматривается как средство социально-исторической и идеологической реконструкции «духа времени». Ближе, хотя и не тождественно понимание дискурса Т.А. ван

Дейка к идеям французских ученых. В русистике распространение получили толкования термина *дискурс*, близкие П. Серио и Т.А. ван Дейку.

Сам же вопрос о соотношении АД и ФС-ки не случаен. Известно, что в преддверии разработки идеи дискурса П. Серио обратился к стилистике и понятию ФС-ля, хотя впоследствии эти термины были разведены. По свидетельству Ю.С. Степанова, введение термина-понятия *дискурс* было связано с необходимостью заполнить отсутствие в англо-саксонской традиции понятия «функциональный стиль» (См.: *Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX в. М., 1995. С. 36*).

Таким образом, термины-понятия *дискурс* и *функциональный стиль* в истории лингвистики шли, так сказать, рука об руку, и, очевидно, не случайно. Хотя эти термины-понятия нельзя отождествлять.

Знаменательно, что, оценивая значимость теории дискурса французской школы, Ю.С. Степанов отмечал явный поворот от изучения статичной формы языковой системы к динамике речи, к процессу производства речи с учетом широкого социокультурного контекста. Но это именно те аспекты, которые характеризуют и функциональную стилистику. Причем здесь они оформляются даже несколько раньше, чем в АД, — в начале-середине 60-х гг. XX в.

В самом общем плане основной заслугой АД, как и ФС-ки, является обращение к специальному изучению собственно речи, точнее, *процессов* речи с учетом различных экстралингвистических условий и факторов ее реализации (производства). Иначе говоря, общая тенденция у той и другой теории — это *речеведческий* подход к языку.

§ 72. Если говорить о фундаментальных, исходных понятиях сравниваемых теорий и методов, то тут налицо и сходство, и различия. Покажем это на примере сравнения ФС-ки с французской школой АД.

Как говорят сами представители АД, тремя китами, на которых строилась их теория, являются: *марксизм*, точнее, исторический ма-

териализм (в варианте и лице Л. Альгюссера) — *психоанализ* (Ж. Лакана) — *структурализм* (имеется в виду Ф. де Соссюр). Сюда следует добавить и идеи Э. Бенвениста, также воспринятые АД.

Основаниями же функциональной стилистики (ФС-ки) были:

- идеи отечественных и пражских ученых (ПЛК) о значимости для понимания языка аспекта его *функционирования, употребления*;
- *психолингвистика* (отечественного варианта, как известно, значительно отличающегося от западного), прежде всего учение о речевой деятельности и целеполагании;
- положение *о формах общественного сознания* (воспринятое марксистской философией от античности и классической филологии и представляющее в новой формулировке различные формы отражения в сознании людей объективного мира и общественного бытия, возникающие в процессе практической деятельности: правосознание, наука, политическая идеология, искусство, религия и т.д.);
- понимание *языка как действительности мысли*;
- *науковедение* и ориентация изначально на *междисциплинарный* подход. Кстати, последнее свойственно и АД, тем более что дискурсный¹ анализ сразу же был представлен, как известно, не только в лингвистике, но и в ряде смежных гуманитарных научных дисциплин.

В этих, взятых в самом общем виде, основаниях сравниваемых научных направлений можно отметить некоторую переключку, но вместе с тем и различия, что и определило своеобразие указанных речеведческих теорий, представленных в разных национальных вариантах лингвистической науки.

Если взять основной предмет исследования и ключевой термин АД — «дискурсная ф о р м а ц и я», то можно заметить, что

---

¹ Существует два варианта названия АД: *дискурсивный* и *дискурсный*. Говоря о французской школе АД, мы используем второй, который употребляется в указ. книге «Квадратура смысла» (кстати, более свойственный русскому языку).

он коррелирует с выработанным марксизмом понятием общественно-экономической ф о р м а ц и и и отражает связи с идеологией и в целом значительно идеологизированный подход к объекту изучения. При этом, однако, следует учесть комментарий П. Серию о том, что слово «идеология» (в отличие от русского значения — «организованная система идей») означает «любой семиотический факт, который интерпретируется в свете социальных интересов и в котором узакониваются социальные значимости в их исторической обусловленности» (Квадратура смысла. 1999. С. 21 и 20). Отчасти в связи с этим не случайны исследования и термины в АД — советский политический дискурс (СПД), дискурс фашизма и др. Напомним, что общественно-экономическая формация — это исторический тип общества, основывающийся на определенном способе производства и выступающий как с т у п е н ь прогрессивного р а з в и т и я ч е л о в е ч е с т в а (феодализм, капитализм и др.).

Понимание дискурса, точнее *дискурсной формации* (ДФ), у М. Фуко, выдвинувшего последний термин, опирается на указанное выше определение формации (конечно, в модифицированном виде): оно, если так можно выразиться, насквозь социально-исторично, поскольку М. Фуко стремится вскрыть и изучить специфику познания на разных исторических ступенях («срезах») человеческой истории и вместе с тем в связях и обусловленностях с предшествующими этапами знания (См.: Фуко М. Археология знания. Киев, 1996).

Если сопоставить с этим один из основных экстралингвистических факторов функционального стиля, определяющих его, — *формы общественного сознания*, — то оказывается, что этот фактор более высокого уровня обобщения, чем формация (несмотря на разнородность явлений), и, кроме того (что немало важно!), непосредственно связан с я з ы к о м, а также с д е я т е л ь н о с т ь ю человека.

Опора на этот базис позволила ФС-ке представить достаточно стройную систематизацию изучаемых объектов: Ф. стилей, подстилей, жанров и т.д., включая как макростилевой, так и внутрестилевой аспекты и в целом полевую структуру ФС (с учетом

центра, периферии и межстилевых влияний и зон). Подробнее об этом см. ниже.

Какая-либо общая систематизация дискурсов, дискурсивных формаций нам неизвестна, да и вряд ли она возможна. Представители АД говорят о бесконечности ДФ. У М. Фуко последние различаются по отраслям знания и деятельности (Д. медицинский, экономический, грамматический, географический, юридический и т.д.) и «внутри» — Д. безумия, Д. невроза. Пожалуй, ведущим является и н с т и т у ц и о н н ы й принцип «деления» дискурсного пространства, именно Д-сы, соответствующие тому или иному социально-историческому строю и идеологии общества: Д. советский, Д. фашизма, Д., соответствующий социальным институтам (церковь, армия) и т.д. Ср. также у Н.Д. Арутюновой: «Д. изучается совместно с соотв. “*ф о р м а м и ж и з н и*” (ср. репортаж, интервью, экзаменационный диалог, инструктаж, светская беседа, признание и пр.» (*Арутюнова Н.Д. Указ. соч. 1990. С. 137. Разрядка наша. — М.К.*).

Одним из дискуссионных вопросов рассматриваемой проблемы является вопрос о соотношении понятий «дискурс» и «текст». Иногда их отождествляют и считают чуть ли не синонимами, однако для них характерны не близость, а различия. Дискурс не просто «тип текстов», не просто «подъязык». Как хорошо высказался немецкий лингвист У. Маас, Д. — это выражение соответствующей языковой формации «по отношению к социально и исторически определяемой общественной практике». АД — это «средство исторической, идеологической, психологической реконструкции “духа времени” (Цит. по: *Чернявская В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. СПб., 2001. С. 12—13.*)

Этому положению хорошо отвечает исследование Патрика Серио, представившее использование русского языка в определенной ситуации (на материале докладов ЦК КПСС съездам партии). Анализ указанного произведения Патрика Серио демонстрирует, что дискурс — это не просто тексты, для АД тексты — это объект, материал исследования. Таким образом, *дискурс* и *текст* — это явления далеко не тождественные; в АД тек-

сты изучаются с учетом условий их формирования и в связях с экстралингвистической действительностью. Иначе говоря, Д. — это и тексты, но далеко не только тексты. (См.: *Серио П.* Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций // Квадратура смысла. М., 1999).

Одним из трудных вопросов дискурсной теории, по словам П. Серио, явился вопрос о внутреннем строении и о границах дискурсной формации (ДФ), которая «не поддается типологическому рассмотрению» и которая есть то, «что может и должно быть сказано (в форме торжественной речи, проповеди, памфлета, программы и т.д.) в определенной идеологической формации» (Указ. соч. С. 45). «Чаще всего ДФ соответствует не одному-единственному жанру, а объединяет несколько жанров (листовки, манифесты, газетные статьи)», «это не является случайным... при наличии ядра с устойчивым смыслом» (Указ. соч. С. 28—29). Отмечается институциональность ДФ, под которой понимаются и «наиболее типичные структуры» — такие как армия или церковь, а также статус субъекта и адресата, тип содержания, обстоятельства акта высказывания.

Таким образом, во французском АД проблема структурирования дискурсных формаций, их внутреннего строения и взаимодействия друг с другом оказалась нерешенной.

§ 73. Если сопоставить признаки дискурсной теории в ее французском варианте и отечественной функциональной стилистики (ФС), то получим следующий результат.

У АД и ФС имеются **о б щ и е** (сходные, близкие) черты.

Основным предметом исследования той и другой теории является *речь* в е е р а з н о в и д н о с т я х (о чем сказано выше).

О б щ и е параметральные признаки ключевого понятия (Д и ФС-ля) и принципов исследования изучаемого объекта:

- д и н а м и з м, процесс *использования* языка, когнитивно-речевая деятельность;
- д е т е р м и н а ц и я изучаемого объекта э к с т р а л и н г в и с т и ч е с к и м и факторами, условиями производства речи (высказывания);

- принцип с и с т е м н о с т и при использовании языковых средств; взаимосвязь последних, эксплицирующая с п е ц и ф и к у Д-са и ФС-ля;
- и с т о р и з м как Д, так и ФС-ля;
- т е к с т ы — письменные и устные — как результат речевой (дискурсной) деятельности (воплощенность ее в текстах) и в то же время материал исследования;
- м е ж д и с ц и п л и н а р н ы й метод анализа.

Однако за этими общими параметрами стоят некоторые **р а з л и ч и т е л ь н ы е** характеристики (кое в чем, можно сказать, в нюансах).

Так, д и н а м и з м в смысле процессуальности, внимания при анализе именно к самому акту производства высказывания, свойствен прежде всего и в большей степени АД (дискурсной теории). ФС-ка рассматривает свои объекты — тексты, точнее стиль, как свойство текста и в статике, и в динамике, стремясь за текстовой тканью увидеть процессы ее создания. Кроме того, определить, к а к динамика мысли (психические процессы познания и другие экстралингвистические факторы) отражается в построении текста, принципах его развертывания, его композиции.

Общим, особенно сближающим обе сравниваемые теории, методы анализа объектов, как и сами ключевые понятия, является выход за пределы сугубо лингвистической стороны и собственно языковедческих методов анализа в экстралингвистику: изучение речи, дискурса, функционально-стилевой разновидности непременно в соотношении с э к с т р а л и н г в и с т и ч е с к и м и факторами и условиями производства текста. Но учет самих этих факторов (поскольку они бесконечны), их значимость в формировании изучаемого объекта, приоритеты, доминирование тех или иных из них оказываются не тождественными у Д и ФС, хотя во многих случаях совмещенными. Выше было отмечено различие исходных, базовых факторов: с одной стороны, дискурсные формации (на основе понятия общественных формаций и идеологии) — в теории АД, с другой — формы общественного сознания (в ФС-ке). А это, в свою оче-

редь, серьезно сказывается на внутренней и внешней систематизации (классификации, типологизации) изучаемых объектов — дискурсов и функциональных стилей, о трудностях которой применительно к АД упоминалось выше и будет сказано далее.

О специфике и системности, вернее, с п е ц и ф и ч е с к о й с и с т е м н о с т и говорится в той и другой теории, однако этот вопрос, думается, более детально проработан в ФС-ке — как в теоретическом плане, так и на конкретном анализе материала. Имеем в виду работы о речевой системности функционального стиля и его специфике.

И с т о р и з м дискурса и Ф. стиля постулируется в обеих сравниваемых теориях. В ФС-ке имеется ряд работ, посвященных изучению ФС в диахронии, и сформировалось особое направление «историческая стилистика». Однако в АД эта проблема занимает доминирующее положение и ориентирована на интертекстуальный, точнее, интердискурсный аспект.

Т е к с т ы как языковая ткань (материализация) дискурса и ФС-ля рассматриваются и там и здесь лингвистическими методами с подключением междисциплинарных связей. Но в АД они анализируются в отношении связей с «ментальным миром» субъектов дискурса и предшествующих дискурсных формаций (интердискурсности, прекоконструкта) как компонентов строения Д-са, а также явлений, эксплицитно не высказанных в тексте, и глубинного уровня последнего. В функциональной же стилистике текст, его лингвистическая ткань анализируются с точки зрения того, как закономерности процессов мышления — понятийного, образного, деонтического, обиходного и т.д. и непременно ц е л е й (п о д ц е л е й) когнитивно-речевой деятельности в той или иной сфере общения — отражаются и выражаются в речевой системности текста, обуславливающей стилевую специфику последнего (и типов текста) как одно из его эксплицитно выраженных свойств. Явления интертекстуальности, стереотипности, подтекста также учитываются, но избирательно, а не как принцип анализа.

М е ж д и с ц и п л и н а р н ы й п о д х о д и в АД, и у ФС-ки является общим методологическим принципом, определяю-

шим методические приемы исследования, несколько различающимся лишь «набором», характером привлекаемых смежных научных дисциплин в качестве детерминантов.

Между АД и ФС кроме незначительных имеются и **более существенные различия**. Например, внимание АД, в отличие от ФС-ки, к психоанализу, феномену непрозрачности смысла высказывания, поиски невысказанного в тексте, проблема субъекта в Д-се, интердискурсность (не вполне адекватная интертекстуальности), по существу, отказ от типологии объекта исследования, яркая идеологизация и др.

Некоторые стороны анализа ФС-ке стоило бы позаимствовать у АД, например, более глубокий историзм и изучение психологической стороны речи, а также — интердискурсности и имплицитности речи. И наконец, различие в том, что Д — это особые языковые формации, коррелирующие с какой-либо областью человеческой практики, познания и коммуникации *в единстве с самим миром данной человеческой общности*, а ФС-ли — это отражение в речи (ее разновидностях, типах текстов) специфики форм сознания и соответствующих видов деятельности, обуславливающих **стилистические признаки** (как свойства этих текстов), представленные их **стилистико-речевой системностью**.

§ 74. Как отмечалось, одним из трудных вопросов АД является вопрос о границах между ДФ и вообще о возможностях систематизации дискурсных явлений. В этом плане у ФС-ки ситуация более благополучная именно потому, что при классификации изучаемых объектов она опирается на формы общественного сознания. Они сами по себе дают четкие ориентиры определения каждого ФС, «деления» речевого континуума на эти сущности. Кроме того, каждый из ФС-лей на основе его базового экстралингвистического фактора (конструктивного принципа) и преобладающего характера мышления в той или иной сфере общения (понятийное либо образное, деонтическое и т.д.), назначения в обществе науки, искусства, права и т.д. и соответствующих им целей и задач общения обладает определенным «стержнем»

(вертикалью), связующим его внутренние подразделения (подстили, жанры и т.д.). Причем в этой внутрестилевой системе каждый более частный ее компонент (подстиль и т.д.) выделяется на основе *дополнительного* по отношению к базовому экстралингвистического фактора, а значит — и целей общения, но *сохраняя при этом основные признаки базового*.

Однако полевая структура ФС этим не ограничивается. Поскольку в реальной речевой действительности ФС-ли взаимодействуют и даже могут пересекаться, совмещаться, то это отражается в полевой структуре ФС-лей, которая имеет центр (ядро) и периферию, а также смежные зоны совмещения, пересечения ФС-лей. (Подробнее см. в учебнике § 48 и соответствующие статьи «Стилистического энциклопедического словаря». М., 2003.)

Таким образом, ФС нельзя понимать как застывшую структуру с жесткими границами. Вместе с тем в Ф-ке — достаточно ясный принцип деления речевого пространства. Классификация ФС-лей при учете их полевой структуры и базового (конструктивного) принципа показывает проницаемость стилей, их взаимовлияние и взаимопроникновение. Например, парламентские речи, произнесенные депутатами в законодательном собрании, эксплицируют не чисто законодательный стиль, поскольку здесь к одному экстрафактору добавляется другой — политика (политические мотивы выступающих), которая и влияет на характер речи, привнося в нее публицистичность. Но создаваемые депутатами тексты законов составляют ядро законодательного ФС-ля. Все зависит от действия экстрафакторов, определяющих цели и задачи общения. Именно указанные принципы, на которые опирается ФС-ка, оказываются, по-видимому, более эффективными, чем, например, *и н с т и т у ц и о н а л ь н о с т ь* в АД (церковь, армия, клиника и т.д.), на основе которой трудно дать стройную и системную классификацию.

§ 75. Сопоставление АД и ФС-ки в конечном итоге показывает, что один и тот же объект и материал исследования — текст — рассматривается не с одинаковых точек зрения. Для ФС-ки важна прежде всего сама текстовая ткань и экстрафакторы как де-

терминанты специфики ее формирования и строения (определяющие стиль текста), в АД все эти факторы, включая язык, выступают на равных.

В этом плане **нельзя говорить о тождестве АД и ФС-ки, но они очень близки между собой**. В связи с этим понятно дистанцирование *П. Сервио* от стилистики (не только русской классической, но и чешской) (Квадратура смысла. 1999. С. 371—372), хотя в начале своей деятельности он отмечал их близость.

Однако необходимо учесть, что отечественная стилистика, включающая в качестве основной функциональную, отнюдь не ограничивается изучением лишь выразительных средств языка и стилистических окрасок, она далеко вышла за рамки традиционного понимания стилистики. Став функциональной, истинно речеведческой дисциплиной, она исследует прежде всего то, как и где экстралингвистические факторы и как и м о б р а з о м детерминируют когнитивно-речевую деятельность социума в различных сферах коммуникации, определяя структуру и развертывание того или иного текста (типов текста) и его стилевых свойств как реализацию целей и задач общения.

В итоге, очевидно, следует признать, что АД и ФС-ка — это две б л и з к и х **речеведческих** дисциплины. Значение же их в истории языкознания, озаглавленное поворотным «пунктом» в изучении языка (как двуединства языка / речи), состоит в специальном и всестороннем анализе второго его «компонента» — **речи** (discours'a), многогранность которого не может быть исследована какой-то одной отраслью знания.

Так, ФС-ка и АД независимо друг от друга (с середины и конца 60-х гг. прошлого столетия) обозначили переход к новой парадигме языкознания, к речеведческому / дискурсивному изучению языка. Постепенно происходит их сближение, иногда говорят о «синонимичности» этих направлений. В рассмотрении вопроса об их соотношении, конечно, есть еще немало дискуссионного. Важно, что каждая из этих дисциплин реализовала исследование с о б с т в е н н о р е ч и в ее социокультурном пространстве.

О соотношении дискурсивной теории и функциональной стилистики в собственно методологическом аспекте см. в работе: *Сали-*

мовский В.А., Барсукова В.В., Соколовская Л.В. Функционально-стилистический метод и анализ дискурса // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. СПб., Вып. 8, 2006.

См. также: *Черняевская В.Е. Дискурс // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Наука: Флинта, 2003; она же. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. СПб., 2001.*

II. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ РУССКОГО ЯЗЫКА («СТИЛИСТИКА РЕСУРСОВ»)

Общие сведения

§ 76. Русский язык, как и всякий развитой язык с длительной культурной традицией, предоставляет говорящим богатейшие выразительные возможности, в том числе стилистические. Владение этими ресурсами языка требует знаний, развитого лингвостилистического чутья и навыков.

Стилистические средства языка и приемы их использования складываются постепенно, представляя собой явление исторически изменяющееся. Не случайно поэтому они с давних времен начинают изучаться исследователями-учеными, писателями и деятелями культуры. Уже в XVII в. появляются отдельные наблюдения и рекомендации в этом отношении.

В XIX и XX вв. создаются специальные пособия, представляющие стилистические ресурсы языка. В них порою наряду со стилистическими описываются многие другие нормативные явления, что оказывается следствием неточности определения в то время предмета стилистики.

Стилистические ресурсы современного русского литературного языка имеются на всех уровнях языковой структуры и обнаруживаются в сложившихся общепринятых приемах употребления языковых стилистических единиц.

К богатейшим средствам стилистической выразительности речи относятся так называемые средства словесной образности, преимущественно лексические, но также и синтаксические (метафоры, метонимии, синтаксические фигуры и др.).

Другой важнейший источник стилистических средств — синонимия (прежде всего лексическая, а также грамматическая). Это не случайно, так как с синонимией связана возможность выбора одного языкового средства из ряда других, того, которое является наиболее подходящим в данном контексте. Более других стилистически богаты и продуктивны синтаксические и лексические средства. Морфология обладает меньшими возможностями в этом отношении.

К стилистическим ресурсам лексикки относятся, помимо переносных значений и синонимии, специальные стилистически окрашенные в системе языка единицы, в том числе эмоциональная и экспрессивная лексика. Кроме того, в стилистических целях обычно используются разного рода пласты словаря ограниченного употребления (в том числе нелитературные): диалектизмы, просторечные слова, арготизмы, профессионализмы, варваризмы, а также архаизмы, неологизмы и т.п. Названные группы слов различны по происхождению и сферам употребления. Они несут и неодинаковый стилистический «заряд», однако всех их объединяет возможность и традиция использования в речи со специальными стилистическими целями. Эти пласты словаря отличаются от экспрессивно-эмоциональной лексики тем, что последняя имеет постоянную стилистическую окраску (если только в каком-либо контексте не подверглась специальной нейтрализации, чему она поддается с трудом). Слова же ограниченного употребления получают стилистическую окраску лишь в особом контексте, тогда как в других сферах общения выполняют только номинативную функцию (например, диалектизмы в диалектной речи, профессионализмы в профессиональной).

Один из важнейших источников стилистических ресурсов русского языка составляет фразеология. Фразеологизм, как правило, выразительнее синонимичного ему слова или свободного словосочетания. К тому же само наличие параллели «слово — фразеологизм» предоставляет возможность выбора, на который и опирается стилистическое использование языковых средств.

Фонетика имеет меньше возможностей для создания стилистической экспрессии высказывания (тем более, если иметь в виду письменную форму общения), однако и она включает в себе определенные ресурсы в этом отношении (особенно при отнесении сюда интонационно-ритмических сторон речи).

Разнообразные средства для выражения стилистических оттенков предоставляет говорящему словообразованию (ср. стилистическую роль суффиксов и префиксов, а также явления словообразовательной синонимии).

В области морфологии к стилистическим средствам относятся явления морфологической синонимии и многочисленные случаи переносного употребления грамматических форм, а также форм определенной функционально-стилистической окраски.

Почти безграничны стилистические возможности языка в области синтаксиса. Синонимика словосочетаний и синтаксических конструкций, вариации порядка слов в предложении, связь тех или иных типов предложения с определенными сферами общения, т.е. некоторая ограниченность их функционирования, создающая функционально-стилевую окрашенность, синтаксико-стилистические фигуры и вообще способность языка средствами синтаксиса выражать малейшие изменения мысли и оттенков содержания — таков далеко не полный перечень стилистических средств синтаксиса. Известно, что индивидуальные особенности стиля речи прежде всего проявляются в синтаксисе, а также в организации текста.

Для того чтобы речь отвечала основным стилистическим требованиям, чтобы она была выразительна, точна, стилистически мотивирована, а используемые в ней средства были бы наиболее целесообразными для выражения данного содержания и уместными в данном контексте или речевой ситуации, говорящий должен овладеть стилистическими ресурсами языка, знать его стилистические нормы. Это необходимо и будущему учителю, и его ученику, и всему нашему обществу для повышения общей речевой культуры.

О средствах словесной образности как стилистических ресурсах речи

§ 77. К средствам словесной образности относят прежде всего тропы и фигуры: метафору, метонимию, синекдоху, олицетворение, образное сравнение, эпитет, гиперболу, анафору, эпифору и др.

Средства словесной образности обычно детально рассматриваются в курсах «Введение в литературоведение» и «Современный русский язык» (в разделе «Лексика»), а также в пособиях по практической стилистике. В связи с этим здесь будут представлены в основном не их исчерпывающие определения и классификации, а только функционально-стилистические возможности и типичные реализации. Подробнее см. в кн: *Скребнев Ю.М.* Очерк теории стилистики. Горький, 1976; *Сковородников А.П.* Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск, 1981; *Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.* Общая риторика: Курс лекций. Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999; *Клюев Е.В.* Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция). М., 2001; Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005; *Москвин В.П.* Стилистика русского языка. Теоретический курс. Ростов н/Д, 2006; и др.

Тропы — явления лексико-семантические, это разные случаи употребления слова в переносном значении. Однако, как известно, не всякое переносное значение является для современного языкового сознания образным.

Под метафорой понимают слово или оборот речи, употребленные в переносном значении для определения предмета или явления на основе какой-либо аналогии, сходства.

Термины *метафора*, *метафорический* (переносный) используются и по отношению к явлениям грамматической стилистики. Ср. случаи переносного (метафорического) употребления времен, когда форма одного времени, употребленная в контексте другого (или вместо другого), приобретает новое значение, например настоящее историческое. В этих случаях, действительно, создается

образность, недаром, например, настоящее историческое называют иначе настоящим живого представления. О переносном употреблении форм лица см.: *Шмелев Д.Н.* Стилистическое употребление форм лица в современном русском языке // Вопросы культуры речи. М., 1961. Вып. 3.

Различают метафоры общеязыкового характера (стертые, или окаменелые), метафоры, сохраняющие «свежесть», и метафоры собственно поэтические, которые отличаются индивидуальным характером. Общеязыковые окаменелые метафоры (*рукав реки, горлышко бутылки, подножие горы* и т.п.) к средствам словесной образности не относятся.

Стилистическим средством этого рода являются метафоры широкого употребления, так сказать, с заранее готовой образностью, но не утратившие новизны (их образность ясно ощущается говорящими): *золотая осень, серебро седины, алмазная прозрачность, горячая пора, металл в голосе, теплота встреч, дуб* (о человеке). К ним относятся и так называемые народно-поэтические постоянные метафоры и метафорические эпитеты: *лебе-душка, голубушка* (о женщине), *соколик* (о человеке), *гроза* (не-что устрашающее).

Однако когда речь идет о собственно образных средствах, прежде всего имеются в виду случаи новой, оригинальной метафоризации, создающей яркие индивидуализированные образы, или случаи обновления различными способами общеязыковых метафор. Именно свежесть, новизна метафоры является одним из главных ее признаков как образного средства, характерного прежде всего для поэтической речи. Удачные метафоры, а также образные эпитеты и сравнения можно встретить и в газетном очерке, и в научной статье, и в выступлении оратора, и в живом рассказе умелого собеседника.

При этом метафора не должна быть надуманной, неестественной (когда сопоставляются признаки или понятия, не сочетающиеся в жизни, в природе; вспомним, что метафора представляет собой скрытое сравнение). Она должна отвечать закономерностям языка. Следует помнить и о том, что метафора (как и другие образные средства) имеет свойство быстро «сти-

ратся» от частого употребления и превращаться в стандарт. Именно такой процесс часто наблюдается в газетной речи, когда недавняя новая метафора становится надоедливым шаблоном, утратившим всю свою былую образность (*зеленая улица, прораб перестройки*), или «терминологизируется» (*голубой экран, черное золото*).

Метафора, как и другие средства словесной образности, имеет неодинаковую функциональную активность в разных сферах общения. Как известно, основная область применения образных средств — художественная литература. Другой сферой довольно активного их употребления является публицистика, поскольку она призвана воздействовать не только на ум, но и на чувства читателей, а присущая ей агитационная функция реализуется наиболее эффективно в условиях экспрессивной речи. Однако увлечение образными средствами, перенасыщение ими текста — явление нежелательное. Все зависит от конкретных условий коммуникации, прежде всего от темы, идеи, общей стилиевой атмосферы текста, что в целом обусловлено единством формы и содержания. Характерна метафора и для церковно-религиозного стиля, где она часто используется как символ явлений и событий «невидимого мира».

Менее, чем указанным сферам, метафора свойственна научной речи, так как ученый использует прямые номинативные значения слов, стремясь к точности, терминованности, однозначности выражения. Вместе с тем неверно было бы считать образность и экспрессивность выражения вообще несвойственными научной речи. Монотонность, серость, как верно отмечает Р.А. Будагов, нежелательны и недопустимы в научной речи (Литературные языки и языковые стили. М., 1967. С. 229—230, 245).

Немало метафор и в области научной и специальной терминологии (*шаг маятника, клапан сердца, корона солнца, усталость металла, карусель, головка, муфта*), однако ввиду терминологичности, а следовательно, однозначной номинативности эти слова утрачивают образность.

Научной речи более свойственно с р а в н е н и е, чем метафора, как одна из форм логического понятийного мышления и способов его выражения.

Лишь в одной из сфер письменной речи средства словесной образности почти совсем неупотребительны. Это — деловая речь, поскольку ей при официальности, точности, безэмоциональности общения и терминованности образные средства противопоказаны. Только в смешанных, «пограничных» жанрах (законодательно-публицистическом: ср. обращения, праздничные приказы) и в некоторой части деловой терминологии (например, синекдохе: *официальное лицо, договаривающаяся сторона* и т.д.) известны элементы образности, правда, в последнем случае стершейся, так как она касается терминологии.

Употребительность образных средств в устно-разговорной речи зависит от индивидуальности общающихся, темы разговора и ситуации общения. Для этой сферы особенно характерна эмоциональность выражения, которая сказывается на свойствах образности. Здесь широко употребительна общезыковая образность (что не исключает окказиональных метафор). Это связано с неподготовленностью устно-разговорной речи.

Э п и т е т — слово, образно определяющее предмет или действие, подчеркивающее характерное их свойство, — также наиболее употребителен в художественной речи, где он выполняет эстетическую функцию. Эпитет нередко бывает метафорическим: *В ущелье не проникал еще радостный луч молодого дня* (Лермонтов); *С медного открытого его лица стекал пот* (Паустовский); *Она улыбалась голубой детской улыбкой* (Шолохов).

Широко используются эпитеты и в публицистической речи: *бархатные революции, роковой час, свежие факты, слепое орудие, тугие узлы жизни, тупиковая ситуация*.

Иногда говорят об эпитетах в научной речи. Однако если под этим средством словесной образности понимать художественное определение с присущей ему эстетической функцией, то термин *эпитет* вряд ли применим к научной речи. Определения некоторых областей научной литературы на первый взгляд весьма образны, но они принципиально отличаются от художественных определений-эпитетов стремлением прежде всего точно и объективно характеризовать предмет. Они о д н о з н а ч н ы, в отличие от собственно эпитетов не допускают двуплано-

вости. Примеры определений в научной речи: *...тонкие голубые иглы лазур-аппатита* (Ферсман); *Ломонтит отличается розовым цветом, переходящим в кирпично-красный* (он же); *Флора, представляющая нам хрящеватые, виллообразно ветвящиеся, желто-бурые, тесьмовидные формы...* (Тимиразев).

Другие средства словесной образности, например метонимия, синекдоха и др., также наиболее свойственны художественной речи.

Примеры метонимии как слова или выражения, переносное значение которого основано на внешней или внутренней связи (смежности) двух предметов или явлений: *Ну, скушай же еще тарелочку, мой милый* (Крылов); *А в двери — бушлаты, шинели, тулупы* (Маяковский).

Синекдоха — это разновидность метонимии, основанная на перенесении значения с одного явления на другое по признаку количественного отношения между ними (часть вместо целого, ед. число вместо мн. числа или наоборот, видовое название вместо родового или наоборот), например: *И слышно было до рассвета, как ликовал француз* (Лермонтов); *Мы все глядим в Наполеоны* (Пушкин).

Перифраза (парафраза) — оборот, состоящий в замене названия предмета или явления описанием существенных признаков или указанием на его характерные черты, — широко используется, помимо художественной, в публицистической речи: *корабль пустыни* (верблюд); *царь зверей* (лев).

Синонимические средства языка как ресурсы стилистики

§ 78. Проблема синонимии сложна и недостаточно разработана в лингвистической науке. Нет единообразия и в самом определении синонима. Одни считают синонимами лишь «тождесловы» (например, В.П. Григорьев), для других основным признаком синонимов является тождество сочетаемости (В.А. Звегинцев), третьи расширяют понятие синонима до вариативности, когда «си-

нонимический характер приобретают все языковые средства, могущие выразить отразившийся в мышлении кусочек действительности» (В. Адмони и Т. Сильман).

Довольно распространенным является определение синонимов на основе предметно-понятийной соотнесенности слов-синонимов, предполагающей близость или тождественность последних при различии у них оттенков значений и стилистических нюансов. Наиболее совершенную формулировку понятие получило в трудах А.П. Евгеньевой: синонимы — это «слова, близкие или тождественные по значению, обозначающие одно и то же понятие, но отличающиеся друг от друга оттенками значений (близкие), либо стилистической окраской (тождественные), либо обоими этими признаками» (Проект словаря синонимов. М., 1964. С. 9).

Поскольку синонимия распространяется на все уровни языка, то этому понятию может быть дано следующее определение: «Синонимия (синонимика) — совпадение по основному значению (обычно при сохранении различий в оттенках и стилистической характеристике) слов, морфем, конструкций, фразеологических единиц и т.д.» (Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969. С. 407). Как видно из этой формулировки, термины *синонимика* (по А.П. Евгеньевой — совокупность синонимов языка) и *синонимия* (согласно А.П. Евгеньевой — соответствующее свойство языка) существенно не различаются (так используются они и в данном учебнике).

Для стилистики (особенно практической) и языковой практики более актуально р а с ш и р е н н о е понимание синонимии (оно характерно и для синонимических словарей): синонимы определяются по признаку взаимозаменяемости (возможности замены в определенном контексте). Кстати, об этом признаке как об основном для синонимии говорят Л.А. Булаховский, А.П. Евгеньева, Ю.Д. Апресян, Н.М. Шанский и др.; он оказывается основным методом вычленения синонимов на разных уровнях языка в стилистической литературе (А.Н. Гвоздев, А.И. Ефимов, Д.Э. Розенталь и др.). И это не случайно, так как стилистика имеет дело с функционированием языка; здесь основной

функцией синонимов является функция замещения («чистого», уточняющего смысл или с экспрессивно-стилистическим заданием). Именно возможность взаимозаменяемости (слов, форм, конструкций) согласуется с принципом выбора как одним из основных принципов стилистики.

В учебнике представлено в основном это расширенное понимание синонимии (см. в III разделе, где отражается традиционное направление стилистики). Так, на основании возможностей замены к грамматическим синонимам обычно относят, например, случаи использования одних времен глагола в значении других; форм одного лица или падежа в значении другого; разных по структуре конструкций для выражения близкого или тождественного в контексте значения и др. Однако, говоря о возможности взаимозаменяемости, имеют в виду одну из функций синонимов — функцию тождества (или близости значений). При этом нельзя забывать о второй, не менее важной их функции — дифференцирующей: *синонимы почти всегда отличаются оттенками смысла, как и стилистическими окрасками*. Это их свойство следует непременно учитывать при выборе слова в той ситуации, когда желательно выбрать е д и н с т в е н н о н у ж н о е с л о в о. Тем самым понятие взаимозаменяемости значительно ограничивается, сужается, оставаясь лишь как потенциальная возможность выбора в процессе порождения речи.

Более широкое понимание синонимии свойственно стилистике художественной речи.

Лексические синонимы бывают смысловые (идеографические) и стилистические. Первые могут рассматриваться как одно из стилистических средств языка. Когда говорят о качествах стиля речи в элементарном плане речевой культуры, то учет смысло-различительных свойств синонимов оказывается весьма существенным. Однако центральными ресурсами стилистики в синонимии языка являются стилистические синонимы, которые при большой близости или тождественности значения различаются стилевой окраской и сферой употребления (*будущий — грядущий, вверх — ввысь, знамя — стяг, сообщить — уведомить, лицо — лик, бить — лупить*). Стилистические различия обычно сопровождаются и некоторыми смысловыми оттенками. Таким образом, разделение синонимов на идеографические и стилистические ока-

зывается несколько условным. Речь идет здесь скорее о преобладании того или иного признака в словах синонимического ряда. См. ставший хрестоматийным пример; *А у Ули глаза были большие, темно-карие — не глаза, а очи*, в котором стилистическим различиям синонимов сопутствуют и смысловые (качественные, оценочные), подчеркнутые противопоставлением.

Стилистические окраски слов-синонимов становятся очевидными на фоне нейтрального в стилистическом отношении слова, в качестве которого выступает обычно доминанта синонимического ряда.

Традиционно различаются синонимы с повышением (приподнятостью) стиля: *родина — отчизна, лоб — чело, жаждать — алкать, говорить — вещать* — и с понижением (прозаичностью, фамильярностью): *лицо — рожка, рваный — драный, украсть — стибрить, ходить — шляться*.

Нередко одной и той же нейтральной доминанте соответствуют одновременно д в а стилистических ряда, и с повышением стиля, и с понижением: *есть — вкушать и есть — шамать, лопать, трескать; смотреть — взирать и смотреть — глазеть*.

Обычно синонимы стилистически «возвышенной» окраски черпаются из фонда книжной лексики с оттенками торжественного, риторического, поэтического характера. Сниженный же стилистический ряд формируется из слов разговорно-просторечных, жаргонных, профессиональных, даже диалектных, преимущественно с оттенком фамильярности, с экспрессией иронии, пренебрежения, неодобрения. Но могут быть и оттенки ласкательности, сочувствия и т.д.

Генетической основой первых (с повышением стиля) являются нередко славянизмы и слова иноязычного происхождения, вторых (с понижением), как отмечено, — нелитературный фонд в основном русского и отчасти иноязычного происхождения.

В целом весь представленный стилистический аспект синонимии можно назвать аспектом **э к с п р е с с и в н о - э м о ц и о н а л ь н ы х** окрасок.

§ 79. Кроме этого, стилистические различия синонимов определяются с ф е р о й и х у п о т р е б л е н и я, прежде всего

соответствием тому или иному функциональному стилю (см. табл. ниже). Эти различия определяются также по сравнению со стилистической нейтральностью доминанты синонимического ряда, представляющей общеупотребительные слова.

Нейтральная доминанта	Научный стиль	Официально-деловой	Публицистический	Художественный (поэтизмы)	Разговорно-обиходный
Сообщить	—	Уведомить	Информировать	—	—
Доказывать	Аргументировать	—	—	—	—
Просить	—	Ходатайствовать	—	Взывать	Клянчить
Приятно пахнуть	—	—	—	Благоухать	—
Послать	—	Командировать	—	—	Погнать
Истратить	—	Израсходовать	Разбазарить ¹ , расточить	—	Извести
Преступление	—	Правонарушение	—	Злодеяние ²	Криминал ³
Вещи	—	Имущество	—	—	Скарб
Доход	—	Прибыль	—	—	Барыши
Спор	Полемика	—	—	—	Баталия (перен.)
Случай	—	—	Инцидент	—	Оказия
Указание	—	Предписание	Предначертание	—	—

Пр и м е ч а н и я:

1. Это слово разговорное, но в силу широкого употребления в газете оно приобрело, кроме того, функциональный оттенок публицистического стиля.
2. Употребительно и в современной публицистике.
3. К этому слову разные словари дают различные пометы. Об эволюции стилистических помет в словарях см: *Скворцов Л.И.* Теоретические основы культуры речи. М., 1980. Гл. IV; он же. Культура русской речи. М., 2006.

Использование синонимов в различных функциональных стилях неодинаково: в одних — широкий простор для синонимии (художественная и публицистическая речь), в других — возможности образования и использования синонимов чрезвычайно ограничены (официально-деловой). Это связано с задачами общения в той или иной сфере и с другими экстралингвистическими факторами.

Так, для официально-деловой (особенно законодательной) речи характерно стремление к предельной точности выражения (недопустимости инотолкования) и терминованности. А термины, как известно, однозначны, и им обычно не свойственна синонимия. Это приводит к ограничению использования синонимов и даже отказу от них в этой сфере, поскольку синонимы почти всегда привносят в речь изменения оттенков смысла. Научной речи также свойственны стремление к наивысшей точности выражения и терминованность, поэтому синонимия в принципе не характерна и для научной речи, хотя здесь она представлена более широко, чем в речи деловой.

Совсем иное наблюдаем в публицистике, особенно в газете. Нацеленность на экспрессию выражения, стремление разнообразить речь, избегая надоедливых повторений, естественно, приводит публицистов к использованию всех возможных ресурсов синонимии. Кроме того, в качестве синонимов к общеупотребительным словам и терминам изобретаются все новые и новые контекстуальные синонимы, разнообразные перифразы (*нефть — черное золото; лес — зеленое золото; врачи — люди в белых халатах; медицинская помощь — служба здоровья* и т.д.). Нередко в пределах одного текста выстраивается целый синонимический ряд (он может состоять не только из лексических единиц, но и фразеологизмов и перифрастических оборотов речи): *река — водная магистраль, голубая артерия, водная трасса; лес — зеленый друг, зеленое золото, зеленый наряд, зеленое ожерелье, зеленая зона, зеленый пояс, зеленый щит; небо — голубой океан, воздушный океан, космические дали; отряд — армия бойцов, несгибаемая гвардия, когорта бойцов*. Заметим, что синонимия здесь довольно условна, контекстуальна.

Разговорно-бытовой сфере синонимия не противопоказана. Однако ее использование в очень сильной степени зависит от индивидуальности говорящего и потому подвержено большим колебаниям. В целом в силу неподготовленности (спонтанности) речи синонимия для этой области общения не очень характерна (в пределах небольшого контекста). Впрочем, если брать разговорную речь широко (с учетом просторечия, жаргонов, профессиональных сфер), то в ней обнаруживаются весьма яркие, экспрессивные и в то же время многоэлементные и нередко многостильные синонимические ряды (*украсть, стибрить, слямзить; умереть, скovyрнуться, дать дуба, почить, сдохнуть, загнуться; лицо, рожа, морда, мордашка, физиономия, харя, рыло, образина, портрет*).

Наиболее благодатную почву для развития и использования синонимии представляет эстетическая сфера общения. Художественная литература не только вбирает в себя все богатства синонимии русского языка, совершенствует ее семантико-стилистические свойства, расширяет приемы ее употребления в речи, но и обогащает общезыковую синонимику все новыми элементами.

Художественно-литературное творчество и, собственно, всякое речевое творчество, особенно в письменной форме, всегда связано с работой над синонимами: выбором такого слова, которое наиболее точно, выразительно, стилистически удачно выражает конкретную мысль. «Муки творчества» — это во многом «муки синонимии».

Для художественной речи характерна индивидуально-авторская, к о н т е к с т н а я синонимия. Это такие случаи, когда семантически и стилистически сближаются, выступая в качестве синонимов, слова, не составляющие в литературном языке синонимического ряда. В художественном тексте им придает семантико-стилистическое единство общая образная основа. Например, в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя при изображении промокшей одежды Чичикова, приехавшего к Коробочке во время дождя, используются слова *сбруя* и *доспехи*. Эти слова, не являясь общезыковыми синонимами, семантически сближаются в

авторском тексте, выражая один и тот же образ. Такие случаи относятся к индивидуально-авторским синонимам. Еще пример: в автобиографической трилогии М. Горького в качестве синонимов к слову *тоска* используются *досада, злость, злоба, обида, уныние, отчаяние*. Синонимичными оказываются и эпитеты-определения к ним: *злой, лютой, звериный, бешеный*.

В художественных произведениях разных авторов можно обнаружить длинный ряд слов для выражения одного и того же понятия «говорить» («сказать»), но с разнообразными дополнительными оттенками значений, которые характеризуют говорящее лицо, манеру речи и т.д.: *воскликнул, заметил, подхватил, сболтнул, брякнул, буркнул, бухнул, выдавил из себя, залаял, курлыкал, ржал, рывкнул, обратился, заикнулся* и др. Как видно, этот ряд создается не только за счет собственно литературной лексики, но и за счет разговорно-просторечных и внелитературных средств, а также семантических новообразований. Творческая работа писателей приводит постепенно и к олитературиванию некогда «запретных» в нормативном отношении средств языка, к сближению их семантических оттенков и, следовательно, к обогащению фонда синонимии русского языка.

§ 80. Кроме лексической синонимии, языку свойственна синонимия единиц и других уровней: словообразовательного, морфологического, синтаксического. Она, как правило, имеет не только смысловозначительное значение, но и стилистическое.

Так, с помощью различных суффиксов или префиксов от одного и того же корня образуются слова близкой семантики, но различного экспрессивно-эмоционального и стилистического характера. Здесь в особенности значимы суффиксы субъективной оценки: *человек, человечиска, человечище; мама, мамочка, мамуся, мамуля, мамка; книга, книжица, книжонка, книжища; журнал, журнальчик* и т.п. Помимо экспрессивно-эмоциональных, есть суффиксы и функционально-стилистические, употребление которых соотносит слово с определенной сферой общения. Преимущественно это суффиксы (и соответствующие слова) разговорной окраски и сниженного, фамильярного характера. Их

можно рассматривать как синонимические к нулевому суффиксу в слове или к другому суффиксу: *табурет* — *табуретка*, *жилет* — *жилетка*, *картофель* — *картошка*, *читальня* — *читалка*. Ср., кроме того, просторечные: *столовка*, *умывалка*, *караулка*.

Можно привести примеры и префиксальной синонимии стилистического значения. Она более, чем суффиксальная, связана со смысловыми различиями. Отчасти поэтому здесь речь идет чаще о синонимии собственно приставок, чем слов с разными приставками. Ср.: *войти* — *взойти*, *нисходит* — *сходить*, *ниспадать* — *спадать*, *восходить* — *всходить* и т.п. Стилистическая синонимия свойственна прежде всего приставкам разного происхождения, преимущественно русского и старославянского: *чрез-/через-*, *из-/вы-*, *нис-/с-*, *воз-/вз-*, *со-/с-* и др.

Считается, что стилистико-синонимические ресурсы м о р ф о л о г и и в русском языке довольно ограничены. В свое время А.М. Пешковский, касаясь этого вопроса, писал: «Морфологические синонимы... в нашем языке все наперечет. Вот они: 1) *сы́ра* — *сы́ру*; 2) *в лёсе* — *в лесу́*; 3) *апте́кари* — *аптекаря́*; 4) *добры́й* — *добр*» (Избр. труды. М., 1959. С. 153). В первом и третьем случаях наряду с некоторыми семантическими различиями и синтаксическими условиями употребления вторые варианты отличаются стилистическим оттенком разговорности. В последнем случае этот оттенок, напротив, более присущ первому слову в паре. Впрочем, форма *в лесе* устарела (см.: Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка. М., 1989).

Если отвлечься от функционирования морфологических единиц в разных речевых разновидностях, то число стилистических средств в морфологии действительно невелико. Традиционно оно ограничивается некоторыми падежными окончаниями различной функционально-стилистической окраски, а именно: разговорной и книжной на фоне нейтральных средств. Стилистические различия связаны с той или иной сферой общения и в известной мере обусловлены устной или письменной формой речи, а также традицией употребления.

Синонимичны окончания именительного падежа множественного числа существительных: *инженеры* — *инженера́*, *про-*

фессоры (устар.) — *профессора́, токари — токаря́, шофёры — шофёра́, библиотекари — библиотекаря́* и т.п. Формы на **-а (-я)**, за исключением немногих прочно вошедших в язык вариантов (*учителя́, профессора́, докторá*), еще сохраняют окраску разговорности и даже просторечия, хотя продуктивность этих образований все растет.

Синонимические варианты окончаний родительного и предложного падежей **-а** (род. п.) и **-е** (пр. п.) традиционно квалифицируются как стилистически нейтральные или книжные формы, а **-у** — как разговорная (иногда просторечная), например: *стакан чая — чаю, кусок сыра — сыру, кружка кваса — квасу, кусок сахара — сахару; в доме — в дому* (устар.), *в квасе — в квасу* (устар.), *в цехе — в цеху, в отпуске — в отпуску*. Есть тенденция к расширению использования форм на **-а (-я)** в род. п. за счет форм на **-у (-ю)**. Вторые варианты форм предложного падежа имеют либо архаичный, либо разговорный характер, хотя это правило не является абсолютным, вопрос о выборе окончания здесь решается особо для каждого слова.

Стилистическая синонимия в морфологии охватывает и формы родительного падежа множественного числа существительных, например: *помидоров — помидор, апельсинов — апельсинов; свечей — свеч; побережий — побережьев; яслей — ясель*. Первая форма в каждой паре литературно нейтральная, а вторая разговорная или просторечная и в какой-то мере допустима лишь в устно-бытовой речи. Впрочем, в связи с тенденцией к экономии средств языка все расширяется употребление форм с нулевым окончанием: *помидор, апельсин*.

Синонимичны полные и краткие (усеченные) варианты окончаний творительного падежа: *водой — водою, зимой — зимою*, а также варианты: *дверьми — дверями, дочерьми — дочерями*. Вторые формы литературно-книжные, более свойственные письменной речи, а первые — устно-разговорные. Подобные стилистико-морфологические синонимические пары наблюдаются и в формах на **-ся**: *смеюсь — смеюся, возжусь — возжуся, боюсь — боюся, развлекаюсь — развлекаюся* и т.п. Здесь формы на **-ся** разговорно-просторечные в отличие от форм на **-сь** литературных, с некоторым оттенком книжно-письменной речи.

Синонимия в морфологии касается также параллельных депричастий: *придя — пришедши, взяв — взявши, вытерев — вытерши, продумав — продумавши* (вторые варианты с некоторым оттенком разговорности); она захватывает и формы превосходной степени прилагательных: *самый глубокий — глубочайший, самый прекрасный — прекраснейший, наиболее детальный — детальнейший* (вторые варианты отличаются более экспрессивным характером и несколько ограниченным употреблением по сравнению с первыми). (Более подробные сведения о вариантах грамматических форм см. в указанных сочинениях Д.Э. Розенталя, К.С. Горбачевича и др.)

§ 81. Стилистические возможности синтаксической синонимии значительно шире. Приведем примеры.

1. Стилистическая синонимия предлогов (и создающихся с ними оборотов): *для улучшения* (нейтр.) — *в целях улучшения* (кн., офиц.); *из-за аварии* (нейтр. или устно-разг.) — *вследствие* (*по случаю, в силу*) *аварии* (кн., офиц.); *за грибами* (нейтр.) — *по грибы* (разг.-простореч.); *из-за тебя* (нейтр.) — *через тебя* (простореч.).
2. Стилистическая синонимия союзов, а также образующихся с их помощью словосочетаний и предложений: *если согласен...* (нейтр.) — *ежели согласен...* (устар., разг.) — *коли согласен...* (устар., разг.-простореч.) — *раз согласен...* (устно-разг.); *решил, потому что...* (нейтр.) — *решил, ибо...* (кн.) — *решил вследствие того, что* (кн., офиц.); *блестит как снег* (нейтр.) — *блестит словно снег* (кн., поэт.) — *блестит будто снег* (устно-разг.); *вместо того чтобы ссориться...* (нейтр.) — *чем ссориться...* (устно-разг.).
3. Соотношение обособленных оборотов и придаточных предложений: *Увидев поезд, человек остановился* (кн.). — *Когда человек увидел поезд, он остановился* (нейтр.). — *Человек, увидевший поезд, остановился* (кн.).
4. Необособленные члены и придаточные предложения: *Я пошел, чтобы сказать* (нейтр. с оттенком кн.). — *Я пошел сказать* (устно-разг.).

5. Соотношение сочинительных и подчинительных конструкций: *Я вышел на улицу и увидел.* — *Когда я вышел на улицу, то увидел.* Первая более свойственна устно-разговорной речи, вторая — книжно-письменной.
6. Наличие местоимения-подлежащего и отсутствие его: *Сегодня я несу ответственность...* (офиц.). — *Завтра лечу в Москву* (устно-разг.).
7. Союзные и бессоюзные предложения: *Не пришла машина, поэтому иду обратно* (кн.-письм.). — *Не пришла машина — иду обратно* (устно-разг.).
8. Полные и неполные предложения: *Идите сюда скорей.* — *Сюда! Скорей!; Откуда ты идешь? — Откуда? или Откуда идешь?* (Вторые варианты разговорные и экспрессивные.)
9. Неопределенно-личные предложения информационного значения с оттенком призыва, запрета; с выражением приказа, просьбы часто в соединении с повелительным наклоном: *Просят не курить!* (офиц.-дел.) — *Тебе говорят: не кури! Кому говорят: не кури!* (разг.-экспресс.) и др.
 Различия стилистической окраски синонимов не только в сфере употребления, но и в эмоционально-экспрессивном отношении наблюдаются в следующих случаях синтаксической синонимии.
10. В конструкциях с разными формами наклонов глаголов-сказуемых: *Съездите в город!* — *Съездили бы в город!* В первом случае категорический приказ; во втором — мягкое пожелание, просьба. *Он взял бы и спрятался.* — *Он возьми да спрячься.*
11. В отрицательных предложениях с усилительной частицей и без нее: *Он слова не сказал.* — *Он ни слова не сказал.* Здесь оба выражения экспрессивны, но со смысловым и экспрессивным «сдвигом».
12. В отрицательных предложениях с повторяющимися союзами и без них: *Он не читал ни книг, ни газет, ни журналов.* — *Он не читал книг, газет и журналов.* Во втором варианте

просто утверждается, что некто ничего не читал, тогда как в первом выделяется особо и тем самым акцентируется каждое дополнение и в целом усиливается отрицание.

13. В предложениях с видоизменением порядка слов и без него: *Я пришел домой рано. — Рано я пришел домой!; Это не имеет никакого значения. — Значения это не имеет никакого!* Выделенные слова интонационно подчеркиваются.

Помимо средств словесной образности (тропов и фигур) и синонимии, к внеконтекстуальным стилистическим ресурсам русского языка относятся и многие другие языковые средства. Кроме того, ресурсами стилистики являются специализация употребления тех или иных языковых единиц и их значений в определенных речевых сферах и степень частоты использования этих единиц в тех же сферах.

Известно, что одним из ярких стилистических средств являются антонимы, особенно широко используемые в художественной литературе. Другим таким средством оказываются периферийные явления омонимии — омоформы, омографы, омофоны.

Стилистически окрашенная лексика

Лексика эмоционально-экспрессивно окрашенная

§ 82. В русском языке имеется немалый фонд слов с устойчивой эмоционально-экспрессивной окраской. Оттенки этой окраски чрезвычайно многообразны и обусловлены тем или иным отношением к называемому явлению: иронический, неодобрительный, презрительный, ласкательный, торжественно-приподнятый и др. Характер окраски может видоизменяться в зависимости от контекста и речевой ситуации. Например, ласкательная лексика выражает неодобрение: *Что же это ты, батенька, промолчал?!* Однако важно то, что та или иная эмоционально-экспрессивная окрашенность у слова при этом остается; за исключением, может быть, очень редких случаев — специ-

альных контекстов нейтрализации окраски. Выразительные же качества слова позволяют зачислить его в языковой фонд стилистических средств.

Что создает эту окрашенность и почему она так устойчива? Экспрессивно-эмоциональная окраска у слова возникает в результате того, что само его значение содержит элемент оценки. Функция чисто номинативная осложняется здесь оценочностью, отношением говорящего к называемому явлению, а следовательно, экспрессивностью (обычно через эмоциональность). Такие слова, как *губошлеп*, *разгильдяй*, *горлодер*, *заваль*, *брюзга*, *пустомеля*, *мазила*, *кликуша*, *властелин*, *дар*, *всемогущий* и т.п., уже сами по себе, в своей семантике несут экспрессивно-эмоциональный заряд и поэтому являются стилистически окрашенными. Слова этой группы обычно однозначны; заключенная в их значении оценка настолько явно и определенно выражена, что не позволяет употреблять слово в других значениях.

Эта лексика используется преимущественно в устно-фамильярной, сниженной речи: *лентяй*, *беспардонный* и т.п. — либо, напротив, в книжно-торжественной: *дерзновенный*, *стяг*, *всемогущий* (последнее слово иногда употребляется иронически).

Вторая группа — это многозначные слова, которые в своем прямом значении обычно стилистически нейтральны, однако в переносном значении наделяются яркой оценочностью и экспрессивной стилистической окраской. Эти слова можно условно назвать *с и т у а т и в н о - с т и л и с т и ч е с к и* окрашенными. Ср., например: *дуб* (о человеке), *тряпка* (о мужчине); о человеке: *слон*, *медведь*, *орел*, *ворона*, *баба* (о мужчине), последнее, правда, и само по себе стилистически окрашено (однако функционально) в основном своем значении, и т.п.

Третью группу составляют слова, в которых эмоциональность, экспрессивность и вообще стилистические коннотации достигаются аффиксацией, большей частью суффиксами: *мамочка*, *грязнулька*, *бабуля*, *солнышко*, *цветочек* и т.п. (В двух последних случаях явлению словообразования сопутствует и семантический перенос, когда речь идет о человеке.) Однако это явление не столько собственно лексическое, сколько словообразовательное.

Выделяется и четвертая группа, точнее, подгруппа в первом из указанных разряде слов. Она состоит из таких лексических единиц, в которых оценочность и экспрессия не столько заключены в значении слова (во всяком случае, изначально), сколько связаны с традицией употребления и сопутствуют ей. Именно последнее видоизменяет значение слова или отражается на нем: *вития* (оратор), *вещать* (говорить, провозглашать), *взывать* (обращаться), *предвосхитить*, *благой* (хороший, заслуживающий одобрения), *дерзать* (стремиться), *глашатай*, *провозвестник*. Семантический сдвиг по сравнению с нейтральным синонимом незначителен, порой еле уловим. Стилистическая высота, торжественность, риторичность таких слов обусловлена традицией их употребления в соответствующих сферах, преимущественно письменной речи. В связи с этим им присуща и некоторая оценочность: обычно значение интенсивности положительного качества. Иногда же семантического преобразования не происходит вовсе, и лишь традиция употребления наделяет слово определенной экспрессивной стилистической окраской: *оратай* (пахарь), *баян* (певец, поэт), *воинство*, *когорта* и т.п.

§ 83. Многообразные оттенки эмоционально-экспрессивной окраски принято делить на два больших разряда: с положительной и с отрицательной (негативной) характеристикой.

Среди положительных оттенков выделяются, например, торжественный, возвышенный (*воздвигать*, *восхотеть*, *водрузить*, *изведать*, *чаяния*, *грядущий*, *дерзновенный*, *воистину*), близкий к ним риторический (*вопянь*, *возвещать*, *кара*, *держава*, *властелин*, *зиждатель*) и возвышенно-поэтический (*лучезарный*, *блистательный*, *горделивый*). Эти слова весьма экспрессивны. В следующих случаях преобладает эмоциональная оценка одобрения (*прекрасный*, *изумительный*, *благородный*, *грандиозный*), ласкательности (*заинька*, *мамочка*, *восточка*, *куколка*, *мой ангелочек*, *золотце мое*); отчасти примыкают сюда слова шуточные (*ерундистика*, *запузыривать*, *жеребятина*).

Негативные оттенки еще более разнообразны: неодобрительный (*критикан*, *выродок*, *брюзга*, *картежник*, *гулена*, *измыс-*

лить); презрительный (*зубрила, балаболка, балбес*); укоризненные (*бесстыдник, бедокурить*); иронические (*вздохатель, великовозрастный, благодравие, выдворить*); пренебрежительно-фамильярные (*белобрысый, выскочка, злопыхатель, иностранщина, заваль*); бранные (*безмозглый, гад, выдра* — о женщине, *барахло* — о человеке) и др.

Кроме того, эмоционально-оценочные слова подразделяются и в ином аспекте: наделенные собственно эмоциональной оценкой (отношением) — *верзила, долговязый, лоботряс, прелесть* и рационально или рассудочно-оценочные — *писака, рифмоплет, мессия, рассадник, главарь*. (Примеры заимствованы из указанного в списке сочинения Е.Ф. Петрищевой, в котором читатель найдет подробную характеристику стилистически окрашенной лексики. См. также работу Л.А. Киселевой в том же списке и работу Н.А. Лукьяновой «Экспрессивная лексика разговорного употребления». Новосибирск, 1986.)

Эти нюансы нередко с трудом уловимы, к тому же изменчивы: и исторически, и в зависимости от контекста. (О неодинаковых в связи с этим стилистических квалификациях одних и тех же слов в толковых словарях см. в работе Е.Ф. Петрищевой.) Однако при возможном изменении оттенка общая эмоционально-экспрессивная окраска у этих слов, как правило, всегда присутствует.

Лексика функционально-стилистически окрашенная

§ 84. К функционально-стилистически окрашенной лексике относятся прежде всего слова, наиболее или исключительно употребительные в той или иной речевой сфере, соответствующей одному из функциональных стилей. Традиция употребления, прикрепленность к определенной речевой сфере приводят к появлению у этих слов функционально-стилистической окраски. Ср.: «Стилистическая окраска... есть не что иное, как субъязыковая отнесенность» (*Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. С. 38*).

Лексика научного стиля. Прежде всего окраской этого функционального стиля обладают узкоспециальные термины и общенаучная терминология. С точки зрения эмоционально-экспрессивной эта лексика нейтральна; ее иногда называют «сухой». Отчасти это происходит потому, что слова-термины, как правило, не имеют синонимов и выражают понятия по возможности точно и однозначно. В силу этого и главным образом по причине общей отвлеченности и обобщенности научного стиля (т.е. в известном смысле той же понятийности) терминологическая лексика небразна и безэмоциональна. При использовании в других сферах (например, художественной, публицистической) она, как правило, изменяет свою функцию, а нередко и семантику, т.е. переосмысливается и получает различные эмоционально-экспрессивные оттенки, что генетически ей не свойственно. Если, например, устно-разговорная речь, даже при специальной теме разговора, неумеренно насыщается терминологией, то такая речь сейчас же начинает квалифицироваться как неестественная, книжно-научная, наукообразная.

В этом случае говорящие чувствуют ее стилистический (именно стилистический!) сдвиг, и как раз в сторону научного стиля, а не какого-либо другого. Терминология как бы вносит в речь оттенок научности. В художественном произведении она может использоваться и как средство стилизации.

Заметим, что слова с функциональной стилистической окраской (в особенности представляющие такие стили, как научный и официально-деловой) по сравнению с эмоционально-экспрессивно окрашенными отличаются строгой системностью, устойчивостью их «частной» стилистической окраски, более четкой ограниченностью сферы их употребления. Ограничительные требования нормативно-стилистического характера здесь весьма жестки: несоблюдение их ведет к болезням речи: «канцелярит», «наукообразность» и т.п.

Системность научной терминологии очевидна: термин может быть понят и определен именно в системе данной терминологии. Отсюда — функциональные ограничения при его употреблении. Если общая научная терминология (используемая в

ряде наук, группе наук, всех науках) несколько менее ярко функционально-стилистически окрашена, то узкоспециальная терминология обладает более сильной функциональной стилистической окраской: использование ее в непривычной сфере не только затрудняет понимание, но и с очевидностью приводит к неприятию самого факта ее употребления в данной сфере.

Примеры научной лексики. *Общенаучная: дифференцировать, классификация, функция, синхронный, диалектика, аномалия, апробация, аргумент, интерпретация, дефиниция, монография. Узкоспециальная: термины химии — фильтр, окись, молекула, полиэтилен, полимер, гидрат, кальций, температура кипения, реторта, колба, раствор, хлорметилен, окисление, концентрация; математики — дифференциал, интегрирование, вектор, гипотенуза, уравнение, катет, логарифм, многочлен, вычисление, теорема, делитель; языкознания — диалектология, этимология, орфоэпия, синоним, омоним, суффикс, аффиксация, аббревиатура, фонема, лабиализованный.*

§ 85. Лексика официально-делового стиля отличается с точки зрения экспрессивно-эмоциональной особенной официальностью и «сухостью», привносимой в речь. В отличие от научной лексики, она обладает не только функционально-стилистической, но и сопутствующей ей своего рода квазиэмоционально-экспрессивной окраской, точнее, значительной долей антиэмоциональности, недопустимостью даже намека на эмоцию и присутствием оттенка официальности. Лексика с этой окраской ярко системна, как и научная терминологическая, она четко нормативно ограничена сферой своего применения.

Официально-деловая лексика, очевидно, обладает неодинаковой силой функционально-стилистической окраски и в связи с этим разной степенью допустимости в речи. Вопрос этот, к сожалению, пока не разработан. Самый приблизительный и общий анализ официально-деловой лексики позволяет выделить следующие ее разновидности. Прежде всего официально-деловая терминология, не имеющая синонимов в общеупотребительной лексике. Этот пласт слов содержит, с одной

стороны, широко известную и употребительную лексику, необходимую для разговора или письма на соответствующие темы: *закон, конституция, паспорт, декрет, юрисконсульт, следователь, прокурор, постановление, заявление, протокол, свидетель* и т.д. Эти слова-термины в силу широкой употребительности несколько детерминологизировались, приобрели всеобщий характер. В отношении собственно стилистическом они, хотя и сохраняют оттенок официальности и указание на определенную сферу общения, однако явной стилистической окраски не имеют. С другой стороны, выделяется группа узкоспециальной юридической терминологии: *санкция, правопорядок, истец, ответчик, кодификация, расследование*. Эти термины, как и узконаучные, имеют яркую функционально-стилистическую окраску и узкое применение — лишь в специальной сфере.

Кроме терминов, выделяются слова, которые обычно именуются **к а н ц е л я р и з м а м и**. Это общеизвестная лексика (обычно нетерминологическая), которая обладает, помимо функционально-стилистической окраски, своего рода экспрессивной окрашенностью. Такие слова как будто даже получают эмоциональный «призвук»: архаичная официальная торжественность некоторых из них вызывает то или иное к себе отношение, оценку. Именно этих слов следует избегать, особенно в неделовой речи. При обучении же языку нужно указывать на нежелательность и большей частью недопустимость этих слов в речи (без стилистического задания). Примеры: *нижеподписавшийся, вышеозначенный, нижеозначенный, поименованный, возмать, возыметь действие, податель сего, запротоколировать, наличествовать, истребовать, удостоверить* и т.п. Строго мотивировано содержанием и сферой речи должно быть употребление слов *клиент, пациент, наниматель, владелец, доверитель, лицо, получатель, отправитель, накладная, докладная, вакантный, конфискация, потерпевший* и т.п.

Одно из ярких стилистических средств официально-деловой речи — особые служебные слова. Это сложные позднего происхождения отыменные предлоги (*согласно постановлению, в соответствии с уставом, касательно состояния дел, вследствие не-*

выполнения, по линии профкома, в случае несвоевременной оплаты, в деле реорганизации, в результате осмотра, по вопросу хранения, ввиду неявки) и союзы (*а равно должностные лица, а также прокуроры областей, в силу того что условия не выполнены, поскольку*). Употребление их вне текстов законодательных актов и деловых бумаг весьма нежелательно. Лишь отчасти эти единицы допустимы в научной речи (которой они, так же как и деловой, обязаны своим происхождением).

Использование канцеляризмов в разговорной речи без особой стилистической мотивировки не только нежелательно, но и недопустимо. Весьма ограниченным должно быть их использование и в публицистической речи, а в художественной они могут быть употреблены лишь в качестве средства стилизации, создания иронии и в других эстетических целях.

§ 86. Лексика публицистического стиля. В многочисленных стилистических исследованиях, основанных на анализе конкретного материала, а также в словарях обычно выделяется специальная публицистическая лексика и фразеология. Однако некоторыми учеными, например Е.Ф. Петрищевой в книге «Стилистические исследования», высказывается мнение об отсутствии таковой; напротив, Г.Я. Солганик убедительно доказал существование лексики, характерной для публицистического стиля, ее системный характер (см.: Лексика газеты. М., 1981; Он же. Практическая стилистика русского языка. М., 2006). Действительно, в связи со значительно возросшей в последние десятилетия ролью таких видов массовой коммуникации, как газета, радио, телевидение, они оказывают все большее влияние на язык других сфер общения. «Газетно-публицистический стиль — один из самых влиятельных в современном литературном языке». Многие из средств коммуникации этого стиля «буквально входят в каждый дом, воздействуя на умы и чувства людей: информируют, пропагандируют, агитируют, формируют общественное мнение, языковые вкусы и нормы» (Солганик Г.Я. Практическая стилистика русского языка. М., 2006. С.63). Происходит некоторое стирание граней между стилями. Тем не ме-

нее язык публицистики сохраняет определенные отличия: в нем выделяется особая публицистическая лексика, стилистическая окраска которой ощущается говорящими. Эта лексика формируется в политической сфере общения и имеет в ней высокую частоту употребления.

Традиционно публицистическими словами, например, считаются: *нигилист, маниловщина, обломовщина, администрирование, мракобес, пенкосниматель, экзекуция* и др. Все это слова, сопровождающиеся в то же время экспрессивно-эмоциональной окраской.

К публицистической лексике относятся две группы слов. В первую входят специальная публицистическая терминология, в том числе газетная: *интервью, репортаж, информировать, хроника, корреспонденция, заметка, комментатор, обозреватель* и т.п. — и общеественно-политические термины, широко употребительные в газете: *дискриминация, сегрегация, геноцид, неофашист, агрессия, акция, ратификации* и т.п. Первый разряд слов этой группы не обладает дополнительной экспрессивно-эмоциональной окраской, второму она отчасти свойственна. Вторую группу составляют ярко оценочные и потому эмоционально окрашенные слова — не термины: *изуверский, плутократия, пресловутый* и т.п. Есть здесь слова без особо ярко выраженной сопутствующей эмоциональной окраски: *климат* (обстановка), *микроклимат, ультра* и т.п. Для всех этих слов характерно то, что они обладают высокой частотой повторяемости в публицистической литературе, а употребление их в других сферах придает речи публицистичность.

§ 87. Вопрос о функционально-стилистической окраске лексики, представляющей художественную речь, сложен, потому что художественная литература, в особенности современная (в том числе поэзия), отражает все многообразие жизни человека. В художественных текстах используются самые разнообразные пласты словаря, и определить специально узкохудожественный разряд слов не так-то просто, да и не столь актуально. Для литературы XIX в. это были так называемые по-

этизмы, слова с особым стилистико-поэтическим ореолом, наиболее часто встречающиеся именно в художественной (уже — стихотворно-поэтической) речи как ее неизменные приметы. Применительно к современной литературе о такой лексике говорить затруднительно.

Вместе с тем необходимо учесть, во-первых, что лексика, типичная для иных функциональных стилей (разного рода терминологическая), не характерна для художественной речи и используется в ней в измененной стилистической функции (именно как неспецифическая для художественной речи); во-вторых, что существует лексика, наиболее употребительная именно в художественной сфере общения и неупотребительная или чрезвычайно редко употребляемая в других функциональных стилях (опять-таки в измененной функции). В связи с этим появляется возможность определить круг художественно-поэтической лексики, которая обладает функционально-стилистической окраской. Правда, количественно это небольшой фонд слов. Сердцевину его составляет традиционный пласт лексики поэтической, отмечаемой в словарях пометами «поэтическое», «народно-поэтическое», кроме того, отчасти «высокое», «торжественное», «риторическое», «книжное», а также «архаическое», «старославянское» (имеются в виду не все славянизмы, но только имеющие живую стилистическую окраску).

По традиции названия определенного круга предметов и явлений считались в XIX в. и сейчас еще считаются поэтическими. До настоящего времени сохраняют колорит поэтичности слова, не характерные для других стилей, кроме художественного:

- существительные — *лира, венец, муза, очи, ланиты* (щеки), *уста, чело, стан* (девичий), *десница* (правая рука), *муравья, чертог, зов, горнило, нектар, пенаты, бездна, чары, нива, светило, воинство, воитель, певец* (в смысле «поэт»), *соплеменник, кудесник, изгнанник, дева, искупитель, упование, гордыня, гонение, низложение, благо* и др.;
- прилагательные — *дивный, чудный, прелестный, благодатный, живительный, неизгладимый, вдохновенный, дерз-*

новенный, нерукотворный, дубравный, немолчный, благовонный, безуханный, багряный, лазурный, лучезарный, златокудрый, черноокий, былой, безвозвратный, безысходный, отчий и др.;

- глаголы — *влачить, вещать* (с оттенком иронии и высоким), *гласить, восклицать, зардеть, возлежать* (нередко сейчас с ироническим и юмористическим оттенком), *лежать, возыметь, воспрянуть, возложить, сразить, ввергнуть, ниспадать, пламенеть, нисходить, мниться, ответствовать, разверзнуться* и др.;
- наречия — *поныне, воистину, навеки, во славу* и др.

Особый круг составляет *на родно - поэтическая лексика*, пришедшая в литературное употребление из языка устной народной поэзии: *горюшко, буйная головушка, лебедушка, голубушка, красная девица, добрый молодец, зелье, кручина, пригожий, родимый, лазоревый, бесталаный, погожий* и др.

Те или иные из названных слов, конечно, могут употребляться и в других сферах общения, особенно в публицистике и отчасти в разговорной речи. Однако и там они несут на себе окраску поэтичности, т.е. выступают как примета художественного стиля. Использование их в этих сферах без особой стилистической мотивировки ощущается как своеобразная цитация или стилизация. Указанные слова могут быть использованы для создания иронии, юмора, сатиры.

Таковы функционально-стилистически окрашенные пласты словаря книжно-письменной формы речи. Пласт слов, представляющих разговорно-бытовой функциональный стиль и употребляющихся преимущественно в устной форме, мы охарактеризуем дальше в сопоставлении с книжно-письменной лексикой.

Лексика книжная и разговорная

§ 88. По лингвистической традиции на фоне нейтральной лексики выделяется лексика: 1) книжно-письменной и 2) уст-

но-разговорной речи. В словарях первая отмечается пометой «книжное», вторая — «разговорное».

К н и ж н о й лексикой называются такие слова, которые употребительны исключительно или преимущественно в письменно-книжной сфере; введение их в разговорную речь придает ей оттенок книжности. Собственно, все разряды слов с функционально-стилистической окраской, приведенные в предыдущем разделе, включаются в книжную лексику, хотя последняя отмеченными рядами слов не ограничивается. В книжной лексике имеется пласт слов с окраской «книжное» и пласты слов с двойной окраской: «книжное и официально-деловое», «книжное и научное», «книжное и публицистическое», «книжное и поэтическое». В то же время книжная лексика может обладать и различными видами экспрессивно-эмоциональной окраски.

Примеры книжной лексики: *аналогия, аномальный, антипод, апологет, апофеоз, априори, аспект, ассоциация, вандализм, вассал, вариация, вотум, гонение, государственность, дезориентация, деквалификация, декларативный, единомыслие, ибо, изоляция, импульс, квинтэссенция* и др. Отчасти этот разряд слов близок лексике общенаучной, отчасти — общеупотребительной.

Р а з г о в о р н а я л е к с и к а — это такие слова, которые, являясь литературными, придают речи разговорный характер. Будучи введенными в книжно-письменную речь, они нарушают единство стиля. Примеры: *ахнуть, балагурить, баламутить, вдогонку, вдребезги, вертлявый, воркотня, вразвалку, всплакнуть, вырядиться, головотяп, гуляка, дешевка, ехидный, жадничать, заминка, молокосос, напраказывать, нарасхват, нежничать, обляпать, прихворнуть, протолкаться* и др.

Различие стилистической окраски у лексики книжной и разговорной ярче ощутимо при сравнении синонимов (там, где они имеются) и на фоне нейтральной лексики. Ср.:

Лексика разговорной стилистической окраски (свойственная в то же время преимущественно устной форме бытовой сферы общения) соотносительна с разговорно-бытовым функциональным стилем и обладает его окраской.

Нейтральная	Книжная	Разговорная*
Рука	Длань	Лапа
Наказание	Кара	Нагоняй
Создатель	Творец	—
Захотеть	Восхотеть	—
Есть	Вкушать	Уплетать
Почительный	Дидактический	—
Влажный	—	Промозглый

* П р и м е ч а н и е. Или в зависимости от контекста разговорно-просторечная и негрубая просторечная.

§ 89. Вместе с тем лексика устно-разговорной бытовой речи может быть дифференцирована по «степени литературности». Судя по названию, это аспект нормативный, а не стилистический. Однако пласты словаря, составляющие устно-разговорную лексику, по-разному стилистически окрашены и различаются сферами применения. Поэтому данный аспект может рассматриваться и как функционально-стилистический (в широком смысле слова).

По «степени литературности» и по сопровождающей ту или иную «степень» стилистической окраске лексика устно-разговорной речи представлена следующими разновидностями:

- 1) лексика с о б с т в е н н о р а з г о в о р н а я (о которой уже шла речь), нередко с оттенком фамильярности;
- 2) лексика п р о с т о р е ч н а я.

Собственно разговорные слова не нарушают норм литературного языка и ограничены лишь сферой употребления (устно-бытовой), а просторечные как бы стоят на грани литературного употребления и даже обычно выходят за пределы литературного языка. (Просторечие обычно определяют в сопоставлении с диалектной лексикой. Просторечной называют лексику малокультурной городской среды, известную и употребительную в

отличие от диалектной повсеместно.) Просторечие обычно делится на грубое (нелитературное) и негрубое (допустимое в устной обиходной речи).

Примеры негрубого просторечия: *белиберда, кормежка, проныра, пустомеля, скупердяй; большущий, одурелый, трусоватый, хлипкий; взъерепениться, врать, горланить, зажимать, застудиться, корить, лягнуть, орать, тренькать, шпынять* и др.

Грубо-просторечная лексика (вульгаризмы): *брехня, брандахлыст, пентюх, пузо, рыло, стерва, харя, хахаль, шваль, шпана; жрать, шамать, трескать* (есть), *зашиваться* (перен.), *задраться* (с кем-либо), *лаяться, лизаться* (целоваться) и др. Как видим, сюда относятся и бранные слова.

Есть и такие просторечные слова, которые, нарушая нормы литературного языка, не обладают при этом оценочностью и стилистической окраской (кроме признаков, определяющих данное слово как просторечно-нелитературное). Поэтому они здесь не рассматриваются. Примеры подобных слов: *вишь, остро, загодя, ихний, кликать, малец, нате, поди* (вводное слово), *рядиться* (торговаться), *кликать, страсть* (очень), *стращать, хвороба, шибко* (очень). Они используются в художественной литературе для речевой характеристики персонажей.

Разговорная лексика хотя и нежелательна, но возможна в сфере письменно-книжного общения и нарушает при этом лишь стилистические нормы (и то не всегда: употребление разговорных слов вполне оправданно в публицистике, даже в научной полемике, не говоря уже о художественной литературе). Известно, что для современного русского литературного языка характерна тенденция распространения средств разговорной речи в различных сферах общения. Просторечие же, особенно грубое, недопустимо ни в какой сфере литературной речи, за очень редким исключением и с отчетливой стилистической мотивировкой. Оно используется, например, в публицистике — для выражения негодования или в художественной литературе — как средство речевой характеристики персонажа из определенной социальной среды. Однако в этих случаях даже в устно-бытовой

сфере общения употребление просторечной лексики должно быть ограниченным и стилистически мотивированным. Во всяком случае, говорящий должен отдавать себе отчет в том, что в таком-то случае он употребляет просторечное слово.

Среди внелитературной лексики устно-разговорной речи следует назвать еще и **д и а л е к т и з м ы**. Однако эти слова в отличие от подавляющего большинства просторечных сами по себе не имеют стилевой окраски. Они выступают в номинативной функции, называют предметы, явления. Конечно, среди диалектизмов есть и экспрессивно окрашенные слова, но такими они выступают в системе диалектной, а не литературной речи. Итак, диалектизмы — это не стилистический (или, по крайней мере, не специально стилистический) пласт словаря общенародного языка, к тому же языка нелитературного. Хотя они, как известно, могут использоваться и используются в стилистических целях, особенно в художественной литературе, чаще всего как средство создания местного колорита и речевой характеристики персонажей. В данной книге диалектизмы специально рассматриваться не будут.

Однако в связи с процессом взаимодействия литературного языка и диалектов, постепенного вовлечения некоторых диалектизмов в литературный словарь, а также в связи с традицией употребления диалектизмов в художественной литературе появляется основание для рассмотрения этого пласта нелитературной лексики в нашей классификации. С точки зрения функциональной (т.е. по своим функциональным возможностям и традиции употребления) диалектная лексика обладает стилистической потенцией и может с известной оговоркой выступать как один из стилистических резервов словаря.

В лексической системе нередки случаи, когда одно и то же слово одновременно обладает несколькими стилевыми окрасками (с точки зрения разных стилистических аспектов). Например: *испить* (книжн., риторич.), *зиждитель* (книжн., риторич.), *кликуша* (книжн., публ., презрит.), *намалеванный* (разг., пренебр.), *балбес* (простореч., презрит.) и т.п.

Кроме того, имеются случаи, когда то или иное экспрессивно-эмоционально окрашенное слово в зависимости от кон-

текста может видоизменять оттенок своего стилистического значения, т.е. обладает своеобразной многозначностью оттенков. Например, в разных контекстных условиях следующие слова могут приобретать различные, порой даже противоположные стилевые оттенки — от неодобрительного или иронического до ласкательного (однако они неспособны нейтрализоваться): *врушка, голубушка, весточка, братец, дуралей, вздыхатель, воротила, вприглядку* и т.д. Стилиевые окраски лексики — явление и с т о р и ч е с к о е, изменяющееся. Изменения охватывают круг и эмоционально-экспрессивных, и функционально-стилистических окрасок. Среди последних устойчивее по характеру окраски термины (особенно научные и деловые).

Примеры изменения эмоционально-экспрессивной окраски: *баталия, сеча* (из ранее нейтральных и даже высоких они превращаются в шуточные и иронические), *изволить* (ранее почтительное — теперь шуточное), *вопрошадь* (книжное, торжественное — ироническое), *возлежать* (то же) и т.п.

Пример изменения функционально-стилистической окраски: *всенижайший* (ранее книжно-официальное — теперь ироническое). Ср. также изменение эмоциональной окраски слов в послереволюционный период: *барин, барыня, бюрократ, чиновник, хозяин* и в постперестроечный: *оппозиция, бизнес, предприниматель, покаяние*.

§ 90. Все отмеченные оттенки стилистически окрашенной лексики выявляются, как указывалось, на фоне лексики стилистически нейтральной и в связи с условиями контекста и стилистическими приемами. Н е й т р а л ь н о й в этом отношении оказывается лексика, которая, будучи употребляема во в с е х сферах общения и жанрах, не привносит в них стилистических оттенков и не обладает эмоционально-экспрессивной оценочностью, например: *дом, стол, отец, мать, гора, сильный, синий, читать, шить, делать, через, справа, седьмой* и т.д. Нейтральная лексика, составляющая огромный фонд словаря, осмысливается, однако, как таковая, обычно в своих основных значениях и типичных (общепринятых и общепотребительных) условиях использования.

Нейтральной она является в словаре и в наиболее обычном своем функционировании. Вместе с тем в живом употреблении, особенно в речи устно-разговорной, в художественной и публицистической, так называемые нейтральные слова способны приобретать самые разнообразные и неожиданные эмоционально-экспрессивные и даже функциональные стилистические окраски. Таким образом, в этих случаях слова из нейтральных превращаются в стилистически окрашенные (контекстуально).

Применительно к художественной речи термин *нейтральная лексика* оказывается условным и даже просто несостоятельным. Ведь эта лексика составляет подавляющее большинство слов в прозаических художественных произведениях (особенно в авторской речи). Причем с помощью этих средств (хотя и не только этих, т.е. не только лексических) истинный художник слова достигает необыкновенно яркой, впечатляющей образности. Задача исследователя-стилиста заключается как раз в том, чтобы определить стилистическую значимость нейтральной в общезыковом смысле лексики.

Стилистические ресурсы фразеологии

§ 91. Русская фразеология содержит богатейшие средства речевой выразительности, придает речи особую экспрессию и неповторимый национальный колорит. Например: *бежать сломя голову*; *бежать со всех ног*; *одна нога здесь — другая там* (ср. *бежать быстро*); *кричать во всю Ивановскую* (ср. *кричать громко*); *сидеть сложа руки*; *бить баклуши*; *ни зги не видно*; *хоть глаз выколи*; *собаку съест в каком-либо деле*; *намылить шею*; *задать жару*; *хранить как зеницу ока*; *делать что-нибудь спустя рукава* и т.д.

Фразеологические единицы обладают разной степенью экспрессии. Среди них есть и стилистически нейтральные, имеющие строго определенное, прямое для современного языкового сознания значение (часто они представляют собой стершуюся метафору), и приближающиеся к терминам или номенклатурным наименованиям. Это, например, следующие устойчивые слово-

сочетания: *железная дорога, питательная мука, сахарная пудра, новогодняя елка, мягкий знак, заочное обучение, воспаление легких, полярный круг, белый гриб.*

С точки зрения происхождения и традиции использования в книжно-письменной либо в устно-разговорной речи выделяются фразеологизмы с книжной или разговорной функционально-стилевой окраской. Примеры к н и ж н ы х: *притча во языцах, воскурять фимиам, почивать на лаврах, ахиллесова пята, глас вопиющего в пустыне, геркулесовы столпы, дамоклов меч, между Сциллой и Харибдой, не хлебом единым, знамение времени, иметь место;* р а з г о в о р н ы х: *из рук вон (плохо), втирать очки, глухая тетеря, бить баклуши, хоть глаз выколи, тишь да гладь, водить за нос, без году неделя, как бы не так!, была не была, вот так клюква!, держать ухо востро, шиворот-навыворот, быть под мухой, себе на уме, душа в душу.*

По преимущественной сфере использования, соотносительной с тем или иным функциональным стилем, выделяется фразеология, ф у н к ц и о н а л ь н о окрашенная.

Приведем примеры фразеологизмов н а у ч н о г о стиля. Среди них терминологические словосочетания: *прибавочная стоимость, двигатель внутреннего сгорания, щитовидная железа, записывающее устройство, лингвистическая география, коэффициент полезного действия, сила тока* и т.п.; а также нетерминологические устойчивые словосочетания: *принять во внимание, актуальность темы, резюмируя сказанное, доказательство от противного, в результате (эксперимента), поставить опыт, сквозь призму (чего-либо), оставить след* и др.

О ф и ц и а л ь н о - д е л о в а я фразеология состоит как из собственно фразеологических единиц, в том числе терминологического характера: *входящие и исходящие бумаги, докладная записка, особое мнение, очная ставка, регистрационный номер, проходить по конкурсу, подать в отставку*, так и из близких к ним штампов-нетерминов (в том числе архаических): *понести наказание, взимать пени, исполнение обязанностей... возложить на... (Петрова), считать возвратившимся из отпуска, в лице председателя, на основании изложенного, в результате проверки установлено, возымет действие.*

Разнообразна публицистическая фразеология: *гражданский долг, открывать (вписывать) новую страницу, политический капитал, по большому счету, пролить свет, на мировой арене, пустить утку, греть руки, с легкой руки* и т.п. (Здесь не только устойчивые словосочетания собственно публицистического происхождения, но и книжные и разговорные, получившие в газете широкое распространение и соответствующую окраску.) Устойчивые словосочетания образуют особую публицистическую терминологию: *правительственный кризис, позитивный нейтралитет, с позиции силы, встреча на высшем уровне, вотум недоверия* и т.п. Метафорические устойчивые словосочетания, используемые в газете с целью придания речи особой образности, в связи с частым их повторением нередко превращаются в свою противоположность — в стандарт, а иногда газетный штамп. Примеры таких сочетаний: *воздушный мост* (авиалиния), *ледовые бойцы* (хоккеисты), *прийти к финишу* (закончить что-либо), *черное золото* (нефть), *голубое топливо* (газ), *ростки нового, новое мышление, застойный период, на мировой арене* и т.п. Сюда же относятся часто встречающиеся обороты со словами *рубеж, династия, дары, география, биография*.

Примеры поэтических фразеологизмов: *узы дружбы, первая ласточка, воздушный замок, герой не моего романа, мировая скорбь, рыцарь на час, рыцарь печального образа, без страха и упрека, кисейная барышня, быть или не быть, срывать цветы удовольствия*.

Разговорно-обиходные фразеологизмы указаны выше (в сопоставлении с книжными).

В экспрессивно-эмоциональном аспекте фразеологические единицы могут быть представлены как группы со своеобразной стилевой окраской, оттенки которой чрезвычайно многообразны и переменчивы: *высокие, торжественные* — *воскурять фимиам, из глубины веков, на поле брани, святая святых, сыны отечества* и др.; *неодобрительные* — *пороть горячку, мелко плавают, семь пятниц на неделе, переливать из пустого в порожнее, из пальца высосать* и др.; *иронические* — *плакать в жилетку, тишь да гладь; шутилки* — *кормить зав-*

траками, тютелька в тютельку, сапоги всмятку и др.; *г р у б ы е — в хвост и в гриву, воротить рыло, с жиру беситься.*

§ 92. Стилистически окрашенные фразеологические единицы широко используются и в устной, и в письменной речи, во всех функциональных стилях. В научном и официально-деловом стилях экспрессивно окрашенные фразеологизмы весьма редки, но здесь используется функционально окрашенная фразеология (в том числе терминологическая). Запрет использования просторечно-разговорной лексики и фразеологии в научной и деловой, церковно-религиозной сферах общения в отношении фразеологии выдерживается особенно строго. Экспрессивно-эмоциональные фразеологизмы наиболее широко употребительны в разговорно-бытовой речи, а также в художественной и публицистической. В двух последних речевых сферах (хотя и не только в них) создаются новые фразеологизмы, лаконичные и меткие выражения, которые быстро становятся крылатыми и общеупотребительными.

Одной из характерных особенностей использования фразеологии в художественной литературе и публицистике является разного рода преобразование фразеологических единиц, образное их «обыгрывание». Интересно, например, использован фразеологизм *хоть трава не расти* у А.И. Герцена в «Былом и думах»: «Юность невнимательно несется к какой-то алгебре идей, чувств и стремлений... а тут — любовь, найдено неизвестное... постороннее и тут не бьет: они даны друг другу — кругом *хоть трава не расти!* А она *растет себе с крапивой и репейником* и рано или поздно *начинает жечь и цепляться*». В рассказе А.П. Чехова «Новая дача» есть такой эпизод, построенный на буквальном понимании устойчивого словосочетания. Инженер Кучеров, владелец дачи, говорит соседям мужикам: «За что вы вредите мне на каждом шагу?... Мы относимся к вам по-человечески, *платите и вы нам тою же монетою*». Повернулся и ушел. Мужики постояли еще немного, надели шапки и пошли. Родион... сказал: «Платить надо. *Платите, говорит, братцы, монетой...*»

Нередки случаи трансформации фразеологизмов, крылатых выражений и в газетной речи: *Не будет лить ни настоящих, ни*

крокодиловых слез; И между друзьями пробежала черная ведомственная кошка; Вывести грязную войну на чистую воду; А виноватые умывают с мылом свои руки; С вами пива не сварить; Направо пойдешь — крышу потеряешь; Реформа, казалось, висела на волоске; За одного битого много убитых дают.

Стилистические ресурсы словообразования

§ 93. Прежде всего выделяется стилистическая синонимия словообразовательных аффиксов.

Приведем примеры стилистической синонимии словообразовательных суффиксов: *вода* — *водица* — *водичка*, *сестра* — *сестрица* — *сестричка*, *игла* — *иглица*, *белый* — *беленький* — *белехонький* — *белешенький*, *тонкий* — *тоненький* — *тонюсенький* — *тонехонький*, *светлый* — *светленький* — *светлехонький* — *светлешенький*, *толстый* — *толстенький* — *толстенный* и т.д. Разные суффиксы привносят в слово различные стилистические и семантические оттенки. Одни суффиксы: **-ичк-** (*сестричка*, *водичка* и др.), **-еньк-** (*тоненький*, *светленький*, *толстенький* и др.) имеют уменьшительно-ласкательное значение, другие: **-иц-** (*иглица*), **-енн-** (*толстенный*) — увеличительно-неодобрительное. Слова с этими суффиксами употребительны преимущественно в разговорной речи. Другие слова, с суффиксами **-ехоньк-**, **-ешеньк-**, **-иц-**, свойственны некоторым жанрам устного народного творчества (былинам, сказкам и др.) и несут на себе печать соответствующей стилевой окраски — нередко поэтической: *белехонький*, *белешенький*, *сестрица*, *водица* и др.

Примеры стилистической синонимии префиксов: *избрать* — *выбрать*, *испить* — *выпить*, *восходить на* — *всходить на*, *влезть* — *взлезть*, *вскричать* — *закричать*, *воспретить* — *запретить*, *нисходить* — *сходить вниз*, *востребовать* — *потребовать*, *поджарить* — *нажарить*, *нарвать* (цветов) — *сорвать*, *насушить* (грибов) — *засушить*. Вместе с изменением семантических оттенков, привнесенных префиксом, обнаруживается сопутствующее изменение стилистического (экспрессивного или

функционального) оттенка слова. Так, приставки **ис-** (**из-**), **вос-**, **нис-** приносят оттенок торжественности, приподнятости стиля. Глаголы *воспретить*, *востребовать* характерны для официально-делового общения. Слову *взлезть* свойствен оттенок устарелости. В параллелях *поджарить* — *нажарить*, *сорвать* — *нарвать* вторые члены пар, кроме оттенка интенсивности, отличаются от первых (более нейтральных) оттенком разговорности, т.е. стилистико-функциональным.

Однако синонимика словообразовательных элементов не так уж распространена в русском литературном языке.

Сердцевину стилистических ресурсов в словообразовании составляют суффиксы и префиксы субъективной оценки. Их иначе называют экспрессивными или эмоционально-экспрессивными. Оттенок уменьшительности обычно сопровождается экспрессией ласкательности, реже — шутливости, ироничности, оттенок увеличительности — экспрессией грубости, пренебрежения, неодобрения, иронии, а также восхищения. Суффиксы субъективной оценки более свойственны устно-разговорной речи, чем книжно-письменной.

Соотнесенность названных семантических оттенков с определенными экспрессивно-эмоциональными стилистическими окрасками не является устойчивой и обязательной. Известно, что слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами в определенных контекстах могут выражать и неодобрение: *Ничего себе паинька! Таких дел натворил!* Кроме того, уменьшительность — увеличительность не всегда сопровождается экспрессией: *ключик*, *зонтик*, *карлик*. Лишены экспрессии специальные термины — слова с уменьшительными суффиксами: *болтик*, *колбочки*, *пузырьки*, *листик* (у биологов в смысле «молодой лист»), *жилка* и т.п.

Примеры слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами. У существительных: **-ок** (**-ек**) — *голосок*, *дружок*, *денек*; **-очек** (**-ечек**) — *голосочек*, *дружочек*, *денечек*; **-ец** — *братец*, *морозец*; **-чик** — *апельсинчик*, *блинчик*, *костюмчик*; **-ик** — *арбузик*, *бутузик*, *домик*; **-к** — *дорожка*, *дочка*, *земелька*; **-ушк-** (**-юшк-**) — *женушка*, *заюшка*; **-оньк-** (**-еньк-**) — *кисонька*, *дороженька*, *зоренька*; **-ец-**, **-иц-**, **-ц-** — *письмецо*, *платьице*, *зеркальце*, *деревоцо*. У

прилагательных: **-оньк-** (**-еньк-**) — *глупенький, плохонький, добренький, старенький*; **-ехоньк-** (**-охоньк-**) — *светлехонький, скорехонький, легохонький*; **-ехонек** (**-охонек**), — **-ешенек** (**-ошенек**) — *близехонек, легошенек*. У всех этих слов обнаруживается яркая эмоциональность и экспрессия. Суффиксальные образования со значением пренебрежительности, презрительности, иронии: **-ишк-** — *воришка, лунишка, зайчишка, шалунишка* (у этих слов в соответствующих интонационно-контекстных условиях возможен и оттенок ласкательности), *городишко, домишко, здоровьишко, житьишко* и т.д.; **-онк-** (**-енк-**) — *душонка, книжонка, бабенка, лошаденка*; **-шк-** — *старикашка*; **-ц-** — *ленца*. Суффиксы, придающие словам значение увеличительности, чаще всего сопровождаются эмоциональными оттенками неодобрения, презрения, но могут выражать и восхищение, удивление. Ср.: суффикс **-ищ-** — *На улице непролазная грязища! От него винищем так и несет! Вот это бацище! Ну и голощище!* Суффикс **-ин-** — *Вот так домина!* (Но: *дурачина, идиотина.*) Ср., с другой стороны, горделиво-ласкательное выражение в контексте стихотворения В. Маяковского: *краснокожая паспортина*.

Префиксы, вносящие в слово экспрессивно-стилистические оттенки (ср. *добрый — предобрый, веселый — развеселый*), нередко употребляются в сочетании с другими средствами и способами словообразования: суффиксами и словосложением (в частности, повторением слова): *добрый-предобрый, большой-пребольшой, прехорошенький*. (Подобное сочетание встречается и у суффиксальных образований: *зимушка-зима*.)

Некоторые суффиксы придают слову те или иные эмоционально-экспрессивные оттенки, не внося значений уменьшительности и увеличительности, например неодобрение: суффикс **-ун** — *болтун, крикун, драчун*; **-ак-** — *гуляка, зевака*; **-к-** — *высочка, белоручка, недоучка*; **-ляв-** — *вертлявый*; **-аст-** — *губастый, горластый*; **-ан-** — *критикан, политикан*; презрение: суффикс **-яй** — *кисляй, слюнтяй*; **-л-** — *воротила, вышибала, обедала*; **-ыг-** — *забудыга, прощелыга*; **-яг-** — *скупяга* и др. Оттенок шутливо-иронический и даже ласкательный имеют слова с суффиксами **-яш** (**-аш**), **-он-**: *добряш, племяш, тихоня* и др.

§ 94. Аффиксы привносят в слова функционально-стилистические окраски. Известен целый ряд суффиксов к н и ж н о г о происхождения и соответствующей функционально-стилевой окраски: **-ств-**, **-ость**, **-изм**, **-ур-**, **-ани(е)**, **-ени(е)**, **-тель**, **-ист**, **-тор**, **-изн-**, например: *достоинство*, *авторство*; *всеобщность*, *сущность*; *тоталитаризм*, *альтруизм*; *скульптура*, *корректурa*, *аспирантура*; *восклицание*, *блуждание*; *ваятель*; *колонизатор*; *отчизна* и др.

Оттенок разговорности придают словам следующие суффиксы: **-як** — *здоровяк*, *добряк*, *свояк*; **-ик**, **-ник** — *вечерник*, *глазник*, *зубник*; **-ун** — *болтун*, *хвостун*; **-к-** — *вечерка* (*вечерняя газета*), **-овк-** — в существительных женского рода, обозначающих предметы: *столовка*, *спецовка* — и лица: *плутовка*, *мотовка*, *чертовка*; **-яг-** — *дворняга*, *штормяга* и др. С оттенком грубо-просторечным: **-н(я)** — *брехня*, *грызня*, *долбня*; **-ј-** — *бабьё*, *дурачьё*, *мужичьё*; разговорно-просторечным: **-ух-** — *грязнуха*, *толстуха*, *стряпуха*.

Можно отметить ряд суффиксов, характерных для *научной* и *научно-технической*, а также *профессиональной* речи. Так, с помощью уже названных суффиксов книжного происхождения постоянно образуются научные термины: **-ость** — *плавкость*, *ковкость*; **-ств-** — *гегельянство*, *кантианство*; **-изм** — *идеализм*, *феодализм*, *нигилизм*; **-аци(я)** (**-яци(я)**) — *акклиматизация*, *вулканизация*; **-фикаци(я)** (**-ификаци(я)**) — *электрификация*; **-тор** — *коммуникатор*; **-ит** (преимущественно термины медицинские) — *бронхит*, *гайморит*, *плеврит*; профессионализмы: **-к-** — *вклейка*, *верстка*, *обмотка*; **-аж** — *метраж*, *тоннаж*, *литраж*; **-чат-** — *коленчатый*, *ступенчатый*; **-чик** (**-щик**) — *передатчик*, *тральщик*; **-ун** — *шатун*; **-льн(я)** — *гладильня*, *коптильня* и др.

В *публицистической* речи употребительны слова с суффиксами: **-ость** — *договоренность*, *сработанность*; **-щин-** — *обыденщина*; **-ан** — *критикан*, *политикан*; **-истск-** — *популистский* и др.

При префиксации наблюдаются те же стилевые окраски. Здесь обычно экспрессией высокого стиля обладают префиксы: **из-** — *изведать*; **нис-** — *нисходить*, *ниспослать*, *ниспадать*; **вос-** — *вос-*

певать, восхотеть и др. Функционально окрашены приставки книжного происхождения, характерные для научных и научно-технических, официально-деловых терминов и публицистической лексики: *востребовать, избрать, воспретить*, в том числе ряд префиксов прилагательных иноязычного происхождения: **а-** — *анормальный, асимметричный*; **анти-** — *антисанитарный, антихудожественный*; **интер-** — *интернациональный, интервокальный*; **ультра-** — *ультрафиолетовый, ультрарадикальный*; **экстра-** — *экстраординарный*.

Как можно было заметить, эмоционально-экспрессивные и функциональные стилистические окраски нередко совмещаются как у суффиксальных, так и у префиксальных образований. В словообразовании это совмещение, пожалуй, еще более заметно, чем в лексике.

§ 95. Словосложение также обладает немалыми стилистическими возможностями. Помимо уже отмеченных прилагательных типа *веселый-превеселый*, экспрессивной окраской обладают, например, имена существительные, образованные сочетанием глагольной формы 2-го лица единственного числа повелительного наклонения с существительным: *сорвиголова, держиморда, вертихвостка, скопидом*. Функционально-стилистическая окраска свойственна разного рода терминологической лексике, например существительным: *краевед, языковед, лесовод, водомер, винторез, восьмигранник, многоугольник*, в том числе с иноязычными элементами: *этнограф, спектроскоп, славянофил, метроном, электронасос*; прилагательным: *льнопрядильный, светолубивый, морозоустойчивый, клинолистный* и др.

Для художественной речи характерны сложные прилагательные, обозначающие оттенки цветов или качество с дополнительным оттенком (такие прилагательные часты, например, у М. Горького, М. Шолохова): *пепельно-серый, иссиня-черный, золотисто-желтый, дымчато-серый, горько-соленый, приветно-мягкий*. Этот тип словообразования чрезвычайно продуктивен и в речи ряда научных областей (например, в геологии, химии, биологии). Ср., например, определения, употребляемые при характеристи-

ке минералов, растений: *темно-синий, кирпично-красный, желто-бурый, черно-зеленый, вилообразно-ветвящийся.*

Стилистические ресурсы морфологии

§ 96. Ресурсы стилистики в области грамматики, в частности морфологии, естественно, следует искать в синонимических явлениях. Синонимических и просто дублетных форм в морфологии не так уж мало. Однако они далеко не всегда имеют собственно стилистический характер.

Морфологические средства в отличие от лексических и словообразовательных дают значительно меньше эмоционально-экспрессивных окрасок и больше функциональных, связанных с традицией употребления тех или иных форм в устно-разговорной либо в письменно-книжной сфере, преимущественно в научном или деловом стиле.

Вопрос о стилистических ресурсах морфологии нельзя ограничивать только явлением стилистической синонимии, потому что средства морфологии в отличие от лексических являются в общем употребительными во всех стилях, жанрах и формах речи.

Однако своего рода функционально-стилистическая специализация все-таки захватывает и грамматику. Это выражается в двух моментах: во-первых, в разной степени частоты употребления тех или иных форм в разных функциональных стилях и, во-вторых, в связях значений отдельных форм с тем или иным функциональным стилем, с его спецификой. (Ср. значения глагольных времен: настоящее абстрактное характерно для научной речи, настоящее долженствования — для официально-деловой. Эти значения можно называть функционально-стилистическими.) Второй момент особенно важен, так как именно в семантико-грамматических особенностях языковых единиц выражается своеобразие того или иного стиля на морфологическом уровне. К стилистическим ресурсам морфологии относятся и такие функциональные возможности форм, которые позволяют одной и той же форме выступать в различных стилистичес-

ких функциях. Нередко при этом происходят сдвиги в семантике. Наконец, традиционная стилистика включает в орбиту своего рассмотрения вообще все случаи смысловых оттенков, передаваемых морфологическими средствами (часто параллельными, синонимичными, но и не только ими). При широком понимании стилистики, смыкающемся с таким же широким пониманием культуры речи, и этот аспект оказывается правомерным.

Именные формы

§ 97. Различными стилистическими возможностями обладают категории и формы существительного. Так, некоторые формы рода существительных свойственны ограниченным сферам употребления и в связи с этим несут на себе определенную функционально-стилистическую окраску. Например, употребление форм либо мужского, либо женского рода по отношению к лицу женского пола (в сочетании с именем собственным) имеет различную стилевую окраску: в официальной речи — *лаборант Иванова*, в разговорной — *лаборантка Иванова*. Только в разговорно-просторечной сфере используются формы *докторша, секретарша, профессорша* и т.п.

Неодинакова употребительность существительных того или иного грамматического рода в разных функциональных стилях. Так, наиболее отвлеченно-обобщенный по своему грамматическому значению и по лексическому наполнению средний род закономерно оказывается наиболее употребительным в научной речи. Здесь особенно часты абстрактные существительные среднего рода. Реже они встречаются в художественной и разговорной речи.

Особенно разнообразно представлены стилистические возможности категории рода в художественной литературе. Слова разного рода используются для создания олицетворений при ассоциативном переносе на грамматическое понятие рода различий существ мужского и женского пола. Этот прием весьма распространен в поэзии и в устном народном творчестве. Замечательный образец анализа этого явления стилистики представ-

лен в известной статье Л.В. Щербы, посвященной сравнительному анализу двух стихотворений: «Сосна» М.Ю. Лермонтова и «Ein Fichtenbaum steht einsam» Г. Гейне (см.: *Щерба Л.В. Избранные работы...*).

Т.В. Шанская в статье «Стилистическое использование категории рода» (Вопросы стилистики. М., 1966) отмечает употребление категории рода в более ограниченных целях — как яркое средство выразительности для создания отдельного художественного образа (а не метафорического каркаса целого лирического произведения; см.: «Сосна» М.Ю. Лермонтова, «Роза и Кипарис» П.А. Вяземского, «Рос на опушке рощи клен» Я. Шведова и др.). Так, разница в грамматическом роде слов *соловей* и *весна* послужила основой для создания А.С. Пушкиным выразительной перифразы: *Там соловей, весны любовник, всю ночь поет.*

Стилистическое употребление категории рода может преследовать и юмористические цели. Ср. использование слова *нимф* (м. р.) от обычного *нимфа* (ж. р.) И. Ильфом и Е. Петровым: *Три «нимфа» переглянулись и громко вздохнули.*

Категория ч и с л а существительных также обладает определенными стилистическими возможностями. Например, множественное число отвлеченных и вещественных существительных-терминов имеет функциональную окраску научной и профессиональной речи: *температуры, стоимости, деятельности, минимумы, максимумы; стали, масла, соли, кислоты* и т.д.

Множественное число некоторых отвлеченных существительных имеет оттенок разговорности. Последнее касается тех случаев, когда эти формы выступают со значением длительности, повторяемости явления: *холода́, морозы, времена.*

Иногда множественное число отвлеченного существительного используется в экспрессивных целях как образная конкретизация выражения: *Всем смертям назло* (К. Симонов).

Форма множественного числа некоторых вещественных существительных со значением большого количества используется терминологически в профессиональной речи: *пески, солончаки, воды* и т.д.

В основном для разговорной речи характерно образование множественного числа от собственных имен (*Побольше бы Харламовых в наших футбольных командах!*). Подобное явление с оттенком обобщенности известно и публицистической (*Никаким гитлерам не сломить нашей силы!*), и поэтической речи с оттенком риторичности (*...может собственных Платонов И быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать* — Ломоносов).

Весьма характерно для публицистической речи использование единственного числа существительных — названий лиц по профессии, общественному положению и другим социальным признакам — в собирательном и обобщенном значении: *Ученик и учитель: их взаимопонимание; Что волнует зрителя?; «Мать и дитя»* (заглавие рубрики).

Русскому языку свойственна синонимия падежных форм и падежных конструкций, о которой мы уже упоминали (*стакан чаю — стакан чая; кусок сахару** — *кусок сахара; в отпуске — в отпуску**; *в цехе — в цеху**; *слесари — слесаря**; *цехи — цеха; килограмм помидор** — *килограмм помидоров; дверьми** — *дверями* и др.). Все эти случаи при сопутствующих им иногда различиях в оттенках семантики характеризуются и стилистическими окрасками: нейтрального или книжного характера, с одной стороны, и разговорного — с другой. Кроме того, выделяются синонимические падежные конструкции, различающиеся оттенками смысла и стилистически, что определяет возможности их выбора, например: *принести отцу — для отца; оставить мне** — *для меня; насыпать соль — насыпать соли**; *не закрыл трубу** — *не закрыл трубы; проходили полями — проходили по полям; утрами** — *по утрам*; формы, связанные с проявлением категории одушевленности — неодушевленности: *купить двух коров — купить две коровы; изучать бактерий — изучать бактерии**. Звездочкой помечены варианты разговорного характера (в последнем примере — разговорно-профессионального). Следует отметить, что стилистические пометы в разных справочниках не совпадают: так, в «Трудностях словоупотребления...» форма *слесаря* характеризуется пометой «разг.», а в книге «Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов» Л.К. Граудиной и др. — «прост.».

§ 98. В качестве стилистических ресурсов прилагательного обычно отмечается синонимия полных и кратких форм; синонимия и дублеты среди кратких форм; синонимия степеней сравнения и, наконец, синонимия прилагательного и падежной формы существительного. Некоторые из этих параллелей различаются экспрессивными и функциональными окрасками, другие лишь семантическими оттенками.

Как известно, синонимическое использование полных и кратких форм прилагательных возможно, когда они выступают в функции сказуемого. При этом нормой является выражение *п о с т о я н с т в а* признака полными формами (с усилением оттенка качественности) и *в р е м е н н о г о* характера, эпизодичности — краткими (с оттенком состояния). Ср.: *Мать больная и Мать больна; Человек веселый и Человек весел*. Однако это правило не абсолютно. Так, в научной речи употребительны краткие формы, выражающие постоянное свойство или качество предметов и явлений: *газ легкий; белки сложные; кислоты двуосновны* и т.п. Краткая форма в данном функциональном значении приобретает стилистическую окраску.

Стилистические окраски сопутствуют смысловым оттенкам, когда полная форма сравнительно с синонимичной ей краткой менее категорично выражает признак и оценку, оказывающуюся «смягченной». Полная форма в этих случаях более свойственна разговорной речи, тогда как краткая — книжной. А.М. Пешковский демонстрирует это различие на тексте чеховских «Трех сестер», в котором фразы «Ты, Машка, *злая*»; «О, *глупая* ты, Оля», звучат, по мнению ученого, мягче, чем возможные к ним варианты: *зла, глупа* (см.: Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М., 1938. С. 222). Сами по себе краткие формы сравнительно с полными осмысляются как более книжные.

Богаты стилистические возможности степеней сравнения прилагательных. Простая форма сравнительной степени в целом нейтральна, употребительна во всех стилях, а сложная отличается некоторой книжностью: *холоднее — более холодный; крепче — более крепкий*. Различаются оттенком книж-

ности либо разговорности параллельные формы простой сравнительной степени: *бойче*, *звонче* имеют несколько книжный характер, тогда как *бойчее*, *звончее* — разговорно-просторечный. Некоторым оттенком книжности отличаются варианты: *смелее*, *сильнее* по сравнению с нейтральным — *сильней*, *смелей*. Образования с префиксом *по-*, носящим оттенок «несколько», «немного»: *повыше*, *посолидней*, *покрепче* свойственны преимущественно речи разговорной.

Сложная форма превосходной степени, являясь общеупотребительной, нейтральна (*самый глубокий*, *самый тесный*), а простая (*глубочайший*, *теснейший*), обладая окраской книжности, в то же время включает в себе экспрессию «интенсивности» в выражении признака и оценки его, нередко вместе с изменением значения. Экспрессивным характером отличаются и такие префиксальные образования, как *предобрейший*, *наиотличнейший*, и такие гиперболизированные сочетания, как *слаще сладкого*, *яснее ясного*, *сильнейший из сильных*, имеющие, кроме того, окраску разговорности. Публицистической и научной речи более, чем другим речевым разновидностям, свойственны книжные образования превосходной степени с наречием *наиболее*: *наиболее продуманный*, *наиболее ответственный*.

Преимущественно семантическими оттенками и лишь отчасти стилистическими различаются прилагательное и падежная форма существительного в роли определения. Причем, например, сочетания *отцов дом*, *дедушкина книга* более употребительны в разговорной и художественной речи; *отцовский дом*, *дом отца*, *книга дедушки* имеют несколько книжный оттенок.

§ 99. Стилистика м е с т о и м е н и й касается, естественно, не столько их формообразования и синонимии, сколько особенностей употребления, а именно случаев использования одних личных местоимений вместо других, и экспрессии отдельных видов местоимений.

Экспрессивно-стилистические функции личных местоимений довольно разнообразны. Здесь и передача через *мы*, *наш* единства говорящего с другими лицами (*Победим мы*, *прогрес-*

сивные люди), и лекторское *мы* как выражение общности с аудиторией (*Этой механикой мы и займемся* — Столетов, т.е. «мы с вами займемся»), и экспрессия противопоставления: *мы — вы, наш — ваш* при подчеркивании двух противоположных лагерей, двух мнений, столь свойственная публицистике, и обобщающее *ты*, в которое включается указание на любое лицо, в том числе и на говорящего (*Били за то, что ты русский, что на белый свет еще смотришь* — Шолохов). Как известно, плеонастическое употребление личного местоимения (наряду с подлежащим-существительным) не соответствует нормам литературной речи. Однако такое употребление допустимо как ораторский или поэтический прием с экспрессией торжественности: *Эта возвышенность стиля, глубина мысли, полнейшая искренность — они присущи только подлинному таланту* (пример заимствован из «Практической стилистики» Д.Э. Розенталя). Широко известно и употребительно, особенно в научной речи, а также в публицистической так называемое авторское *мы* (как обозначение 1-го лица ед. числа — говорящего): *В результате исследования мы установили...* (= *я установил*); *Мы уже упоминали...* (*я упоминал*).

Употребление местоимения *я* при глаголе-сказуемом ведет к подчеркиванию личности говорящего, поэтому, чтобы избежать нескромности, обычно *я* опускают. Однако в некоторых случаях, например в деловой речи — в приказах, этот пропуск *я* придает высказыванию категоричный характер (*Приказываю...*).

Можно указать и на ряд случаев переносного использования одних личных местоимений в значении других, например: *он, она* в значении *я*: *Это удивительно... как она мила* (Наташа Ростова о себе); *мы* в значении *вы* с оттенком сочувствия к собеседнику: *Ну, как мы отдохнули?*

Местоимения других разрядов, в частности определительные, возвратные, неопределенные, имеют синонимы, различающиеся семантически и стилистически. Так, при выборе местоимения из ряда: *всякий — любой — каждый* — следует учитывать различия в их семантике. *Всякий* содержит оттенок обобщения, речь идет о любом предмете; *любой* — имеет значение предпочитаемого выбора (какой угодно на выбор), к тому же этому слову

присущ оттенок разговорности; *каждый* — любой предмет из какого-то круга предметов. В винительном падеже женского рода из двух вариантных форм *саму* — *самое* последняя имеет книжный оттенок; она постепенно выходит из активного употребления.

В заключение отметим, что разные местоимения неодинаково употребительны в различных речевых разновидностях. Так, в разговорной и художественной речи высокочастотны все личные местоимения, а в научной *ты* и *вы* почти не используются. Ограничено здесь и употребление *я*, вместо которого выступает авторское *мы*. В официально-деловой речи местоимения *я*, *мы*, *ты*, *вы* почти совершенно отсутствуют (кроме *я* в заявлении, доверенности). Для церковно-религиозной речи характерно использование личного местоимения *мы* и личного притяжательного местоимения *наш* как выражение соборного сознания.

Глагол и отглагольные формы

§ 100. Глагол вместе с отглагольными формами, обладающий большим «набором» категорий, форм и оттенков значений, является одной из примечательных в стилистическом отношении частей речи русского языка.

По своей природе глагол — одно из главных средств выражения динамики. (Это не означает, конечно, что динамика не способна передаваться именами. Известны случаи, когда именно пропуск глагола или перечисление подряд нескольких существительных ведет к усилению динамизма: *Татьяна в лес, медведь за ней; Мелькают мимо будки, бабы, мальчишки, лавки, фонари...* — Пушкин.) Отчасти поэтому научная и деловая речь противопоставляются художественной и разговорной по частоте употребления глагольных форм: именному характеру первых противопоставляется глагольный вторых. Деловой речи свойственны именные обороты с окраской официальности: *оказание содействия, по устранению недостатков, принимать участие в...* и т.п. Художественная, публицистическая и живая разговорная речь шире исполь-

зуют глагольные формы, избегая именных конструкций. От этого во многом зависит общая динамичность речи. Если сравнить научную речь в целом с художественной в отношении употребления глагола, то отчетливо выступает качественный характер глаголов в первой и динамический во второй. Не случайно, например, именно в научной речи многие глаголы состояния, употребляемые в настоящем времени, обозначают не динамичное состояние в момент речи, как это свойственно, например, разговорно-бытовой сфере, а качество. Ср.: *Вода уже кипит* и *Вода кипит при 100°С*; *Горим! Горим! Пожар!* и *Уголь горит синеватым пламенем* и т.п.

Стилистическими свойствами различных глагольных категорий и форм определяется разная степень их применения в функциональных стилях. Например, богатые экспрессией и эмоциональностью формы повелительного наклонения почти не известны научной и официально-деловой речи, зато широко употребительны в разговорной, художественной, церковно-религиозной, публицистической (*Да здравствует обновление!*).

Многие оттенки вида глагола и способы их выражения имеют ограниченные сферы употребления. Например, глаголы многократного и однократного действия являются яркой приметой разговорной речи (*бывал, лавливал, саданул*), но не свойственны книжной, в частности научной и деловой.

Глагольные категории и формы обладают богатой синонимикой, возможностями переносного употребления. Например, настоящее живого представления используется для выражения действий, происходивших в прошлом, или, напротив, прошедшее время — для выражения действий в будущем и т.д. Все многообразие этих возможностей представлено в художественной литературе. Для художественной речи характерно и то, что в пределах сравнительно небольшого контекста используются в целях выразительности самые разнообразные видо-временные формы и их значения, а также способы выражения наклонений, тогда как научной и особенно деловой речи свойственно употребление форм какого-либо одного плана или двух.

§ 101. Чрезвычайно богата синонимика л и ч н ы х ф о р м глагола, в частности возможности использования форм одного лица и числа для выражения значения другого, т.е. грамматико-семантические переносы; при этом обычно появляются дополнительные смысловые оттенки, что увеличивает экспрессию выражения. Так, для обозначения действия говорящего могут использоваться: 2-е лицо единственного числа с обобщенным значением (*С поляны сияющей **входишь** в темный лес, как в пещеру, но **осмотришься** — до чего хорошо!* — Пришвин; *Тотчас **оскомину набьешь*** — Крылов); 3-е лицо с оттенком как бы растворения своего действия в действиях другого (*Вам **говорят!** Вас **просят!***) или с оттенком объективизации (*Запомните: **никаких отговорок не признает** Ваш покорный слуга; Ну, бери, бери!.. ему **предлагают** от чистого сердца, а он еще жеманится...* — Боборыкин); безличная форма (*Мне **хочется** Вам сказать*); инфинитив с обобщенным значением (*Служить бы рад, **прислуживаться** тошно* — Грибоедов); повторение формы 2-го лица в диалогической речи (*Ты все **ищешь?** — **Ищешь!** Еще бы!*) и др. Действие собеседника также может быть выражено не одним способом. Для этого используются формы 1-го лица множественного числа (*Ну, как экзамены **сдаем?*** — в смысле: *сдаешь, сдаете*, с оттенком особой заинтересованности или сочувствия); 3-го лица (*О! **Наконец-то она пришла!***); безличные формы (*Как Вам здесь **дышится?***); формы инфинитива с частицей *бы* — с оттенком желательности (*Вам **бы** *пойти извиниться!**); возможно и экспрессивное выражение действий собеседника через 3-е лицо единственного числа (*Он еще **сидит?!***).

Все эти случаи употребления форм лица характеризуются не только смысловыми, но и экспрессивно-эмоциональными оттенками; преимущественная же сфера их использования — разговорно-бытовая и художественная речь (чаще диалогическая).

§ 102. В р е м е н а г л а г о л о в обычно характеризуются со стороны их разнообразных значений. Этот аспект, конечно, представляет интерес для стилистики, однако специальным ее предметом здесь является стилистическая синонимика, пере-

носное употребление форм с учетом сферы их применения и преобладающая частотность или, напротив, неупотребительность форм в отдельных сферах общения.

Формы настоящего времени наиболее употребительны, с одной стороны, в разговорной речи и драматургии, с другой — в научной и деловой, однако в различных значениях. Для разговорной и художественной речи характерно настоящее историческое, настоящее момента речи и настоящее в значении будущего; для научной — настоящее постоянное, или вневременное (типа *Земля вращается вокруг Солнца*); для деловой — настоящее предписания, или долженствования (*По договору мены производится обмен* — «Гражданский кодекс»; в смысле: «у с т а н о в л е н о п р о и з в о д и т ь о б м е н»; «д о л ж е н б ы т ь п р о и з в е д е н о б м е н»).

Прошедшее время особенно употребительно в художественной прозе и вообще при повествовательном способе изложения.

Считается, что многообразие временных оттенков характерно для художественной и разговорной речи, а деловой и научной не свойственно. Однако такое заключение не вполне верно, лучше говорить о р а з н ы х семантических оттенках времен в одних и в других сферах. Так, настоящее время в научной речи преимущественно используется в качестве настоящего вневременного, но употребляется с двумя оттенками значения: к а ч е с т в е н н ы м (*Человек дышит легкими; Вода замерзает при 0°C*) и собственно постоянным вневременным (*Кама впадает в Волгу; Полюс холода находится в Якутии*). Кроме того, научной речи известно значение настоящего регистрирующего (*Дарвин пишет, что... — Комаров; Аналогичную мысль проводит Н.П. Антонов — Шептулин*); настоящего обобщающей констатации, синонимичного неопределенно-, обобщенно-личным и даже безличным формам: *которое мы называем* = *которое называется*. Известно научной речи и настоящее предположения («ирреальное»): *Допустим, существуют две точки D и C; Пусть на прямой имеем две точки* (Погорелов).

Прошедшее время способно выражать значение настоящего вневременного, являясь синонимичным последнему. Ср.: *PLCL₄ и HgCL₂ не давали осадков (= не дают осадков)* (Зелинский). Не-

редко прошедшее синонимично настоящему регистрирующему, что и подчеркивается параллельным их употреблением в одном контексте: *Дарвин полагал, что виною этому является...*, ср. там же: *Дарвин объясняет, что...* (Комаров). Встречается и прошедшее ирреальное, гипотетическое: *Предположим, что газ прошел по некоторой кривой.*

В научной речи в отличие от других функциональных стилей прошедшее время глаголов несовершенного вида используется для выражения смены последовательных действий, временной последовательности: *Обмыливание мы вели при следующих условиях... эфир растворялся в избытке крепкой серной кислоты, затем к раствору этому прибавлялась понемногу вода... и полученный таким образом эфир... подвергался кипячению* (Зелинский).

Интересно широкое употребление в научной речи форм будущего времени в значении, синонимичном настоящему вневременному. Формы будущего и настоящего используются параллельно без особых смысловых мотивировок: *Умножаем это уравнение на X^3 и Умножим обе части уравнения на E* (Погорелов).

Гамма разнообразных временных значений характерна для художественной речи; однако они, как правило, иные, чем в научной. Здесь в целях создания образности часто используется настоящее историческое, или живописующее, на фоне прошедшего: *Лиса, курятинки накушавшись досыта и добрый ворошок припрятавши в запас, под стогом прелегла вздремнуть в вечерний час. Глядит, а в гости к ней голодный волк тащится* (Крылов). Употребление настоящего в значении будущего распространено в речи художественной и особенно разговорно-бытовой: *Мы переезжаем туда в июне* (Чехов); *Сегодня ночью мы выступаем...* (Никитин).

Особенно многообразны в художественной и разговорной речи значения и функции прошедшего времени. Кроме обычных — прошедшего несовершенного, выражающего длительное в прошлом действие (так называемое прошедшее описательное), прошедшего совершенного с результативным значением и прошедшего повествовательного, формы этого времени могут

выражать разнообразные значения, например: неосуществленное намерение совершить действие (*Я было **хотел** сказать, но...*); подчеркнутую повторяемость действия — от многократных глаголов (*Бывало, **писывала** кровью она в альбомы нежных дев — Пушкин; И даже **хаживал** один на паука — Крылов*); оттенки краткости и неожиданности действия имеет редкая форма, совпадающая с повелительным наклонением (*А он **возьми** да прямо и **побеги**... заробел, знать — Тургенев*); прошедшее в значении будущего (*Ну, я **пошел***). Все эти последние случаи в художественной речи используются как отражение разговорной и поэтому чаще употребляются в диалоге или в речи повествователя (но не автора). Для разговорной речи весьма характерны глагольные междометия в функции мгновенного прошедшего. Эти случаи фиксируются и художественной литературой: *Хватъ друга камнем в лоб; ...А кочеток как взовьется да головой **трах** об стену* (Паустовский).

Будущее время в разговорной, а также в художественной речи может выступать как синоним прошедшего внезапного (*Герасим глядел, глядел да как **засмеется** вдруг — Тургенев*); как повторяющиеся в прошлом действия (*Так всегда было: она лишь **взглянет** на него, увидит, что он весь сжался, **промолчит***); в качестве синонима настоящего постоянного с оттенком неизбежности результата действия (*Что **посеешь**, то и **пожнешь**; **Поспешишь** — людей **насмешишь***); в значении невозможности осуществления действия с оттенком обобщенности (*Из дуги оглоблю **не сделаешь***); в качестве повторяющегося однократного действия (*То как зверь она **завоет**, то **заплачет** как дитя — Пушкин*). Кроме того, для выражения действия будущего с оттенком неизбежности события может использоваться инфинитив (*Не **уйти** тебе от людского суда; Вам **не видать** таких сражений!* — Лермонтов). Этот прием известен и публицистике, ср.: *Не **оставить** движения вперед! Не **погасить** веру в человека!*

§ 103. Богата у глагола и синонимика наклонений. Здесь наблюдаются весьма экспрессивные формы выражения. Употребительны они преимущественно в разговорной речи и как

отражение последней — в художественной; некоторые из них известны публицистике. Так, изъявительное наклонение используется в значении повелительного (*К двум часам ты непременно **вернешься!***); Повелительное в значении сослагательного (*Да будь я и негром преклонных годов, и то без унынья и лени я русский бы выучил...* — Маяковский); сослагательное в значении повелительного (*Вы бы чего-нибудь **покушали**, Пульхерия Ивановна* — Гоголь) и т.п. В значении повелительного наклонения используется инфинитив — для выражения особой категоричности: *Унять старую ведьму!* — сказал Пугачев (Пушкин). Эта же форма используется и в газетной речи, особенно в заголовках статей: *Остановить руку убийц!* В живой разговорной речи усилению экспрессивности глагола в повелительном наклонении способствуют частицы *да, ну, же, ка* и другие: *Да отвори же! Ну, открой же! Сядь-ка со мной!* Частицами *пусть, да* с глаголами будущего времени выражается интенсивность, активность побуждения: *Пусть сильнее грянет буря!*; *Да будет мир на земле!* Частица *давай(те)* с глаголом будущего времени означает приглашение: *Давайте закурим, ребята; Попробуйте-ка моего табаку.*

В некоторых соответствиях *в и д о в* глагола также обнаруживаются стилистические возможности. Например, формам на *-ну-*, *-ану-*, выражающим мгновенность действия, свойствен разговорно-просторечный характер: *сказанул, агитнул, руганул*. Формы на *-ыва-*, *-ива-*, означающие многократность действия, также носят разговорный характер: *сиживал, лавливал, делывал*. В видовых парах: *видеть — видать, слышать — слыхать, поднимать — подымать, мучить — мучать, лазить — лазать* и в ряде других — вторые варианты несут на себе окраску разговорности.

§ 104. Причастия и деепричастия, как известно, обладают оттенком книжности. (По данным Т.А. Вишняковой, причастия в разговорной речи составляют 0,1%, а в книжной (по Йоссельсону) — 6%.) Некоторые из них, например страдательные причастия на *-ом-*, наряду с их архаичностью имеют книжно-торжественное звучание: *Несомый верными слугами в качалке, бледен, недвижим, страдая раной, Карл явился* (Пушкин).

Поскольку причастия и деепричастия в общем не свойственны устно-разговорной речи, усвоение этих форм в школе связано с определенными трудностями, а использование их сопровождается типичными ошибками, которые следует предупреждать (см. главу «Понятие стилистической нормы», а также: *Гвоздев А.Н.* Очерки по стилистике русского языка. М., 1965. С. 159—172).

Действительные причастия прошедшего времени, образованные от приставочных глаголов, близки по значению прилагательным: *посиневший — посинелый, запотевший — запотелый, оробевший — оробелый, загоревший — загорелый* и т.д. В живой речи они нередко взаимозаменяются; при этом следует учитывать разговорный характер форм прилагательных.

Деепричастия имеют в своем составе синонимичные соответствия, например: формы на **-в** и **-вши** (*взяв — взявши, дав — давши*) (формы на **-вши** при этом более употребительны в разговорной речи и нежелательны в книжно-письменной). В целях благозвучия следует избегать сочетания нескольких форм на **-вши**, а также причастий на **-вший, -ший**. В вариантах *высунув — высуня* и т.п. вторая форма (архаичная) обычно употребительна лишь во фразеологических оборотах.

Деепричастные образования на **-учи (-ючи)**: *глядючи, гуляючи, едучи, идучи* — несут на себе окраску народно-поэтической речи и архаичности и потому используются в целях стилизации. Чаще, чем эти формы, употребляются наречия на **-учи, -ючи** (делать что-либо *играючи, умеючи, жить припеваючи*).

Стилистические ресурсы синтаксиса

§ 105. Синтаксис (как и морфология) в отличие от лексики и фразеологии не обладает ни столь четкой стилиевой окраской своих единиц, ни строгой функциональной их прикрепленностью к определенным речевым сферам. Действительно, тот или иной тип предложения, конструкция, оборот обычно используются в самых различных речевых сферах, являясь общеязыковыми средствами. Здесь можно говорить лишь о некоторых

ограничениях в употреблении отдельных конструкций, оборотов в той или иной речевой разновидности, но не о связанности их с определенным функциональным стилем. (Более существенные различия обнаруживаются лишь в устно-разговорной речи по сравнению с книжно-письменной в целом. См.: *Сиротинина О.Б.* Русская разговорная речь. М., 1973; Она же. Что и зачем нужно знать учителю о русской разговорной речи? М., 1996). Поэтому о грамматике, в том числе в известной степени о синтаксисе, распространено мнение как о языковом уровне, единицы которого не обладают постоянными стилевыми окрасками. И вместе с тем справедливо считается, что именно синтаксис таит в себе огромные стилистические возможности, которые заключаются преимущественно в его способности передавать тончайшие оттенки мысли. Однако проблема границ семантики и стилистики почти совершенно не изучена. Если ограничить стилистику областью собственно стилистических значений и окрасок и отличать ее от ортологии, то нестилистической придется признать сферу смысловых оттенков синтаксических единиц (идеографические синонимы), тем более, что действительная взаимозаменяемость здесь весьма ограничена. Этот вопрос остается дискуссионным.

Конечно, не относятся к стилистическим такие синтаксические явления, как варианты согласования сказуемого с подлежащим (при собирательном существительном, количественно-именном сочетании и др.), управление при синонимических словах, управление при однородных членах предложения, нормы употребления причастных и деепричастных оборотов и мн. др., обычно фигурирующие в пособиях по практической стилистике. Точность и ясность выражения на синтаксическом уровне в силу своей всеобщности, общеобязательности для всякого высказывания являются не стилевыми, а общенормативными речевыми чертами. (Иное дело функционально-стилевые «варианты» точности, о которых говорилось выше, в соответствующей главе.)

Между тем многие средства синтаксиса отличаются сильной эмоциональностью и экспрессивностью и, следовательно, стилистической значимостью, например: предложения, различные

по цели высказывания (побудительные, восклицательные, нередко вопросительные); многие случаи неполных и односоставных предложений; ряд явлений порядка слов; случаи использования однородных членов предложения, обособленных оборотов, видов бессоюзных предложений; приемы использования прямой речи; период; парцелляция; наконец, явления так называемого поэтического синтаксиса (анафора, эпифора, антитеза, градация, параллелизм и т.д.) и др.

Также безусловными стилистическими средствами в синтаксисе являются функционально ограниченные и тем самым окрашенные синтаксические единицы. Например, причастные и деепричастные обороты, некоторые виды связок сказуемого, ряд отменных предлогов и союзов характерны для книжной речи, и употребление их привносит в высказывание книжный колорит, а многие эллиптические конструкции, инфинитивные и безличные предложения, сказуемые, выраженные междометиями, инфинитивом, присоединительные связи, многие союзы употребительны преимущественно в разговорно-бытовой речи. Явления же так называемого поэтического синтаксиса и ряд других синтаксических средств (приемы использования порядка слов, однородных членов предложения, построение периода и др.) употребительны почти исключительно в художественной речи, типичны для нее и несут на себе «стилистическую печать» этой речевой разновидности. Некоторые из указанных средств характерны и для публицистической, и церковно-религиозной речи.

Можно указать и такие синтаксические явления, которые хотя и не несут на себе определенной «стилистической печати», однако широко используются лишь в одном-двух функциональных стилях и не типичны для других. Например, сложноподчиненные и усложненные предложения или простые нераспространенные обладают повышенной частотностью в одних стилях и пониженной — в других. Однако во всех этих случаях следует учитывать конкретный вид и организацию предложения, его лексическое и морфологическое наполнение. Поэтому такая функциональная характерность оказывается в достаточной степени условной. По этой же причине нельзя сказать, на-

пример, что сложноподчиненные предложения в отличие от сложносочиненных или простых обладают окраской книжной, или научной, или официально-деловой речи, так как в конечном счете этот тип предложений используется во всех видах речи, хотя и не с одинаковой частотой. Говоря о синтаксических средствах различных функциональных стилей, или, иначе, об отношении синтаксических средств к функциональным стилям, следует иметь в виду частоту употребления тех или иных синтаксических единиц в разных стилях (а также, конечно, и конструкции, стилистически окрашенные) и их достаточно устойчивую здесь специализацию.

Строй простого предложения

§ 106. В простом предложении к стилистическим ресурсам могут быть отнесены средства выражения членов предложения, особые случаи использования однородных членов предложения, средства связи членов предложения, стилистически значимые разновидности простых предложений, порядок слов и некоторые другие. Этим явлениям свойственна богатая синонимия, в том числе стилистическая. Так, сказуемые осложненной формы, выраженные фразеологизированными глагольно-именными сочетаниями, типичны для книжной (научной и деловой, отчасти публицистической) речи; параллельными им оказываются глагольные простые сказуемые, характерные для разговорной и художественной речи: *принимать участие — участвовать, вести борьбу — бороться, оказывать помощь — помогать, проявлять интерес — интересоваться, питать надежду — надеяться, производить осмотр — осматривать* (первые варианты книжные). Книжной речи свойственны случаи расщепления сказуемого, которые отяжеляют выражение и усугубляют именной характер высказывания. Они несут на себе печать канцелярского стиля: *далее следует перечисление* (вместо *далее перечисляется*); *имеет место отсутствие, неявка* (вместо *отсутствовали, не явились*); *использовать применение* (вместо *применять*) и т.п. Это явление изве-

стно и научной речи, в которую оно, по-видимому, проникает из официально-деловой в результате взаимодействия стилей.

Яркий разговорный характер имеют формы простого глагольного сказуемого, выраженные инфинитивом (ср.: нейтральное *Она опять стала кричать* и разговорное *Она опять кричать*), междометием (*А он бац на землю*), повторением сказуемого (*Ехали мы, ехали, а все еще далеко; И делать не делает, а время тянет*). Все эти виды выражения сказуемого, как и предложения в целом, весьма экспрессивны.

Среди стилистико-семантических явлений, связанных с формами выражения сказуемого, можно отметить также синонимию связок (*быть, являться, стать, становиться, оказываться, делаться, оставаться*) и синонимию падежных форм в именной части составного сказуемого (*был свой человек — был своим человеком*). При этом следует иметь в виду, что глаголы, выступающие в роли связки, обычно вносят в предложение различные семантические оттенки: проявление, обнаружение признака (*быть*), возникновение признака (*стать*), сохранение прежнего признака, состояния (*оставаться*) и т.д.

Однородные члены предложения могут соединяться союзами и без союзов; могут быть расположены парами и т.д., что создает возможности их стилистического использования. Писатели и публицисты употребляют их в различных стилистических функциях: от изобразительно-динамической или торжественно-приподнятой (в периоде) до юмористической (при намеренном объединении в качестве однородных членов несоединимых, разнородных понятий).

Использование однородных членов — явление книжно-письменной речи, разговорной оно не свойственно. Помимо художественной речи, однородные члены широко употребляются в научной, особенно в описаниях свойств явлений и предметов, а также в официально-деловой. В последней они имеют и специальное оформление в виде перечисления с использованием нумерации. Усилению экспрессивности при однородных членах способствуют: повторяющийся союз *и* в усилительной роли, а также союз *ни — ни*, союз *да* (в основном в художествен-

ной речи: *Здравствуй, солнце да утро веселое!* — Никитин). В научной речи широко используется соединительный союз *как... так и*, в научной и отчасти в публицистической речи — противительные союзы *не только... но и*, *не столько... сколько*. Из двух противительных союзов *но* и *а* первому свойствен оттенок книжной, второму — разговорной речи; разговорный характер имеет в функции соединительного или противительного союз *да*.

§ 107. Далеко не все вариантные случаи согласования и управления оказываются стилистически значимыми, многие из них лишь ортологические (нормативно-языковые), хотя они приводятся в пособиях по стилистике. Стилистическими в области управления являются, например, уже отмеченные в разделе морфологии синонимические параллели предложного и беспредложного управления, вместе с тем отличающиеся и оттенками смысла: *принес брату — для брата*; *гулять вечерами — по вечерам*; *ехать поездом — на поезде*; *нужный многим — для многих*. Сюда относится и так называемое нанизывание (или цепь) падежей, в частности родительного. Это явление, нередко затрудняющее общение (почему его и рекомендуется избегать), оказывается, однако, весьма характерным и, в общем, нормативным для научной и официально-деловой речи (за исключением, конечно, некоторых случаев злоупотребления). Оно здесь даже неизбежно и закономерно по следующим причинам. Названные сферы общения оперируют сложными понятиями, нередко выражаемыми сложными же терминами — словосочетаниями из двух-трех слов. В случаях необходимости использования таких терминов в родительном падеже и тем более объединения двух понятий неизбежно получается цепь родительных падежей. Замена же терминов местоимениями и существительными-синонимами в научной и официально-деловой речи нежелательна в связи с тем, что здесь необходима точность выражения. Отметим, что в этих разновидностях речи такая цепь обычно не затрудняет общение даже тогда, когда она состоит из четырех-пяти элементов. Поэтому к оценке данного явления следует подходить строго функционально-стилистически, т.е. с

позиций данного стиля. Примеры цепей родительного падежа в научной речи: *метод познания явлений жизни* (Андреев); *установление зависимости длины линии волны рентгеновских лучей атома от положения его в периодической системе* (Капица); в официально-деловой: *порядок составления и выполнения планов железнодорожных перевозок* («Устав железных дорог»); *определение порядка очередности удовлетворения претензий кредиторов* («Уголовно-процессуальный кодекс»).

К стилистическим явлениям в сфере управления относится также и синонимия предлогов: *средство от простуды — против простуды; с помощью — при помощи; о поездке — про* поездку; на-счет* чего-либо — касательно, относительно чего-либо*, где слова, помеченные звездочкой, носят разговорный характер в отличие от параллельных им книжных или нейтральных. Книжный характер имеет предлог в сочетании *по окончании* (ср. *после окончания*). В параллели *говорить о том — за то* второй вариант разговорный, хотя он иногда используется в публицистической речи. Богата синонимия причинных предлогов: *ввиду**, *вследствие**, *благодаря*, *в связи**, *из-за*, *по причине** (звездочкой отмечены слова книжного характера).

Яркую стилистическую окраску книжной речи (официально-деловой и отчасти научной) имеют отыменные предлоги позднего образования: *в деле, в области, в силу, по линии, по части* и др. Нередко они ведут к нежелательному отяжелению стиля высказывания.

Профессиональный характер имеют сочетания *балкон тупа лоджия, платье тупа кимоно*.

Семантическими оттенками отличаются вариантные сочетания падежных форм при глаголах с отрицанием: *не читал этой книги — не читал эту книгу*.

§ 108. Стилистически значимо обычно обособление тех или иных членов предложения и оборотов, наиболее свойственное книжной речи. В художественной речи обособление используется в экспрессивных целях, но в научной в основном в смысловых. Особенно экспрессивны используемые в художественной

речи так называемые факультативные обособления (когда возможно употребление как обособленного, так и необособленного члена). Способствует экспрессии употребление обособленных приложений, определений, отдаленных от определяемых существительных; постпозиция обособлений и др. Приведем некоторые примеры: *Довольный праздничным обедом, сосед сопит перед соседом* (Пушкин); *Овеян вещею дремотой, полураздетый лес грустит* (Тютчев); *Кто это сделал тебе скрипку, такую звонкую и чуткую?* (Горький); *Он услышал, как слезы защипали ему веки. Слезы унижения, они были едки* (Федин).

Общеизвестны стилистическая роль и окраска причастных и деепричастных оборотов, носящих книжный характер, и соотносительных с ними придаточных предложений.

§ 109. Стилистическую значимость имеют и различные конструкции с отглагольными существительными: *за неимением уважительных причин* (без уважительных причин); *идти на снижение* (снижаться); *Началось выдвижение кандидатов*. Они имеют книжный характер и употребительны в официально-деловой или профессиональной речи. В области науки и техники, а также законодательства весьма употребительны термины, представляющие собою отглагольные существительные: *умножение знаменателей, согласование членов предложения, восприятие предметов, удаление осадка, выбор средств, взыскание пени, привлечение к ответственности*.

В профессиональной речи весьма распространены названия действий-процессов, также ведущие к образованию конструкций с отглагольными существительными: *прокладка путей, разбивка на квадраты, ввоз товаров, прокат стали, выпечка хлеба*.

Иногда образование подобного рода конструкций оказывается ненужным, искусственным, ведущим лишь к отяжелению и «сухости» речи. К использованию таких оборотов нередко прибегают фельетонисты, юмористы и сатирики с целью стилизации и осмеяния канцелярской речи.

§ 110. Велико стилистическое значение порядка слов в простом предложении. Еще А.М. Пешковский указывал, что

перестановка слов одного и того же предложения, состоящего из пяти знаменательных слов, дает более сотни вариантов семантико-стилистических оттенков (см.: Вопросы методики... Избр. труды. С. 157). Эти возможности широко используются в художественной речи, а также в публицистической, отчасти и в других стилях письменной речи.

Обычно считается, что русскому языку свойствен свободный порядок слов, однако эта свобода не абсолютна. Порядок слов определяется и грамматически: системой языка, в частности структурой словосочетания, и смысловой стороной текста. Важное значение имеет отправной пункт высказывания — тема («известное») и то, что о нем говорится — рема («новое»). Движение от темы к реме образует прямой, или объективный, порядок слов, а от ремы к теме — обратный, инверсированный, или субъективный. Прямой порядок слов стилистически нейтрален, инверсированный же обладает экспрессией и потому оказывается стилистически значимым.

Если прямой порядок слов связан с нейтральным интонационным фоном речи, то инверсия сопровождается изменением обычной интонации. Большую роль при этом играет логическое ударение, выделяющее «логический предикат», рему.

Особенной экспрессией и, следовательно, стилистической значимостью обладает в русском языке инверсия именного сказуемого, например: *Поразительным иногда бывает человеческое постоянство!* (Казаков); *Сухостойное было лето* (Шолохов). Экспрессивность создается и в тех случаях, когда акцентированный член выносится с конца предложения в начало или середину или, во всяком случае, стоит на необычном для себя месте.

Инверсия, в результате которой на первое место выдвигается акцентированное подлежащее, специфична для художественной речи. Иногда перестановка слов не сопровождается изменением интонации и потому не обладает особенной экспрессивностью; стилистическое значение порядка слов в этом случае — в необычности словорасположения. Последнее особенно свойственно стихотворной речи.

Инверсированный порядок слов в речи может использоваться и с риторической установкой — в художественной прозе и в публицистике (ср. в газетном заголовке: *Размаха шаги сажень*).

Официально-деловой и научной речи более свойствен прямой порядок слов, но и здесь возможны инверсии.

В устной разговорной речи наблюдается иная система словорасположения, чем в книжно-письменной. Особенно выделяется в этом отношении диалогическая речь. С одной стороны, порядок слов в разговорной речи отличается большей свободой, с другой — ей свойственны особые типизированные схемы словорасположения. Основным принцип расположения слов и словесных групп в устной речи — это принцип ассоциативного присоединения. Коммуникативное членение в письменной речи выражается порядком слов, а в устной — интонационно. Место нового (ремы) в устной речи более свободно, в письменной же господствует его постпозиция.

По наблюдению О.Б. Сиротиной, стилистическая функция порядка слов проявляется в художественном и публицистическом стилях как средство стилизации речи, эмоциональности повествования и как индивидуальная авторская особенность. (См.: *Сиротина О.Б. Порядок слов в русском языке*. Саратов, 1965).

§ 111. Стилистическими возможностями обладает и сам стро́й простого предложения, например синонимия разных типов предложения. Так, можно говорить о синонимике утвердительных и отрицательных предложений (*Кто же этого не знает! — Все это знают!*); определенно-личных и безличных (*Я думаю. — Мне думается*); неопределенно-личных и безличных (*Рекомендуют соблюдать режим — Рекомендуется соблюдать режим*); эллиптических и полных и т.д.

Как правило, в книжно-письменной речи неполные предложения не используются (кроме, конечно, тех частей художественных текстов, которые отражают живую разговорную речь — сказ, речь персонажей того или иного произведения). Зато в сфере живого общения, осуществляющегося в устной форме, неполные предложения составляют один из распространенных типов предложений. По этой причине, как верно отмечает А.Н. Гвоздев, при обучении школьников родному русскому языку необходимо с п е ц и а л ь н о учить употреблению п о л н ы х предло-

жений, что является признаком интеллектуальной речи. Этого не требуется в отношении неполных предложений.

Различные виды односоставных предложений также имеют определенное тяготение к той или иной сфере общения. Например, безличные предложения, обозначающие явления природы (*Темнеет; Вечереет* и т.д.), состояние человека (*Меня тошнит; Что-то гнетет; Ему не спится* и т.п.), используются почти исключительно в разговорной речи, а также в художественной. Из двух вариантов типа: *У меня нет времени. — Я не имею времени* — первый является разговорным, второй носит искусственный и книжный характер.

Обобщенно-личные предложения, содержащие образное выражение суждений общего характера, свойственны народной речи: *Что посеешь, то и пожнешь; С кем поведешься, от того и наберешься* и т.п.

Одним из ярких эмоциональных типов односоставных предложений являются инфинитивные. Недаром они составляют фонд разговорного синтаксиса, тогда как синонимичные им безличные предложения с модальными словами *необходимо, можно, следует* и т.п. характерны для книжной речи (научной и официально-деловой). Ср. обладающие окраской разговорности инфинитивные предложения со значением неизбежности действия (*Быть беде!*), его невозможности (*Не быть тебе в Москве!*); вопросительно-инфинитивные предложения, ставящие вопрос с оттенком обязательности, желательности, позволения (*К кому обратиться?; У кого ему учиться?; Что купить Вам?*); восклицательные инфинитивные предложения с оттенком протеста или утверждения чего-либо, риторические вопросы (*Да мне ль его бояться?; Зачем меня просить?*). Побудительные инфинитивные предложения, напротив, несут на себе печать официальности или профессиональной речи, хотя используются и в устной форме речи; они характерны для разного рода команд: *Поднять флаг! Свистать всех наверх! Убрать паруса!* Этого типа предложения известны и призывной публицистической речи: *Собрать урожай без потерь!* Сфера употребления номинативных предложений — это в основном художественная речь

и некоторые жанры публицистики. Номинативные предложения выполняют здесь особую функцию — создания образной, видимой картины (пейзаж, изображение состояния). Чаще всего они используются в начале произведения или главы: *Баррикада. Булыжник. Жара. Порох. Пыль. По началу такому сразу вся узнается игра* (Антокольский); *Тишина. Перья скрипят, сверчок кричит* (Чехов).

Сложное предложение

§ 112. Сложные предложения употребительнее в книжной речи. Однако это не означает, во-первых, того, что сложные предложения вообще не свойственны разговорной речи, во-вторых, того, что этот тип предложений несет устойчивую стилевую окраску книжности. Речь здесь должна идти лишь о предпочтительности и большей частоте сложных предложений в данной сфере общения и о том, что этот тип предложений более всего согласуется с такой чертой книжной речи, как ее логичность и интеллектуальность.

Простое предложение (особенно не слишком распространенное) более удобно для экспрессивной, эмоциональной и динамичной речи, поэтому оно и оказывается излюбленным синтаксическим средством ряда писателей (А.С. Пушкин, М. Шолохов, А.Н. Толстой, Ю. Олеша и др.).

В какой-то степени сложность конструкции предложения связана с его размером. Обычно сложные предложения длиннее простых, хотя тут нет прямой и неперенной зависимости. И простые предложения могут быть весьма большими по размеру, даже превосходящими сложные, что особенно свойственно официально-деловой речи.

С л о ж н о п о д ч и н е н н ы е предложения отличаются более книжным характером, чем с л о ж н о с о ч и н е н н ы е, и высокой частотой употребления в сфере книжно-письменной речи, хотя такое заключение также не носит абсолютного характера.

Широкое употребление сложноподчиненных предложений в научной речи обусловлено необходимостью выражения в ней

сложных взаимосвязей явлений и строгой последовательностью, логичностью изложения. Однако неверно бытующее представление о том, что сложные предложения в научной речи значительно преобладают над простыми. В процессе эволюции научной речи доля сложных предложений даже уменьшается. Для разговорной же речи более свойственно сочинение, а также присоединительные связи, что находится в полном соответствии с неподготовленностью этой речи, необязательностью установления в ней строгих логических связей. В разговорно-обиходной речи сложные и, в частности, сложноподчиненные предложения есть, но они обычно отличаются простотой конструкции (как правило, не более одного придаточного), неразвернутостью членов предложения и, следовательно, небольшими размерами: средняя величина не более 9 слов.

Научная же речь характеризуется усложненным синтаксисом, что выражается в использовании усложненных конструкций с сочинением и подчинением и в сложности простых предложений, отягощенных различными обособленными оборотами. Распространены здесь и случаи использования наречных слов в подчинительном значении, т.е. в функции, синонимичной подчинительным союзам (*поэтому, потому, тогда, сначала, затем*). Официально-деловая речь реже, чем научная, прибегает к сложноподчиненным предложениям, так как ей менее свойственно рассуждение.

Из средств связи частей сложносочиненного предложения, кроме нейтральных общеупотребительных, одни характеризуются окраской разговорности, другие — книжности. Так, присоединительные связи в разговорной речи могут оформляться союзом *да и*, не свойственным речи книжной, в которой для выражения этих связей употребительны союзы *а также, к тому же, при этом*. Разговорную окраску имеют противительные союзы *да, зато*. В книжной же речи (особенно научной) употребителен союз *однако*. Противительные отношения, оформленные как прием антитезы, соединения контрастных по значению предложений, более свойственны художественной, а также публицистической сферам общения.

§ 113. Разные виды связи и, следовательно, виды придаточных предложений используются по стилям неодинаково. Так, художественной речи в целом более свойственны придаточные временные, обстоятельственные (места), тогда как в научной речи сравнительно большой процент приходится на придаточные причины и условия. Определительные же и изъяснительные придаточные предложения широко употребительны в разных видах речи, составляя в них довольно большой процент. Поэтому их можно считать стилистически нейтральными.

Представленная здесь характеристика соотношения видов придаточных предложений ориентируется на данные Г.М. Грехневой (О стилиевой дифференциации сложного предложения в современном русском литературном языке. Горький, 1971), которые совпадают с авторскими. Правда, по некоторым показателям они расходятся с данными Б.А. Зильберта (Сложноподчиненные структуры в русской разговорной речи // Русская разговорная речь. Саратов, 1970), поэтому здесь и не приводятся точные количественные характеристики.

Вообще же следует учесть, что хотя статистическое обследование стилей достигло известных результатов, однако полученных материалов еще явно недостает для объективных выводов по всем стилям. Далеко не всегда можно распространить полученные статистические выводы на тот или иной стиль в целом; большей частью они достоверны лишь для исследуемых текстов. Глобальным обобщениям здесь мешают и разные единицы измерения у разных авторов. Для эффективности этих исследований желательна была бы их координация или централизация.

Для научной речи характерны сложноподчиненные предложения с ослабленным значением главного, когда все содержание предложения выражено в придаточном; главное же по значению и функции близко вводным словам модального значения: *я думаю, думается, нужно, считаю, полагаем, надеюсь*.

Отметим стилистическую синонимику подчинительных союзов. Например, среди временных союзов *пока, покуда, покамест* первый нейтральный, а второй и третий несут просторечную окраску. Союзы *между тем как, в то время как, тогда как* более свойственны книжно-письменной речи. Условные союзы

ежели, коль обладают оттенками архаичности и разговорности. Из уступительных разговорный оттенок имеют союзы *пускай, даром что*. Причинные союзы включают, естественно, немало книжных: *благодаря тому что, вследствие того что, по причине того что, так как, ибо*. Последний используется преимущественно в научной и публицистической речи. Из причинных наиболее употребителен и стилистически нейтрален союз *потому что*. Заметим, что подчинительные связи в разговорной и художественной речи довольно часто оформляются как бессоюзные. Среди причинных союзов книжный и отчасти архаичный характер имеют *затем что, дабы*. Из сравнительных союз *словно* чаще употребляется в художественной и разговорной речи.

Синтаксические связи частей сложного предложения оформляются, как известно, не только союзами, но и бессоюзным способом. В целом бессоюзие более свойственно разговорной и афористической художественной речи. Союзная же связь характеризует книжно-письменную, особенно научную и официально-деловую речь, поскольку присущая им точность выражения вызывает необходимость более отчетливого оформления синтаксических связей между частями предложения. Союзы более определенно и ясно выражают эти связи. Особенно характерны для разговорной и художественной речи (в то же время не характерны для научной и деловой) бессоюзные сложные предложения времени (*Вычусь — пойду работать*), причины (*Плохо мне: нет рядом близких*), выражающие изъяснительные отношения (*Иногда думаю: уйду я отсюда*), и некоторые другие.

Другие синтаксические явления

§ 114. Оформление высказывания как повествовательного, вопросительного или побудительного, в соответствии с задачами общения в конкретной ситуации, имеет определенное стилистико-экспрессивное значение.

Синонимику и стилевые оттенки побудительных предложений мы отчасти затронули, говоря о наклонениях. Более всего

эти предложения характерны для разговорной и художественной речи, некоторые их виды — для публицистической.

Вопросительные предложения, составляя одну из основных форм общения в разговорно-бытовой сфере, в то же время весьма употребительны и в других сферах: художественной, публицистической, церковно-религиозной, научной. Несвойственны они, за редким исключением, официально-деловой речи. В художественной, публицистической, церковно-религиозной и отчасти в научной речи в целях экспрессии используются предложения, не характерные для разговорно-бытового общения. Это так называемые риторические вопросы, а также специальные вопросительные предложения, задача которых — сосредоточить внимание читателя (или слушателя) на каком-либо положении.

Использование этих видов предложений в научной сфере является одной из неперенных черт популяризации изложения.

В устно-разговорной речи для подчеркивания вопроса используются частицы *что, как* (*Что, написал?*; *Как, ты еще не уехал?!*), а также другие средства усиления эмоциональной реакции на реплики собеседника и на внеречевую ситуацию.

Лишь повествовательные предложения свойственны одинаково всем речевым разновидностям, составляя подавляющее большинство в официально-деловой и научной речи. Основной фонд синтаксических конструкций они представляют и в сферах художественной (авторская речь) и публицистической, но менее употребительны в устной обиходной речи.

Чрезвычайно экспрессивны восклицательные предложения, которые характерны для разговорной и художественной, а также публицистической речи. Научной речи и особенно деловой они несвойственны.

Выразительными средствами синтаксиса и, следовательно, его стилистическими ресурсами являются, кроме того, обращения, используемые с разными функциями и с разной частотой употребления во всех стилях (меньше всего в деловом). Разные формы передачи чужой речи — прямая и несобственно-прямая речь — представляют собой одно из богатейших стилистико-синтаксических средств художественной литературы; цитация как проявление диалогичности характерна для научных текстов.

Стилистическими ресурсами обладают и вводные слова, словосочетания и предложения. Разные семантические группы вводных слов неодинаково употребительны в известных функциональных стилях. В разговорной, а также художественной и публицистической речи широко используются вводные слова, выражающие эмоциональную оценку высказывания или его экспрессивный характер; научной и деловой сферам общения они несвойственны. Вводные слова, подчеркивающие ход рассуждений, характерны для научной речи, а содержащие оценку степени достоверности сообщения — для художественной. И в каждой из указанных сфер это обусловлено связью задач общения со значением соответствующих групп вводных слов. Например, тем, что научное изложение требует четкого указания на отношения между частями высказывания (отсюда большая частотность употребления здесь слов *итак, следовательно, наконец, во-первых, во-вторых, в-третьих, таким образом* и т.п.).

§ 115. К числу стилистико-синтаксических ресурсов традиционно относятся средства так называемого поэтического синтаксиса. Это особые синтаксические приемы и поэтические фигуры, которые широко используются в художественной литературе и публицистике; чрезвычайно редки они в речи научной и почти отсутствуют (во всяком случае, в их обычной функции) в речи официально-деловой.

К этим средствам обычно относят и парцелляцию как явление не просто грамматическое, но и стилистическое (экспрессивное), получающее все более широкое распространение в разных сферах общения. Особенно охотно к этому приему прибегают писатели и публицисты. Примеры: *Сквозь сработанную кожу видна каждая косточка. И синяки.* (Астафьев); *Зачем писать завещание? Хочешь порадовать — дари. И сейчас, а не после смерти.* (Грекова); *Михаил Алексеевич высказывает что-то. После этого они молчат. Оба. Минут двадцать.* (Из газет); *Авария: причины выясняются.* (Из газет); *Дефицит. Версии и комментарии; В Россию приехали «денежные мешки». С советами.* (Из газет).

Подробнее о сферах употребления и выразительных функциях парцелляции, а также о других средствах экспрессивного синтак-

сиса — эллипсисе, антиэллипсисе, усечении (опозиопезисе), позиционно-лексическом повторе — сказано в книге А.П. Сквородникова «Экспрессивные синтаксические конструкции...» (Томск, 1981), откуда заимствованы некоторые примеры.

Среди средств поэтического синтаксиса следует назвать а н а ф о р у — прием единоначатия у ряда следующих друг за другом предложений; э п и ф о р у — одинаковую концовку; п о в т о р е н и е слов и их полный п а р а л л е л и з м; к о л ь ц о с т р о ф ы (с одинаковым началом ее и концовкой); а н т и т е з у — соединение слов с противоположным значением в стилистических целях; г р а д а ц и ю, связанную с нарастанием выразительности; п е р и о д как особое смысловое и ритмомелодическое построение предложения и некоторые другие. (Богатый материал в этом отношении представлен в «Стилистике текста» В.В. Одинцова; см. также уже упоминавшиеся работы Д.Э. Розенталя, Ю.М. Скребнева, А.П. Сквородникова, В.П. Москвина.)

Здесь приведен далеко не полный перечень стилистических средств синтаксиса — одного из богатейших источников речевой выразительности.

§ 116. Таковы в основных чертах стилистические средства и возможности русского языка на различных его уровнях, как они обычно представляются в работах традиционного направления «стилистики ресурсов». Тем самым выше была дана своеобразная иллюстрация этого направления с той, однако, разницей, что при изложении материала был по возможности усилен собственно функциональный аспект, столь необходимый, как нам представляется, для практической стилистики.

В этом аспекте удачно представлена «стилистика ресурсов» в упоминавшейся книге Г.Я. Солганика «Практическая стилистика русского языка» (М., 2006). Богатый материал по этому разделу стилистики читатель найдет также в книге О.А. Крыловой «Лингвистическая стилистика» (М., 2006).

Знакомство со стилистическими ресурсами языка, выразительными возможностями языковых единиц поможет учителю-словеснику глубже анализировать художественные и иные тек-

сты; вот почему эти знания необходимо привлекать на уроках русского языка и литературы.

Стилистические изменения функционирования языка в постперестроечное время

§ 117. Выше мы рассматривали стилистические ресурсы русского литературного языка под углом зрения оптимальной реализации коммуникативных потребностей его носителей и в соответствии с кодифицированными литературными нормами. Речь идет о нормах, запечатленных в текстах выдающихся писателей, поэтов, других мастеров слова (публицистов, ученых) и в связи с этим рекомендуемых грамматиками, словарями, справочниками в качестве образцовых правил употребления языка. Нужно при этом иметь в виду, что языковые нормы как собственно лингвистический объект — как навыки употребления единиц языка — характеризуются широкой вариативностью вследствие социокультурной неоднородности общества. Между тем кодифицированные нормы представляют собой о т о б р а н н ы е и «у з а к о н е н н ы е» варианты употребления языковых единиц, соответствующие культурной традиции и оцениваемые как эффективные в коммуникативном отношении.

Нормы как языковые навыки, при всей их необходимой консервативности, изменяются значительно быстрее, чем языковая система. Причем в периоды бурных общественных преобразований изменения языковых норм становятся непривычно интенсивными. Объясняется это тем, что социальные перемены обязательно проявляются в речевом взаимодействии людей: возникают новые и отмирают утратившие связь с действительностью предметно-тематические области и коммуникативные задачи, меняются этические и эстетические представления коммуникантов, в результате в некоторых сферах общения, наиболее тесно связанных с экономическими и социально-политическими преобразованиями, иными, чем прежде, становятся совершаемые носителями языка речевые действия. В стилисти-

ческом отношении это проявляется в изменяющихся закономерностях выбора и использования языковых средств.

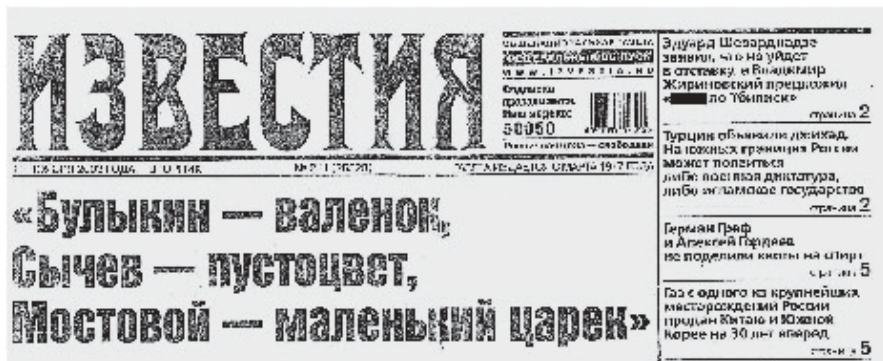
Социальные изменения отражаются в лингво-психологических категориях, во многом определяющих развитие литературного языка, направление его динамики. В.Г. Костомаров, оценивая современную культурно-языковую ситуацию в России, ввел понятие *языкового вкуса эпохи*. Это «сложный сплав социальных требований и оценок, а также индивидуальности носителя языка, его художественных задатков, воспитания, образованности... это, в сущности, меняющийся идеал пользования языком соответственно характеру эпохи» (*Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи*. М., 1999. С. 29, 32). Если с 1950-х по середину 1980-х гг., когда проводилась языковая политика тоталитарного государства, нормы литературного языка жестко кодифицировались и строго насаждались, а вариативность в нем сковывалась (см.: *Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции*. Екатеринбург; Пермь, 1995), то первые постперестроечные десятилетия — время либерализации языка, позволяющей реализовать установку на диалогическое общение и свободу выражения. К сожалению, этим важным позитивным изменениям сопутствуют и отрицательные особенности речевой коммуникации — небрежность в выборе языковых средств, отсутствие чувства такта и меры, нигилистическое отношение к культурно-речевым традициям (*Костомаров В.Г. Указ. соч.*).

Важная характеристика языкового вкуса нашей эпохи состоит в том, что если раньше наиболее авторитетным источником литературной нормы была классическая художественная литература, то «в настоящее время центр нормообразования переместился в средства массовой информации (телевидение, радио, периодическая печать)» (*Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке*. М., 2003. С. 42).

Отчетливо проявившиеся черты современного публичного общения (прежде всего массмедийного) — экспрессивизация высказывания как способ привлечения внимания к сообщаемо-

му, а также зачастую отказ коммуникантов от таких культурно-речевых ценностей, как уважительное отношение к другому, вежливость, деликатность, и в результате — нарочитое «снижение стиля». Конечно, примеры не оправданной содержанием речи или неэтичной экспрессии и грубоватой текстовой тональности можно встретить и в газетных публикациях предшествующих перестройке десятилетий, но теперь такие явления стали широко распространенными, привычными, прочно утвердилось в узусе. В литературную речь в виде вкраплений регулярно включаются просторечные слова и конструкции, жаргонизмы, а в отдельных случаях и эпатирующая своей грубостью лексика. Приводимая далее иллюстрация, содержащая неэтичную характеристику членов сборной команды страны по футболу и обзор важнейших политических событий дня, не требует специальных комментариев; заметим лишь, что цитируемое общенациональной газетой высказывание известного политика (столбец справа) содержит нашу вынужденную купюру.

Другая особенность публичного общения последнего времени — активное использование иностранных слов, причем заимствуются они чаще всего из одного источника — американского варианта английского языка. Речь идет не только об оправданных заимствованиях, восполняющих недостаток лексических средств для обозначения новых явлений или реализующих потребность носителей языка в разграничении и специализации понятий, но и о таких словоупотреблениях, которые призваны

создавать впечатление приобщенности говорящего (пишущего) к стандартам цивилизованного общества, служить показателем его жизненного успеха. Интересны в этом плане наблюдения В.Г. Костомарова над заменой варваризмами не только исконно русских слов, но и наравне с ними прочно усвоенных русским языком заимствований: «...варваризмами часто заменяются обрусевшие французские слова. Так, вместо *мультипликатор* и *мультипликационный* начали говорить и писать *аниматор*, *анимационный* (художник-аниматор, анимационный телесериал — Изв., 20.5.93. № 93). И подобные примеры отнюдь не единичны: *брифинг* (пресс-конференция, инструктаж), *дисплей* (экран), *рейтинг* (авторитет, популярность), *картридж* (патрон), *мейкап* (макияж), *сленг* (жаргон), *наблицити* (реклама), *шоу* (спектакль) ... Понятие, которое в XIX в. обозначали как *savoir-faire*, ныне мы решительно именуем *know-how*, часто изображая это русскими буквами — *ноу-хау*. Заменяются и немецкие по происхождению слова, например: *сэндвич* (бутерброд), *бестселлер*, *хит* (шлягер); *броские слоганы*, *рекламные слоганы* (т.е. лозунги)... Вместо *меню*, *прейскурант*, *тариф* укоренился *прайслист*» (Указ. соч. С. 111).

Для современной массмедийной речи характерны также переосмысления значений слов, сдвиги в семантике последних; словообразовательные процессы, сближающиеся с просторечными, и наряду с этим — создание новых слов по иноязычным, а также собственным периферийным моделям; многочисленные проявления грамматической небрежности, в том числе использование просторечных морфологических форм, ошибки в управлении и др. Со стилистической точки зрения особенно важно, что, вопреки традиционным нормам, в тексте и даже в узком контексте зачастую совмещаются языковые средства с различными коннотациями — разговорно-просторечные и книжные, жаргонизмы и иноязычная лексика. «Калейдоскопичность» экспрессивных оттенков речи — при общей тенденции к «снижению стиля» — создается и языковой игрой, риторическими фигурами, трансформацией прецедентных высказываний. Вот выписки из статьи известного журналиста, иллюстрирующие указанную осо-

бенность современной публичной речи: *...еще совсем недавно Европа казалась нам лучом света в коммунистической коммуналке... когда удавалось купить в комиссионке джинсы или итальянский плащ-болонью... европейская болтовня, демагогия... А у нас капиталистическая уравниловка... инструменты европейской демократии... дискредитированы. Что нам показывают?.. гомиков... маргиналов... Вот что нужно сравнивать! А не то, у кого выше «хоругвь» или чище нравственная слеза. Нам нужно не плевать в сторону Европы, не страшиться ее... (Костиков В. Нужно ли забивать окно в Европу? // АиФ, 14—20. 03.07. С. 8).*

Изменения языкового вкуса эпохи обнаруживают себя и в ориентированной на постмодернистскую эстетику беллетристике, и в живой разговорной речи (особенно молодежной). Но почти не заметны они в специальной книжной речи — собственно научной и административно-правовой (в текстах научных статей, монографий, законов, указов и др.). Это и понятно: установка на свободу индивидуального выражения, усиленную экспрессию, языковую игру не совместима с основными задачами общения в соответствующих сферах.

§ 118. В дискуссиях, посвященных состоянию русского литературного языка, активно обсуждается вопрос: насколько существенны происходящие в нем изменения, в какой мере они затрагивают собственно язык, а в какой являются речевыми? Ответ на него, очевидно, во многом зависит от исходных теоретических представлений лингвистов. К числу базовых положений функциональной стилистики, как уже отмечалось, принадлежит мысль Г.О. Винокура о том, что наряду с проблемой языкового строя существует еще проблема языкового употребления и что употребление — это «совокупность установившихся в данном обществе языковых привычек и норм...» (Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 221). Позднее Э. Косериу с близких взглядам Г.О. Винокура позиций разработал ставшую теперь классической теорию языковой нормы. Система языка, отмечал ученый, представляет собой систему возможностей, координат, которые указывают открытые и закры-

тые пути в речи. Ср. формулировку Г.О. Винокура: «...грамматическая структура языка есть лишь ограниченное определенными рамками поле для нашей языковой деятельности» (Филологические исследования. 1990. С. 26). Норма же как языковые навыки представляет собой исторически уже реализованную часть этих возможностей (*Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. М., 1963. С. 175). Основываясь на этих положениях, Э. Косериу делает важный вывод: язык, на котором можно говорить, это система и норма, а не только система. (В самом деле, кажущиеся нам иногда забавными ошибки в детской речи чаще всего объясняются тем, что ребенок уже в значительной степени овладел системой родного языка, но еще не усвоил его нормы.)

Особенность нынешней языковой ситуации заключается в том, что коммуниканты свободнее, более творчески, чем в предшествующую эпоху, используют возможности языковой системы. Последняя сохраняет стабильность во всех своих существенных чертах, но при этом частично обновляются навыки выбора, продуцирования и употребления языковых единиц. В соответствии же с обновленной в ряде коммуникативных сфер нормой модифицируется организация речи. Между тем языковая система, в свою очередь, не остается неизменной: отдельные речевые явления, став языковыми навыками членов социума, затем обретают системно-языковой статус.

Вообще же о состоянии литературного языка едва ли оправданно судить лишь по его системе — в отвлечении от нормы и узуса. Реальный функционирующий язык включен в социальное взаимодействие людей. Массовые речевые инновации, выработка новых языковых норм — это, как уже говорилось, проявление изменений в коммуникативном поведении членов социума, в характере совершаемых ими речевых действий (поступков). Состояние функционирующего языка неразрывно связано с состоянием коммуникации на нем, включая ее идеологические, этические, эстетические аспекты. Языковые навыки как составляющая языка — элемент норм взаимодействия человека с другими людьми, т.е. жизни человека в обществе.

Этим прежде всего и определяется важность сознательного отношения к литературному языку, к его ресурсам, к выбору и кодификации вариантов употребления его единиц.

В связи с актуальностью этой темы она освещается во многих работах. Различные оценки состояния литературного языка можно найти в кн.: Проблемы и перспективы развития русистики и материалы почтовой дискуссии. М.: Изд-во АН СССР, 1991. См. также публикации в журнале «Русская речь» за 1992 г., № 2—6; коллективные исследования: Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000; Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М., 2000; Русский язык сегодня. М., 2000.

III. ХАРАКТЕРИСТИКА ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

---

§ 119. Обычно выделяют шесть основных функциональных стилей: научный, официально-деловой, публицистический, художественный, церковно-религиозный и разговорно-обиходный, которые, в свою очередь, распадаются на частные разновидности в зависимости от проявления в речи конкретных задач и ситуации общения, жанра и т.д. Отдельное высказывание или целое значительное произведение может представлять функциональный стиль необязательно в его чистом виде. Как указывалось, помимо основных функциональных стилей, в языке имеются «периферийные» и «переходные» явления, что приводит к весьма сложной и разветвленной функционально-стилевой дифференциации. Поскольку функциональные стили более изучены и определены, а остальные стилевые явления еще ждут своего исследования, речь пойдет о собственно функциональных стилях в их наиболее чистом виде. Это имеет и методическое значение, так как функциональные стили представляют важнейшие социально значимые сферы общения, без знания главных характеристик которых затрудняется ориентация речевой деятельности и овладение необходимыми навыками речи. Кроме того, без знания специфики этих стилей осложняется определение признаков более частных функционально-стилевых разновидностей.

Самые общие стилистические особенности речи создаются прежде всего в зависимости от того, в какой сфере происходит общение — научной, эстетической, правовой и т.д. Задачи общения в той или иной сфере определяют основные, фунда-

ментальные особенности речи в данной области. Например, высказывание (текст) в сфере научного общения несет на себе отпечаток научного стиля, ориентируется на его функционально-стилевые нормы и признаки. Однако в этом высказывании могут быть и черты, нетипичные для данного отдельного функционального стиля в целом. Определенный отпечаток на стиль речи накладывает, например, то, в каком тоне — спокойном информативном или полемическом — осуществляется коммуникация; свое отражение в стилистической «палитре» высказывания находят и его тематика, избранный научный метод исследования, степень аналитизма и обобщенности, преобладающие функционально-смысловые типы речи — повествование, рассуждение, описание. Однако высказывание, например, в научной сфере все же будет отвечать основным требованиям построения научной речи и нести в себе основные специфические особенности данного функционального стиля, поскольку последние составляют, так сказать, глубинный стилевой слой речи, ее фундамент.

Таким образом, конкретное высказывание осуществляется в соответствии с нормами того или иного функционального стиля и обнаруживает свою принадлежность к нему, хотя может и не ограничиваться проявлением только этих стилевых черт. Причем все «дополнительные» признаки находятся не в противоречии с основными. Последние как бы определяют возможность проникновения в речь других признаков и ограничивают «выход» их за границы допустимого стилем, отрыв от общестилевой основы. Таким образом, функциональный стиль, оказываясь сложным — «многослойным» и разветвленным, сохраняет, однако, свою целостность.

Знание специфических стилевых черт функциональных разновидностей языка, закономерностей функционирования языковых единиц в различных сферах общения необходимо учителю-словеснику при осуществлении лингвистического анализа текста, поскольку такой анализ базируется на функциональной стилистике и учитывает ее данные. Усвоение принципов функционирования языка в разных типах речи поможет

учителю (а следовательно, и ученикам) оценивать соответствие того или иного текста его функционально-стилевой специфике, подходить к нему с позиций его нормативно-стилистических характеристик (в смысле отбора и сочетания языковых единиц).

§ 120. Следует сказать, хотя бы кратко, о теоретических установках описания функциональных стилей.

Известно, что существует как минимум два способа описания функциональных стилей:

- 1) по совокупностям используемых в них языковых средств-маркеров этого стиля;
- 2) по стилистико-речевой специфике соответствующего функционального стиля.

Первый из способов является более ранним и менее совершенным, поскольку, по мнению ряда ведущих ученых, начиная с В.В. Одинцова (см. также работы В.Г. Костомарова, А.И. Горшкова и др.), он не раскрывает действительную специфику того или другого функционального стиля, а перечень наиболее употребительных в том или ином стиле слов, форм, грамматических конструкций оказывается недостаточным для характеристики специфики соответствующего функционального стиля. В.В. Одинцов в свое время, например, говорил, что при таком способе анализа чем больше языковых единиц называется у того или иного функционального стиля, тем менее ясно он очерчен (Одинцов, 1980. С. 16).

Следует заметить, что именно функциональная стилистика покончила с подобной практикой изучения и описания стилей, она пошла другим путем — выяснения с п е ц и ф и к и функционального стиля, его стилиевых черт, речевой системности. Эти две позиции иногда противопоставляются как методики стилистики языка и стилистики речи.

Исследование функционального стиля и его описание в стилистике начинается прежде всего с определения н а з н а ч е н и я в социуме формы общественного сознания, которая детерминирует цели и задачи общения соответствующего вида деятельности, его коммуникативно-познавательные особенности,

принцип употребления языковых средств, обусловленный комплексом внеязыковых факторов. В целом все это и определяет закономерности функционирования используемых языковых средств, структуру соответствующих группировок текста и их стилевую природу, стилевые черты и специфику функционального стиля.

Именно весь этот комплекс взаимосвязанных элементов, представляющих собой системное образование, и способен эксплицировать функционально-стилевую специфику. Этого нельзя достигнуть посредством первого названного способа. Он мог бы быть пригоден в том случае, если бы каждый из функциональных стилей был достаточно замкнутым и обладал свойственной только ему совокупностью или в лучшем случае системой средств. Такое можно было бы предполагать в отношении ломоносовского времени. В современном же русском языке нет почвы для подобного рода «систем», поскольку между функциональными стилями нет «железных перегородок», и те или иные языковые средства, в принципе, могут быть использованы и используются в различных функциональных стилях. Последние же взаимодействуют и влияют друг на друга, о чем неоднократно говорил В.В. Виноградов (см., например: ВЯ. 1955. № 1). Хотя, конечно, это взаимовлияние и свобода словоупотребления относительны.

Целесообразнее и ближе к истине представлять дело таким образом, что язык как система (код), имеющая в качестве подсистем уровни единиц, включает как нейтральные, так и стилистически окрашенные единицы (с их разнообразными, богатыми формальными, семантическими и функциональными возможностями). Из этого языкового богатства, из сокровищницы языка говорящие отбирают необходимые им средства, конструируя с их помощью речь (тексты) в соответствии с потребностями общения данной сферы — ее экстралингвистическими факторами. Это простое, естественное, эффективное речевое устройство.

Однако при всей целесообразности такого понимания этого устройства, о п и с а н и е (именно описание!) функциональных стилей все же не обходится вообще без демонстрации читателю

наиболее частотных языковых и речевых единиц как примет того или иного функционального стиля.

Как показал Б.М. Гаспаров, речевая деятельность полна стереотипов, так сказать, речевых привычек, а также ей свойственна политекстуальность. Поэтому, оказавшись уместными, какие-то языковые единицы и речевые обороты вновь и вновь находят применение в речедетельностном, текстопорождающем процессе определенной сферы общения.

В связи с этим для большей наглядности при характеристике текстов того или иного функционального стиля полезно, опираясь на конструктивный принцип образования этого стиля, не только выявлять закономерности употребления в нем языковых единиц, стилевых норм и его специфику, но и продемонстрировать наиболее типичные частотные языковые средства — стилистически либо функционально окрашенные.

Переходим к характеристике основных функциональных стилей.

Научный стиль

§ 121. Научный стиль представляет научную сферу общения и речевой деятельности, связанную с реализацией науки как формы общественного сознания; отражает теоретическое мышление, выступающее в понятийно-логической форме. Сфера научного общения отличается тем, что в ней преследуются цели наиболее точного, логичного, однозначного выражения мысли. Главнейшей формой мысли в области науки оказывается понятие, а языковое воплощение динамики мышления осуществляется в суждениях и умозаключениях, следующих одно за другим в логической последовательности. Мысль здесь строго аргументирована, ход логических рассуждений особо акцентируется. Назначение науки — вскрывать закономерности. Отсюда обобщенный и абстрагированный характер мышления, определяющий своеобразие научной речи: ее отвлеченность, обобщенность и логическую доказательность.

Необходимо различать, с одной стороны, характер и «путь» мышления в самом процессе научного познания и, с другой — воплощение результатов мышления в текстах научных сочинений. В текстах появляются дополнительные, по сравнению с исследовательским этапом, чисто «оформительские», коммуникативные задачи (способ доказательства, описательность или рассуждение, степень полемичности, популяризации), а в целом — учет адресата. В связи с этим этапы внутренней и внешней речи, очевидно, не являются тождественными по своей речевой фактуре, по языковому воплощению. Однако между процессом мышления и его языковой экспликацией нет принципиального различия.

Вместе с тем следует помнить, что окончательная кристаллизация мышления (научных положений) осуществляется именно во внешней, а не во внутренней речи. Так, Т.М. Дридзе пишет: «В ходе порождения текста авторский замысел приобретает более четкие формы, кристаллизуется» (Язык и социальная психология. М., 1980. С. 50). Или, как утверждают М.Б. Бергельсон и А.Е. Кибрик, «...неверно, что смысл, передаваемый в речевом сообщении, заранее дан говорящему и нуждается лишь в словесном воплощении. В процессе мыслительно-речевого акта смысл создается, формируется» (Прагматический «принцип Приоритета» и его отражение в грамматике языка // Изв. АН СССР. СЛЯ. 1981. № 4. С. 354).

Круг указанных базовых экстралингвистических стилеобразующих факторов обуславливает конструктивный принцип научного стиля, а именно ориентацию на выражение специфики научного знания и в целом коммуникативно-познавательной деятельности. Реализация этого принципа формирует стилевые черты научного функционального стиля и его своеобразную речевую системность.

Самыми общими специфическими чертами научного стиля, вытекающими из абстрактности (понятийности) и строгой логичности мышления, являются отвлеченно-обобщенность и подчеркнутая логичность изложения. Они определяют, в свою очередь, более частные (вторичные) стиле-

вые черты, а также значения и стилевые окраски употребительных здесь языковых единиц и, кроме того, их частотность. Весьма типичными для научной речи являются смысловая точность (и ясность), объективность изложения, его некатегоричность. Учет адресата выражается в диалогичности научной речи. Научным текстам свойственна строгость стиля изложения, не исключая, однако, своеобразной экспрессивности, оценочности. В целом научные тексты представляют книжный характер речи, в них нежелательны разговорные и эмотивные средства (но не абсолютное их отсутствие, поскольку эмотивный компонент включен в структуру научно-познавательной деятельности и мышления). Экспрессивность, в смысле выразительности научной речи, создается преимущественно за счет полной реализации указанных стилевых черт научного стиля, в том числе неперемного учета адресата. Степень проявления всех этих черт может колебаться в зависимости от жанра, темы, формы и ситуации общения, авторской индивидуальности и других факторов.

§ 122. Чем же достигаются и как выражаются основные стилевые черты научной речи, которые непременно пронизывают собой каждый научный текст?

Отвлеченно-обобщенность выражается прежде всего в широком употреблении в нем абстрактной лексики (включая терминологическую), в том, что почти каждое слово выступает как обозначение общего понятия или абстрактного предмета. Ср.: *Химия занимается однородными телами; Химические формулы служат для выражения замещения...* Здесь каждое из слов выражает общее понятие или абстрактное явление (химия в о о б щ е, тела в о о б щ е и т.д.). Даже там, где есть некоторая видовая конкретизация (*химические формулы*), словосочетание все же выражает весьма абстрактное понятие.

Характерно, что даже конкретная лексика здесь употребляется для обозначения общих понятий (ср.: *Химик должен обращать внимание на...*, т.е. химик в о о б щ е, в с я к и й химик). Ср. также: *Береза хорошо переносит морозы*; здесь слово *береза* обо-

значает не единичный предмет, дерево, но породу деревьев, т.е. выражает общее понятие; *Рост дуба продолжается до 200 лет; Дуб развивает мощную крону.*

Этот отвлеченно-обобщенный характер речи подчеркивается и специальными лексическими единицами (*обычно, обыкновенно, регулярно, всегда, всякий, каждый*), и грамматическими средствами: неопределенно-личными предложениями, пассивными конструкциями (*Для этого берут в лабораториях воронку; По окончании опыта отсчитывается остаток кислоты* и т.п.).

Не только существительные, но и глаголы обычно используются в контексте научной речи не в своих основных и конкретных значениях, но в обобщенно-отвлеченных. Так, слова *идти, следовать, выступить, привести, перейти, носить, вытекать, составлять, давать, указывать, брать, говорить* и многие другие обозначают здесь не собственно движение и не конкретное физическое действие, но нечто иное. Например,

Не <i>идти</i> лесом,	а — <i>речь идет</i> о проблеме...
	— <i>процесс идет</i> медленно...
<i>следуйте</i> за мной	— <i>отсюда следует</i> вывод...
	— <i>следует</i> заметить, что...
<i>привести</i> брата	— вычисление приводит к следующему результату
<i>перейти</i> на ту сторону	— перейдем к рассмотрению следующего вопроса
<i>носить</i> камни	— заключение носит приблизительный характер
<i>вытекает</i> из крана	— из сказанного ранее вытекает ...

Если выражения, данные слева, употребительны в разговорной и художественной речи, то данные справа — в научной.

§ 123. Отвлеченность и обобщенность научной речи проявляются не только на лексико-семантическом уровне, но и в особенностях функционирования разнообразных грамматических, в частности м о р ф о л о г и ч е с к и х, единиц, что обнаружива-

ется и в выборе категорий и форм (а также степени их частоты в тексте), и особенно — значений этих единиц.

При употреблении глагола это выражается в широком использовании настоящего вневременного (с качественным, признаковым значением), что согласуется с необходимостью характеризовать свойства и признаки исследуемых предметов и явлений: *Хлорид медленно **разлагается**; Металлы легко **режутся**; Вода **разваривает** овощи; Азот **не горит и не поддерживает горение**; Вода **кипит** при 100°; болонский шпат в темноте **светится***). Это значение захватывает также формы будущего (*число попаданий **будет** случайной величиной* — в смысле «является», т.е. синонимично настоящему вневременному) и частично — прошедшего.

Таким образом, глаголы, выступая в обобщенно-отвлеченном значении, десемантизируются, придавая выражению качественный характер, и уже не обозначают конкретных действий (См.: *Митрофанова О.Д. Язык научно-технической литературы*. М., 1973). Многие глаголы в научной речи используются в роли компонентов глагольно-именных сочетаний, в которых основная смысловая нагрузка выражается существительными (*подвергать анализу, производить перегонку, оказывать влияние*).

Отвлеченно-обобщенность проявляется и при употреблении лица глаголов и личных местоимений (*Мы **можем** заключить; **мы и меем** несколько эпох* синонимичны случаям *можно заключить, и мее т с я несколько эпох*, т.е. формы глагола выступают с ослабленным, неопределенным и обобщенным значением лица). Та же стилевая черта выражается и в формах числительного: наиболее широко употребительная в научной речи форма ед. числа существительного обозначает в контексте не отдельные считаемые предметы, но служит для выражения общего понятия либо неделимой совокупности и целостности: *дуб — порода теплолюбивая; ух о — анализатор звуков*. В том же русле находится повышенная (по сравнению с другими функциональными стилями) употребительность слов среднего рода, которому, по В.В. Виноградову, свойственно «...общее, отвлеченное значение вещной предметности» (по сравнению со значением форм мужского и женского

рода). Среди существительных среднего рода, кстати, много абстрактных слов (*свойство, значение, определение, влияние, равновесие, явление* и т.д.).

Интересно с точки зрения проявления отвлеченности и обобщенности употребление кратких прилагательных: в научной речи, в отступлении от общей закономерности русского языка, они широко используются для выражения не временного, а постоянного свойства предмета: *Клетки бедны протоплазмой* (Комаров); *Глаз особенно чувствителен к зеленой части спектра* (Вавилов); *Пространство... однородно и изотропно* (Ландау).

На синтаксическом уровне отвлеченно-обобщенность (покрывающая, по мнению Н.М. Лариохиной, стилевые черты абстрактности, безличности, объективности) достигается исключением из структуры предложения личного субъекта действия (агенса), так как познание мира в научной речи представляется в обобщенной форме — как процесс коллективного творчества. Этому соответствуют обобщенно-личные предложения, безличные предложения, двучленный пассивный оборот с процессуальным значением, т.е. деагентивные синтаксические структуры. «Предполагаемый агент в них характеризуется именно обобщенностью, а не неизвестностью, неопределенностью (как в художественной и разговорной речи): *В механике пользуются понятием материальной точки...*» (Лариохина Н.М. Вопросы синтаксиса научного стиля речи. М., 1979). Кроме того, отвлеченно-обобщенность реализуется через широкую употребительность номинативных структур, в частности таких, в которых семантика предиката выражена отглагольными существительными в синтаксической позиции подлежащего или дополнения, а глагол является формально-грамматическим центром предложения (*В результате реакции происходит перераспределение массы*). Проявлением отвлеченно-обобщенности, связанной с тенденцией к десемантизации, является вообще номинативный строй научной речи: это обнаруживается, например, в возрастании доли имен и уменьшении доли глаголов (по сравнению с

другими функциональными стилями). Безличные структуры составляют 60—80% всех односоставных предложений. Род. падеж приименный составляет 83% против род. падежа приглагольного (17%). Номинативность научной речи проявляется и в преобладании имени существительного над лексемами других знаменательных частей речи (до 40%), в большой частотности именных сказуемых (30%). Отражением отвлеченно-обобщенности на синтаксическом уровне является и модально-временной план предложения (с вневременным значением глаголов-сказуемых).

Подчеркнутая логичность, тесно связанная с последовательностью изложения, его доказательностью и аргументированностью, выражается в основном на синтаксическом уровне и на уровне текста. Ее созданию и реализации способствуют многие средства. Прежде всего это полнооформленность высказывания — полнота грамматического оформления предикативных единиц, что выражается в преобладании союзных предложений над бессоюзными, так как союзы позволяют более четко передать смысловые и логические связи частей предложения. При общем высоком проценте сложных предложений (41—50,3%) преобладают сложноподчиненные (62%). Простые же предложения (как и сложные) осложняются оборотами с подчинительной связью, что увеличивает спаянность предложения, но при этом также и его длину (средняя длина простого предложения 20,3, а сложного — 25,4 словоупотребления). В простом и сложном предложениях широко используются вводные слова и словосочетания, подчеркивающие логику мысли и последовательность изложения (*во-первых, во-вторых, следовательно, итак, таким образом, с одной стороны, с другой стороны* и т.п.).

Для научной речи характерно использование нескольких идущих подряд слов и оборотов, специализирующихся в функции подчеркивания последовательности изложения (обычно в рассуждении, при доказательствах). Пример: *...мы, следовательно, ставим вопрос: будет ли... Рассуждаем так: при химическом равновесии... Рассмотрим... реакцию... Итак, при уменьшении объема... Таким образом, увеличение давления...* (Хомяков).

Весьма характерно и употребление наречий в связующей функции. Чрезвычайно показательны в этом отношении слова

поэтому, потому, использующиеся для выражения причинно-следственных отношений, а также употребление других наречий в указанной функции: *Допустим, что... Тогда, подставив это выражение в уравнение, получим... Отсюда можно сделать заключение, что...* (Лазарев).

Среди, пожалуй, наиболее ярких и специфичных для научной речи средств выражения подчеркнутой связности и логичности изложения оказываются так называемые **к о н с т р у к ц и и** и **о б о р о т ы** с в я з и. На типичность и нормативность их для научной речи впервые указал А.К. Панфилов (1972). С точки зрения общей, традиционной стилистики эти выражения лишь загромождают текст и с учетом их семантической ослабленности вообще не нужны в речи. Однако они органически присущи научному общению, без них речь становится отрывистой, скачкообразной. Примеры: *Наконец, можно еще отметить постоянную связь; Приведу еще пример; Постараемся теперь объяснить...; Остановимся на...; в заключение отметим...; обратимся к примерам...; необходимо сказать, что...; подчеркнем еще раз...; подведем итоги.* По насыщенности связочными средствами научная речь занимает первое место среди функциональных стилей.

Выражению подчеркнутой логичности и последовательности изложения способствует и порядок слов научной речи, как правило, объективный, нейтральный (когда тема предшествует реме).

Естественно, что подчеркнутая логичность научной речи ярко представлена на текстовом уровне. Сами текстовые категории *связности, логичности, цельности* призваны реализовать (и реализуют) указанную стилевую черту. Этому способствует высокая частотность случаев повторов (лексических, синонимических, местоименных) между самостоятельными предложениями (*Характерной чертой этого момента является его определенность... Эта определенность дает о себе знать...*).

Для выражения подчеркнутой логичности в научной речи широко используются рассуждение и доказательство.

Последовательности и связности изложения способствует также обычно строго оформленная **к о м п о з и ц и я** **т е к с т а** (деление на главы, параграфы; выделение зачинов-вступлений,

концовок-заключений). Организующим началом композиции текста является категория гипотетичности, обусловленная особенностями познавательной деятельности, и этапы (фазы) продуктивной деятельности ученого, находящие выражение в научном тексте. В чистом виде это проявляется в развертывании содержания текста от экспликации проблемной ситуации, формулировки идеи / гипотезы и затем до ее анализа и доказательства, приводящих к выводам / закону. Это подчеркнутая логичность на высшем, текстовом уровне. Последовательность и связность изложения достигается и широким использованием средств проспекции и ретроспекции (*теперь перейдем к рассмотрению..., Далее остановимся на..., Рассмотрим экспрессивные средства..., как было отмечено выше..., возвращаясь к поставленному вопросу...* и т.п.). Подобные связующие средства создают *ст е р е о т и п н о с т ь* научного текста, проявляющуюся в наличии многих готовых формул. Кроме того, эти средства являются многофункциональными, выражая не только собственно логичность, но и другие категории. Логичность обусловлена как специфичной мышления, так и при письменном общении отсутствием непосредственного контакта с адресатом, и потому научное изложение требует повышенной *точности речи*, ясности, аргументированности высказывания, т.е. реализации коммуникативных качеств речи, учета адресата.

Точность (а также *я с н о с т ь*) научного стиля достигается употреблением большого числа *терминов*, как правило, слов однозначных, строго определенных в своих значениях в пределах конкретной науки, выражающих существенные признаки называемых предметов и явлений (*генератор, гипотенуза, минерал, конус, конденсатор, реактив, траектория, карбонат* и т.д.). Нежелательна и даже недопустима замена терминов синонимами, и вообще для научной речи характерно ограничение синонимических замен; необходимо давать четкие определения вновь вводимым понятиям; слова должны быть однозначны, высказывания — недвусмысленны (явление многозначности слов несвойственно научной речи). Используются вводные слова и обороты, вводные и вставные конструкции в функции уточне-

ния; широко употребляются обособленные согласованные определения, в том числе причастные обороты (в синтаксической функции уточнения); необходима четкость оформления синтаксических связей; кроме того, — точные библиографические ссылки и сноски.

Точность на синтаксическом уровне выражается преобладанием союза над бессоюзием (как более подчеркнутым выражением смысловых связей).

Достижению **объективности** изложения, помимо точности, способствует характерная для научной речи стилевая черта — **некатегоричность изложения**, которая проявляется во взвешенности оценок (соответствующем словоупотреблении) в отношении как степени изученности темы, эффективности теории и путей решения исследуемых проблем, степени завершенности («окончателности») результатов исследования, так и упоминаемых в работе и цитируемых мнений других авторов-ученых и своих личных.

Коммуникативная направленность научной речи, необходимость учета адресата, выражается в ее **диалогичности**. Хотя научный текст квалифицируется как монологический, ему тем не менее свойственна диалогичность, т.е. направленность речи на адресата и учет его реакций в высказывании вплоть до использования средств собственно диалога. Ср. привлечение внимания читателя к особо значимым частям текста — *обратите внимание на...*, приглашение его к сомышлению — *теперь определим суть явления, остановимся на этом подробнее...*, употребление вопросно-ответных комплексов и мн. др.

В целом научной речи свойствен и м е н н о й характер (по сравнению, например, с художественной, разговорно-бытовой, некоторыми жанрами публицистической). Это выражается и в общем преобладании имен (в частности, существительных) над глаголами, и в широкоупотребительном качественном значении глаголов, и в большом числе разного рода отглагольных оборотов и слов (в том числе среди служебных частей речи). Например, использование устойчивых оборотов речи с отглагольными существительными (синонимичных глагольным оборотам

и конструкциям): *оказывать воздействие на...*; *подвергаться анализу*; *делаться возбудителем...* и т.п., ведущих за собой цепь имен.

§ 124. Обобщенность и отвлеченность не предполагают, однако, что научная речь должна быть совершенно неэкспрессивной, безэмоциональной, безобразной. В таком случае она не достигала бы своей цели, коммуникативные ее качества были бы ослаблены (см. об этом: *Будагов Р.А.* Литературные языки и языковые стили. М., 1967). Очевидно, под *э к с п р е с с и в н о с т ь ю* научной речи следует понимать такие стилистические качества, благодаря которым наилучшим образом реализуются задачи коммуникации в этой сфере и которые тем самым способствуют эффективности общения. *Э к с п р е с с и в н о с т ь*, таким образом, *как усиление выразительности связана с коммуникативной целесообразностью построения научной речи.* Экспрессивность научной речи отличается от аналогичного свойства в других сферах общения и достигается она иными средствами и способами. Выразительность научной речи связана прежде всего с точностью употребления слов и логичностью изложения (так называемая интеллектуальная экспрессивность). Однако последнее предполагает не сухое и бесстрастное изложение содержания, но наряду с точностью и объективностью сообщения также и его убедительность.

Названные качества научной речи, в том числе эмоциональность и оценочность, мотивированы деятельностным характером науки, природой знания и научного творчества, законами познания, свойствами мышления, которые отнюдь не ограничиваются лишь логико-понятийной стороной (здесь проявляются и эмоции, и воля, и интуиция). Кстати, изучение и знание экстралингвистических основ научной речи практически значимо не только для культуры речи и литературного редактирования, но и для воспитания культуры мышления, т.е. в целом — для работы над текстом.

История науки — это борьба идей, смена стилей мышления, что находит выражение в стиле научных текстов. Принцип, например, преемственности знания, связанный с необходимос-

тью оценки наличного знания и преодолением «психологического барьера» по отношению к новому знанию, закономерно вызывает обращение пишущего к средствам убеждения, акцентирования наиболее концептуально-значимых моментов содержания и в целом — к экспликации в научном тексте диалогичности общения (как отражения диалогичности мышления и познания). В известной степени все это обуславливает использование образных средств, а также смысловых акцентуаторов.

Итак, обобщенность и отвлеченность научной речи отнюдь не означают, что ей в принципе противопоказана образность. В целом ряде случаев словесные образы помогают выражению и понятной мысли. Так, многие термины возникают в образной форме (в том числе в точных науках, например в физике). Причем употребление образных средств зависит в известной степени от авторской индивидуальности речи и от области знания. Яркая выразительность / экспрессивность стиля характерны для произведений крупных ученых.

§ 125. Из всех образных средств наиболее созвучным стилю научной речи оказывается сравнение, поскольку оно выступает как одна из форм логического мышления. Сравнения широко используются для пояснения характеризующих явлений, для иллюстрации, не преследуя специально экспрессивных целей. В этих случаях сравнения точны, нередко содержат в своем составе уже известные термины: *Борофторид... ведет себя... подобно хлоридам* (Несмеянов). В других случаях, выступая в пояснительной функции, сравнения вместе с тем обладают яркой образностью и наглядностью: *Прилив поднимает волны, подобные горам* (Соколов); *...собрания стробиллов... имеют как бы вид «сережек»* (Тахтаджян).

Встречаются и интересные нетерминологические метафоры: *...две рати, дубовая и еловая, уже тысячелетия стоят друг против друга* (Морозов); *Ель... прошла под сень сосны густым сомкнутым строем* (Ткаченко); *Сосна приютила первых поселенцев ели* (Он же); *жизнерадостный вид подростка* (Морозов); *Интуиция вспыхивает от случайной искры посторонних ассоциаций*

(Библер); *Термин стилистически как бы зажигается* (Брагина); *что-то... повторяясь, настойчиво стучится в норму* (она же).

Использование средств словесной образности в научной речи, помимо их необязательности и сравнительно редкого употребления, п р и н ц и п а л ь н о отличается от использования этих средств в художественной литературе:

- 1) образные средства, в частности метафоры, являются в научной речи, как правило, лишь двухплановыми, но не многоплановыми;
- 2) метафоры в научной речи имеют узкоконтекстное значение и не обладают тем системным характером, который свойствен им в художественной речи;
- 3) функции образных средств в научной и художественной речи принципиально различны.

Все это отражается и на собственно лингвистической природе метафор и других образных средств и выражается, в частности, в том, что метафоры научной речи обычно являются общеязыковыми, необязательно индивидуальными; сравнения включают в свой состав термины и т.д. К тому же речевая образность научного текста отличается от этого свойства художественной литературы из-за различий самой сущности соответствующих форм познания. Образ в научной речи обычно с х е м а т и з и р о в а н и о б о б щ е н, лишен тех индивидуально-неповторимых признаков, которые присущи ему в художественном произведении.

§ 126. Естественно, что наибольшей экспрессивностью, эмоциональностью и образностью отличаются научные произведения полемического характера (например, дискуссионные статьи и части произведений, содержащие полемику), а также научно-популярная литература. Однако и теоретические труды с особенной новизной темы и проблематики, историко-библиографические части работ («история вопроса») и разного рода «отступления» от основного изложения отличаются экспрессивностью. Наиболее сдержанными оказываются описа-

тельные работы и описательные части научных сочинений, информационные статьи и некоторые другие жанры.

Наиболее часто привлекаются в качестве средств усиления выразительности высказывания в научных текстах следующие:

- 1) усилительные и ограничительные частицы, местоимения, количественные наречия: *Ломоносов не был **лишь** отвлеченным теоретиком* (Черепнин); *...для идеалистических выводов не было **абсолютно** никаких оснований* (Кедров);
- 2) эмоционально-экспрессивные прилагательные: *Дети делают **нещадное** количество ошибок* (Щерба); ***удручающее** впечатление* (Гладкий); ***колоссальное** количество* (Ферсман);
- 3) суперлативы: ***в наивыгоднейшем** случае, **труднейшая** задача, **простейшее** решение; Работа Г. Менделя... представляет собой одно из **величайших** событий в истории науки* (Дубинин);
- 4) средства словесной образности: ***Механическая картина мира рухнула*** (Кедров); ***двери** (в глубь атома. — М.К.) были открыты* (Кедров); ***Растительная клеточка** — это **ловушка**, это **западня*** (Тимирязев);
- 5) проблемные вопросы и вопросно-ответные комплексы: ***В самом деле, какие тела находит клеточка в окружающей среде?*** (Тимирязев); ***Почему же объект так сложен?.. Какая же этому причина?*** (Павлов); ***...не отрываем ли мы его от материи? Нет, не отрываем*** (Шептулин); ***Почему планктон... не уничтожит запасы?.. Одним из ответов будет тот, что...*** (Лебедев).

Несколько реже привлекаются в экспрессивных целях средства разговорной лексики, повторения одних и тех же слов в стилистических целях, существительные с суффиксами субъективной оценки, восклицательные предложения и ряд других средств.

В связи с массовостью науки с периода НТР стилистико-речевая культура научных произведений, особенно научно-технических, беднеет, усредняется. Индивидуальные особенности сти-

ля сохраняются обычно лишь в текстах больших ученых. В этом случае стилю сочинения свойственна выразительность, вплоть до использования образных средств. При этом общие стилевые черты научной речи — отвлеченность, обобщенность, а также точность, объективность изложения — здесь налицо, так как именно они составляют специфику данной функционально-стилевой разновидности.

Подчеркнем, что своеобразие научной речи на текстовом уровне создается особенностями употребления в ней не только дотекстовых, но и текстовых единиц, выступающих в единстве, что в целом и образует специфику стиля и его речевую системность. Кроме того, в научной сфере функционируют особые текстовые категории (уже отмеченные категории гипотетичности, диалогичности, акцентуации, отражающая аксиологический аспект познания категория оценки и др.). Таким образом, именно на уровне текста глубоко и полнокровно проявляется специфика научного функционального стиля (впрочем, как и всякого другого) и его речевая системность. (Об указанных текстовых категориях см. § 57).

Среди «негативных признаков» научной речи назовем: недопустимость внелитературной лексики; ограниченность использования эмоционально-экспрессивной лексики и фразеологии; сравнительно слабо представленную метафоричность; отсутствие настоящего времени глагола в значении настоящего исторического; нехарактерность использования в узком контексте разнообразия временных форм глаголов; отсутствие форм 2-го лица и соответствующих личных местоимений; несвойственность категории числа существительных в контексте научной речи, выражение единичных считаемых предметов и раздельного множества; ограниченное использование неполных предложений, а также инфинитивных и некоторых видов безличных (например, неупотребительны здесь безличные предложения, выражающие состояние человека, природы, и некоторые другие).

§ 127. На текстовом уровне научный функциональный стиль характеризуется широкой представленностью в нем рас-

суждения и описания и нетипичностью для него повествования. Кроме того, он отличается композиционной однотипностью (особенно в пределах каждого отдельного жанра), хотя и допускающей вариации. Помимо обычно отмечаемого членения текста на введение, основную часть и заключение, композиции научного произведения свойственно отражение закономерностей процесса познания и формирования знания. Смысловая структура текста обычно представляет динамику этапов (фаз) познания, движения коммуникативно-познавательного процесса от старого знания к новому по законам «отрицания отрицания» и преемственности знания, развития мысли по спирали.

Вообще специфику структуры научного текста, композицию и законы развертывания определяет его экстралингвистическая основа, а именно коммуникативно-познавательная деятельность и природа знания. Как уже отмечалось, основные этапы формирования знания, или фазы продуктивного мышления: проблемная ситуация → идея → гипотеза → доказательство ее → вывод — определяют динамику развертывания текста, его композицию. Познавательный процесс отражается в научных текстах не всегда зеркально и прозрачно: последовательность этапов иногда варьируется, однако, как правило, они обуславливают конструктивный принцип построения композиции и текстообразования научных произведений. Тем самым ход изложения отражает процесс познания. Интересно, что научный текст может фиксировать при этом и интуитивные решения. Словесное же воплощение названных этапов, выражаемое «специализирующимися» в соответствующих функциях языковыми и речевыми средствами, сопровождается различными модальными значениями и неодинаковым использованием особых текстовых категорий. Если, например, описание проблемной ситуации сопровождается выражением удивления и сомнения, идеи — эмоцией радости, гипотезы — модальным значением возможности (с использованием средств категории гипотетичности и проблемных вопросов), то вывод (закон) формулируется в тональности (модальности) уверенности, даже категоричности.

Композиционно-смысловым стержнем текстопостроения может быть и доказательство гипотезы: на фоне ширококонтек-

стной гипотезы, охватывающей целое произведение, дается формулировка ряда узкоконтекстных гипотез в качестве этапов доказательства. Тем самым гипотеза намечает композиционно-смысловую схему научного текста (целого произведения).

Теперь уже исследовано и доказано положение о том, что для коммуникативно-познавательной деятельности ученого характерна динамика старого (уже известного, наличного, предшествующего) знания и нового, что всякое новое «прорастает» из старого. «Преемственность — процесс накопления достоверных знаний...» (*Гвишиани Н.Б. Язык научного общения. М., 1986. С. 117*). Хотя при этом предшествующее знание критически оценивается и что-то в нем отрицается и отбрасывается.

Но для лингвостилистики, изучающей процесс текстообразования в научной сфере, важнее другое: то, что указанный процесс определяет конструктивный принцип построения целого научного текста, а отсюда своеобразие его смысловой структуры. Научный текст (произведение) представляет собою динамику чередования фрагментов старого и нового знания. Это один из основных принципов его развертывания.

Своеобразным регулятором при этом в логико-смысло-композиционном аспекте являются текстовые категории проспекции и ретроспекции, отражающие другие экстралингвистические факторы коммуникативно-познавательной деятельности ученого, а именно «челночный» репродуктивно-проспективный процесс в динамике научной деятельности, кстати, являющийся одним из важных принципов *п о н и м а н и я* (*Дроздова Т.А. Психологические особенности понимания текста как процесса // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1984. Вып. 246*). И поэтому следование репродуктивно-проспективному способу изложения в текстообразовании научной сферы весьма продуктивно и закономерно.

Одной из своеобразных особенностей стилистико-смысловой структуры научного текста, весьма специфичным способом его развертывания, сказывающимся на своеобразии его стиля, являются так называемые развернутые вариативные повторы (РВП), когда вначале кратко сформулированный тезис (обычно

центральный в концепции автора) затем м н о г о к р а т н о повторяется в произведении, семантически углубляясь и развиваясь. Таким образом, РВП в научной речи оказываются своеобразным способом наращивания смыслового содержания текста.

§ 128. С 80-х гг. минувшего века специалисты по функциональной стилистике целенаправленно обращаются к изучению стилистики текста и, в частности, текстовых категорий, в том числе так называемых функциональных семантико-стилистических категорий (ФССК), моделирующих стилевые черты научной речи. Эти исследования на основе учета экстралингвистических факторов научно-познавательной деятельности (мышления, речевой коммуникации в этой сфере и других) позволили выявить и структурировать целый ряд ФССК как компонентов научных текстов, формируемых в процессе текстообразования.

Таким образом были описаны, например, ФССК диалогичности, гипотетичности, акцентности, авторизации, проспекции и ретроспекции, оценки и др.

Так, д и а л о г и ч н о с т ь как признак речевого общения, представляющий, по М. Бахтину, взаимодействие двух или нескольких смысловых позиций, является всеобщим для речевой коммуникации. Он свойствен и письменной научной речи, но обладает в ней стилевым своеобразием.

Конечно, средства выражения диалогичности в научных текстах заимствуются из диалога и устной речи различных сфер общения, но в научном стиле (вспомним, что стиль — свойство текста) образовался определенный круг средств и способов выражения диалогичности, их функций, а главное — смыслов, типичных именно для данных текстов.

Прежде всего это маркеры, связанные с контекстом рассуждения, в частности доказательства, либо анализа, либо других форм работы научной мысли. Так, вопросительные предложения и вопросно-ответные комплексы «вплетены» в научных произведениях в «ткань» текстов, эксплицируя размышление, ход мысли. Примеры: *Получается, что моделирующая функция лексики ясна... Но в чем же своеобразие этой функции...?* (Головин);

...можно спросить, *едина ли практика людей? Если едина, то достаточно ли...?* (ВЯ); *Казалось бы, животное способно к обобщению... Можно ли, однако, ставить здесь знак равенства?... Конечно, нет* (Леонтьев).

Функции вопросительных предложений в диалоге с читателем:

Допустим, что синтаксис отдельного языка... тогда как же следует толковать синтаксис...? (Будагов); *Если верно первое, то как тогда совместить этот факт с тезисом о соответствии общественного сознания основным особенностям... общества? Если же верно второе, то где проходят границы общественного сознания... как их следует квалифицировать?* (Грушин).

Вопрос, активизирующий внимание и мышление читателя: *...у ч и т а т е л я может возникнуть вопрос: Почему учитывается затратная энергия...?* (Гегузин); *Могут спросить... а причем тут прогресс...* (Филин);

Непосредственные обращения к читателю в процессе изложения содержания речи: *Выясним, что же понимает Соссюр под изменяемостью знака* (Головин); *Обратим и мы внимание на природу знака* (он же); *Ср. другую точку зрения...* (Гальперин); *Вычислим магнитную восприимчивость...* (Ландау).

Это лишь некоторые средства и семантико-стилистические функции текстовой категории диалогичности в письменной научной речи.

§ 129. Известно, что в познавательном-коммуникативном процессе в определенной эпистемической ситуации появление идеи рождает гипотезу. Это еще не достоверное знание, а лишь предположительное, однако без гипотезы и ее доказательства не может быть получено достоверное знание. Тем самым гипотеза является составным элементом познавательной деятельности; она свойственна научному мышлению, а отсюда, соответственно, и научным текстам присуща *г и п о т е т и ч н о с т ь* как одно из их специфических стиливых свойств, моделируемое в соответствующей текстовой категории — ФССК гипотетичности.

В ходе исторического развития научная речь собирает из имеющихся ресурсов языка целую систему средств и способов

выражения разного рода предположений, допущений, условий, т.е. средств, содержащих семантику предположительности, и приспособливает их для экспликации в научных текстах гипотетичности. Таким образом, это не какие-то особые номинации, существующие в языке исключительно для выражения гипотетичности, но средства, специализирующиеся в научной сфере в определенной функции. Иначе говоря, это маркеры, сигналы, указывающие на наличие гипотетичности в стилистико-смысловой структуре соответствующих фрагментов научного текста и целого произведения, при этом достаточно частотные.

В этих целях и в соответствующей функции используются средства р а з л и ч н ы х языковых уровней: от лексических и лексико-грамматических (разных частей речи) до синтаксических и собственно текстовых. Число этих средств с семантикой предположительности в научных текстах огромно. Но главное: они пронизывают научный текст от начала до конца, их количество сокращается лишь на последних страницах произведения. Примеры:

- с маркерами различных частей речи — г л а г о л а м и: *Можно предполагать, что человек пользуется одним словесным мышлением* (Серебренников); *Надо допустить, что пищевой центр находится в...* (Павлов);
- с прилагательными: *приведенная гипотетическая классификация... является для нас вспомогательной...* (Матвеева);
- с наречиями: *Допустимо нахождение тяжелых элементов в ядре планеты* (Вернадский);
- с разными формами: с о с л а г а т е л ь н ы м н а к л о н е н и е м: *...следовало бы ожидать, что ...однако оно должно было бы сильно зависеть от...* (Ландау);
- с формой будущего времени: *В этом случае можно ожидать, что потомство животных будет обладать...* (Дубинин);
- Характерно использование в этой функции в в о д н ы х с л о в: *Вероятно, флору ...следует характеризовать как...*

Как правило, помимо основной авторской гипотезы, доказательству которой посвящена вся работа, по ходу анализа проблемы высказываются частные гипотезы и допущения, привлекаются гипотезы других авторов. Тем самым гипотезы в целом научном тексте выполняют не тождественные функции и представляют как бы два уровня (аспекта): основная сквозная по тексту гипотеза и образующиеся по ходу доказательства.

Обычно маркеры гипотетичности употребляются в научном тексте не спорадически, а с о в о к у п н о и массированно, что и придает научному тексту гипотетическую тональность, определяя наличие в нем соответствующей стилевой черты — специфической для данного функционального стиля и существенной для него. Примеры: *Очевидно, что вся деятельность организма должна быть закономерна. Если бы животное не было приспособлено, то... Оно так должно реагировать, чтобы... То же самое окажется, если представлять себе жизнь... в терминах механики... То же надо представить себе и относительно организма* (Павлов); *Скорее всего здесь мы имеем дело с...; ...Видимо, и современная функция...* (Шелякин); *...такое действие ...если оно существует, должно быть мгновенным. Быть может, таково тяготение. Но как скоро мы находим, что... мы должны заключить, что она происходила при участии... Если не замечать... вещества, мы должны постулировать новое...* (Столетов).

Предположительное знание представляется в научном тексте часто через целую цепь анализируемых и проверяемых допущений в ходе рассуждения (в процессе доказательства). Например:

«Наружные части небесных светил... находятся путем излучений во взаимодействии друг с другом. *М о ж е т б ы т ь, о б ъ я с н е н и е* этого явления *н а д о и с к а т ь* в обмене материей, который, *п о - в и д и м о м у,* происходит между этими телами... в космосе. *Иную картину* являют, *п о - в и д и м о м у,* более глубокие части тел мироздания... Так меняется наше представление о составе нашей планеты и... земной коры. Мы начинаем видеть в ней не единичное... земное явление, а проявление строения атомов и их положения в космосе... *Е с л и* даже мы *н е у м е е м о б ъ я с н и т ь* эти явления... мы знаем, где надо искать реше-

ния задачи... *В... биосфере мы должны искать отражения не только... единичных явлений, но и проявления строения космоса... Биосфера не может быть понята в явлениях, на ней происходящих, если будет упущена эта ее... связь со строением всего космического механизма. И эту связь мы можем установить в... фактах ее истории»* (Вернадский); «Высказывались не раз *гипотезы* о вероятном существовании в глубинах земной коры... первичных углеродных тел... иногда *допускают*, что первичные карбиды... находятся в... Усматривали признаки их существования в... Однако эти движения являются для планеты поверхностными. Проникновение ее в металлическое ядро, если оно существует, *гипотетично*. Есть, однако, факты, что когениты, а может, и другие... действительно выпадают. Однако те же карбиды находят в других месторождениях и *очень важно*, что более тщательное изучение этих минералов выяснит их... существование в... глубинных базальтах. Но даже в этом случае образование углеводородов из... карбидов не может иметь значения. *Мы должны считать нефти фриатическими минералами... Нефти не могут содержать ...ювенильных углеводородов»* (Вернадский).

Таким образом, в научных текстах налицо не только гипотеза — как исходный тезис текста, требующий доказательства, но и гипотетичность — как содержательно-смысловой и стилистический признак, пронизывающий собою текстовое пространство всего научного произведения.

Таковы в общих чертах особенности научного стиля речи. Однако следует учесть, что научный стиль представлен несколькими *подстилями*: *собственно научным*, который мы охарактеризовали, близким ему *научно-учебным*, а также *научно-техническим*, хотя и обладающим своеобразными чертами, но принципиально не отличающимся от первого, кроме того, — *научно-популярным*, рассчитанным на неспециалистов. Произведения последнего популяризируют научные знания в широкой аудитории. Тем не менее многие стилевые черты научной речи в нем сохраняются, хотя, естественно, научно-популярные тексты отличаются простотой изложения сообщаемых научных

знаний, экспрессивностью и образностью речи, рядом других своеобразных черт (См.: *Кожина М.Н.* О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. Пермь, 1966. С. 196—206; *Маевский Н.Н.* Особенности научно-популярного стиля. Автореф. дис... канд. филол. наук. Ростов-н/Д, 1979; *Баташева Л.А.* Приемы популяризации в разных типах научной речи. Автореф. дис... канд. филол. наук. Ленинград, 1986).

В добавление к сказанному отметим, что стиль и композиционные особенности научных текстов *неодинаковы в разных ж а н р а х научной литературы*: монографиях, статьях, докладах, авторефератах, рецензиях и др. (См. достаточно полную характеристику жанров научной литературы в кн.: *Стилистический энциклопедический словарь*. М., 2003. С. 57—67).

Особенности научного стиля речи необходимо знать и учитывать не только редакторам специальной литературы, но и будущим учителям-словесникам при изучении курса лингвистического анализа текста, при написании курсовых и особенно дипломных работ. Последние должны отвечать основным специфическим чертам научной речи, соответствовать особенностям научных текстов. Важно, чтобы в них были реализованы такие черты, как подчеркнутая логичность, точность изложения и др., чтобы они были не только описательными, но и объяснительными, т.е. были написаны в манере рассуждения. Следует знать законы развертывания научного текста, своеобразия композиции научного произведения. Распространенным недостатком дипломных работ является неучитывание адресата, иначе, отсутствие диалогичности, а также акцентуаторов, что значительно снижает стилистико-коммуникативные характеристики текстов. Как видим, знание общих принципов построения научного текста и его стилистики имеет большое практическое значение для выработки навыков текстообразующей деятельности (в соответствующей сфере).

§ 130. Специфика научного стиля, детерминированная его экстралингвистической основой, т.е. коммуникативно-познава-

тельной деятельностью и природой знания, изучается в последнее время все более углубленно. При этом применяется комплексный метод, опирающийся на данные различных наук.

Лингвостилистические знания расширяются и углубляются вместе с уточнением экстралингвистических факторов научной речи. С конца 80-х гг. прошлого века и в начале наступившего в стилистике идет активный процесс изучения данной проблематики, принесший ценные результаты относительно научного стиля (Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, Л.В. Красильникова, Л.М. Лапп, Т.В. Матвеева, Н.К. Рябцева, В.А. Салимовский, Л.В. Сретенская, В.Е. Чернявская и др.).

Так, М.П. Котюрова ввела в систему изучения экстралингвистических факторов научной речи, смысловой структуры научного текста понятие эпистемической (знаниевой) ситуации. Последняя определена как результат осознания автором научного текста трех основных аспектов познавательной деятельности: *онтологического*, связанного с предметным содержанием научного знания; *методологического*, связанного с методом получения знания, и *аксиологического* — с ценностной ориентацией ученого.

Е.А. Баженова, опираясь на эту концепцию и развивая ее, разветвляет политекстуальную модель смысловой структуры целого научного текста, посредством которой стремится показать и объяснить стилистико-речевую природу и особенности композиции текста (Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь, 2001).

Смысловая организация научного текста представляется как система восьми предложенных Е.А. Баженовой типов субтекстов. Субтекст же рассматривается как двусторонняя структурно-смысловая единица научного текста, «опредмечивающая» содержание указанных выше аспектов эпистемической ситуации — онтологического и методологического, а также рефлексивного (или коммуникативно-прагматического) аспекта познавательно-речевой деятельности автора научного произведения. При этом субтексты *нового знания* и *методологический* эксплицируют предметное ядро нового знания; субтексты *старого знания* и *прецедентный* отражают когнитивный фон авторской концепции и преемственность знания; субтексты *оценки* и *авторизации* воплощают рефлексивную (в том числе аксиологическую) функцию субъекта коммуникативно-

познавательной деятельности; субтексты *адресации* и *периферийный* обеспечивают восприятие и понимание содержания научного текста благодаря его композиционно-стилистической эффективности.

Думается, что разработанная Е.А. Баженовой концепция политекстуальности научного текста позволяет глубже представить стилистико-речевую природу его системности в аспекте экстралингвистической обусловленности. Она уточняет представление о процессах текстообразования и восприятия научного текста.

Следующим шагом в разработке проблемы построения научного текста явились исследования Н.В. Данилевской (Чередование старого и нового знания как механизм развертывания научного текста (аксиологический аспект). Пермь, 2006; Роль оценки в механизме развертывания научного текста. Пермь, 2005).

Как видно уже из заглавий работ, в них представлено исследование процесса текстовой деятельности в научной сфере, заключающегося в динамике чередования фрагментов старого и нового знания и значимости при этом аксиологического аспекта познания. Позитивной стороной исследования Н.В. Данилевской является то, что в нем доказана определяющая, ведущая роль аксиологического аспекта среди других аспектов эпистемической ситуации в вопросе динамики текстообразования в научной сфере.

«Основой взаимодействия компонентов старого и нового знания... выступает критическая оценка старого знания... Эти познавательно-оценочные действия благодаря выявлению негативных (устаревших) сторон предшествующего знания и перспективы нового подхода к объекту “приводят в движение” смысловое и речевое развертывание текста» (Автореф. докт. дис... Екатеринбург, 2006. С. 12). Это определяет не только закономерности текстовой деятельности в сфере науки, но и стилевые особенности научных текстов.

Если в большинстве названных работ исследовались общие стилевые особенности научных текстов и вообще процесса текстообразования в данной сфере, то монография В.А. Салимовского «Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст)» (2002) посвящена изучению научного текста на более низком уровне абстракции — жанровом, реализуя тем самым, в частности, одно из пожеланий А.Н. Васильевой, касающееся перспектив развития стилистики. При этом автор де-

монстрирует возможность исследования функциональных стилей (макростилей) и речевых жанров с единых методологических позиций функционально-стилистического осмысления понятия «речевой жанр» (РЖ). Предварительно он делает существенную оговорку теоретического характера, уточняющую один из основополагающих терминов-понятий функциональной стилистики «деятельность», предлагая номинацию — «вид духовной социокультурной деятельности».

Монография представляет собой разработку теоретических положений функционально-стилистической концепции речевых жанров. При этом метод исследования опирается на идеи теории деятельности в психолингвистике. Так, анализ РЖ начинается с определения типовой коммуникативно-познавательной цели автора научного произведения, а затем переходит на макроуровневую репродуктивную систему познавательно-речевых действий, реализующих данную типовую цель. Далее в анализе представлено разделение крупных коммуникативно-познавательных действий на более мелкие (вплоть до актов речи). В конечном счете устанавливаются репертуар и особенности функционирования языковых единиц, типичных для данного РЖ.

Исходя из понимания целевой детерминации человеческой деятельности, а также из положения К. Гаузенбласа «под стилем следует понимать определенный способ, принцип прохождения ...деятельности», В.А. Салимовский большое место уделяет проблеме целеустановок научного текста и формирования речевых жанров. Рассматривается типовая целеустановка и более частные цели, подцели.

С определением понятия жанрового стиля связывается вопрос о речевой системности. Жанровые стили понимаются как жанровые разновидности стилистико-речевой системности, а именно «как взаимосвязь актов речи на основе взаимосвязи их типовых целеустановок, объединенных типовой целью более общего характера... эти целеустановки детерминируют особенности построения дискурса, его функциональную окраску, закономерности отбора и использования языковых средств» (с. 57).

Таким образом, жанры речи, рассматриваемые с функционально-стилистических позиций, выступают как формы, объективирующие в текстах социально необходимые виды духовной деятельности. Подчеркивается, что жанровая форма может быть описана «как актуализация типового авторского замысла, соответствующе-

го определенной социокультурной целеустановке, посредством некоторой системы коммуникативно-познавательных действий», а также, что «жанровая форма воплощает в себе и стабилизирует диалогические отношения между коммуникантами, отвечающие повторяющимся целям и условиям общения» (204).

Рассмотрена также проблема возможности единства аналитического и функционального направлений в стилистике и отмечается позитивная роль в этом вопросе жанроведческого аспекта стилистики.

Из работ последних лет по стилистике научной речи следует отметить глубокие и перспективные исследования В.Е. Чернявской, посвященные проблемам интертекстуальности как текстообразующей категории и интертекстуальному взаимодействию как основе научной коммуникации, интерпретации научного текста, соотношению понятий текста и дискурса.

Наибольший интерес в учебном плане представляет пособие «Интерпретация научного текста» (СПб., 2004). В лаконичном, четком и содержательном изложении раскрыты в нем следующие темы стилистики научной речи.

Стиль, текст, дискурс как основные категории современного языкознания. При определении указанных понятий показано взаимодействие названных категорий и даются ценные уточнения.

Типы и классы текстов в научной коммуникации. Представлена проблема типологизации текстов; рассматриваются вопросы разграничения понятий *жанр* и *тип текста*, категории текстовой классификации, типы научных текстов, в том числе научно-популярный.

Интертекстуальное взаимодействие в языке науки и лингвистические средства его актуализации. Определяется понятие интертекстуальности как текстообразующей категории, цитации как формы интертекстуального взаимодействия; косвенной речи и фоновой ссылки в аспекте интертекстуальности.

Один из разделов посвящен вопросу *композиционной* организации академического научного текста (на примере монографии и статьи). В нем автор освещает темы: «Композиционно-прагматический сегмент как единица композиционной организации академического научного текста» и «Лингвистическая характеристика композиционно-прагматических сегментов».

В последнем разделе: *Субъект речи и ее адресат в научном тексте* рассматриваются средства авторизации и адресованности к читателю, употребляемые в научных текстах.

В книге широко представлена не только отечественная, но и зарубежная литература. Читатель найдет в этом пособии очень полезную и ценную для себя информацию по проблемам стилистики научной речи.

§ 131. Особого разговора требует работа Н.К. Рябцевой, значимость которой для стилистики научной речи трудно переоценить. Хотя в целом она посвящена далеко не собственно стилистической тематике и называется «Язык и естественный интеллект» (М.: Academia, 2005), в ней прежде всего рассматриваются проблемы, связанные с отражением в языке особенностей интеллекта, но среди прочих вопросов исследуется роль рефлексии в речемыслительной деятельности. В связи с этим представлен аспект научного стиля (точнее, мышления и стиля).

Ценность этого исследования для стилистики научной речи состоит в том, что *его можно считать своего рода экстралингвистическим междисциплинарным фундаментом для изучения стилистики научной речи*. В исследовании привлекаются данные прежде всего психологии, теории деятельности, мышления и коммуникации, общей теории языкознания. И хотя ряд особенностей стиля научной речи, представленных в книге Н.К. Рябцевой, так или иначе отмечался в работах по функциональной стилистике, но в указанном исследовании эти особенности рассматриваются в системном единстве, как закономерное проявление интеллекта — работы мысли познающего субъекта. Акцентируем внимание автора к д е я т е л ь н о с т н о м у аспекту (см., в частности, один из заголовков — *Мысль как действие, или риторика рассуждения*).

Основными объектами анализа в третьей части монографии «Язык и рефлексия», особенно в 14-й главе, являются следующие (расположим их в порядке значимости для организации научного стиля — основные и производные): с у б ь е к т научной деятельности (познания и коммуникации); р а с с у ж д е н и е как типичный способ изложения научных текстов, характеризующее их стиль; д и а л о г и ч н о с т ь научной деятельности и коммуникации как одна из определяющих черт научной речи,

поскольку познавательный процесс осуществляется и тем более выражается в научном тексте в виде диалога автора и адресата. Как следствие проявления этих — и других — феноменов в стиле научного текста Н.К. Рябцевой рассматриваются: стиль мышления, авторская индивидуальность, выразительность научной речи, ее аксиологичность и оценочность, научный метаязык, а также сюжет научного произведения и некоторые другие.

Кратко представим каждое из этих явлений в трактовке Н.К. Рябцевой (неизбежно с попутной нашей интерпретацией).

Известно, что научное познание стремится к объективности. «Но в нем *всегда присутствует*, явно или неявно, субъект. И это... *важный стилеобразующий фактор*. Он проявляется в манере изложения, в выборе исследовательской программы... в характере утверждений и др. Субъективные, точнее, «субъектные» свойства научного изложения — это проявление *авторской индивидуальности*, творческого характера познания и обязательной для него сознательной рефлексии» (с. 483. Выделено нами. — М.К.).

Кстати, из недавно вышедших работ по стилистике яркой авторской индивидуальностью отличается, например, стиль текста книги В.Г. Костомарова «Наш язык в действии». И еще одно замечание: традиционно считалось, что научным текстам не обязателен и даже не свойствен индивидуальный стиль (см., в частности, мнение Д.Н. Шмелева). Правда, специалистами по функциональной стилистике это мнение не разделяется.

Большое место в монографии Н.К. Рябцевой занимает вопрос о рассуждении как типе речи. И не случайно, так как «типичное научное изложение... это всегда рассуждение. Это особым образом организованное изложение нового знания...» (с. 482. Разрядка наша. — М.К.). При этом подчеркивается роль не только автора процесса познания и текста, но и адресата: «Адресат выполняет ментальные операции рассуждения «вместе с автором»... и тем самым участвует в нем... Участники научного дискурса не знакомятся с результатами исследования, но как бы получают их сами». При этом проявляется «прием изложения, выступающий одновременно как прием доказательства»

(с. 483). (Между прочим, близкие этому мысли находим у психолога Г.М. Кучинского.)

С этим вопросом связана проблема диалогичности как характерной черты стилистики научного текста: «Особенность научного изложения... — его прямая направленность на адресата, диалог с ним. Поэтому научный текст *принципиально диалогичен*, не только в смысле М. Бахтина или Платона, подчеркивавшего «диалогический характер мышления...», «но в первую очередь благодаря явному обращению к адресату и вовлечению его в рассуждение...» (с. 493. Выделено нами. — М.К.). «Возможность... “диалога” обеспечивается присутствием в научном тексте предмета рассуждения — научной проблемы, порождающей ситуацию общения...» (с. 494).

Н.К. Рябцева отмечает, что «научное изложение ...имеет свой *«с ю ж е т»*. Это модель познавательной ситуации. Прототипическая схема сюжета включает «завязку»: постановку задачи, проблемы, вопроса — это *осознание* и экспликация «незнания»; экспозицию: способ превращения незнания в знание; оно сопровождается выдвижением гипотезы, ее доказательством, аргументацией, выведением следствий из посылок, наличного знания и фактов; и «кульминацию»: выводы, результаты, итоги, «последствия», значение нового знания и т.п. Типичным модулем в изложении научного сюжета выступает «настоящее вневременное», ср. англ. Present Indefinite (типичны кванторные операторы *обычно, всегда, как правило, вообще*). Оно разворачивает научный сюжет не в пространственно-временной, а в логической прогрессии» (с. 482. Курсив автора. — М.К.).

В монографии отмечается, что научное изложение далеко не бесстрастно, «оно высоко аксиологично», отличается «прагматической нагруженностью оценки и ее активным участием в рассуждении, в аргументации, объяснении...» (с. 491). Указывается, что «оценочность не только не снижает качества изложения, но напротив, позволяет его «свертывать», «развертывать» и «организовывать» (с. 492). (Кстати, см. в предыдущем параграфе об исследовании Н.В. Данилевской, посвященном роли оценки в научном тексте.) Н.К. Рябцевой рассматриваются и проблемы создания в ы р а з и т е л ь н о с т и научной речи.

Очень интересно представлены в монографии сведения о метаязыке как проявлении субъектности познания. Отмечается, что «научный метаязык — это не отдельные и разрозненные классы слов..., а единая система... активно взаимосвязанных средств воплощения коммуникативных и когнитивных намерений» автора (с. 499). Подчеркивается, что научный метаязык обладает «способностью “сворачиваться” в логические операторы и даже в шрифтовое оформление текста, тем самым совмещая ментальную операцию и ее коммуникативное воплощение... Например, разрядка означает “Я подчеркиваю” (с. 499). Автор монографии указывает, что метадискурс — «обязательный элемент научного стиля мышления» (с. 499).

Справедливо подчеркивается, что метатекст часто не просто «заметки на полях», как отметила А. Вежбицкая, и «их нельзя “стереть” без последствий» (с. 500). (Между прочим, ср. аналогичное автору монографии мнение в статьях: *Кожина М.Н.* Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) // *Жанры речи.* Саратов: Изд-во СГУ, 1999; *Стиль и жанр: их вариативность, историческая изменчивость и соотношение* // *Stylistyka.* Opole, 1999).

Отмеченные нами в ряде случаев «переклички» с наблюдениями и положениями Н.К. Рябцевой, высказанные, правда, в другом контексте, свидетельствуют об объективности рассматриваемых явлений научной речи. Однако для функциональной стилистики ценно то, что в монографии Н.К. Рябцевой они «вплетены» в единую целостную концепцию, которая может составить, так сказать, экстралингвистический фундамент функциональной стилистики (прежде всего научной речи).

Этот факт подтверждает важность и продуктивность опоры функциональной стилистики на дисциплины когнитивно-психологического плана.

Официально-деловой стиль

§ 132. Общение в области правовых отношений служит осуществлению основных функций права. Право же призвано р е

г у л и р о в а т ь отношения между людьми, учреждениями, странами (международное право), между гражданами и государством. Языковые способы выражения функций права и речевое воплощение регулировочных действий оказываются своеобразными в этой сфере общения, определяя важнейшие специфические стилевые ее черты. И действительно, как мы дальше покажем, императивность (в широком смысле) и предписующе-долженствующее значение оказываются характерными для самых разных языковых единиц, функционирующих в этой сфере. В целом же можно говорить о том, что официально-деловая речь несет на себе стилевую окраску д о л ж е н с т в о в а н и я.

Речевому воплощению основных функций права способствует и такая стилевая черта, как т о ч н о с т ь, н е д о п у с к а ю щ а я и н о т о л к о в а н и я. Точность формулировок правовых норм и необходимость абсолютной адекватности их понимания (толкования) — идеал законодательных текстов, способствующий «безотказной» реализации регулировочной функции права. Напротив, неясность этих формулировок, допущение неоднозначных толкований мешают осуществлению основной функции права, подрывают его незыблемость и авторитет.

Кроме отмеченных черт, праву и, следовательно, официально-деловой речи свойственна своего рода безличность выражения, точнее, неличный характер общения и речи. За исключением некоторых немногих жанров (приказы, заявления, докладные), высказывание в деловой сфере осуществляется не от лица конкретного говорящего, пишущего, но от лица государства. Таким образом, высказывание в форме закона, установления исходит от «лица» особо обобщенного, абстрактного. В речи это вызывает грамматическую ослабленность форм лица, что находит выражение в значениях и функционировании соответствующих языковых единиц, прежде всего глагола и личных местоимений (об этом речь пойдет ниже). Итак, выделяется еще одна специфическая для деловой речи стилевая черта — е е н е л и ч н ы й х а р а к т е р. (Ср. наличие и выражение в речи лица говорящего во всех функциональных стилях, даже в научном и публицистическом.)

Необходимо учесть и условия общения, которые в деловой сфере определяют появление такой типичной для официально-делового стиля черты, как стандартизированность (клише, форма). Поскольку в правовых отношениях все регламентировано, а общение осуществляется по определенным стандартам, которые облегчают это общение, постольку речевой стандарт, шаблон оказываются здесь не избыточными, необходимыми и даже целесообразными и оправданными. Отсюда большая роль в деловой речи фразеологизмов, устойчивых словосочетаний, однако в большинстве своем терминованного характера и отнюдь не отличающихся эмоциональностью и экспрессивностью, которые вообще присущи русской фразеологии (в разговорной, художественной и публицистической сферах общения). Правда, последнее не означает, что деловая речь вообще лишена выразительности. Однако характер этой выразительности специфичен; она направлена на наилучшее языковое воплощение основных стилевых черт деловой речи, на наилучшее осуществление в правовой сфере специфических задач коммуникации. Следовательно, оценивать выразительность деловой речи надо не с общеязыковых позиций, но с учетом специфики данного стиля.

В связи с долженствующе-предписующим характером и необходимостью формулирования правовых норм деловой речи свойственны особенности способа изложения и в то же время почти сведение на нет известных в других речевых сферах способов изложения (повествования, рассуждения, описания).

Поскольку в текстах государственных актов приходится обычно не доказывать что-то (анализ и аргументация предшествуют составлению этих текстов), но устанавливать, регламентировать, то этим текстам в общем не свойственно рассуждение. Отсутствие этого способа изложения резко отличает официально-деловой стиль от научного, хотя по ряду других черт они могут сближаться между собой. Этот факт находит отражение прежде всего в синтаксисе: сравнительно низкий процент сложноподчиненных предложений, особенно с придаточными причины; количество средств выражения логичности и

последовательности изложения в деловой речи в три раза меньше, чем в научной. Характерно, однако, широкое употребление условных конструкций, поскольку во многих текстах (например, кодексах, уставах, инструкциях) требуется оговаривать условия правонарушений и правопорядка. Необходимостью детализации изложения и оговорок объясняется осложнение простых предложений многочисленными обособленными оборотами, однородными членами, часто выстраивающимися в длинную цепь пунктов. Это влечет за собой увеличение размеров предложения (в том числе простого) до нескольких сотен словоупотреблений. Предложения в 500—600 словоупотреблений в официально-деловой речи не редкость. Встречаются предложения размером и до 2000 слов и более.

Такой способ изложения, как повествование, также не характерен для деловой сферы общения, поскольку здесь не возникает необходимости рассказа о каких-либо событиях. Лишь в таких жанрах, как протокол, отчет, отчасти — договор, в некоторых частях постановления (констатирующих) наблюдается обращение к повествовательной манере изложения: *наш коллектив в истекшем году приложил много усилий для устранения недостатков в работе и улучшения качества продукции. Выявили причины недостатков, наметили мероприятия по их устранению. Заключили взаимовыгодные договоры со смежниками, приобрели новое оборудование... Это позволило предприятию выйти на проектные мощности* (Из протокола).

Однако в частях протоколов, представляющих решения собраний, и в постановлениях высших органов не встретишь чистого повествования или описания. Здесь изложение идет именно в стиле *к о н с т а т а ц и и*, *у т в е р ж д е н и я* (с акцентами на этих аспектах). Например: *Обобщение судебной практики свидетельствует о том, что борьба с указанными деяниями не отвечает предъявленным требованиям и должна быть усилена... Некоторые суды не уделяют должного внимания возмещению ущерба, причиненного выпуском недоброкачественной... продукции: не по всем делам устанавливают полный размер ущерба...* (Постановление Верховного Суда). Подчеркнутая, а *к ц е н т и р о в а н*

на я к о н с т а т а ц и я представлена и в тексте следующего акта: *Бывший кладовщик базы «Строитель» Попов Петр Иванович, с одной стороны, и назначенный кладовщиком Купавин Иван Петрович, с другой стороны, с участием представителя... **составили** нижеследующий акт: 1. Первый **сдал**, а второй **принял**...*

Характерно, что этот способ изложения с соответствующими ему стилевыми особенностями можно найти уже в древнейших деловых документах. Так, в тексте договоров русских с греками (X в.) специально подчеркивается именно закрепленное договором утверждение дружественного отношения договаривающихся сторон (*Азъ Святославъ, князь Рускый... **утверждаю** на свещании сем роту свою и хочю имети мир... с цесаремъ Гръчкымъ; Мы отъ рода Руськаго съли и гостие... послани отъ Игоря... **обновити** ветъхы миръ... и **утвърдити** любовь межю Гръкы и Русию*).

Почти нет в деловой речи «чистых» описаний. То, что внешне похоже на описание, в действительности оказывается особым предписующе-констатирующим способом изложения, при котором, например, за формами настоящего времени глагола предполагается подтекст долженствования: *По окончании расследования **составляется** обвинительное заключение...* (т.е. должно составляться. — М.К.); *Настоящим Кодексом **регулируются** указанные в статье 1 отношения...* (т.е. должны регулироваться. — М.К.) (Уголовный процессуальный кодекс РФ); *Гражданские права **охраняются** законом... Действие доверенности **прекращается** вследствие: 1) истечения срока...; Должник **отвечает** за неисполнение или неподлежащее исполнению обязательство* (Гражданский процессуальный кодекс РФ).

В других случаях (в том числе в постановляющей части решений, указов, постановлений, в приказах) проявляется прямо и непосредственно выраженная императивность: *Работодатель **обязан: выполнять** обязательства, вытекающие из законодательства..., **заключить**... трудовые договоры..., полностью **рассчитываться** со всеми работниками... **осуществлять** социальное... и иные виды страхования... **выполнять** решения...* (Трудовой кодекс РФ).

§ 133. Как же реализуется в текстах официально-делового стиля каждая из характерных для него черт?

Одной из базовых стилевых черт официально-деловой речи является, как сказано выше, ее *долженствующе-предписующий характер* (императивность). Это выражается различными средствами и способами.

Уже отмечалось, что для этого широко используется неопределенная форма глагола и инфинитивные конструкции, поскольку с помощью инфинитива удобно выражать прямую или непрямую императивность, реализовать свойственные официально-деловой речи коммуникативные задания и ее основную специфичную стилевую черту (*предписующий характер речи*). При этом весьма часто образуется цепь взаимосвязанных инфинитивов, иногда до 20 членов. Таковы обычные формулы и синтаксические схемы приказов и постановлений, однако это явление свойственно и другим деловым жанрам. Для выражения императивности и регламентированности инфинитив в деловых текстах используется со словами *приказываю, постановляю, нужно, необходимо, следует* (в значении «нужно»), *должен, обязан, обязуется, может, имеет право* и т.п. Для усиления категоричности приказа (или установления) дополнительно используются в качестве усилителей и другие лексические средства, обычно наречные слова, например: *Необходимо **решительно** устранять недостатки*.

Предписующе-долженствующий характер официально-деловой речи находит проявление и в функционировании других форм и категорий глагола. Так, формы настоящего времени выступают в значении, которое называют *настоящим предписанием* (или *долженствования*): *Доверительный управляющий **несет** ответственность* (т.е. *обязан нести*) *за причиненные убытки...* (Гражданский кодекс РФ); *Юридическое лицо либо гражданин **возмещает** вред, причиненный его работником при исполнении трудовых (служебных, должностных) обязанностей* (Там же); *За перевозку грузов, пассажиров и багажа **взимается** провозная плата, установленная соглашением сторон* (Там же).

Формы *будущего времени* приобретают в контексте различные модальные оттенки (*долженствования, предписания, возможности, близкой к необходимости*): *Границы **будут** теми,*

какими они существовали на 1 октября 1941 г. (т.е. установлены договором. — М.К.) (Международное право. Т. I); *Военное командование выделит...* (т.е. должно будет выделить. — М.К.) (Международное право. Т. III). Другое значение будущего, типичное для деловых текстов, — будущее условное (ирреальное), употребляющееся обычно в сложноподчиненных предложениях с придаточным условным: *Страховая сумма выплачивается, если в течение года... наступит постоянная утрата трудоспособности* (Правила страхования).

Вполне согласуется с задачами коммуникации и общей стилиевой чертой деловой речи и функционирование форм прошедшего времени. Одно из типичных его значений здесь — прошедшее подчеркнутой констатации, ярко выраженной фиксации сообщаемого в письменной форме (установления, договора и т.д.): *Мы, нижеподписавшаяся комиссия... осмотрели, обмерили на выборку, сличили чертежи и приняли одноквартирный щитовой дом* (текст акта). Кроме того, употребительно прошедшее условное (или ирреальное) в характерных для деловой речи условных предложениях.

Глаголы несовершенного вида как более отвлеченные по значению, чем глаголы вида совершенного, преобладают в жанрах деловой речи более общего характера (Конституция, кодексы, уставы и др.). Формы же совершенного вида употребительны в текстах более конкретного содержания (приказы, распоряжения, протоколы собраний, постановления, акты, договоры). Они используются в сочетании с модальными словами в значении долженствования и выражают категорическое приказание, разрешение (*должен сообщить, вправе предпринять, обязан передать, обязую обеспечить*), а также констатацию (*Комитет рассмотрел, принял меры, внес предложение; внедрили, организовали, ускорили* и т.д.).

Предписующе-долженствующий характер деловой речи проявляется в высокочастотном использовании кратких прилагательных модального характера (со значением долженствования), которые в других функциональных стилях менее употребительны. Таковы слова *должен, обязан, обязателен, по-*

дотчетен, необходим, подсуден, ответствен и некоторые другие: Суд **обязан** ...приостановить производство по делу в случае... (Гражданский процессуальный кодекс РФ); Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, **обязаны** разъяснить участвующим в деле лицам их права и обеспечить возможность осуществления этих прав (Уголовный процессуальный кодекс РФ); Нотариальное удостоверение сделок **обязательно** в случаях... (Гражданский кодекс РФ); По договору подряда на выполнение проектных и изыскательских работ заказчик **обязан** передать подрядчику задание на проектирование, а также иные исходные данные (Там же); Пенсионер **обязан** известить орган, выплачивающий ему пенсию, о... (Из закона РФ «О трудовых пенсиях»).

Такая стилевая черта деловой речи, как *т о ч н о с т ь*, *н е д о п у с к а ю щ а я* *и н о т о л к о в а н и я*, проявляется прежде всего в употреблении специальной терминологии, в однозначности и безобразности нетерминологической лексики. Стремление к точности ограничивает возможности синонимических замен, так как последние вызывают обычно изменение оттенков смысла. Поэтому типичная особенность деловой речи — широкая повторяемость одних и тех же слов, преимущественно терминов. Кроме того, проявлению точности способствуют разного рода уточнения и оговорки, ведущие к широкому употреблению обособленных оборотов, в том числе причастных и деепричастных, а также использование условных предложений, преобладание союзных связей над бессоюзием. В целом все это приводит к значительному увеличению размеров предложения (в том числе и простого).

Н е л и ч н ы й в основном характер деловой речи обнаруживает себя, кроме отсутствия в ней форм глагола 1-го и 2-го лица и соответствующих личных местоимений, еще и в том, что формы 3-го лица глагола и личные местоимения часто используются в неопределенно-личном значении. Отчасти с этой же чертой делового общения связана употребительность *с о б и р а т е л ь н ы х* *с у щ е с т в и т е л ь н ы х*: *выборы, дети, родители* — или существительных, выражающих совокупное единство: *войско, оружие*. В значении совокупности, а не отдельного множества

выступают весьма высокочастотные в деловой сфере слова, называющие лиц по их профессии, социальному положению и т.п.: *граждане, работодатель, работник, служащие* и др.

Одним из типичных лингвистических признаков официально-делового стиля является его и м е н н о й характер. Частота употребления существительных здесь выше, чем в остальных функциональных стилях, в том числе научном (тоже обладающем именным характером). Именной характер деловой речи выражается также в большом количестве отыменных предлогов и союзов (*в соответствии, в связи, соответственно, согласно; в силу того что; вследствие того что; ввиду того что; в связи с тем что*). Отглагольные существительные и образованные от них устоявшиеся обороты речи (синонимичные глагольному выражению) нередко ведут за собой цепь имен в родительном падеже: *...деятельностью, не преследующей цели получения прибыли* (Из закона РФ «О предприятиях и предпринимательской деятельности»); *Размер облагаемого совокупного годового дохода определяется...* (Там же); *Получен доход трехкратного установленного законом размера минимальной месячной оплаты труда* (Там же); *Несоблюдение требуемой законом простой письменной формы...* («Гражданский кодекс РФ»). Приведем примеры оборотов с отглагольными существительными: *оказание помощи, установление контроля, проверка обязательств, выяснение условий, отгрузка товаров, предъявление иска, укомплектование штатов, взыскание задолженности, невыход на работу, квитанция об отправке* и т.д.

Наконец, одна из типичных черт деловой речи — с т а н д а р т и з и р о в а н н о с т ь — реализуется широким кругом устойчивых оборотов деловой речи: *вступить в законную силу, обжалованию не подлежит, передать в соответствующие инстанции, привлечь к уголовной ответственности, без уважительной причины, в установленном порядке, в случае неявки, по истечении срока* и др. Сюда относятся и обороты с архаическими элементами: *соответствовать содеянному, наказуемость деяния* и др.

Характерными чертами деловой речи являются также особая официальность выражения и безэмоциональность (своего рода

«сухость»). Последней чертой обусловлено отсутствие здесь суффиксов субъективной оценки. Официальность же получает выражение, например, в использовании существительных мужского рода для обозначения лиц женского пола по их профессии (*лаборант Кравцова, директор Петрова* и т.п.) и в ряде других явлений.

Среди различных языковых средств, характерных для деловой речи, отметим употребление специальной терминологии (*ответчик, неустойка, накладная, рекламация (= претензия), кассационная жалоба* и мн. др.); широкое использование родительного приименного (до 93% от всех случаев употребления родительного падежа существительных); использование специальных сочинительных союзов с высокой частотностью: *а равно, а также; как... так и: Под выпуском... недоброкачественной... продукции следует понимать передачу или отправку, а равно принять ее отделом технического контроля...* (Из постановления); *Объединения, предприятия, организации и учреждения, а также конторы, отделения... должны соблюдать...* (Из инструкции); *Доказательствами по делу являются полученные сведения о фактах, а также иные обстоятельства...* (Арбитражный процессуальный кодекс РФ).

Деловой речи, кроме того, свойственны, во-первых, довольно заметные различия между жанрами и подстилями. Так, канцелярская речь в целом отличается большей конкретностью и более личным характером выражения по сравнению с языком и стилем собственно законодательных актов высших органов государственной власти. Во-вторых, деловой речи свойственны своего рода переходные явления, например слияние делового стиля с публицистическим, что ведет к появлению эмоциональности и экспрессивности — черт, в общем не свойственных этому функциональному стилю. Примером таких сложных образований являются первые декреты советской власти.

Заметим, что деловая речь — область, наименее исследованная в функционально-стилистическом отношении.

§ 134. Широта сферы делового общения позволяет различать более частные стилевые разновидности — подстилевые, жанровые и другие, однако вопрос об их выделении еще не по-

лучил окончательного решения. Логично дифференцировать официально-деловой стиль на три подстиля: законодательный, юридический, административный, соответствующие трехчленному делению государственной власти на сферы законодательства, правосудия и управления. Законодательный подстиль обеспечивает координацию деятельности людей в сфере создания нормативных актов. Юрисдикционный подстиль обеспечивает координацию деятельности людей в сфере применения законов в практике правоохранительных органов. Административный — обеспечивает координацию деятельности людей в сфере управления в широком смысле, включая финансовое регулирование, управление собственностью и т.п. (Губаева Т.В. Официально-деловая речь... // Stylistyka VI, Opole, 1996). Кроме того, выделяется, хотя и не всеми специалистами, дипломатический подстиль в сфере регулирования межгосударственных отношений. Он выполняет общую для официально-деловых текстов функцию, специфичны здесь лишь субъекты общения — разные государства. В связи с этим представляется закономерным выделять дипломатический подстиль. Административный подстиль подразделяется на собственно административную и административно-коммерческую разновидности, к последней относятся тексты, обеспечивающие координацию в сфере коммерции, т.е. торговли и предпринимательской деятельности.

В законодательной, юрисдикционной, административной и дипломатической областях осуществляются три формы деятельности: предписание, ходатайство и информирование (чаще всего в форме констатации), поэтому тексты указанных подстилей можно разделить на три группы — предписывающие, ходатайствующие и информирующие.

Количество жанров официально-делового стиля многообразно, труднообозримо и требует систематизации. Учитывая четыре группы текстов (подстилей) и их основные функции — предписания, ходатайства, информирования, все жанры можно свести в единую систему (см. таблицу, отражающую и формы речи — письменную и устную, — в которой функционируют те или иные жанры).

Жанры официально-делового стиля

Под-стиль	Формы речи	Функции		
		Предписание	Ходатайство	Информирование
Законодательный	Письменная	Законы, решения, нормативные акты, указы, постановления; вторичные: инструкция, разъяснительное письмо, консультация, постатейный и оперативный комментарий		
	Устная		Апеллирующие парламентские речи	Парламентские речи, прения
Юрисдикционный	Письменная	Обвинительные заключения, приговоры, определения, судебные решения, постановления об аресте, обыске	Кассационные жалобы, кассационные протесты, поручения, подписки, обязательства, исковые заявления	Процессуальные акты, протоколы
	Устная		Судебные речи, беседы на приеме граждан и др.	Опросы, допросы, показания, очная ставка

Под- стили	Формы речи	Функции		
		Предписание	Ходатайство	Информирование
Административный	Письменная	Организационные (учредительный договор, устав, должностные инструкции, штатное расписание), распорядительные документы предприятия (приказы, распоряжения, решения), факсы и телеграммы директивного характера, трудовые соглашения, представления, контракты (торговые), договоры страхования (жизни, имущества и др.)	Петиции, личные заявления, объяснительные записки, рекомендательные письма, служебные письма, факсы и телеграммы ходатайствующего характера, заявки, завешания, коммерческие письма типа оферта и претензии	Финансово-бухгалтерские документы предприятия (ордера, отчеты, квитанции, счета, реестры, ведомости, кассовые книги, калькуляции (сметы), календарные планы, авансовые отчеты, карточка учета материальных ценностей), информационно-справочные документы предприятия (акты, справки, протоколы); документы по личному составу предприятия (автобиография, личный листок по учету кадров, коммерческие письма, банковские документы, акты), бухгалтерская документация, товаро-

Под- стили	Формы речи	Функции		
		Предписание	Ходатайство	Информирование
Административный				сопроводительная документация, страховой полис и др.
	Устная	Распоряжения, переданные лично или опосредованно (по телефону)	Речи-представления, аукционы, выступления-предложения, просьбы	Коммерческие переговоры, речи на приемах и презентациях, торги, выступления и доклады на собраниях, телефонные разговоры, прения
Дипломатический	Письменная	Договоры, соглашения, конвенции, пакты, декларации, ультиматумы, вербальные ноты, протоколы	Личные ноты	
	Устная			Совместные заявления, коммюнике, совместные коммюнике, меморандумы

При реализации того или иного вида деятельности, в соответствии с коммуникативной установкой, функцией документа создаются тексты, в которых такие стилевые черты официально-деловой речи, как ее предписующе-долженствующий характер, точность, не допускающая инотолкования, стандартизированность, неличностность, официальность и безэмоциональность изложения, проявляются неодинаково.

На выражение этих черт оказывает влияние еще один фактор — адресат. Так, в законодательных текстах-предписаниях, устанавливающих нормы жизни в государстве, адресат представлен предельно обобщенно — государственными нормами должны руководствоваться все граждане. Императив в этих жанрах особенно строг, представлен развернуто и обобщенно, поскольку определяет норму поведения в обществе, систему обязательств; в целом таким текстам в наивысшей степени свойствен и неличный характер речи. Тем самым предписание осуществляется как *у к а з а н и е н а ю р и д и ч е с к у ю о т в е т с т в е н н о с т ь*, наступающую при определенных обстоятельствах и условиях.

Сфера влияния юрисдикционных императивных текстов уже: она распространяется лишь на отдельные органы исполнения власти, должностных лиц и граждан, в связи с чем документы содержат предписания по применению юридических санкций, т.е. к совершению лишь некоторых конкретных действий (а не нормы вообще). Административные предписания определяют применение правовых норм в конкретных жизненных ситуациях (гражданских, уголовных и арбитражных делах), императивность в них смягчена за счет более личностного изложения. Деятельность по предписанию в административной сфере может осуществляться как *т р е б о в а н и е в ы п о л н е н и я* тем или иным должностным лицом необходимых *д е й с т в и й*, как *у с т а н о в л е н и е п о р я д к а* и *с п о с о б а* их выполнения и т.д.

Жанры, содержащие ходатайства, наряду с императивностью, могут обладать личностным характером изложения, поскольку в этих документах отражаются отношения между администрацией и отдельными гражданами. При этом в жалобах, напоми-

нениях, просьбах, протестах, судебных речах, нотах и др. жанрах различна степень категоричности речи: от мягкости, деликатности до настойчивости, требовательности, жесткости. Кроме того, апеллирующие парламентские речи, судебные речи, коммерческие и рекомендательные письма, презентации и др. должны обладать речевой выразительностью и богатством языковых средств с целью оказать определенное воздействие на слушателя / читателя. Ходатайство, обращенное к компетентным органам, структурам, должностным лицам, осуществляется как п р о сь б а, ж а л о б а, п р е т е н з и я, п р е д у п р е ж д е н и е, н а п о м и н а н и е, о п р о в е р ж е н и е, т р е б о в а н и е, з а п р о с, п р е д л о ж е н и е и т.д. в форме официального обращения. В текстах-ходатайствах особенно важно также соблюдать нормы речевого этикета, сложившиеся в российском деловом общении. В парламентских речах, переговорах уместна деликатность, терпимость, сниженная категоричность, в том числе благодаря эвфемизации речи.

Жанрам информирующего характера свойственна констатация, фиксирующая состояние дел в определенной области (протоколы, акты, справки, отчеты, показания, сертификаты, полисы и др.). Информирование осуществляется как к о н с т а т а ц и я, у д о с т о в е р е н и е, о п и с а н и е, п е р е ч и с л е н и е и т.д.

Основная форма функционирования официально-делового стиля — письменная, это связано с необходимостью документировать информацию, придавая ей правовую значимость. Отнесение устной деловой речи к официально-деловому стилю некоторыми исследователями оспаривается. В частности, М.В. Колтунова считает, что в устной речи из-за ее спонтанности невозможно соблюсти требование точности, и точность, не допускающая инотолкования, — недостижимый идеал для устного делового общения. Отсюда делается вывод о том, что устная и письменная деловая речь — системно различающиеся разновидности русского литературного языка (*Колтунова М.В. Язык и деловое общение. М., 2003*). Однако нам представляется, что устному деловому общению свойственны стилевые черты официально-

делового стиля. Но в устной речи они реализуются другими способами и средствами. Например, в устном деловом общении, чтобы быть точным в формулировках, тщательно продумываются цели, задачи, план обсуждения проблемы. На обсуждение выносятся всё, что вызывает вопросы. Например, уточнение условий достижения выгоды — важнейшая задача устного общения в сфере бизнеса, уточнение обстоятельств дела — в правовой. Для достижения точности и однозначности используются соответствующие тактики: задаются дополнительные, уточняющие вопросы, в случае необходимости даются объяснения, определения, неоднократно дословно или с допустимыми вариантами повторяется сказанное, учитываются при этом возможные помехи при восприятии. Ход обсуждения регулируется специальными вопросами: *У вас все по этому вопросу? Вы не хотели бы что-либо добавить? Кто еще хочет высказаться по данному вопросу?*

По завершении переговоров принимаются решения, заключаются соглашения, составляются протоколы, имеющие законную силу. Руководитель следит за тем, чтобы в выступлениях не было отступлений, которые содержат эмоциональные оценки вместо конструктивных предложений, требует, чтобы участники следили за точностью выс: обсуждали факты, вносили предложения строго в соответствии с предметом речи, снимали двусмысленность, неточные формулировки. Если в ходе обсуждения выясняется, что предварительные соображения участников совещания оказались неточны, от них отказываются. Причем нормой в деловом общении считается его регламентированность, а также строгое следование этикету. С одной стороны, этим обусловлена появляющаяся даже в устном общении стандартизированность, с другой стороны, это позволяет сохранить точность высказываний.

§ 135. В последние десятилетия русский деловой стиль активно преобразовывался под влиянием социально-политических и экономических перемен в стране, повлекших перестройку в законодательной системе государства. Изменения во всей этой системе (в международном, уголовном, трудовом, арбитражном)

ражном, банковском, гражданском и др. видах права) отразились на жанрах законодательного и юрисдикционного подстилей: с одной стороны, появились новые виды законодательных актов, а также документов, в которых фиксируется новая законодательная практика (в частности, новые виды протоколов и решений с обновленным набором реквизитов), с другой — изменилась форма традиционных для этой сферы жанров.

Каковы же основные направления преобразований жанровой системы в этих подстилях? Во-первых, увеличивается число документов, позволяющих обеспечить доказательную базу для принятия решений, для вынесения вердиктов. Во-вторых, расширяется сфера применения аргументативных текстов, в частности, они используются в ходатайствах, заявлениях, объяснениях суду (арбитражному, уголовному с участием присяжных). В-третьих, расширяется даже и в деловом общении сфера применения собственно диалогической, субъектно-субъектной коммуникативной. Например, в арбитражном процессе это судебное разбирательство и судебные прения, когда решаются споры между равными субъектами, осуществляющими предпринимательскую и иную экономическую деятельность.

Активно развивается административный подстиль, здесь процесс жанрообразования направлен на обеспечение координации в сфере предпринимательской деятельности. Тенденция перехода к субъектно-субъектному речевому взаимодействию проявляется значительно активнее в этом подстиле, репрезентирующем общение, направленное на развертывание взаимовыгодного сотрудничества, чем в законодательном и юрисдикционном подстилях, репрезентирующих отношения в векторе «государство-граждане». Появляются новые письменные жанры: среди организационных документов предприятия уставы и учредительные договоры, среди документов по личному составу резюме, трудовые контракты. В значительной мере изменяется банковская, бухгалтерская и товаросопроводительная документация: платежные поручения, авизо, чеки, аккредитивы, кредитные карточки, акты, ордера, отчеты и мн. др. Появление всех этих документов — результат перехода к новому типу делового

вых отношений (от вертикального к горизонтальному). Это значит, что в настоящее время сложилась такая система управленческих документов, в которой *п р е д п и с а н и е* осуществляется как план-задание, приказ, распоряжение или инструкция, и *н ф о р м и р о в а н и е* — в виде констатирующих учетных документов, содержащих различные сведения, необходимые для эффективного осуществления контроля (документы по личному составу, финансово-бухгалтерские документы и информационно-справочные документы предприятия), *х о д а т а й с т в а* как заявление, предложение, петиция или просьба.

Гармоничному развитию делового общения способствует расширение сферы использования совещаний, переговоров, торгов и других форм диалога. В этих коммуникативных ситуациях развертывается бизнес-аргументация с целью выработки и принятия управленческих решений. Убедить заключить соглашение на тех условиях, которые предлагает субъект, — такова цель аргументации на переговорах. В качестве сторон могут выступать частные (физические) лица, предприятия и организации (юридические лица), наконец, государство. Специфика переговорной аргументации по сравнению с аргументацией в других функциональных разновидностях речи заключается в постоянной смене ее субъектов и адресатов. Объектами аргументации на таких переговорах выступают условия совершения сделки: цена, качество, сроки оплаты, степень риска проводимых операций, трансферт и прочие условия. В ходе обоснования акцент делается на создании представления о выгоде сделки для партнера. В качестве доводов предлагаются ссылки на условия, сложившиеся на рынке, прецеденты, прогнозы и т.п. Использование оценки предельно редуцировано, применимы лишь прагматические и утилитарные оценки (выгодно-невыгодно, рентабельно-нерентабельно, надежно-ненадежно и т.п.) (См.: *Колтунова М.В. Язык и деловое общение. М., 2003*).

В настоящее время одним из необходимых элементов делового взаимодействия является переписка. С увеличением значимости бизнес-сферы в современном мире, развитием новей-

ших средств связи появилась необходимость в использовании различных видов деловой корреспонденции.

Деловые письма в соответствии с назначением могут быть гарантийными, сопроводительными, информационными, рекламными, содержащими просьбы, запросы, приглашения, напоминания, подтверждения, отказы и т.п. Осознанная адресатом цель общения формулируется в виде языковой формулы — устойчивого оборота, выражающего назначение послания. Ключевым словом в нем выступают глаголы соответствующей семантики: *просим, сообщаем, напоминаем* и др., напр.: *Просим Вас...; Мы будем благодарны (Вам), если Вы...; Напоминаем, что...; Считаем необходимым еще раз обратить Ваше внимание на...; Подтверждаем получение товара* и т.п.

Разделение служебных писем проводится также по признаку адресата на обычные и циркулярные, при этом последние направляются из одного источника в несколько адресов, как правило, подчиненных организаций. В деловой корреспонденции доперестроечного периода функционировали лишь регламентированные (стандартные) письма, которые составляются по определенному образцу, реализуются с помощью устойчивых синтаксических конструкций, так как в них решались типичные вопросы экономико-правовых ситуаций. Расширение деловых контактов привело к появлению нерегламентированных деловых писем, в которых стандартизация выражается в меньшей степени. Это могут быть рекомендательные, рекламные сообщения, письма-презентации и др., получившие широкое распространение в бизнесе. В отличие от регламентированных деловых писем, в нестандартных текстах присутствует субъективизация, личностность изложения. Особенностью служебного письма является сочетание свойств документа, т.е. правового источника, с одной стороны, и информационного — с другой, поэтому модальность предписания присутствует здесь, как и в любом деловом документе. Однако одна из важнейших тенденций в эволюции стилистики делового письма — модификация императивности в реквестив, в результате чего

смягчается категоричность директивности (См.: *Карабань Н.А. Коммуникативно-прагматические... Канд. дис. Волгоград 2006*).

В административной сфере формируются новые устные монологические жанры, например речи на приемах и презентациях. Поводом для презентаций становятся выпуск нового товара, открытие фирмы, банка, дочерней компании или филиала. Цель жанра — отобразить объект презентации. Отсюда — стремление к точности выражения, достигаемой использованием терминов, номенклатурных наименований. Презентационная речь включает вступление, основную часть и заключение. Вступление содержит обращение к присутствующим, сообщение о цели выступления, основная часть — важнейшие сведения о предприятии и презентуемом объекте, заключение — обобщение сказанного и приглашение к сотрудничеству. Основная часть содержит стандартные формулировки: *дочерние компании успешно работают в сфере производства лекарственных препаратов; производство согласуется с параметрами USFDA* (примеры приводятся из пособия: *Колтунова М.В. Язык и деловое общение. М., 2003*).

Дополнительной коммуникативной целью этого жанра является расширение делового сотрудничества, поэтому в нем присутствуют средства выражения воздействия. Внимание слушателей активизируется приемами передачи проспекции и ретроспекции, которые помогают сориентироваться в пространстве текста: *Начну с проекта создания нашей инвестиционной компании... Теперь позвольте рассказать о наших планах... Позвольте в завершение выразить уверенность...* Обращенные к слушателям и часто содержащие побуждение, они выступают средством выражения диалогичности. Диалогический тонус речей повышается благодаря использованию специальных конструкций представления, которыми сопровождается демонстрация презентуемого объекта: *Перед вами, господа... Мы рады представить вам...*

В последнее десятилетие с внедрением компьютерных систем управления основным направлением совершенствования документации стали унификация и стандартизация. Расширя-

ется сфера применения трафаретных, анкетных и табличных документов. Неактуальными становятся административные документы с традиционной линейной записью: например, автобиографии заменяются резюме, заявления сочетаются с анкетой и т.д. Необходимость перевода документов в цифровую форму потребовала в некоторых случаях преобразования реквизитов, изменения их набора или способа реализации. Так, у каждого документа расширилась «шапка», которая стала содержать не только название документа, но и необходимые адресату пояснения: *Сведения о зданиях и помещениях, используемых для организации и ведения образовательного процесса государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Н-й государственный университет»*; или: *Выписка из протокола заседания Ученого Совета ф-го факультета ГОУ ВПО «Н-й государственный университет» от 23 ноября 2005 г. (протокол № 3, 2005/2006 уч. г.)*.

Таким образом, развитие официально-делового стиля в последние годы шло в русле демократизации — ведущей тенденции эволюции всего русского литературного языка.

§ 136. Школа, знакомя учащихся с особенностями деловой речи, должна воспитывать умение стилистической оценки ее языковых средств, подчеркивать ограниченность сферы их употребления и неукоснительно требовать от учащихся следовать этим ограничениям. Последние касаются, пожалуй, в большей степени официально-канцелярской фразеологии, чем терминологии. Во всяком случае, реализация ряда законодательно-деловых тем общения невозможна без употребления юридической терминологии, хотя желательно и не перенасыщать ею речь. Канцелярской же фразеологии, как правило, всегда можно и следует избегать (конечно, не в деловых бумагах). Особенно недопустимо вводить канцеляризмы в речь без всякой тематической мотивации, на правах чуть ли не экспрессивных средств с целью щегольнуть «образованностью». Именно о таких случаях коверканья языка с болью за его судьбы писали К. Паустовский, К. Чуковский и другие мастера слова. Следует бороться и

со случаями засорения канцеляризмами публичной речи. Не оттого ли, что борьба с этим явлением в школе недостаточна, на страницах нашей печати встречается засорение текста канцеляризмами и надоедливými шаблонами, созданными по их образцу: *оказать содействие, нести ответственность, невыполнение в плановом порядке, произвести ремонт, поднять на должную высоту, принять решительные меры по устранению недостатков, подчитать свои возможности, истекший год* и т.п. Или такие контекстуальные нередко претендующие на образность выражения: *С целью повышения выразительности и эмоциональности в данном тексте используется множество тропов; В данном тексте следует отметить использование большого числа выразительных средств, что является свидетельством стремления автора оказать воздействие на читателя; Эту мысль Л. Павлова воплощает путем градации.*

Если нет функциональных оснований (тематических и ситуативных), лучше использовать нейтральные синонимы к соответствующим канцеляризмам, например: *ходатайство — просьба; хищение — кража; задолженность — долг; именуемый — называемый; поставить в известность — сообщить; в истекшем году — в прошедшем году; наложить штраф — оштрафовать; принять административные меры — наказать; объявить благодарность — выразить благодарность, поблагодарить.*

Хорошо сказано в книге Норы Галь о недопустимости канцелярита: «Молодой отец строго выговаривает своей четырехлетней дочке за то, что она выбежала во двор без спросу и едва не попала под машину.

— Пожалуйста, — вполне серьезно говорит он крохе, — можешь гулять, *но поставь в известность меня и маму.*

Сие не выдумка фельетониста, но подлинный, ненароком подслушанный разговор.

Или еще: бегут двое мальчишек лет по десяти-двенадцати, спешат в кино. На бегу один спрашивает:

— А билеты я тебе *вручил*? И другой, пыхтя, отвечает:

— *Вручил, вручил.*

Это в неофициальной, так сказать, обстановке и по неофициальному поводу...

Не кто-нибудь, а учительница говорит в передаче «Взрослым о детях»:

— *В течение* нескольких лет мы *проявляем заботу* об этом мальчишке...

Слышишь, видишь, читаешь такое — и хочется снова и снова бить в набат, взывать, умолять, уговаривать: берегись канцелярита!!!» (Слово живое и мертвое. М., 1987. С. 5—7).

Публицистический стиль

§ 137. Публицистический стиль, одну из наиболее популярных разновидностей которого составляет газетный, оказывается весьма сложным явлением из-за неоднородности его задач и условий общения и в целом особенностей экстралингвистической основы. Он представлен богатым разнообразием жанров — устных и письменных. В публицистический стиль входят также и средства массовой коммуникации, включая электронные СМИ, в том числе Интернет, на характеристике которых мы далее кратко остановимся. Однако здесь будут рассматриваться преимущественно особенности газетной речи, поскольку она более исследована в функционально-стилевом аспекте (см. в списке литературы работы В.Г. Костомарова, Г.Я. Солганика, А.Н. Васильевой, более раннюю Г.О. Винокура и др).

Выделение публицистического стиля в ряду других функциональных стилей русского языка обусловлено существованием политики как формы общественного сознания и соответствующей ей сферой деятельности и общения. Исходя из этого, логичнее было бы именовать «публицистический» стиль «политическим» или «политико-идеологическим». Однако в традиции употребления утвердился термин «публицистический», который мы и используем.

§ 138. Одной из важных функций газеты является информация. Стремление в кратчайший срок сообщить о свежих новостях не может не найти отражения и в характере ком-

муникативных задач и в речевом их воплощении. Однако эта исторически изначальная функция газеты (ср., например, «Русские ведомости» петровского времени) постепенно оттесняется в годы советской власти другой — а г т а ц и о н н о - п р о п а г а н д и с т с к о й — или, шире, — в о з д е й с т в у ю щ е й. Газета, общественно-политический журнал и любое другое специальное публицистическое издание до времени перестройки обычно представляли собой партийный, общественный, профсоюзный или государственный орган. И направлены они были на формирование мировоззрения читателя, на создание определенного общественного мнения, на убеждение читателя в правоте авторской позиции. «Чистая» информативность оставалась лишь в некоторых жанрах, да и там благодаря отбору самих фактов и характеру подачи их, оценке была подчинена в основном ф у н к ц и и в о з д е й с т в и я, или э к с п р е с с и в н о й.

Газета, кроме того, призвана просвещать массы, что обусловлено ее информационными задачами. Таким образом, газета выполняет и п о п у л я р и з а т о р с к у ю функцию — сообщения о новых научных открытиях, о новинках техники, проблемах экономики, забытых или переосмысленных фактах истории и т.п. Отсюда обращение газеты к средствам научной речи, которые проявляются не только в статьях, популяризирующих научные знания, но и в материалах, представляющих анализ и обобщение политических, социально-экономических, финансовых и других проблем. Однако книжные и нейтральные средства взаимодействуют при этом с экспрессивными.

Журналист, газетчик, умеющий увидеть в актуальных процессах, ситуациях, явлениях общественную значимость, выявить закономерности, тенденции, перспективы в развитии социальной действительности, должен быть и теоретиком. Последнее особенно необходимо при создании некоторых газетных жанров, прежде всего проблемной статьи. Теоретическая направленность содержания и, следовательно, соединение аналитизма и обобщенности, убедительной аргументации приводимых положений находят выражение в разнообразии средств языка, в использовании некоторых лексических и синтаксических осо-

бенностей научной речи. Однако в последнее время из-за снижения аналитичности в газете эти средства нередко «тонут» в экспрессивно-эмоциональных, оценочных словах разговорного характера.

Обычно выделяют несколько функций газеты: информационную, просветительскую, воспитательную, организаторскую, аналитико-критическую, гедонистическую (развлекательную). Однако основной ее функцией, вбирающей все вышеуказанные и наиболее непосредственно выражающейся в стиле речи, является воздействующе-информационная, с акцентом на аспекте воздействия. Такая трактовка функциональной природы газеты и в целом публицистики вытекает из предназначения газеты: информировать, выражать определенную общественную (партийную, индивидуальную) позицию и убеждать читателей в ее истинности. По сравнению с другими функциональными стилями (конечно, кроме художественного и разговорно-обиходного) доля средств и способов достижения экспрессивности оказывается в публицистической речи в целом весьма высокой. Не случайно характеристику публицистического стиля обычно ограничивают описанием специфически экспрессивных средств.

Содержание понятия экспрессивности нельзя трактовать упрощенно и прямолинейно. Экспрессия газетной речи может осуществляться в разных формах, конечно, не только готовыми и внеконтекстуальными языковыми выразительными средствами. В одних изданиях сохраняются агитационность, лозунговость, свойственные газете еще доперестроечного периода. В других изданиях выразительной, т.е. экспрессивной, оказывается форма сдержанного, спокойного доказательства как воплощение той же воздействующей функции; в третьих, экспрессивность формируется активным использованием средств разговорной речи. Понятно, что в наше время сами средства и характер выразительности оказываются иными, чем несколько десятков лет назад. В том и состоит стилистическое мастерство пишущего, чтобы, исходя из требований конкретной коммуникации, выбрать наилучшие в данном контексте языковые средства воздействия на читателя.

Итак, специфика газетной речи заключается прежде всего именно в особой и намеренной ее выразительности, э к с п р е с с и в н о с т и высказывания. Другой же основной стилиевой чертой публицистической речи, связанной с экспрессивностью, является наличие с т а н д а р т а.

§ 139. Следует учитывать, что газета (отчасти и другие виды публицистики) отличается существенным своеобразием условий языкового творчества: она создается в кратчайшие сроки, порой не позволяющие довести до идеала обработку языкового материала. В то же время она создается не одним лицом, а множеством корреспондентов, которые готовят свои материалы часто в отрыве один от другого. Отметим еще многообразие газетных жанров, писем читателей (в современной газете для них часто отводится специальное место), публикации на страницах газет материалов других сфер общения (объявлений, приказов, распоряжений, проектов законов и др.). Все это накладывает отпечаток на стилиевые особенности языка газеты в целом.

В результате почти неизбежно возникают речевые стандарты. Они появляются и по другим причинам: вследствие повторяемости тематики (иногда сезонной — ср. темы по сельскому хозяйству, сообщения о работе Государственной Думы, о визитах государственных лиц), ограниченного круга тем — при учете периодичности издания. Одной из важных причин порождения стандартов, а иногда и газетных штампов является стремление к экспрессивности высказывания. Поиски способов экспрессивности в особых условиях «газетного творчества» вызывают быстрый переход экспрессии в стандарт, когда даже оборот, удачный с точки зрения критериев выразительности, будучи подхваченным многочисленными корреспондентами разных газет, очень быстро, на глазах читателей, «стирается», превращаясь в штамп. Так положительное стремление, обусловленное одной из основных в этой сфере задач общения, нередко оборачивается своей противоположностью. Однако это не означает необходимости или даже возможности снижения требований к экспрессивности газетной и в целом публицистической речи.

Основной стилистический принцип публицистики В.Г. Костомаров определяет как единство, сопряжение экспрессии и стандарта, составляющее специфику газетной речи. Конечно, в известном смысле сопряжение экспрессии и стандарта в тех или иных «дозах» свойственно всякой речи вообще. Однако важно, что именно в газетной публицистике, в отличие от других речевых разновидностей, это единство становится стилистическим принципом организации высказывания. В этом главный смысл и, несомненно, ценность концепции В.Г. Костомарова. Между тем примат в этом единстве имеет все же первый компонент. Ср. акцентуацию Г.Я. Солгаником именно «социальной оценочности и эмоциональности» как «важнейшего принципа языка публицистики» (ее газетного подстиля), обуславливающего «особый характер его экспрессивности» и оценочную направленность самой стандартизации в газете (*Солганик Г.Я. Язык газеты // Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды. М., 1980. С. 12, 22*).

Указанные экстралингвистические основы публицистической сферы общения определяют не только базовые, но и более частные стилевые черты, стилистические признаки и лингвистические средства их реализации в газетной речи.

§ 140. Экспрессивная функция газеты, обусловленная ее воздействующей направленностью на адресата, вызывает прежде всего открытую оценочность речи. Последняя особенно остро проявляется в полемике, в критической оценке противоположных мнений, в различных оценках нашей действительности.

Оценочность выражается прежде всего в лексике: в сравнительно большей частотности качественно-оценочных по семантике прилагательных и существительных, элятивов; в характере метафоризации; в отборе фразеологии; в особенностях использования синтаксических средств. Именно открытой оценочностью, явным выражением партийной, общественной или иной позиции автора публицистический стиль отличается от художественного, и именно в этой черте видятся важная примета и

свойство публицистичности стиля. В отличие от художественных произведений в публицистике не подтекст, а сам текст вполне определенно выражает авторское (либо коллективное) отношение к излагаемым фактам. Все это находит отражение в характере речи, в ее стиле.

Речевая выразительность, экспрессия реализуются в стиле в о м «э ф ф е к т е н о в и з н ы», в стремлении к необычности, свежести словосочетаний, а значит, и семантики слов и, кроме того, в желании избегать повторов одних и тех же слов (помимо терминов), оборотов, конструкций в пределах небольшого контекста, в широком применении средств словесной образности, экспрессивного синтаксиса (например, парцелляции, анафор, параллелизмов и мн. др.).

Свойственная газете р е к л а м н о с т ь выражается в особенностях заголовочных предложений, в использовании подзаголовков, в прямой обращенности к читателю, проблемных вопросах и других способах и средствах.

На стилистику публицистической, прежде всего газетной, речи сильное влияние оказывает м а с с о в ы й х а р а к т е р коммуникации. Газета — одно из наиболее типичных средств массовой информации и пропаганды. Здесь массовым оказывается не только адресат, но и автор (как обобщенное лицо, выражающее мнение издающего органа, редакции). Собственно, газета и конкретный корреспондент выступают обычно не от имени какого-то одного лица или узкой группы лиц, но, как правило, выражают позицию определенной партии, общественной организации, политической платформы или группы лиц. Ранее, особенно в доперестроечный период, это определяло наличие в газетной речи своеобразной с о б и р а т е л ь н о с т и. Современной газете более, чем прежде, свойственно проявление индивидуального стиля, авторское начало, так же как и речь от 1-го лица (о категории автора см.: *Солганик Г.Я.* Практическая стилистика русского языка. М., 2006. С. 72—75); кроме того, непринужденная диалоговая форма изложения, чему способствует активизация жанра интервью. Частично этим (как и рядом других причин) объясняется активизация устно-разговорной стихии речи в газете.

Другая сторона указанного выше стилеобразующего единства — информационная функция — воплощается в таких особенностях публицистического стиля, которые связаны с проявлением интеллектуальности речи. Такими стилевыми чертами являются:

- 1) документализм, проявляющийся в объективности и фактологичности изложения, что в терминах стилистики можно определить как подчеркнутую документально-фактологическую точность выражения; последняя проявляется в терминованности речи, ограниченности метафоризации терминов (кроме общепринятой), широком употреблении профессионализмов;
- 2) сдержанность, некоторая официальность либо «нейтральность», подчеркивающие (на фоне экспрессивности газетной речи) значимость фактов, информации (см. хронику о встречах первых лиц государств и др.); эти черты реализуются в именном характере речи, своеобразии фразеологии (клише) и т.д.;
- 3) известная обобщенность и понятийность изложения как итог аналитичности и фактографичности (нередко в единстве с образной конкретностью выражения);
- 4) аргументированность излагаемого.

Такова сложная стилевая структура газетной речи.

§ 141. Обычно считается, что публицистический стиль находится как бы на пересечении научного и художественного. Во всяком случае, он действительно использует приемы и средства этих стилей (особенно художественного, отчасти официально-делового и разговорного) и оказывается областью живых межстилевых взаимодействий, что приводит к усложнению его структуры. Если учесть широко представленную в газете последних лет устно-разговорную стихию, то налицо своего рода многостильность. Однако средства других стилей имеют в газете с в о ю особую функцию, и потому известная многостиль-

ность языковых единиц не приводит к эклектичности стиля и разрушению его единства.

Заметим, что многообразие стилистических черт и средств неодинаково представлено в различных газетных жанрах и газетах разного профиля. Одни жанры (теоретические, постановочные, научно-популярные, обозрения, рецензии и т.д.) тяготеют к аналитико-обобщенному изложению и характеру речи и стиля, в какой-то мере близкому к научному, но с непременным публицистическим, экспрессивно-воздействующим и ярко оценочным моментом, другие (очерки, зарисовки, памфлеты, фельетоны) близки по стилю к художественным, однако также насквозь публицистичны.

При сопоставлении функционирования различных языковых единиц в разных газетных жанрах бросается в глаза характерная особенность — повышение частоты употребления наиболее отвлеченных и обобщенных языковых единиц в аналитико-обобщающих жанрах и, напротив, увеличение числа наиболее конкретных по значению единиц в конкретизированных (художественно-публицистических) жанрах.

То, что публицистический стиль, как и художественный, отличается своеобразной многостильностью, вызывает закономерный вопрос о целостности публицистического стиля и особенно газетного подстиля. Не лишенным основания оказывается представление об отсутствии в русском языке специальных публицистических и газетных средств. Однако эти заключения допустимы лишь в определенном аспекте и до известных пределов.

В узком системно-языковом аспекте, без учета аспекта функционального, специфических газетизмов в русском языке действительно не так много, однако они все же есть. Если же учитывать особенности функционирования языковых средств и их контекстуальные стилистические значения и окраски, то существование газетного стиля не вызывает сомнений. Конечно, разные газеты не абсолютно идентичны по языку и стилю. Речь идет об общих принципах использования языка (*Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. М., 1971; Наш язык в действии... М., 2005*), общих функ-

циях последнего, например, социальной оценочности (Солганик Г.Я. Лексика газеты. М., 1981) и самых общих стилевых чертах.

§ 142. Применительно к стилистике газетной речи говорят о газетизмах. К г а з е т н ы м, во всяком случае характерным для газетной речи языковым средствам (с учетом их значений и функций), можно отнести языковые явления и единицы, которые, будучи широко употребительными именно в этой сфере, в то же время мало или почти не употребительны в других речевых сферах и тем самым несут на себе печать «газетности». Характерно, что эти слова и обороты, как правило, обладают оценочностью, например: *политический плюрализм, гражданское согласие, консолидация, перестроечный, командная система, аграрий, разгосударствление* и др., в том числе слова с яркой отрицательной окраской: *молодчики, показуха, махровый, неблагоприятный, плутократия, экстремистский, боевики, аппаратчик, номенклатура, коррупция*.

Для газеты характерны новые значения ряда слов (обычно содержащие оценочность), не имеющие общеупотребительного характера и даже не приемлемые строгими нормализаторами, однако широко используемые в газете. Имеются в виду случаи расширения значений у слов: *рубеж, служба, проблема, эскалация, география, биография, экология* и др. Следует отметить именно **нацеленность на новизну** значений в газете как принцип словоупотребления, характерный для нее.

Это не противоречит тому, что постепенно такие газетные значения, утратив новизну экспрессии и семантики, становятся готовым фондом публицистической речи, семантическая и лексическая сочетаемость слов в дальнейшем расширяется; другие средства — неологизмы, окказионализмы, просуществовав недолго, выходят из употребления. Именно стремление к экспрессии выражения рождает в большом количестве новые слова и их значения в газете.

Конечно, в целом газетная лексика неоднородна. С одной стороны, она включает в себя большой круг книжных слов, в том числе терминологии (экономической, юридической, медицинской и др.), с другой — использует разговорную и даже

просторечную лексику, как правило, со специальными стилистическими целями. Однако при этом некоторые разряды слов оказываются типичными для газеты, например: общественно-политическая терминология, специальная газетная профессиональная лексика (*интервью, корреспонденция, информация, репортаж, брифинг* и т.п.), а также большой круг иноязычных заимствований и интернационализмов. Кстати, частота употребления последних здесь значительна, как ни в какой другой речевой сфере; в силу этого указанные слова (с учетом их значений) могут быть отнесены к газетизмам, во всяком случае, к публицистической речи и — шире — к политической сфере. Это такие слова и обороты, как *либералы, олигарх, монополист, дефолт, реакция* (политическая), *экстремизм, терроризм, агрессия, дискриминация, консолидация, консенсус, акция* (политическая), *волюнтаризм* и др.

Публицистика широко использует (и формирует) общественно-политическую лексику. Это, по словам Г.Я. Солганика, «своеобразная терминология газеты», ее «концептуальная лексика» (Солганик Г.Я. Практическая стилистика русского языка. М., 2006. С. 66). Так, со времени перестройки широкоупотребительны номинации: *демократизация, гражданское общество, гласность, застой, вертикаль власти, рыночная экономика, оппозиция, инфляция, маркетинг* и др. Кроме того, автор выделяет и «строевую лексику», связанную с реализацией информативной функции, например: *раунд переговоров, акция мира, старт избирательной кампании, курс реформ* и др.

Газета рождает и культивирует также свою фразеологию, устойчивые обороты речи: как нейтральные или с оттенком официальности — в информативных жанрах (*в информированных кругах; как сообщает агентство РИА; как стало известно; договаривающиеся стороны; были достигнуты договоренности; новая страница в отношениях между странами*), так и оценочные (*политический капитал; теневой капитал; «оборотни в погонах»; развал государственности; утечка мозгов; эскалация конфликта; отмывание (перекачка) криминальных денег*). Устойчивые сочетания являются готовым арсеналом газетных стандартов и нередко переходят в штамп. Примеры: *питерская команда, шагать в*

ногу с веком, пустить утку, политическое банкротство, процессы обновления, политическая диверсия, девальвация доверия, пакет предложений, знаковая фигура и др. Это могут быть и общеязыковые фразеологизмы, но наполненные новым (обычно острополитическим) содержанием, включающие социальную оценку и опять-таки высокочастотные в газете:

- а) с негативной оценкой: *загрести жар чужими руками, пить с чужого голоса, лить воду на (чью-то) мельницу, погреть руки;*
- б) с положительной оценкой: *работать с огоньком, трудиться не покладая рук, золотые руки* и др.

Сюда же можно отнести газетные клише книжного происхождения: *приумножать боевые традиции, внести огромный вклад, свято чтить, с чувством гордости, высокоинтеллектуальная управленческая среда, правящая элита, культурное достояние, с чувством ответственности, созидательный потенциал, общечеловеческие ценности* и др.

Газетный стиль обнаруживает себя и в области словообразования. Здесь можно отметить, по-видимому, большую, чем в других стилях, активность некоторых суффиксов иноязычного происхождения (*-ия, -ция, -ация, -изация*: *индустрия, энергия, декларация, организация, инвестиция, радикализация*). При этом особенно активным оказывается суффикс *-изм*: *социализм, сталинизм, плюрализм, популизм* и др. Очевидно, специфически публицистическими являются образования оценочных существительных с суффиксом *-щина*: *штурмовщина, групповщина, военщина, дедовщина, вкусовщина, обломовщина*. Кроме того, употребительны в публицистике образования на *-щина* от собственных имен: *Брянщина, Рязанщина, Полтавщина* и др.

Активизируется в газете, по наблюдению А.Н. Васильевой, суффикс *-нича(ть)* в оценочных глаголах: *благодарничают, князничать, хозяйничать, деликатничать*. Характерны для газеты наречные префиксально-суффиксальные образования: *по-хозяйски, по-рабочему, по-государственному, по-деловому*. Стоит отметить также и активность словосложения: *общественно-поли-*

тический, либерально-демократический, военно-стратегический (паритет), административно-командная; аббревиации: *единороссы*, в том числе с иронической окраской: *БАБ*.

Можно указать специфические особенности газетной речи и в области морфологии, в частности особое, характерное для газеты значение настоящего времени, которое называют настоящим репортажа. Своеобразие этого значения заключается в том, что оно выражает отрезок времени «вокруг» момента речи, т.е. шире момента речи, но уже настоящего расширенного и с акцентом на актуальности с е г о д н я ш н е г о процесса, состояния. Оно передает действие как бы совершающимся «на глазах» у воспринимающего эти действия автора речи и определяет не столько само действие, сколько его признак, качество. Пример из газетного репортажа: *Над полигоном клубится низкий предрасветный туман; ...Вибраторы стройными аллеями уходят в голубую даль; Издали кажется, будто они вращаются...* (Примеры взяты из кн.: *Солганик Г.Я. Стиль репортажа. М., 1970*).

Характерны для газеты, по свидетельству А.Н. Васильевой, такие оттенки настоящего времени, как ближайшее прошедшее (*Нападающий забивает решающий гол*) и ближайшее будущее (*Открывается концертный сезон*); ср.: *он забил решающий гол; скоро откроется концертный сезон*.

Таким образом, при всей незамкнутости газетного стиля все-таки можно говорить о существовании определенного круга языковых газетизмов.

§ 143. Если же обратиться к собственно функционально-стилистической стороне газетной речи, то ее специфика обнаружится еще более ярко и определенно. Рассмотрим, как реализуются две основные взаимосвязанные функции газетной речи: воздействующая и информационная.

В о з д е й с т в у ю щ а я функция при использовании лексики проявляется прежде всего в новизне значений, возникающей благодаря расширению лексической сочетаемости слов. Эта весьма типичная для публицистического стиля черта непосредственно связана со стремлением выразить мысль броско, эксп-

рессивно. Например, слово **рубеж** выходит за пределы значения «граница». Ср.: *проектный рубеж взят; на рубеже созидания*. Еще примеры: *митинговый задор, ситуация взорвалась, дефицит доверия, логика политического торга, всплески национального экстремизма, на гребне напряженности*.

Для газеты характерны поиски хлестких и метких оценок, требующих необычных лексических сочетаний, особенно при полемике: *гигантский трест обмана; заподозрили в любви к свободе* (примеры из указанной книги Г.Я. Солганика); *колпак придумительного единомыслия, сказочный консенсус*.

Свойственно публицистике и образное употребление слов: метафоры, метонимии, особенно олицетворения. Вот примеры метафор (в том числе обновленных, «освеженных»): *И вдруг грохот орудий расколол тишину; Забушевала палата лордов; консервативное ожерелье*. Олицетворения: *Ужасающая бедность крепко вцепилась в огромную страну; Недаром клевета и лицемерие всю жизнь ходят в обнимку; Новости спешат, набегая друг на друга* (примеры А.П. Горбунова). Еще примеры: *Телега нашего хозяйства едва скрипела; вершина мафиозных пирамид; Волна перекапти-поля ищут социальные... блага*.

Для публицистической речи характерно метафорическое использование терминологии: *атмосфера, климат, реанимация, вирус, диалог, дистанция, сигнал, девальвация, стагнация* и т.д.

Экспрессивность выражения достигается широким использованием, с одной стороны, высокой книжной лексики, получившей специализацию газетной (*достояние, долг, отчизна, Отечество, претворение, чаяния, миссия, священный, ратный*), с другой — разговорной и просторечной (*шумиха, грызня, молодчик, отщепенцы, крикливый* и т.д.), иногда и столкновением приведенных лексических пластов.

Созданию экспрессивности способствует также высокочастотная оценочная лексика (разных частей речи), в том числе своеобразные постоянные эпитеты: *важный, первоочередной, судьбоносный* (момент, этап, вопрос, задача); *застойный* (период); *тоталитарный* (режим); *определяющее* (значение); *решающий* (момент, участок); *достойный* (вклад); *исторические / -ое*

(достижения, время); *перестроечный* (процесс); *всестороннее* (развитие); целые ряды экспрессивных определений-синонимов: *огромный, громадный, гигантский, грандиозный, фантастический, колоссальный* и т.д.

Стремлением к достижению выразительности речи продиктованы широкоупотребительные в газете метафоры: *температура российского общества, болевые точки, хронический дефицит, истеблишмент лихорадит; торпедирует все начинания, на политических фронтах, нанесен удар, информационные войны; на политической сцене, кошмарный сценарий, трагикомическая фигура*. Правда, метафоры нередко быстро переходят в стандарт: *политический расклад, удерживать первенство, арена политической борьбы, болезненные проблемы, преодолеть барьер непонимания*.

Достижению речевой выразительности способствуют высокочастотные в газете (по сравнению с другими функциональными стилями — официально-деловым, научным) случаи необычного употребления и обновления фразеологизмов, афоризмов, пословиц и поговорок. Примеры: *Знать не знаем, но ведать ведаем; Мал Люксембург, да дорог; Тревога за судьбу реформ стала нарастать, когда из всех орудий начали палить академики-рыночники*. Ср. также употребление лермонтовской строки *И звезда с звездой говорит* в качестве заголовка репортажа о полете космического корабля. Интересно использование выражений из художественных произведений: *проверка на дорогах кинематографа; гласность развеялась как дым, как утренний туман*.

Из словообразовательных средств, помимо отмеченных оценочных существительных на *-щина* и глаголов на *-ничать*, высокую частотность в газетной речи имеет адъективация причастий с приставкой *не-*: *неуклонный, неугасимый, неиссякаемый* (источник света), *несгибаемый* (человек).

Экспрессия высшей оценки выражается формами превосходной степени в элятивном значении: *самые решительные* (меры), *жесточайший* (кризис), *острейшие* (схватки); *отличнейше, строжайше, выгоднейше*.

Воздействующая функция в области синтаксиса реализуется известными средствами так называемого поэтического синтак-

сиса — антитезы, инверсии, единоначатия, параллелизма конструкций. Пример антитезы: *Берлин — тогда и ныне; Есть два противоположных суждения... одни говорят — **распад**. Другие — **обновление***. Инверсия: ***Краем** мощной индустрии является Татарстан; Завершая год **трудовой**; Суровые и мужественные люди — **шахтеры***.

Разнообразны особенности использования в стилистических целях однородных членов предложения (употребление их парами, повторение, градация; использование их с усилительными местоимениями, наречиями, частицами); обособлений; расчленения главных членов в именных предложениях (*Нынешний период — особенный*); вопросительных предложений, содержащих проблемные вопросы (*На что сделать упор?*); восклицательных предложений; именительного представления в зачинах (*Россия!.. Это слово произносится с особым чувством*); цепей номинативных предложений в целях изобразительности; парцелляции (*Уралмаш: будни ускорения; Перестройка: проверка делом*); введения в авторский текст прямой речи, а также вообще разговорных конструкций. Богатый и интересный материал относительно стилистической значимости композиции и конструктивно-текстовых приемов в газетных жанрах представлен В.В. Одинцовым (см.: *Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи*. М., 1982. Ч. III).

Современным массовым газетам свойственна стихия разговорной речи. В качественных изданиях разговорность представлена в меньшей степени. Это выражается в использовании не только разговорной лексики, обычно оценочного характера, некоторых средств морфологии, но и оборотов речи и конструкций разговорного синтаксиса, интонаций обиходно-непринужденного общения. Причем нередко эти средства используются в контексте с книжными, в том числе терминологическими, чем достигается особый стилистический эффект (впрочем, это традиционный стилистический прием публицистики). Например: *Одни говорят, что-то в государственной машине разломали зря... Другие отстаивают иное: мол, что-то в ней, напротив, недоломали... А где истина? Может, ни в том, ни и другом?..*

Наши государственные мужи с грехом пополам овладели искусством уничтожения, но так и не обрели навыки созидания. Вот и на сей раз весь «пар», похоже, ушел в свисток... нередко можно услышать такой аргумент: мол, задним умом все сильны... (Комсомольская правда).

Как видим, здесь налицо наряду с разговорными средствами, приемами «смещения стилей» и иронически-оценочное отношение к сообщаемому — черта, весьма распространенная в наших газетах.

Особенной экспрессией и специфичностью в газете обладают заголовки, а также зачины текстов. Они выполняют, кроме прочих, рекламную функцию. Во многом от заголовка и зачина зависит то, прочтет читатель данную публикацию или не обратит ни нее внимания.

Вот некоторые примеры: *Срочно требуются свежие мозги; Гарик плюс Толик — магнаты шахматных полей; Захотелось... в Стокгольм; Биржа: забытое возвращается; Два гола, три гола... кто больше?; Пятеро в лодке, не считая собаки на Сене.*

Характерно, что своеобразие газетной речи наиболее явно, широко и многогранно выражается, как это видно из примеров, именно в э к с п р е с с и в н ы х средствах всех уровней языковой системы и в особенностях использования последних в газете. Это лишний раз подчеркивает значимость здесь соответствующей функции, как бы объединяющей языковые средства различных уровней для выполнения общего коммуникативного задания данной сферы общения.

И н ф о р м а ц и о н н а я ф у н к ц и я реализуется также многообразными средствами разных уровней. Однако при этом чаще используются общеязыковые средства и способы передачи сообщения, информации. Здесь ярче обнаруживается взаимопроникновение стилей, в частности воздействие на газетный стиль научного и официально-делового.

Информационная функция осуществляется через логико-понятийную сторону речи, отличающуюся в известной степени нейтральностью, точностью и объективностью выражения. Она проявляется в газете прежде всего в использовании научной,

официально-деловой, общественно-политической терминологии; специальной лексики разных областей знания и профессий; широком употреблении собственных имен — географических названий, наименований учреждений и организаций, газет и т.д.; привлечении крылатых слов и выражений, пословиц и поговорок (без ярко выраженной оценочной эмоции); активном использовании аббревиатур и словосложений терминологического характера (*ЮНЕСКО, МАГАТЭ, ИТАР ТАСС, ООН, Интернетфакс, Евровидение, социал-демократы, вице-президент, дем-платформа, спецназ*).

В связи с тем, что на газетной полосе предоставляется слово специалистам — историкам, экономистам, юристам, политологам, экологам и др., — естественно, что терминология и обороты речи соответствующих сфер проникают в газету. Так, становятся широкоупотребительными, например, следующие средства: *акции, инвестиции, либерализация цен, единое экономическое пространство; блок демократических партий, властные полномочия, Конституционный суд, юридические лица, парафировать договор; загрязнение окружающей среды, захоронение радиоактивных (химических) отходов, пестициды, токсичные химические соединения* и мн. др.

Информационная функция обнаруживается, кроме того, в употреблении пассивных конструкций в стандартизированных сообщениях: *выращен высокий урожай; строится льнокомбинат; открыта новая гостиница*; в активности обобщенно-личных форм глагола информационной семантики: *сообщают, информируют, передают*.

С этой функцией связан именной характер газетной речи (в особенности некоторых ее жанров), выражающийся в высокой частотности отыменных предлогов (*в деле, в области, в отношении, вследствие, в целях, по линии, по мере, в соответствии*), сложных отыменных союзов (*ввиду того что, в связи с тем что, по случаю того что, с тем чтобы*), в глагольно-именных устойчивых оборотах с ослабленным значением глагола (*вести переговоры; оказывать помощь, поддержку; выразить удовлетворение, надежду; находить применение; нанести удар, визит* и т.п.).

С аналитичностью и вместе с тем нередко обобщенностью выражения (в проблемных статьях, в комментариях, в обзорах) связана активность сложных синтаксических конструкций с четким и ясным оформлением смысловых отношений при помощи союзной связи. Из-за необходимости сочетания информационной и воздействующей функций, а также соединения понятийного аналитического характера речи с действенным и экспрессивным синтаксис публицистической речи отличается при его достаточной сложности отточенностью формулировок. Книжный в общем характер синтаксиса выражается в активности причастных и деепричастных оборотов, обособлений, логических определений, а также в активизации подчинения.

Современной газете свойственна аргументированность изложения, поскольку материал подается аналитико-критически (а порой и полемически). Читателя не удовлетворяет догматичная и бездоказательная речь. Информативно-комментирующие и аналитические публикации в силу аргументированного и терминированного изложения отличаются нередко нейтральным тоном речи. Однако публицистическая аргументация тем и отличается от логического доказательства, например научной речи, что преследует цель (через аргументы суждений) убедить читателя в правильности авторской позиции. Аргументация, таким образом, направлена на то, чтобы мнение автора стало мнением адресата; при этом *она обращена не только к интеллекту читателя, но и к его чувствам, воле, т.е. к «целостному человеку»* (см. весьма полезное учебное пособие: Аргументация в публицистическом тексте. Свердловск, 1992. С. 7 и др.).

В связи с этим средствами и приемами убеждающей речи оказываются и средства диалогичности (аргументация изначально диалогична, поскольку включает в себя не только основание авторского тезиса, но и опровержение антитезиса, предполагая спор с оппонентом). Отсюда широкое употребление вопросно-ответных комплексов, риторических тропов. Синтаксис убеждающей речи не обходится без побуждения и использования специальных средств (акцентуаторов), подчеркивающих модальность уверенности автора. Все это приводит к тому, что в

публицистике при аргументации логическое дополняется риторическим (тропами и фигурами речи), а диалогичность вызывает использование средств разговорной речи. Тем самым на газетной полосе информационно-аналитическая и экспрессивная функции обычно выступают в единстве.

§ 144. Правда, соотношение обеих основных стилистических функций публицистики и средства их реализации проявляются неодинаково в разных газетах и газетных жанрах. Однако неверно было бы сделать заключение об отсутствии в газетной речи определенного стилистического единства публицистики и тем более выражать сомнение в существовании вообще публицистического стиля. Несмотря на все жанрово-стилистические различия, газетная речь в целом отвечает основным стилевым принципам функционирования в ней языковых средств и потому обладает достаточной целостностью и единством. Газетные публикации реализуют обычно в лингвистических средствах открытую оценочность, функцию воздействия, переплетенную с информативной (хотя доля и сила обнаружения каждой в разных жанрах неодинаковы), осуществляют сопряжение экспрессии и стандарта как основного стилистического принципа газетной речи, отмеченного В.Г. Костомаровым.

При этом информационная функция проявляется в таких особенностях стиля, как документальность, фактологичность, официальность изложения, объективность, сдержанность. Воздействующей же функцией детерминируется, как сказано выше, открытая социальная оценочность и эмоциональность речи, призывность и полемичность, простота и доступность изложения. Обычно выделяют три группы жанров: информационные (заметка, репортаж, интервью, отчет); аналитические (беседа, статья, корреспонденция, рецензия, обзор, обозрение) и художественно-публицистические (эссе, очерк, фельетон, памфлет). Информационным жанрам в большей степени присуща функция сообщения, тогда как аналитическим и художественно-публицистическим — функция воздействия. Однако указанные черты в разных жанрах порождают множество вариаций, по-

сколькx в них вариативно действие конструктивного принципа. В частности, экспрессия возрастает от информационных материалов к художественно-публицистическим, при этом, соответственно, стандарт сокращается. Модифицируется в жанрах выражение авторского начала: жанр заметки не предполагает открытого проявления авторского присутствия, тогда как в жанре репортажа событие передается через восприятие его автором.

Стиль репортажа, в известном смысле противоположный стилю проблемной статьи, обнаруживает, однако, общие черты газетной речи. Репортаж в некоторых отношениях сближается с художественным повествованием. Ему в отличие, например, от других жанров свойственно изложение от первого лица, а в отличие от речи художественной — более «открытое» присутствие автора в повествовании, что представляет собой проявление публицистичности. Вместе с тем авторские оценки выражают позиции печатного органа. (О своеобразии категории лица в репортаже см. в кн.: *Солганик Г.Я. Стиль репортажа*. М., 1970.)

В репортаже представлены документализм и вместе с тем живость и эмоциональность рассказа. Первой чертой обусловлена объективная точность и аналитико-обобщенный характер изложения, обнаруживающиеся в прямых значениях слов, наличии известного круга терминологии, книжности речи, сравнительной сложности синтаксиса. С действием второй связаны образность, метафоричность, широкое употребление лексико-фразеологических и синтаксических средств живой разговорной речи, использование языковых средств эмоционального и экспрессивного характера, введение прямой речи и т.д. Стремлением к экспрессивности обусловлено и обращение к «настоящему репортажу», и использование цепи номинативных предложений с целью живописания. Вместе с тем образность репортажа принципиально отличается от образности художественной речи, в частности эскизностью, что и оказывается проявлением публицистичности стиля.

Публицистичность репортажа обнаруживается также в яркой и открытой оценочности, в реализации категории собирательности. Собирательность здесь представлена слабее, чем в

некоторых других жанрах, но значительно шире, чем в художественной речи (последнее обнаруживается также при сравнении газетного и художественного очерков). Свойственна репортажу и терминологичность (в разной степени — в зависимости от темы).

Как бы ни были многообразны газетные жанры, каждый из которых, конечно, обладает своеобразием в стилистическом плане (к этому добавляются еще, например, различия публикаций на международные темы, с одной стороны, и на внутрироссийские — с другой), в текстах разных жанров явно проступают общие черты публицистического, точнее, газетно-публицистического стиля. Это, с одной стороны, информативность и стандартизированность, с другой — экспрессивность и оценочность речи, иначе, сопряжение экспрессии и стандарта.

§ 145. Как и всякий другой функциональный стиль, публицистический — явление историческое, а следовательно, претерпевающее изменения. Однако последние наиболее актуальны и динамично представлены именно в газетной речи, особенно в газетах нашей современности. Стилистика современной газетной речи по сравнению с доперестроечной обнаруживает заметные новации, не изменяя, однако, своих основных принципов и специфических черт. Для современной газетной речи в целом менее свойственна открытая призывность, лозунговость, риторичность, неаргументированная директивность. Для нее более характерны аналитичность, доказательность изложения, что однако, не «отменяет» экспрессивности; просто средства и способы ее несколько меняются. С другой стороны, острая полемичность, свойственная многим современным газетным публикациям, опирается на проверенные стилистические средства воздействия на читателя и, естественно, создает и новые.

Рассмотрим более подробно изменения стиля газетной речи постперестроечных лет.

Публицистический стиль в его газетном варианте подвергся изменениям как никакой другой функциональный стиль. Это обусловлено состоянием его экстралингвистической основы.

Под влиянием политической ситуации в обществе появились заметные новации, отразившиеся на стилистике газеты. Наиболее ярко они проявились в следующих моментах.

Основные функции газеты — *в о з д е й с т в у ю щ а я* и *и н ф о р м а т и в н а я* — естественно, сохраняются, но реализация их в речи в известной степени изменяется. Роль просветительской и популяризаторской функций значительно расширяется в связи прежде всего со стремлением восполнения через газетные публикации «белых пятен» в истории страны.

Итак, стилистико-речевое воплощение указанных функций на газетной полосе видоизменяется. Так, в связи с провозглашением принципа нового мышления и *и н ф о р м а ц и и* на многие международные темы становятся более сдержанными, спокойными, доброжелательными по тону, лишенными резко негативных окрасок. Другой вид информации — о встречах в верхах, заключаемых соглашениях и т.д. — сохраняет свой прежний обычный информативно-официальный характер. Информационные же сообщения о событиях внутренней жизни страны приобретают черты яркой оценочности (часто негативной), острой критичности. Комментирование фактов и событий сопровождается ироничными замечаниями. Тем самым в речевой реализации этой функции в целом происходят изменения.

Еще более изменилось в газете воплощение *п р о с в е т и т е л ь с к о й* и *п о п у л я р и з а т о р с к о й* функций. Речевая реализация их сейчас почти немислима вне явной, открытой, порой резкой оценочности, эмоциональности (с использованием соответствующих языковых единиц). Это касается и проблемных статей, статей-прогнозов, в которых вместе с тем усиливаются и аналитическое начало, аргументированность изложения. Тем самым возрастает их теоретичность (как, очевидно, и воздействие научного стиля на публицистический).

Анализ и аргументированность изложения пришли на смену декларативности и догматизму, они углубляются и расширяются, проникая в самые различные жанры (статья, интервью, беседа, рецензия и др.).

Массовидность, собирательность изложения, исходящая не от конкретного автора, а от издающего органа (что отражается на

использовании форм лица), сменяется речью от 1-го лица и характеризуется индивидуализацией стиля. Это касается как отдельных публикаций, так и целых газет, имеющих свое «лицо» (ср. «Новую газету», «Независимую газету», «Известия»).

Если говорить о речевой реализации в о з д е й с т в у ю щ е й (экспрессивной) функции современной газеты, то она, оставаясь ведущей, значительно изменяет стилистико-языковые средства своего воплощения. Прежде всего утрачивается лозунговость, призывность, риторичность, сменяющиеся порой тоном доверительной беседы, интимизации изложения. В связи с чем, хотя и не только с этим, значительно увеличивается в тексте доля диалоговых форм изложения (в аналитических жанрах это противопоставление двух точек зрения). Все это, однако, не означает утрату в полном объеме широкого круга разнообразных экспрессивно-эмоциональных и образных средств (они сохраняются, изменяясь лишь в частных окрасках, преобразуясь семантически; кроме того, создаются и новые экспрессымы). Предназначение газеты не только информировать, но и воздействовать на читателя. Газета как разновидность публицистики «обслуживает» именно сферу п о л и т и ч е с к и х отношений, а здесь нельзя ограничиться одним информированием.

Одной из особенно характерных черт проявления (и достижения) экспрессивности в современной газете становится стихия устно-разговорной речи, в том числе иногда и с налетом митингового «стиля», бескомпромиссной оценочности, с ироничностью, афористичностью, разговорными интонациями и синтаксисом.

Среди «внешних» примет реализации рекламной функции в газете отметим широкое обращение к развернутым подзаголовкам (для привлечения внимания читателя к данной публикации).

§ 146. В современной газете две главные функции — информационная и воздействующая — освобождаются от деформаций. Информирование стремится быть достоверным, фактологическим. Функция воздействия, оставаясь доминирующей, уходит от одноплановости и императивности: в коммуникатив-

ном акте как бы уравниваются роли адресанта и адресата. Стилистика реализации воздействующей функции становится более разнообразной, раскованной, индивидуализированной. Теперь почти каждая газета имеет свое лицо, а каждый журналист стремится к проявлению своего авторского Я, своего стиля. Все это находит отражение в стилистико-смысловых изменениях журналистской речи, касающихся побудительной модальности, оценочности, диалогичности.

Если прежде лозунгово-призывная экспрессия в газете реализовалась через императивную модальность (см. об этом, в частности: *Шмелев Д.Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977. С. 73), то современная газета не допускает агитации в «лоб», и поэтому изменяется характер модальности в отношении адресата: она становится рекомендательной, косвенно-императивной, сопровождающейся обоснованием волеизъявления. Благодаря этому исчезает в газете открытая назидательность, политико-идеологическая апеллятивность. Тем самым меняется тональность императива. Ср. примеры из старой газеты: *К новым трудовым свершениям, дорогие товарищи!; Пусть крепнет великая дружба между нашими народами!* (императив, содержащийся здесь, придает речи директивность, патетичность) с новым употреблением: *Надо хорошенько запомнить цели эсэсовцев и не заставляя себя верить в их мнимое благородство* (Комсомольская правда).

Для публицистики новейшего времени характерно стилистическое многообразие, раскрепощенность речи в сторону снижения стиля. Процесс «экспансии» разговорной речи вплоть до просторечия и нелитературных языковых средств приобрел небывалые масштабы и интенсивность. По существу, изменилась стилевая норма публицистической речи: она сдвигается в сторону разговорности, раскованности и свободы. Разговорные средства всех языковых уровней используются в самых различных жанрах, существенно изменяя общий лингвостилистический облик публицистики. Этот процесс и указанные языковые черты свойственны вообще современной литературной речи, но исследователями отмечается, что «задает тон» в этом явлении публицистика.

В публицистические тексты проникают сленговые и жаргонные лексические единицы: *Стукач на крыше* — о дятле (Труд); *Звягильский сдает своих*; *Прибыль, полученная торговцами, составила зелеными полмиллиона* (Известия); *Молодые голландцы не шибко стремятся закосить от армии*; *Это разборки конкурентов, скажет милиция*; *Оперные звезды опять соображают на троих* — о совместных планах Доминго, Карераса и Паваротти (Комсомольская правда). К сожалению, встречаются в газете грубые и непристойные выражения.

Исчезновение старых черт экспрессии из газетного языка: императивности, патетичности, лозунговости, порождавших назидательность, дидактизм, политическую апеллятивность и отдалявших журналистов от аудитории, демонстрировавших «неравные» отношения между адресантом и адресатом (см.: *Солганик Г.Я.* Указ. соч., 2006), — приводит к уравниванию позиций коммуникантов в современных СМИ. Это способствует утверждению такой черты экспрессии, как *интимизация* изложения, которая вносит дух доверительности в общение журналиста с читателем, когда адресат вовлекается в процесс сомышления, сопереживания, тем самым формируется личностно ориентированное общение.

§ 147. Влияние устно-разговорной речи и перераспределение статуса адресанта и адресата в новой газете особенно ощутимы на текстовом уровне, а именно в привлечении диалоговых форм речи, в изменениях речевого воплощения диалогичности. В СМИ последнего десятилетия это качество стало конструктивным, фундаментальным свойством, изменив во многом облик журналистских текстов. Оно выступает как принцип построения отдельного текста (как жанрообразующий признак), как способ организации материалов на газетной полосе (репликой диалога в этом случае выступает целый текст). В связи с перестройкой структуры прессы диалогичность становится формой взаимодействия между различными изданиями.

Кроме того, в публицистическом стиле обогащается концепция адресата. В прежней публицистике адресат — это чаще

всего идейно однородная аудитория, сегодня под этим понимается весьма разнородная совокупность людей с различными интересами, информационными запросами и взглядами. В связи с этим тактики учета особенностей адресата становятся весьма разнообразными. В частности, при сообщении новостей автор, с одной стороны, стремится учитывать информационные запросы своей аудитории и соответствовать им, с другой — в надежде быть правильно понятым, учитывает степень осведомленности читателей, направленность их информационных интересов, предполагаемые реакции адресата, старается привлечь внимание к публикации, а для этого *корректирует* процесс сообщения. Предвосхищая возможные упреки в неполноте, в неточности сообщения, журналист дополняет, уточняет форму текста; с помощью такой корректировки, детализации события, субъективности изложения, журналист помогает читателю адекватно понять текст, активизирует внимание читателя, его воображение, убеждает в объективности, достоверности изложения.

Если журналисту необходимо представить результаты своего анализа и убедить читателей в правильности выводов, постановкой вопросов он стимулирует свою мыслительную деятельность, обращая же вопросы к читателям, будит их мысль. В процессе убеждающего воздействия дает свою оценку, для аргументации которой обосновывает несостоятельность мнений оппонентов и защищает позицию сторонников. Причем все это осуществляется в современных СМИ в условиях более камерного общения, при уравнивании коммуникативных позиций адресанта и адресата, автора и «третьих» лиц, когда изложение фактического материала получает личностную окраску. В современных газетах журналист не утверждает, не насаждает готовые истины, как это чаще всего было в прежней газете, а вместе с читателями вырабатывает общее с ними мнение об объекте. В связи с этим рассматриваемую чужую позицию он передает не только цитированием, пересказом, в косвенной речи своего текста, но и включением в свой материал целых текстов, в которых излагается иная точка зрения. Так в полемику вступают целые тексты. Наконец, при необходимости журналист намечает пути реше-

ния проблем, согласовывает модели возможных практических действий, координирует эти действия с читателем. Именно поэтому диалогичность рассматривается сегодня как фундаментальное качество публицистической речи.

Важной чертой выражения диалогичности в современных публицистических текстах является возросшая частота использования деформации прецедентных текстов с помощью приемов цитирования, аллюзий, реминисценций, ссылок, парфраз, пародий, которые вызывают у читателя дополнительные ассоциации. Например: *Джим, ты не прав!*; *Сепаратисты всех стран, равняйтесь на Квебек!*; *Соцстрахи СНГ, соединяйтесь!*; *Все могут короли*; *Ищут подводники, ищет полиция (ИЗВ.)*; *Не нужен нам берег турецкий* (Рос. газета). Между прецедентным и журналистским текстами складываются отношения диалога, когда «чужое» слово наполняется новым содержанием.

§ 148. Какие изменения произошли в системе жанров современной газетной публицистики? С рубежа 80—90-х гг. исчезла, как известно, передовая статья. Присущие ей директивность, риторичность, лозунговость, менторский дидактизм становятся неуместными в газете. Исчезают и такие «сильно воздействующие» жанры, как очерк, фельетон. По замечанию Е.В. Какориной, вследствие общей тенденции к «снижению» стиля фельетонные правила построения текстов становятся возможными во многих жанрах (Какорина Е.В. Стилистические изменения в языке газеты новейшего времени: Дис... канд. наук, 1992). В связи с повышением «статуса» отдельных голосов в публицистическом общении широко распространяются жанры, в основе которых лежит диалог: беседа, экспресс-интервью, экспресс-опросы, эксклюзивные интервью. Усиление личностной тенденции отразилось в распространении таких жанров, как эссе, комментарий, прогноз, исповедь. Усиление информационной функции в газете способствовало распространению жанров журналистского расследования, версии, связанных со специфическими способами получения информации. В целом отмечается упразднение жанровых перегородок, происходит заметная эволюция системы

жанров: одни жанры замещаются другими, некоторые трансформируются, иные взаимодействуют и синтезируются.

§ 149. На социальные преобразования общества язык публицистики отреагировал весьма разнообразно. Прежде всего изменением в реализации важнейшего принципа публицистического функционального стиля — социальной оценочности. В связи с активными изменениями в выражении социальной оценочности в публицистике исследователи порой предпринимают попытки переосмыслить как сам принцип, так и его статус. Однако думается, что эта позиция основана на недооценке влияния экстралингвистических факторов на лингвистические характеристики текстов. Принцип социальной оценочности вытекает из особенностей публицистического подхода к миру. Журналист осуществляет свою профессиональную деятельность как представитель, выразитель, защитник интересов и ценностей тех или иных социальных групп, выступая в своем творчестве как носитель социальной роли (Е.П. Прохоров и др.). Следовательно, аксиологическая деятельность журналиста укладывается в оценки той или иной социальной группы. Несмотря на то что автор порою глубоко вникает в суть фактов, явлений, умело подбирает аргументы для обоснования своей позиции, он, даже провозгласив примат общечеловеческих ценностей, в конечном итоге воспроизводит оценки какой-то социальной группы. Такая особенность журналистского подхода к отражению действительности и проявляется в характере выражения оценочности.

В доперестроечной прессе оценочность проявлялась в резком делении языковых средств на позитивно- и негативнооценочные, связанные с номинацией идеологических понятий (свое—чужое). Основой для такого деления служили классовые интересы. Прежнее резкое разграничение позитивной и негативной оценочности сохраняется, например, в общественно-политических оппозиционных изданиях. Однако в универсальных периодических изданиях палитра оценок весьма обогатилась. Принцип социальной оценочности продолжает действовать и

формирует, как и в прошлом, важнейший разряд словаря публицистики — концептуальную лексику. Многие слова, имевшие ранее отрицательную окраску, приобретают нейтральное звучание или даже меняют знак оценки (*ВПК, бизнес*). При этом одни и те же слова в изданиях с разной политической ориентацией имеют разный знак оценки.

Уже в газетах периода перестройки произошли резкие изменения в шкале ценностей. Как известно, многие ранее нейтральные слова приобрели негативную стилистическую окраску: *система* (ср. в словосочетаниях: *административно-командная система; авторитарно-бюрократическая система*), *партаппарат, номенклатура*. С другой стороны, слова, ранее имевшие негативные коннотации, теперь нейтрализовались: *рынок, биржа, купечество, господин, дворянин, конкуренция, коммерсант* и мн. др. Появились словообразования с яркой отрицательной семантикой, ранее недопустимой: *партократия, партаппаратчик, брежневизм* и др.

Отбор и употребление языковых средств для выражения оценки осуществляется с опорой на шкалу ценностей, вырабатываемую на основе социальной позиции журналиста или редакционного коллектива. Формируется новая шкала ценностей. Каковы ее основные признаки? Во-первых, происходит постепенная нейтрализация прежней резкой поляризации оценок (она сохраняется только в оппозиционных изданиях). Во-вторых, деление на «свое» и «чужое» осуществляется на основе более частных признаков (широкая или узкая социальная группа, общественная организация, идейные воззрения и т.д.), у каждого периодического издания существует своя шкала оценок. Кроме того, в шкале ценностей возросло число оснований для их деления (различия оценок определяются теперь на основе разнообразных интересов: культурных, национальных, религиозных и др.). Таким образом, современная шкала ценностей, сложившаяся в газете, позволяет отразить многообразие социальных позиций, существующих сегодня в российском обществе.

В языке прессы изменились формы и способы выражения оценки, причем они стали различаться по типам изданий. СМИ

вынуждены учитывать реальные разнообразные коммуникативные потребности читателя в информации. Былое тематическое, концептуальное, стилистическое единство кануло в лету. Это приводит к многократному увеличению количества изданий и их качественной дифференциации: появляются деловые, политические, массовые и др. периодические издания.

Например, в общественно-политических и оппозиционных изданиях сохраняется прежнее резкое разграничение позитивной и негативной оценочности. В этих изданиях ярко выражена эмоциональная оценочность. Специфику оппозиционных изданий определяет преобладание интерпретации над информированием, резкое противопоставление «своего» мира чужому. В универсальных периодических изданиях палитра оценок весьма обогатилась. В некоторых изданиях как своеобразное средство не прямой оценки получает распространение ирония. Она рассматривается исследователями как способ не прямой оценки (Виноградов С.И. Язык газеты в аспекте культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996; Солганик Г.Я. Современная публицистическая картина мира // Публицистика и информация в современном обществе. М., 2000), как ведущая стилистическая черта в журналистском тексте (Дроняева Т.С. «Мстительница» и «утешительница»... // Журналистика и культура речи. М., 1998), как средство снижения агрессивности, категоричности (Речевая агрессия в средствах массовой информации. Екатеринбург, 1997). Примеры: *Вот возьмите, к примеру, некоего С.Ф. Между прочим, разностороннейший человек! Что ни предложат, за все берется... За что ни возьмется — все развалит* (Известия); *Ну до чего же мы все хорошие! До чего красивые и приятные! И вот тот, который старушку локотком отодвинул, а сам вместо нее в автобус сел!* (Там же).

Среди распространенных средств выражения иронии следует назвать стилистический контраст, возникающий в результате использования языковых единиц разных стилистических окрасок: *мораторий на дразги и распри; Министерство не лыком шито! Шикарно вооружены; грозить ему тощим хвостом и орать от ужаса* (Из газ.). Заметно участилось в публицистике использо-

вание приема иронической трансформации смысла известных пословиц и поговорок. Например: *Свинья — лучший друг человека* — о возможности пересадки человеку сердца свиньи (Известия); *Через академию — к звездам* — об астрологической академии (Российская газета); *Ловись, рыбка, большая и маленькая* — о браконьерстве (Правда); *Язык до Оксфорда доведет, если он английский* (Комсомольская правда) и др. Часто ирония используется в функции образной характеристики лица: *О том, как трагились чеченские миллиарды, с присущей ему прямоотой сказал тогда он: «Черт знает, куда они делись?»* (АиФ, 1999).

Распространение иронии выразилось в расширении использования языковой игры как средства усиления экспрессии речи. В основе такой игры весьма разнообразные приемы создания комического, в частности, окказионализмы: *примус* (о Примакове), *чубайсята*, *капээсня*, содержащие отрицательную оценку объекта в том числе в связи с использованием сниженной стилистической окраски словообразовательных элементов; каламбуры: *Одни пытаются скрыть свои недостатки, другие — недостатки* (АиФ); *Сила С. Милошевича в том, что он всегда последователен в своей непоследовательности* (АиФ) и др. Языковая игра создается и за счет аллюзии: *Велика Россия, а отдавать нечем*; трансформации фразеологизмов: *Ворон ворону газ не выключит*; разнообразных тропов: *А цены как змеи: ползут и кусаются* (АиФ). Таким образом, языковая игра в современной публицистике становится эффективным инструментом выражения оценочности.

В ряду негативных языковых процессов важно отметить чрезвычайно распространившуюся речевую агрессию, ее крайняя степень представлена в оппозиционных изданиях, которые реализуют остро конфликтную, непримиримую стратегию построения общения с собеседником-оппонентом. Например: *Интеллигенция. Упрямые, самоуверенные, воинственные, агрессивные, истеричные. Ради осуществления своих идеалов капитализма сгноят, угробят миллионы... При этом полуграмотны. Воспитаны по устарелой классической системе... Продукты затхлости и герметизма* (День). Как видно из фрагмента, «чужой» мир

в оппозиционных газетах представлен враждебно, для этого мобилизуется широкий арсенал выразительных средств: фигуры речи (парцелляция, именная предельная, эллиптические конструкции), тропы (сравнения, метафоры), но употребление выразительных средств направлено на прямые оскорбления, что, безусловно, выводит общение с массовой аудиторией за пределы этических норм.

§ 150. В отмеченных преобразованиях языка современной публицистики необходимо подчеркнуть заметное изменение состава языковых единиц, некоторых особенностей использования языка, представленности тех или иных стилистических приемов в разных жанрах, в разных изданиях и др. Однако анализ показывает, что принципиальной перестройки стиля не происходит, поскольку все указанные изменения не коснулись сущности с т о р о н публицистического стиля. Как отмечает В.Г. Костомаров, конструктивный принцип сопряжения экспрессии и стандарта сохраняется; остаются также и обусловленные этим важнейшие стилевые черты и функции, свойственные газете (*Костомаров В.Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики.* М., 2005). Иллюстрацией сохраняющегося принципа газетного стиля — сопряжения экспрессии и стандарта — может служить даже такая «чисто» информационная газета, как «Коммерсантъ». При всей ее специфике, обусловленной целями издания (имеем в виду подавляющее большинство информационных материалов, нередко нейтрального характера, которые, кстати сказать, наполнены официально-деловыми, экономическими терминами и клише), она содержит непременно для газеты экспрессивные, оценочные средства, элементы разговорности и даже ироничности речи. Показательны, например, обычно весьма экспрессивные заголовки: *Феномен в Нижнем: биржевая акула проглотила мелкого инвестора; Акции «Деловой России»: ну что, купим по маленькой?; Азия-инвест» потянулась за золотом. Но не дотянулась.*

Таковы в общих чертах основные особенности газетно-публицистического стиля, изменения в них и языковые средства их реализации.

Стилевые особенности электронных СМИ

§ 151. Стиль электронных СМИ — это разновидность публицистического стиля, распространенного в электронных каналах коммуникации — на радио, телевидении, в Интернете. Радио- и телевизионные выступления сближает устный характер и социальная направленность. Однако специфика используемых технических устройств определяет и ряд различий между ними.

Особенности устной речи на РВ и ТВ исследованы О.А. Лаптевой. Область устной речи здесь простирается от непрофессионально выступающих (приглашенные в студию, интервьюируемые) до устной публичной речи: «Живой, спонтанный тип телеречи стремится полностью слиться с разговорной речью, но часто остается на уровне устной публичной речи (коллективной или индивидуальной) из-за специфики условий съемки и общих задач телепередачи» (*Лаптева О.А. Живая русская речь с телеэкрана. Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. Сегед, 2001. С. 8*). Как продукт профессиональной журналистской деятельности, радио- и телеречь должны являться произведением осмысленного творчества, с продуманной системой средств воздействия, направленной на достижение запланированного результата. Но О.А. Лаптева глубоко права, подчеркивая важность фактора устности для языка телевыступлений. В ее монографии показано, как этот фактор накладывает свой отпечаток на стилистику телевизионной публицистической речи.

Хотя часто устная речь телерадиожурналиста имеет в своей основе письменную речь, даже если конкретное выступление не зафиксировано письменно. Используемые здесь средства разговорности служат задачам общепублицистического воздействия. Выступление максимально эффективно, если оно сочетает элементы заранее подготовленного письменного текста с устной формой его реализации. В журналистских теле- и радиовыступлениях речевой поток, который должен восприниматься как спонтанный, на самом деле таким не является.

Эффективное воздействие в электронных СМИ возможно лишь при наличии в речи эмоциональности, экспрессивности,

личности изложения, ясности сообщения, присущих публицистическому стилю в целом. В зависимости от конкретной тематики передачи по-разному проявляется социально ориентированный характер текста: от самых «отстраненных» от зрителя, официальных — до максимально приближенных к нему по типу межличностных отношений. Примерами передач, в которых ведущий занимает подчеркнуто объективную позицию и минимально проявляется индивидуальность, могут служить «Время» на ОРТ, «Вести» на РТР, «Сегодня» на НТВ.

Выпуски новостей представляют собой несколько следующих друг за другом сюжетов, порядок их размещения определяется значимостью: о наиболее важном сообщается в начале. Сюжеты скрепляются друг с другом специальными конструкциями связи. По значению их можно разделить на три группы: они сигнализируют о начале, продолжении и завершении. Приведем примеры маркеров начала: *Сегодня в нашей программе...*; маркеров продолжения: *К другим событиям дня; О том, что приводит... смотрите в следующей части программы; В продолжение выпуска новости о...*; маркеров завершения: *На сегодня все, встретимся в следующих выпусках новостей... На этом пока все... Оставайтесь с нами на канале НТВ... О спорте все. Будьте счастливы. Увидимся на ТВ-Центре...* Как видно из примеров, кроме указаний на разные стадии выпуска новостей, конструкции обязательно предполагают обращенность к аудитории, тем самым они выступают средством установления контакта с аудиторией, повышая диалогический тонус речи, помогают зрителям сориентироваться в пространстве макротекста выпуска.

Принцип чередования экспрессии и стандарта действует и в телеречи. Например, информационный сюжет телевыпуска состоит из трех частей: так называемой подводки, журналистского материала, отводки. Подводка строится стандартно: сначала сообщается тема сюжета, затем вводится прямая речь журналиста и, наконец, ведущий обращается к нему, например: *Сегодня же они встретились с... О том, как проходила эта встреча, расскажет... Все подробности мы надеемся узнать у Дмитрия... Дмитрий ...или: Сегодня энергетики пригласили журналистов на*

свои основные и строящиеся объекты. Как выполняется соглашение между РАО ЕЭС и Петербургом, знает Катерина Правдина... Экспрессия же может быть представлена в журналистском общении.

В отдельных случаях более экспрессивно выражается уже связь между подводкой и журналистским материалом, когда это осуществляется вопросительным предложением, а в журналистском материале дается ответ на заданный вопрос, например: *А каким должен быть голос нового времени?* Следующий далее журналистский материал позволяет «раздвинуть» рамки студии, вводит в событие. Как правило, в новостных выпусках экспрессивность выражается с помощью стандартных, регулярно повторяющихся языковых средств: метафор (*виток переговоров*), эмоционально-оценочной лексики (*хаос, скандал, рухнул, вандалы проломил*), суперлативов (*колоссальный, огромный, грубейший*), фразеологизмов (*с легкой руки, испытать на себе*).

Экспрессивно выстраивается анонсирующая часть новостного выпуска, вводимая напрямую обращенными к зрителям конструкциями связи: *Смотрите далее в нашей программе* или *Во второй части выпуска смотрите...* Четкости фрагментирования анонсов способствует своеобразное озаглавливание. В качестве «заголовков» следующих затем новостных сюжетов выступают номинативные конструкции: *Хорошая мысль. Сторонники партии жизни, родины и пенсионеров предложили ставить...; Мысли о караване Пи-Кью 17. Сегодня исполнилось ровно 65 лет со дня первого северного конвоя союзников*; вопросительные конструкции, например: *Кто взорвал автомобиль в центре города? Случайная камера зафиксировала взрыв машины у многолюдной станции метро*; антитезы: *БДТ готовится к реконструкции, а театр Европы к премьерам...* (лексемы *реконструкция* и *преьера* выступают здесь контекстуальными антонимами). «Заголовками» становятся событийные предложения, часто с инверсивным порядком слов, позволяющим выделить новостной повод, как в следующем примере: *Стадион для Петербурга построят японцы. Городское руководство и Газпром выбрали архитектора новой арены для «Зенита».*

Заключительная, самая «неформальная» часть новостного выпуска считается чрезвычайно важной частью теленовостей, поэтому ее стилистическому оформлению профессионалы уделяют большое внимание, например: *И последнее. Им еще нет года — но они уже готовы выйти на большую сцену: в труппе Мстислава Запашного — пополнение молодых косолапых артистов. Алексей Кобылков побывал в шкурах и медведя, и тигра. И на себе испытал, каково это балансировать на шаре. Только пока не на арене, а под пристальным взглядом дрессировщика...*¹ Явно шутливая интонация этого фрагмента формируется целым рядом композиционных и стилистических приемов. Интрига повествования создается отсутствием точного обозначения «главных героев» заключительного сюжета: они сначала названы местоимениями 3-го лица (*им, они*), далее не содержащим подсказку существительным (*пополнение*), далее парафразом (*молодые косолапые артисты*). Атмосферу шутки в сюжете поддерживают трансформация фразеологизма, полисиндетон (*побывал в шкурах и медведя, и тигра. И на себе испытал*), наконец, инверсия и парцеллированная конструкция (*на себе испытал, каково это балансировать на шаре. Только пока не на арене...*) Парцелляция используется и в другом заключительном сообщении: *В Петербурге остановился единственный в России плавающий фонтан. Ненадолго — только на профилактику.*

В телеречи сочетаются видеоряд и вербальное сопровождение. Наблюдения над тем, как это происходит, содержатся в учебном пособии коллектива авторов «Публицистический стиль» (Бойкова Н.Г., Беззубов А.Н., Коньков В.И. СПб., 1999). По мнению авторов, стилистика вербального текста, фоностиля, тембра озвучивания текста и стилистика визуального текста тесно взаимосвязаны, поскольку вербальный текст обычно поясняет и интерпретирует визуальный текст. Телевизионный макротекст тем понятнее, чем теснее взаимосвязь между словесным сопровождением и визуальным высказыванием (относительно законченным

---

¹ Автор выражает признательность петербургскому тележурналисту А. Радину за предоставленные материалы.

фрагментом видеоряда), чем четче связаны друг с другом вербальные и визуальные фрагменты. Специфичен синтаксис вербального текста: небольшая глубина предложений, простые конструкции, много назывных и неполных предложений, кратко, как при прямом обращении, представляющих и комментирующих происходящее в кадре. Синтаксические особенности телеречи связаны со своеобразным распределением функционально-смысловой нагрузки: функцию описания и, частично, повествования выполняет видеоряд, а функцию комментария принимает на себя вербальный текст.

Своеобразна тема-рема-тематическая нагрузка телеречи. Для акцентирования внимания зрителя происходит сцепление темы предложения и содержания видеоряда, т.е. в видеоряде зрительно повторяется тема предложения. Например, сначала демонстрируется видеоряд: корабль в открытом море, далее звучит сообщение: *Сегодня пришло сообщение о том, что в море, вблизи... найдены тела трех моряков.* В визуальном высказывании рема не обозначена — нет тел погибших моряков. Внимание зрителя сосредоточено на теме — тревожном море, зритель сориентирован в пространстве. В дальнейшем высказывание актуализирует и рему: *Позже было выяснено, что это тела моряков затонувшего на прошлой неделе корабля...*

Видеотекст имеет свою композицию, которая сопрягается с композицией вербального текста. Если в вербальном тексте используется комментарий (рассуждения), то функцию введения в комментарий, обязательного для устного убеждающего текста, может принять на себя видеотекст — он создает настроение, психологические установки и т.п. Поэтому вербальный текст в неинформационных жанрах обычно звучит несколько позже, чем появляется изображение. Композиционные части передачи маркируются с помощью выразительных звуковых средств (изменение фонетика, типа образительной речи, музыкального текста).

В последние два десятилетия на радио и телевидение широко проникла прямая речь не только журналистов, но и героев передач, поскольку диалогические жанры РВ и ТВ претерпевают серьезные изменения. Слушатели / зрители активно участву-

ют в обсуждении проблемы, спорят, не соглашаются с собеседником, выражают собственную позицию по обсуждаемому вопросу. Появляются новые жанры устной публицистики — дискуссия, круглый стол, групповая беседа, ток-шоу, формируется их специфика, возникают свои нормы и законы их организации и проведения, в которых значительное место начинает занимать смысловая позиция телезрителей. В разных передачах представлены различные формы взаимодействия речевых партий участников. Например, передача В. Соловьева «К барьеру» на НТВ, жанр которой можно определить как ток-шоу, представляет собой словесную дуэль (само название передает эту особенность), где, как правило, сталкиваются непримиримые противники, каждому из них предоставляется возможность защитить свою смысловую позицию. Для этого «дуэлянты» могут использовать помощь «секундантов». Словесная схватка протекает, как правило, остро, запальчиво. Ведущий не только обеспечивает возможность каждому выразить свою позицию, не только выступает связующим звеном между всеми фрагментами словесной схватки, но и высвечивает разногласия, в отдельных случаях умиряет дуэлянтов. В программе участвуют эксперты, предметом оценки которых становится речь противников: насколько аргументированны их высказывания, насколько они уместны, умелы и искренни. Таким образом, передача представляет собой сочетание нескольких речевых жанров: дискуссии, спора, перепалки, своеобразных мини-рецензий, — причем все они формируются в диалоге.

По-иному строится другая дискуссионная передача — «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым» на НТВ. В студию приглашаются и становятся участниками обсуждения актуальных вопросов прошедшей недели эксперты, имеющие разное отношение к обсуждаемой теме. На глазах у телезрителей обсуждение темы проходит разные этапы: постановку проблемы, анализ ее разных сторон, обсуждение способов ее решения. В соответствии с рассматриваемыми в тот или иной момент передачи коммуникативными задачами меняется ее стилистический облик. Если на первом и втором этапах доминируют и опреде-

ляют стилистический строй оценочные языковые средства, то на третьем — побудительные.

На радио и ТВ сегодня распространены авторские передачи с обзором событий за неделю. Ведущий организует анонсирование сюжетов, переходы от одного к другому, комментарии к ним. Речь ведущего в таких передачах отмечена семантикой итоговости, которая детерминирует появление оценочной информации. Удачное сочетание авторской и чужой речи, принципов устной и письменной речи, остроумный комментарий облегчает восприятие итоговой информации.

Монологическим по форме радио- и телепередачам тоже свойственна диалогичность, которая касается направленности речи на адресата, а также стремления взаимодействовать с ним, она является конструктивным принципом публицистического стиля. Причем целеустановка на взаимодействие с адресатом определяет использование речевых приемов, не только выявляющих постоянное присутствие воспринимающего лица (лиц) (как это чаще всего утверждается в исследовательской литературе), но и демонстрирующих взаимодействие с предполагаемыми смысловыми позициями читателей. Выступающий в кадре или перед микрофоном должен предугадать реакцию зрителя и слушателя и суметь ответить на нее. Диалог строится в расчете на невидимого собеседника, который мыслится как активный участник двустороннего контакта. Вот почему здесь необходимо предвидеть различные точки зрения на проблему, аргументируя собственную. Слушатель / зритель должен чувствовать ход мыслей телерадиожурналиста.

Созданию диалогичности речи способствуют такие стилистические приемы, как вопросно-ответные комплексы (напр.: *Кто взвинтил цены на жилье? Случайность или сговор?*), прямая адресованность (напр.: *Смотрите далее в нашей программе... Не уходите далеко. Мы увидимся после рекламы, буквально через 220 секунд* (Из материалов А. Радина) и косвенная адресованность к реципиенту (напр.: ***Я хочу искренне поздравить всех тех, кто искренне верует, и всех, кто, может быть, не верит в существование Господа Бога, но верит в существование неких высших сил...***

(Из телепередачи), побуждения к ментальным и конкретным физическим действиям (использование «мы-конструкций», указывающих на двусторонность коммуникации (присутствие не только автора, но и адресата), способствующих консолидации аудитории (напр.: *нашим постоянным телезрителям известно..., до встречи в эфире...*).

Помимо форм адресованности, диалогичность в теле- и радиоречи выражается и другими приемами. Усилению диалогического тону речи, а вместе с тем более тонкому воздействию на чувства зрителя (слушателя) способствует и н т и м и з а ц и я повествования, связанная с активизацией эмоционального начала, которая включает реципиента в совместное размышление, представленное в кадре и у микрофона. Необходимость особых форм выражения, рассчитанных на каждого слушателя / зрителя в отдельности, заставляет журналиста вести поиск средств и приемов, снижающих официальность общения, делающих его более непринужденным. Этому способствует, например, демонстрация журналистской рефлексии, динамики мыслей и переживаний, в результате которой автор приходит к тем или иным выводам. Мыслительный процесс, окрашенный эмоциями, воспроизводится как бы перед зрителями / слушателями, интимизирует общение: *Даже сейчас, когда я вспоминаю об этом, я очень волнуюсь.*

Эти же функции следует отметить и у активно используемых в теле- и радиоречи этикетных речевых жанров приветствия, прощания, поздравления, извинения и др.: *Добрый день, дорогие друзья...; На сегодня все новости... До встречи завтра на НТВ; Сегодня мы поздравляем всех тех, кто... Это ваш праздник...; Чрезвычайное сообщение... Мы приносим извинения за перебои в вещании... Спасибо, что остались на нашей волне...* Использование этих жанров помогает зрителю и слушателю ориентироваться в пространстве текста, поскольку они, помимо собственно этикетной, контактоустанавливающей функции, содержат указание на тот или иной этап в развертывании передачи.

Интимизации способствуют также разговорная лексика, фразеология, лексические образные средства и синтаксические

средства выразительности (стилистические фигуры), особая интонация речи. Передать внутреннее состояние, настроение говорящего и вовлечь в сопереживание помогает интонация. Само звучание речи должно вызывать у слушателей и зрителей предполагаемую автором реакцию.

Журналист строит общение, ориентируясь на разный состав телезрителей. Стилистика передач, рассчитанных на молодежь, в значительной мере отличается от аналитических программ высокой степенью интимизации, раскованности. Особенности построения общения с молодежной аудиторией проанализированы Э.В. Чепкиной на примере программ музыкального телевизионного канала МТВ-Россия. В таких передачах имитируется неофициальность, их отличает непринужденность, вплоть до фамильярности. Маркированию сугубо неофициального регистра общения служат обращения друг к другу и самоименования (*Любашка, Михон, Коша Кузикус* и т.д.). Здесь активно используется оппозиция МЫ / ОНИ — противопоставление мира молодых миру взрослых. Во всех программах канала в речи ведущих и зрителей широко используются молодежный жаргон, англицизмы и музыкальные термины, принятые в молодежной среде речевые стереотипы. Названия всех музыкальных групп и исполнителей звучат в соответствии с нормами английского произношения. Кроме того, речь на канале пронизана иронией. Такая речь создает атмосферу общей игры, несерьезной, «невзрослой» тональности общения (*Чепкина Э.В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995—2000)*. Екатеринбург, 2001. С. 231—232).

К сожалению, программ, в которых господствует атмосфера игры, становится все больше, а тональность непринужденного «междусобойчика» как на радио, так и на телевидении принимает формы речевого эпатажа. Речевой эпатаж, широко распространившийся на современном радио и телевидении (в частности, во многих программах, транслируемых на ТНТ), выражается в вульгарности, в конфликтности, даже скандальности, в намеренной антиэстетичности речи, когда допускаются мат, непристойности, скабрёзности. Повествованию в телеречи свой-

ственно подчеркнутая сенсационность, которая создается лексикой с соответствующей семантикой (*скандалы, интриги, расследования, русские сенсации*), обрывистой агрессивной интонацией, формируемой рублеными фразами, настойчивым повторением конструкций, отрицающих осведомленность зрителей в содержании сообщений (*Неизвестная Пугачева. Такой А. Пугачеву еще никто не знал*), подчеркиванием необычности событий и т.д.

Специфику радиоречи определяют особенности ее технической трансляции. В радиопрограмме взаимодействуют вербальный текст с акустическим сопровождением. По наблюдениям авторов указанного пособия «Публицистический стиль», в традиционном универсальном или информационном вещании (например, на «Радио России», «Маяк», «Эхо Москвы») первичным, доминантным является в основном вербальный текст. Акустико-шумовые тексты несамостоятельны, коротки, обычно узнаваемы, но сопровождаются описательно-повествовательным комментарием (*Вы слышите шум поездов, идущих к новой станции метро*). Подводки к музыкальным текстам и послесловия в смысловом плане обычно связаны с музыкальным текстом. В форматном радио («Европа плюс», «Максимум» и др.) вербальный текст отнюдь не доминирует — он является лишь равноправным элементом компьютерной программы, где последовательно и параллельно, через продуманные промежутки времени, предъявляются различные тексты: краткие новости на легкой музыкальной «подкладке» (мелодия — знак, символ радиоканала), затем запрограммированная музыка, далее может быть комментарий. В развлекательных и молодежных передачах наблюдается ускорение темпа речи, эмоциональности изложения, использование пиковых интонаций, агрессивная манера речи (*Бойкова Н.Г., Беззубов А.Н., Коньков В.И.* Публицистический стиль. СПб., 1999).

§ 152. Сегодня все большую популярность получает и такой новый канал коммуникации, как **Интернет**, который охватывает множество сфер общения, функционирующих автономно и связанных между собой с помощью гиперссылок и серверной

организации. Соответственно, язык Интернета функционально-стилистически весьма разнороден, следовательно, неоднородны его жанры, отражающие различные сферы общения, представленные в сети. В связи с этим в Интернете функционируют жанры, транспонированные переводом в цифровой формат из традиционной коммуникации и не изменяющиеся в условиях виртуального бытования. Однако существуют уже модифицированные версии традиционных жанров и исконно сетевые жанры. Публицистический стиль Интернета, помимо традиционных жанров, представлен в жанрах и гипержанрах исконно сетевых изданий: персональных Web-сайтах, форумах, конференциях и др., коммуникативная цель которых — информирование и воздействие.

Безусловно, общность целей и задач общения сближает стилистику бумажных вариантов и сетевых изданий, поэтому в последних сохраняются все стилевые черты, присущие публицистическому стилю: сочетание экспрессии и стандарта, социальной оценочности, адресованности и т.д. Однако специфические условия, в которых протекает Интернет-общение, накладывают отпечаток на реализацию этих черт, а именно способствуют выработке особых способов, приемов и средств осуществления эффективного общения. Для анализа обратимся к характеристике сетевых публицистических жанров.

Сетевые гипержанры и жанры отличает устремленность к интерактивности. Действительно, участники вступают в сетевое взаимодействие, стремясь к самовыражению и установлению контакта с близкими по взглядам людьми — тем самым усложняется коммуникативная направленность сетевых жанров. По этой причине Интернет-жанры представляют собой полилог, у которого специфический адресат: он не только социальный, но и индивидуальный, поэтому взаимодействие в виртуальном пространстве — это коммуникация особого рода, сочетающая в себе черты социально- и личностноориентированного общения. Так, форумы начинаются стимулирующей репликой, представляющей собой вопросительное или побудительное предложение (-я), направленное (-ые) на стимулирование речепорож-

дения. Реплика-стимул задает тему обсуждения. Ответные реплики участников сетевого общения могут быть развернутыми в разной степени.

При социальной ориентированности сообщения ему присуща нерасчлененность адресованности, контактоустанавливающие средства (они выполняют в сети конструктивную функцию — без них взаимодействие в интерактивных жанрах совершенно невозможно), отражающие обращенность к массовой аудитории (вопросы, восклицания) — к участникам форума. В этом случае наблюдается попытка развернуть рассуждение, в котором выражается эмоциональная оценка, она эмоционально же обосновывается, анализируется позиция другой стороны, участвующей в обсуждаемом конфликте (примеры даются в том виде, в каком они функционируют в виртуальном пространстве, без исправлений): *Мое мнение? Мнение о чем? Об обстреле артиллерией мирных граждан Ливана или об уничтожении ливанских дорог, мостов, аэропортов и прочих средств коммуникации? Какое еще может быть тут мнение? Но и другую сторону тоже понять можно, хотя я не думаю, что очередная война в этом регионе может решить какие-либо проблемы, скорее даже наоборот* (kc114 @ 21 Jul 2006 0:15). Как видим, в сетевых текстах наряду со стандартными публицистическими единицами *мирные граждане, средства коммуникации, решить проблемы* встречаются типичные для публицистического стиля средства экспрессии: лексические повторы, цепочки вопросительных предложений, эмоционально выражающих неприятие войны и ее последствий. Чувствуется взволнованность, которая выражается в композиционном стыке (*Мое мнение? Мнение о чем? Об обстреле артиллерией мирных граждан Ливана или об уничтожении...*), в риторическом вопросе (*Какое еще может быть тут мнение?*). Хотя оценка высказывания дана с социальной, общегуманистической позиции, однако активно подчеркнуто в оценке авторское начало. В целом степень персональной вовлеченности в авторское «я» сетевых высказываний чрезвычайно высока. Эта особенность демонстрируется и в приведенном примере в акте самоманифестации (*я не думаю, что...*).

В Интернет-общении динамичны переходы от массовой адресации к индивидуальной, когда автор сообщения обращается к автору обсуждаемого вопроса, к отдельным участникам. Эти переходы обозначаются специальными контактоустанавливающими средствами: вопросительными предложениями, обращениями к конкретным участникам обсуждения. Участники форума вступают в общение не под своими именами, а под придуманными — в этом одно из проявлений особого этикета сетевого общения — сетикета. При индивидуальной адресации снимаются ограничения, накладываемые на речь в официальном общении, речь становится свободной и раскованной и сближается с разговорной. Это проявляется в спонтанности общения, в неотредактированности многих фрагментов, в сближении письма и произношения. В связи с этим частотны отступления не только от орфографических, пунктуационных и речевых норм письменной речи, но и от этических. Вот ответ одного участника молодежного политического форума другому: *Коммунизм, социализм, капитализм — во всех словах присутствует суффикс «изм» и в слове идиотизм тоже... У тебя нет ни одного аргумента. В душе ты раб.*

Своеобразно тематическое развертывание в Интернет-полилоге: коммуниканты легко переходят от одной темы к другой. Например, в день св. Валентина участники форума отзывались на призыв «Признайся в любви к товарищу!». Романтическая тематика легко сменилась разговором об истории употребления слова «товарищ»: *Вот, нашла для справки... Обращение товарищ пришло из партийного лексикона в значении «соратник по политической борьбе»... Так продолжалось лет 70... С конца 80-х годов обращение товарищ стало встречаться все реже, а возрождаться стали как раз обращения сударь, сударыня, господин, госпожа.*

Следует отметить, что в сетевом общении особые формы приобретает стремление к интимизации. Она выражается разными способами, в частности с помощью специальных графических элементов — смайликов. В ряду нейтральных языковых средств широко используются жаргонизмы, в том числе грубые.

В связи с этим речь в целом характеризуется стилистическими контрастами.

Для «поддержания» нужной тональности допускаются разного рода отступления от норм литературного языка. Конечно, правомерность такого словоупотребления отнюдь не бесспорна. Кроме того, в Интернете, как сказано, часты случаи нарушений этических норм общения, отсюда — общий агрессивный тонус речи. Не случайно Интернет иногда называют пространством речевой антикультуры.

Уже из перечисленных особенностей становится понятно, что Интернет является речевой средой, в которой утверждается коммуникация принципиально нового типа, поскольку здесь размываются различия не только между монологом и диалогом, но и устной и письменной формами речи, между официальным и неофициальным общением, между социально- и индивидуально ориентированным общением, причем все это характерно и для публицистических Web-жанров. Интернет, будучи, по идее, самым демократичным каналом, предоставляет возможность вовлечь в сферу публицистического общения максимально широкий круг участников.

Вопрос о стилевом статусе рекламных текстов и их стилистике

§ 153. Расширение функций литературного языка в конце XX века выразилось в распространении рекламы. Оно коснулось и публицистического стиля. Прежде всего в появлении политической рекламы как новой сферы использования последнего. Некоторые исследователи относят сюда и коммерческую рекламу.

Вопрос о функционально-стилевом статусе рекламных текстов является дискуссионным. Одни исследователи относят эти тексты к публицистическим, поскольку они социально ориентированы и нацелены на реализацию какой-либо политики. Другие подчеркивают, что стилистический облик рекламы оп-

ределяется многостильностью и контаминацией разных жанров и разновидностей. Наконец, в работах Е.С. Кара-Мурзы сформулирована идея о том, что рекламный стиль выделяется в отдельную функциональную разновидность языка (*Кара-Мурза Е.С. Культура речи в рекламной деятельности // Журналистика и культура русской речи. Вып. 3. М., 1997. С. 65*). Автор считает, что рекламные тексты отличаются содержательно от публицистических темой и функцией: в публицистике рассматривается общественно значимое событие, в рекламе — товар или услуга; основной функцией рекламного текста является не столько информирование потенциального потребителя, сколько воздействие на него. Но функция информирования (о товаре, услуге и т.д.) в рекламе действительно есть, как и языковая функция воздействия, знаковая для публицистики.

Тем самым многое сближает рекламу с публицистикой: и основные функции (информирование и воздействие), и цель (побуждение аудитории к действию — голосованию или приобретению товара). Аналогичный подход в решении данного вопроса наблюдаем, например, и в польской стилистике (*Wojtak M. Gatunki prasowe. Lublin, 2004*). Кстати, именно на публицистичность рекламы указывает Е.С. Кара-Мурза, когда отмечает, что главное в рекламе — не проинформировать о том, что есть такая-то вещь, а п р и з в а т ь ее приобрести, и действительная прагматическая доминанта рекламных текстов, как и всех политико-идеологических, п о б у д и т е л ь н а я (*Кара-Мурза Е.С. О бедной рекламе замолвите слово // Журналистика и культура русской речи. Вып. 3. М., 1997*).

Кратко рассмотрим стилистические особенности текстов рекламы. Они предопределяются ее функциональной природой. Рекламную речь отличает информационно-воздействующий характер, поскольку ее цель — создать благоприятный образ об объекте, привлечь и поддержать внимание массовой аудитории к нему. Цель достигается по-разному: аудитории сообщается информация о полезных свойствах рекламируемого объекта (расширяется смысловое поле реципиента), у нее создаются благоприятные представления о рекламируемом объек-

те (формируется его положительная оценка), наконец, получатель выстраивает поведение необходимым для рекламодателя образом (голосует, покупает и т.д.).

Важно подчеркнуть, что наиболее активно публицистичность выражена в политической рекламе. Однако публицистическое начало как будто свойственно и языку коммерческой рекламы, поскольку функции и цели общения у них близки: обладают социальной оценочностью, побудительностью, несмотря на всю их специфичность. Кроме того, как показывает исследование В.Г. Костомарова, в них действует свойственный всей публицистике принцип чередования экспрессии и стандарта (Наш язык в действии. М., 2005). С одной стороны, в рекламных текстах присутствуют стандартные средства, однако, с другой — для эффективности воздействия на адресата «активизируется» экспрессивность, которая, как и во всех текстах публицистики, достигается оценочностью, побудительностью, адресованностью. Эти черты реализуются прежде всего в особом построении текста.

Для трансляции рекламных текстов используются разные виды материальных носителей — периодические издания, радио, ТВ, сеть Интернет, уличные щиты, растяжки, постеры и т.д. Рекламный текст строится в сочетании вербального и невербального компонентов. Невербальные компоненты — визуально-графические (шрифт, цвет, изобразительные элементы, композиция), кинетические (жест, мимика, поза) и аудиальные (музыкальное сопровождение, интонация, ритм и другие просодические средства). Следовательно, структуру рекламного текста определяет переплетение семантических компонентов разной природы. Своеобразное наложение смыслов, создаваемых разными знаковыми системами, формирует многослойное семантическое поле рекламного сообщения. Этим обусловлено широкое разнообразие композиционно-речевых форм рекламных текстов.

Рекламируются весьма различные объекты — политические субъекты, идеи, а также товары, услуги, фирмы. Смысловую структуру рекламного текста создают сообщение о субъекте или объекте, оценочная идея об их свойствах, аргументация этой

идеи, слоган. Исследователи описывают огромное, не поддающееся классификации разнообразие рекламных идей, помогающих представить образ того или иного рекламируемого объекта и его свойств, поэтому по форме рекламный текст может быть монологическим и диалогическим, по типу речи описанием, повествованием, рассуждением. Может использоваться драматическая форма, с сюжетом, текст может быть рифмованным. Активно мобилизуются юмористические способы создания текста, в частности шутка, пародия, прием обманутого ожидания, алогизмы и т.п.

Для аргументации оценочной идеи используется множество способов. Один из них — фактологический. В качестве фактологических аргументов можно рассматривать сообщения о выполнении прежде данных обещаний: *Мы уже достигли разработки и принятия областного закона об 1%-ном сборе на нужды образования. На эти деньги были приобретены автобусы для сельских школ, закуплено 11 000 комплектов учебной мебели, проведены строительство и ремонт ряда школ*¹... Чаще всего в политической рекламе в качестве фактологических аргументов выступают обещания полезной для всех людей деятельности кандидата в случае его избрания: *Мы потребуем повышенного и повседневного внимания к реальным проблемам развития села*... В коммерческой рекламе фактологическим аргументом выступает информация о полезных свойствах объекта или указание на выгоду от его приобретения.

Другой способ предъявления аргументации — эмоциональный, когда подчеркиваются связи с тем, что вызывает положительные эмоции. Тексты политической рекламы оказывают эмоциональное воздействие тем, что вызывают у адресата положительные чувства, связанные с различными идейными и соци-

---

¹ Этот и последующие фрагменты текстов политической рекламы взяты из работ: *Майданова Л.М., Соломатов С.И.* и др. Слово и ключевые смыслы в современных медиатекстах. Екатеринбург, 2004; *Ермаков С.В., Ким И.Е.* и др. Власть в русской языковой и этнической картине мира. М., 2004; *Проничева О.Ю.* Языковые средства воздействия на массовую аудиторию. Дис... канд. филол. наук. СПб., 2006.

ально-политическими взглядами кандидата в депутаты (патриотизм, товарищество, гражданственность, ответственность за происходящее в стране). Такие чувства возбуждают призывы и лозунги на политических плакатах, например: *Голосуя за... выбираешь будущее своей страны, будущее своей семьи; Возродим промышленность — поднимем край!; Наш дом, наш край, наша судьба!; Правое дело. Новая сила. Голос России. Мы вместе. Мы — Союз правых сил.* Наоборот, отрицательные эмоции вызывает негативная модальность при описании прошлых или будущих действий политических противников: *Именно при Зубове край превратился в кровавую арену криминальных разборок и заказных убийств!; Край сел в калошу, нас ждет дальнейший развал сельского хозяйства и промышленного производства, рост безработицы и нищета.* Важным аргументом выступает акцентирование таких эпизодов биографии кандидата, которые помогают указать на популярные для будущего общественного деятеля черты — деловитость, ответственность, работоспособность, совестливость: *За всеми этими делами стоит человеческое отношение к людям, ответственность за справедливость в обществе...; Андрей Бура — это: ...Жизнь по законам чести и справедливости...; Игорь Ковпак — это реальное знание жизни, честность, искренняя забота о людях...*

Тексты коммерческой рекламы оказывают эмоциональное воздействие, если используют авторитет специалиста, демонстрируют обращенность производителя к интересам адресата, вызывают в воображении воспоминание о празднике или предвкушение отдыха, используют стремление человека к успеху и к победам. Такие тексты наполнены положительно-оценочной и эмоционально-оценочной лексикой.

Наконец, важным элементом структуры рекламного текста является слоган — сжатая, ясная и легко воспринимаемая формулировка оценочной идеи в рекламном тексте. Афористичная фраза-слоган может быть как вступлением к тексту, так и выводом: *Кто за белых, кто за красных, а я за производство!* или *Защитим интересы родного города!* Для создания выразительности используются многочисленные стилистические приемы — тропы и фигуры речи.

Эффективности рекламного текста способствует диалогичность, которая выражается диалогической формой всего текста, когда в рекламный коммуникативный процесс «включается» потребитель. В политической рекламе для этого используются письма и обращения с наказами избирателей-сторонников, например: *Ты, сынок, сделай правильно. Честно сделай!*

Диалогичность выражается и с помощью специальных приемов — средств прямой адресованности, вопросительных и побудительных предложений: *Уважаемый избиратель! Прошу Вас проголосовать за того кандидата, который будет реально представлять Ваши интересы!* Особенно активно здесь используется форма выражения диалогичности «МЫ с ВАМИ», подчеркивая общность интересов адресанта и адресата: *Сегодня мы обязаны решать проблемы, волнующие каждого из нас; Вместе с вами мы сможем добиться порядка в городе и районе.*

Поскольку рекламные тексты «работают» на разные целевые группы аудитории, для придания воздействующей силы создатели рекламных сообщений используют всю стилистическую палитру языка. Аудитория политической рекламы дифференцируется прежде всего по характеру политических или экономических интересов. Коммерческая реклама дифференцирует аудиторию не только по степени материальной состоятельности, но и по возрасту, полу; для подростков и молодежи ориентируется на разговорность, даже на жаргон; в рекламе для женщин используется высокая поэтика, позволяющая воздействовать эмоционально; для текстов, рассчитанных на мужчин, предпочтительно рациональное воздействие с использованием фактологической аргументации, которая выражается в ориентации на научный или официально-деловой стиль.

Вопрос о стилевом статусе рекламы (кроме рекламы политической) еще недостаточно изучен и остается открытым.

Художественный стиль

§ 154. В специальном разделе уже отмечалось особое положение художественного стиля по отношению к другим и к ли-

тературному языку в целом и вместе с тем достаточная целостность этого стиля. Напомним, что художественная речь (текст) может исследоваться с различных точек зрения, в том числе в аспекте стиля конкретного произведения в единстве его формы и содержания. Однако в этой главе она рассматривается как один из функциональных стилей и, следовательно, с позиций самых общих ее специфических стилевых черт, принципиально отличающих ее от других функциональных стилей. Художественная речь использует языковые средства всех других стилей, в том числе и типичные для них. Однако в художественном произведении эти средства выступают в измененной функции — в эстетической, образуют иную системность. Кроме того, средства других стилей используются далеко не в полном составе, «заимствуется», собственно, не стиль, а отдельные языковые его средства, хотя и имеющие окраску этого стиля. Такая особенность наиболее очевидна при сопоставлении отрывков художественного и, например, научного текстов аналогичной тематики. Ср. особенности языка и стиля лекции Вихрова о лесе из романа Л. Леонова «Русский лес» при сопоставлении с отрывками из учебного пособия — курса лекций М.Е. Ткаченко «Общее лесоводство», затрагивающего тематически те же вопросы, что и в лекции героя романа. (Выделены наиболее типичные средства: курсивом, средства словесной образности, разрядкой — средства, характерные для научной речи.) (См. далее с. 394).

Принципиальное различие изображения одного и того же явления в речи художественной и научной хорошо видно именно при сопоставлении. Еще пример. Вот как рисует художник слова (Л.Н. Толстой) и описывает ученый (К.А. Тимирязев) возможность видеть и слышать, как прорастает трава.

«Каково? Слышно и видно, как трава растет!» — сказал себе Левин, заметив двинувшийся грифельного цвета мокрый осиновый лист подле иглы молодой травы (Л. Толстой).

Ученый же описывает ход опыта: *Каждый раз, когда растению грозит недостаток в углекислоте, она сама собою отпускается ему из прибора В и при этом звонит колокольчик... Итак... мы в состоянии не только видеть, но даже слышать, как прозябает растение* (Тимирязев).

Так, *помрачение и расстройство наступают в природе. Гаснут роднички*, торфянеют озерки, заводи затягиваются стрелолистом и кугой... Так *входит в наш дом чудовище*, на избавление от которого потребуются усилий неизмеримо больше, чем потрачено нами *на изгнание леса*. По народной примете — лес притягивает воду, чтобы затем *отпустить ее облачком в дальнейшее странствие*. Значит, он *каждую каплю воды впрягает в двойную и тройную работу*. Чем больше леса, тем чаще *прикоснется дождичком* к земле те постоянные *двести миллиметров осадков*, что в среднем мы получаем из океана в год. Но мы не учитываем также, сколько дополнительной влаги выкачивают корнями с глубины сами деревья, внушительные автоматические *насосы с отличным коэффициентом полезного действия*.

Лес приближает море, и сам как море, и корабли туч ночуют у его зеленых причалов.

Художественный стиль в целом отличается от других функциональных стилей и тем, что если последние, как правило, характеризуются какой-либо общей стилиевой окраской, то в художественном — многообразная гамма стилиевых окрасок используемых языковых средств. Однако это не «смещение стилей». Поскольку каждое средство в художественном произведении мотивировано содержанием и стилистически, все вместе они объединяются общей, присущей им эстетической функцией. Отличие художественной речи также в том, что она обращается к использованию не только строго литературных, но и внелитературных средств языка — просторечия, жаргонов, диалектов и т.д. Однако и эти средства применяются не в их первичной функции, а в эстетической.

При изучении роли леса в круговороте воды возникают два основных вопроса: а) какова роль леса как фактора образования осадков и б) какова роль в распределении осадков, выпадающих из атмосферы? Лес, образуя огромную охлаждающую поверхность в виде многочисленной листвы, ветвей, сучьев и стволов, содействует конденсации паров в большей степени, чем другие типы растительности.

Туманы над лесом... более устойчивы, чем над полями. Нередко можно наблюдать, как с листьев широколиственных пород... стекает вода, образовавшаяся от конденсации паров. При выпадении осадков в лесу часть их задерживается кронами и путем физического испарения возвращается в атмосферу. В общем можно сделать следующие выводы: лес значительно влияет на количество получаемых осадков.

И т.д.

Все те лингвостилистические ресурсы, которые описаны языковедами, известны художественной речи. И в этом смысле, чтобы характеризовать художественный стиль с лингвистической точки зрения, пришлось бы перечислять все стилистические ресурсы русского языка.

В художественной речи наблюдается широкая и глубокая метафоричность, богатые возможности синонимии, многозначности, разнообразных стилевых пластов лексики. Все средства, в том числе нейтральные, призваны служить здесь выражению системы образов, поэтической мысли художника.

В каждом конкретном случае из всего арсенала языково-стилистических средств уместным, единственно необходимым в данном контексте оказывается лишь одно, избранное средство (имеются в виду истинно поэтические творения). Причем в понятие высоких качеств художественной речи и неизменных ее свойств входят неповторимость и свежесть выражения при создании образов, яркая их индивидуальность. Кроме того, художественная речь отличается не только образностью, но и явной эмоциональностью, в целом же — эстетически направленной экспрессивностью.

Художественная речь, во многом принципиально отличаясь от научной и официально-деловой, сближается, однако, по ряду признаков с публицистической (эмоциональность, а в собственно лингвистическом аспекте — использование многообразных языковых единиц, возможность столкновения разностильных средств в тех или иных стилистических целях). Кроме того, художественная речь, обычно осуществляемая в письменной форме, вместе с тем близка по некоторым своим чертам устной разговорно-обиходной и широко использует ее средства. Близость этих последних функциональных стилей проявляется в высокой степени эмоциональности, разнообразии модальных оттенков у языковых единиц и в отношении к литературной норме, а именно в возможности использования внелитературных средств (хотя в каждом из этих стилей — в разном объеме и составе этих средств и с разными целями).

Художественная речь широко вбирает в себя не только лексику и фразеологию, но и синтаксис разговорной речи, отражая

и в известной мере олитературивая его, например в сказе. Однако это отражение отнюдь не фотографическое. Устная живая речь попадает в художественное произведение, подвергаясь определенному отбору и обработке, а главное, подчиняется эстетической функции.

В связи с этим отчетливо проступает та особенность художественной речи, которую Г.О. Винокур, по аналогии с лингвистическим понятием внутренней формы слова А.А. Потебни (применяемым к развитию и функционированию слова в языке вообще), удачно назвал внутренней формой художественного слова (в широком смысле). Она заключается в том, что средства языка, в частности лексические, и их значения оказываются в художественном произведении той основой, отталкиваясь от которой художник создает поэтическое слово — метафору, целиком «повернутую» к теме и идее конкретного художественного произведения. При этом метафорическое значение слова нередко может быть понято и определено лишь по прочтении всего художественного произведения, т.е. вытекает из художественного целого. Так, по словам Г.О. Винокура, смысловое значение слова *хлеб*, поставленного в заглавие известного романа А. Толстого, означает не то же, что общеизвестное значение этого слова. Но, опираясь на него и отталкиваясь от него, это слово получает в контексте художественного целого способность выражать одно из явлений революции и гражданской войны, представленное в романе (см.: *Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку*. М., 1959. С. 391).

На такое свойство художественного слова, как формирование и определение его значения в широком контексте вплоть до целого художественного произведения, обратил внимание еще раньше Б.А. Ларин. Он же отметил и системную связь слова с другими словами художественного целого при выражении так называемой сквозной поэтической мысли — идеи (или лейтмотива произведения), художественного образа. Такое свойство поэтического слова Б.А. Ларин назвал комбинаторными приращениями смысла. Позднее эта идея ученого была развита и прекрасно представлена на анализе

конкретного материала С. Чагдуровым в книге «О выразительности слова в художественной прозе» (Улан-Удэ, 1959).

Понятия внутренней формы художественного слова и комбинаторных приращений смысла тесно связаны с понятием общей образности, выдвинутым А.М. Пешковским. Последнее в общих чертах заключается в том, что все в целом языковые единицы того или иного художественного произведения направлены на выражение художественного образа, являясь в то же время строго эстетически и стилистически мотивированными и оправданными (единственными средствами для выражения данной поэтической мысли), в связи с чем устранение из текста какого-либо одного слова (или постепенно нескольких — в эксперименте) уже ведет к «облысению» образа, по выражению А.М. Пешковского. То же касается и видоизменения форм слова, что хорошо показано в работе Г.О. Винокура (см. невозможность изменения слова *рыбка* на *рыба* в пушкинской строчке-заглавии — «Сказка о рыбаке и рыбке», как и других случаях употребления этого слова в тексте сказки).

Во всех представленных здесь стилистических понятиях в разных аспектах подчеркивается одно и то же свойство художественной речи (и художественного произведения) — системная взаимосвязь языковых единиц как составных элементов целого, обусловленная идейно-образным содержанием и реализующая эстетическую функцию.

Наличие общих специфических черт художественной речи не отрицает, а предполагает существование индивидуальных стилей, без которых художественная литература вообще немыслима. Каждое художественное произведение представляет собой единство композиционно-стилистической структуры, т.е. целостную стилистическую систему, объединенную образом автора. Разработка понятия «образ автора» принадлежит В.В. Виноградову (см.: О языке художественной литературы. М., 1959). Дальнейшее развитие идеи находим в книге В.В. Одинцова «Стилистика текста» (М., 1980).

§ 155. Наиболее широкое свойство художественной речи в целом может быть названо **х у д о ж е с т в е н н о - о б р а з н о й**

речевой конкретизацией, которая составляет самую общую основную стилевую черту художественной речи. Она же объясняет природу воздействия поэтического слова на читателя и специфику художественной речи как творческого акта («секреты» законов поэтического творчества).

Для объяснения этого понятия полезно обратиться к психологии восприятия художественной речи.

Слово (в словаре), как известно, выражает понятие. В этом же своем качестве оно выступает в научной и официально-деловой речи. В разговорно-бытовой сфере слово выражает уже не только понятие, но и представление, т.е. в известном смысле конкретизируется. Причем конкретизация происходит не столько через особое и намеренное использование языковых средств, сколько стихийно, в силу условий общения в бытовой сфере, особенностей ситуации речи и т.д. Немалую роль в этой конкретизации играют указательные и притяжательные местоимения, а также внеязыковые факторы — жест, мимика и др. (*Возьми мой портфель. Дай с письменного стола вон ту книжку*). Здесь обычно слова называют конкретные, известные говорящим предметы и тем самым выражают, собственно, не понятия, а представления.

В контексте же художественной речи слова выражают не просто представления, а художественные образы. Конкретизация здесь имеет и другой характер, и иное назначение, и свои средства и способы выражения («переводящие» слово-понятие в слово-художественный образ). Писатель в процессе творчества пользуется теми же словами, что и всякий говорящий на этом языке, однако слова эти оказываются в контексте его произведения выражением не понятий и элементарных представлений, но художественных образов. Как это происходит? Очевидно, дело здесь в особом отборе и организации языковых средств.

Восприятие понятийного плана речи происходит в 2,5 раза быстрее, чем возникновение образа. А между тем, по свидетельству самих писателей, художественное слово должно «укладываться в минуту». Отсюда необходимость конкретизации слова, «перевод» понятия в образ всеми возможными контекстуальными и иными средствами. Перевод понятийного плана языка в

образный происходит при участии единиц всех языковых уровней: от фонетического до синтаксического. Писатель и осознанно, и неосознанно стремится так построить речь, чтобы она способствовала образной конкретизации слов и возбуждала читательское воображение. Заметим, что, по экспериментальным данным психологов, при восприятии именно конкретной лексики скорее и легче создается образ. Естественно, что этот пласт лексики оказывается активным и особенно широко употребительным в художественной литературе.

Это связано со спецификой художественного творчества и восприятия произведений искусства слова. См. характерный в этом отношении совет К. Федина одному писателю: «Еще один существенный для прозаика совет. Побольше конкретности. **Образность тем выразительнее, чем точнее, конкретнее назван предмет.**

У Вас: «*Лошади жуют зерно. Крестьяне готовят «утреннюю пищу», «шумели птицы»...* в поэтической прозе художника, требующей зримой ясности, не должно быть родовых понятий, если это не диктуется самой смысловой задачей содержания... *Овес лучше зерна. Грачи более уместны, чем птицы»* (разрядка наша. — М.К.) (Федин К. Писатель. Искусство. Время. М., 1961. С. 448).

§ 156. Образная конкретизация осуществляется **многочисленными средствами**, вплоть до морфологических (которые обычно неправомерно считаются слабыми стилеобразующими). Например, в следующем отрывке из «Лесной капли» М. Пришвина большую роль в образной конкретизации играет, наряду с другими средствами, использование видовых значений глаголов: *Тут **вышел** из воды первый желтый цветок, и, как соты, **лежала** икра лягушек, такая спелая, что через прозрачные ячейки **просвечивали** черные головастики. Тут же над самой водой **носились** во множестве голубоватые мушки величиной почти в блоху и тут же **падали** в воду, откуда-то **вылетали** и **падали**... Блестящий, как медный, **завертелся** на тихой воде паучок водяной, и наездник **скакал** во все стороны и **не шевелил** даже воду.*

В этой картине созданию впечатления только что распустившегося цветка способствует, помимо прочего, употребление формы глагола *вышел* с результативным, метафорическим в контексте значением, и особенность действия дорисовывается обстоятельством *тут* и определением *первый*. Получается повтор одной образной черты — впечатления кратковременности действия. Внезапность появления желтого цветка подчеркивается далее уже в следующем микрообразе: *как соты, лежала икра лягушек, такая спелая...* (Напомним, что под микрообразом понимается каждый элемент, деталь, предмет, явление, состояние того поэтического мира, который изображает писатель.) Мгновенность появления цветка контрастирует со спокойной длительностью постепенного вызревания икры лягушек, причем зрительный образ здесь прекрасно вырисовывается и за счет употребления сравнений, метафоры и определений. Далее, характер движения многочисленных мушек подчеркивается видовыми формами глаголов с оттенками беспорядочного разнонаправленного движения (*носились*), многократности действия (*вылетали, падали*); при этом изображение конкретизируется и обстоятельственными словами (*тут же падали, откуда-то вылетали, носились во множестве*). Появление паучка изображается привлечением иной видовой формы глагола — *завертелся*, показывающей начало и быстроту действия. Впечатление усиливается употреблением этого глагола на фоне глаголов с контекстуальным значением разнонаправленного и повторяющегося действия (*носились, скакал*).

Таким образом, языковые средства, с логической точки зрения, даже избыточно (ср. повторения разными способами одной и той же образной черты) создают возможность активизации читательского воображения. Это необходимо для перехода слова-понятия в слово-образ. Так организация художественной речи, насыщенной различными конкретизирующими средствами, способствует образному воплощению поэтической мысли. В конкретизации участвуют средства синтаксиса, и ритмики, и звукописи (в том числе и в прозе), не говоря уже о роли метафор и других средств словесной образности. Подробнее об этом см.

в кн.: *Кожина М.Н.* О специфике художественной... речи... (Пермь, 1966). См., например, использование звуковых образов в прозаическом тексте: *...в промежутках совершенной тишины слышен был шорох прошлогодних листьев, шевелившихся от таяния земли и от роста трав* (Л. Толстой. Анна Каренина).

Одним из специфических способов достижения образной конкретизации является так называемое глагольное речевое действие (или сюжетоведение). Оно заключается в том, что писатель называет каждое движение (физическое и психическое) и изменение состояния как бы поэтапно. Отсюда повышение частоты употребления глагола и вообще роли глагола в речи. Другим видам речи (научной, официально-деловой, разговорно-обиходной) такая черта не свойственна. Нагнетание глаголов способствует активизации читательского воображения — созданию поэтапного представления движения и образа в целом. См., например: *Григорий спустился к Дону, осторожно перелез через плетень астаховского база, подошел к прикрытому ставнями окну. Он слышал только частые удары сердца... Тихо постучал в переплет рамы... Аксинья молча подошла к окну, всмотрелась. Он увидел, как она прижала к груди руки и услышал сорвавшийся с губ ее невнятный стон. Григорий знаком показал, чтобы она открыла окно, снял винтовку. Аксинья распахнула створки... Он стал на завалинку, голые руки Аксиньи схватили его шею. Они так дрожали и бились на его плечах, эти родные руки, что дрожь их передалась и Григорию* (Шолохов. Тихий Дон). В обычной бытовой разговорной речи этот факт — возвращение Григория — скорее всего был бы передан примерно так: «Григорий-то вчера ночью вернулся. Как кошка, влез в окно к Аксинье». Подробного повествования, постепенно формирующего зрительный образ, здесь не потребовалось бы. Описания научной речи тоже не преследуют образно-конкретизирующей цели, выражаются иными способами и средствами и остаются на понятийном уровне.

§ 157. Художественно-образная речевая конкретизация к тому же обычно является комплексной, т.е. такой, когда целая система разнородных языковых средств способ-

ствуует созданию и выражению каждого отдельного микрообраза и даже его элементов путем комплексного акцентирования его отдельных черт; это оказывает активизирующее воздействие на воображение читателя. Примером такой комплексной конкретизации, помимо уже приведенных, может служить следующий: *Наталья жила у отца... Ей все казалось, что Григорий вернется к ней, сердцем ждала, не вслушиваясь в трезвый нашепот разума; исходила ночами в жгучей тоске, крушилась, растоптанная нежданной, незаслуженной обидой. А к этому прибавилось другое, и Наталья с холодным страхом шла к концу, ночами металась в своей девичьей горенке, как подстреленный чибис в ендовной куге...* (Шолохов. Тихий Дон).

Состояние Натальи не названо каким-то одним отвлеченным словом, хотя в отрывке есть и абстрактная лексика (*разум, обида, страх*), оно дается развернуто, конкретизированно, отчетливо и становится образным.

И здесь большую роль играют, во-первых, глагольные формы (*ждала, не вслушиваясь; исходила... в тоске; крушилась, растоптанная обидой; шла к концу; металась*); во-вторых, тонкий и чрезвычайно образно точный отбор слов, наиболее экспрессивно представляющих соответствующие понятия (это лексика «предельного» значения, обладающая наибольшей выразительностью, так называемые и н т е н с и в ы), в том числе слов народно-поэтических (*крушилась, растоптанная; исходила по ночам в тоске*); в-третьих, обращение к словесным образам — метафорам, олицетворениям, сравнениям (*не вслушиваясь в... нашепот разума; металась, как подстреленный чибис в ендовной куге*); в-четвертых, развернутый вид речевой конкретизации: существительные, глаголы с отвлеченным значением сопровождаются уточняющими определениями, дополнениями (*трезвый нашепот разума, растоптанная нежданной... обидой* и т.д.). Благодаря этому даже абстрактные слова чрезвычайно конкретизируются, превращаются в осязаемый образ, подчас олицетворение. И наконец, большую роль играют видо-временные формы глаголов и деепричастий. Почти все глагольные формы здесь имеют значение прошедшего длительного, постоянного (*ждала, исходила,*

крушилась). Несколько иное, контекстуальное, значение (*шла к концу*) достигается употреблением при глаголе дополнения с оттенком цели. Оттенок повторяемости в глаголе *металась* подерживается и усиливается обстоятельством-существительным в форме множественного числа (*ночами*). И лексическое значение глагола, и его стилистико-экспрессивная окраска, и грамматический вид (несовершенный), и контекст указывают на действие беспорядочное и повторяющееся, а поэтому мучительное. Причастие от глагола совершенного вида *растоптанная* (*обидой*) усиливает выражение состояния полной моральной уничтоженности (см. значение приставки *рас-*), сохраняя вместе с тем оттенок качества. Очень выразительна и образно гармонична в словосочетании приставочная форма деепричастия *вслушиваясь* (ср. возможное: «не *слушая* нашепота разума»): она не только усиливает выражение интенсивности и целенаправленности действия, но и участвует в создании олицетворения. Этому способствует авторское преобразование известного фразеологизма *не слушать голоса разума*.

§ 158. И так, художественно-образная конкретизация как основная общая специфическая стилевая черта художественной речи выражается такой системной организацией последней, которая способна «переводить» слово-понятие в слово-образ (художественный) через целую систему конкретизирующих лингвистических средств, активизирующих воображение читателя. Она включает в себя (оказываясь более широкой) и так называемую словесную образность, и эмоциональность — черты, сами по себе не являющиеся специфическими, известные и другим сферам общения.

Поскольку это общая стилевая черта художественной речи в целом, то, естественно, анализ последней в соответствующем аспекте не претендует на углубленную трактовку идейного содержания конкретного произведения. Эта черта является фундаментом для раскрытия именно уровня речевой организации в данной сфере, ее общей функционально-стилевой специфики. Напомним также, что специфичность этой черты для художе-

ственной речи сохраняется, несмотря на то что в отдельных высказываниях, осуществляемых в иных сферах речи (обычно — у лиц, владеющих «даром речи», «искусством слова», натур художественных), например в разговорной речи, могут обнаружиться близкие или аналогичные свойства. Ведь понятие искусства не теряет своей определенности оттого, что отдельные проявления (произведения, черты) эстетического характера известны и за его «пределами».

§ 159. При всех неповторимо-индивидуальных стилистико-речевых особенностях отдельных произведений писателей художественная речь в целом имеет общие принципы отбора и закономерности функционирования языковых единиц, обусловленные реализацией эстетической функции. Это ярко выражается, например, в значениях и функционировании **в р е м е н и** и **в и д о в г л а г о л о в**, как и других морфологических явлений. Для художественной речи характерно использование форм прошедшего времени в связи с повествовательной манерой изложения. Значения и оттенки этих форм разнообразны. Настоящее время нередко используется в значении настоящего исторического (настоящего живого представления). Разнообразны и значения будущего времени глагола. Широко представлено переносное употребление времен и многообразие их значений. Преобладают наиболее конкретные значения. В связи с этим, например, настоящее вневременное как наиболее отвлеченное в художественной речи встречается редко.

Весьма характерно также и то, что изложение идет обычно не в каком-либо одном видо-временном плане, а в разных. Этим создается большая выразительность, динамизм повествования.

Примеры:

*Визу я, как на мелком месте текущая вода **встречает** преграду, вода **устремляется** в узкую приглубь, и от этой бесшумной устремленности вот и **кажется**, будто вода мускулы сжала, а солнце это **подхватывает**... А вот большой завал, и вода как бы **ропщит**. Но это не слабость, не жалоба, не отчаяние, вода этих чувств вовсе **не знает**, каждый ручей **уверен** в том, что **добежит** до свободной воды... Дерево давно и плотно **легло** на ручей... но ру-*

чей **нашел** себе выход под деревом и быстриком, с трепетными тенями **бьет** и **журчит** (Пришвин);

*Жмухин... **вынул** засов, и оба **вышли** наружу. Как раз над двором **плыла** по небу полная луна... по траве черными тенями **протянулись** яркие полосы света, тоже белые. Направо далеко видна степь, над нею тихо **горят** звезды — и все таинственно, бесконечно далеко, точно **смотришь** в глубокую пропасть; а налево над степью **навалились** одна на другую тяжелые гроззовые тучи... **вспыхивает** молния, **доносится** тихий гром, и кажется, что в горах **идет** сражение...* (Чехов).

Интересно употребление вида глаголов. В художественной речи преобладают случаи совершенного вида как более конкретного сравнительно с несовершенным. Формы же несовершенного отличаются многообразными видовыми оттенками, конкретизирующими выражение характера действия, чего не наблюдается, например, в научной речи. Тем самым как бы нейтрализуется отвлеченность значения у формы несовершенного вида. Ср., например, оттенки длительности, прерывистости, повторяемости действий у следующих глаголов (к тому же нередко метафоризированных) и роль в них префиксов и суффиксов: *В лесу **выстукивал** дятел. В глазах **накапливались** и **стекали** слезы; **вызванивала** смехом (Шолохов); **Шуршала** трава, **бричка тарактела** и **повизгивала** (Чехов).*

Разнообразны и значения форм лица: употребительны все известные русскому языку формы лица и все личные местоимения (в том числе и 2-го лица), к тому же — в разнообразных значениях. И здесь активизируются переносные употребления, в особенности наиболее конкретные. Личные местоимения обычно указывают на лицо или конкретный предмет, а не на абстрактное понятие, как это свойственно научной речи.

Глаголы различных семантических групп, представленные здесь во всем многообразии своих значений и оттенков, выступают именно в образно-конкретизирующей функции благодаря отбору слов и особому контекстному окружению. Например: *С х л ю п о м и т р е с к о м... Чижегов **высочил** на травяной спуск... (Гранин); ...и она, с т р а н н о п о т р о г а в пальцами свои*

губы, откинув голову, **сказала** с беспомощной растерянностью... (Бондарев); ...**веселым громким голосом** **сказал** Польшин (Симонов); — **Бей его! Бей!** — **придушенно** **сипло** **взывал** Борис; — **Все! Все!** **Рехнулся** Фриц! **С катушек сошел...** — **задыши** **ливо** **выкрикивал** старшина; — **Танки!** — **разноголосо** **завопила** траншея (Астафьев); ...**а курсант** **резко** **повернулся** и **пошел** к своей даме (Нагибин) и т.п.

Бросается в глаза малое количество слов среднего рода с отвлеченным значением (здесь чаще используются конкретные слова; ср. наиболее частотные существительные среднего рода: *лицо, солнце, дерево, плечо, сердце* и т.п.), а также значительное преобладание в мужском и среднем роде конкретных существительных. Абстрактные слова приобретают конкретно-образное значение благодаря метафоризации. Примеры: *Тогда **обрадованная** мысль* *летает* *от одного солнечного пятна к другому* (Пришвин); *Расплескал **злобу** в драке с Петром* (Шолохов); *Смерть* *как будто* *заигрывала* *с казаком* (Шолохов).

Формам числа существительных в художественной речи также свойственны наиболее конкретные значения: в единственном — указание на отдельные конкретные считаемые предметы, во множественном — на совокупность, множество отдельных считаемых предметов.

Если, как указывалось, краткие прилагательные в научной речи выражают постоянный признак, являясь отвлеченными по значению, то в художественной речи они, как правило, обозначают временные состояния и признаки, рисуя героя (или предмет, явление) в какой-то определенный момент времени. Это находится в согласии с большим динамизмом художественной речи. Примеры: *Наэтот раз он был **молчалив, рассеян, мягок*** (Тургенев); *Иван Петрович, видя, что гость **скучает и задумчив...*** *прочел смешное письмо* (Чехов).

Можно продолжить анализ конкретности значений языковых единиц в художественной речи на примере других грамматических категорий и форм. Однако и сказанного, по-видимому, достаточно.

В целом художественной речи свойствен динамизм (тогда как, например, научной — *качественность, признаковость*), что

проявляется, в частности, в высоком среднем показателе «глагольности» речи. Частота глаголов здесь почти в два раза выше, чем в научной, и в три раза выше, чем в официально-деловой (с соответствующим уменьшением числа существительных); выше уже отмечался именной характер научной и официально-деловой речи.

§ 160. Художественная речь отличается эмоциональностью и особой экспрессивностью, что проявляется в широком употреблении наиболее выразительных и эмоционально окрашенных языковых единиц всех уровней. Здесь представлены не только отмеченные средства словесной образности и переносные употребления грамматических форм, но и средства со стилистической окраской торжественности либо разговорности, фамильярности и т.д. Вообще, разговорные средства широко привлекаются писателями (прежде всего для речевой характеристики персонажей). При этом, естественно, используются и средства передачи многообразных оттенков интонации живой речи, в частности различные виды выражения желания, побуждения, повеления, просьбы.

Особенно богатые возможности экспрессии заключаются в привлечении различных свойств синтаксиса: в использовании всех возможных типов предложений, в том числе односоставных, отличающихся разнообразными стилистическими окрасками; в обращении к инверсиям, к использованию чужой речи, особенно несобственно-прямой. Анафоры, эпифоры, использование периодов и других средств поэтического синтаксиса — все это составляет активный стилистический фонд художественной речи.

Особенно важно, что в создании и выражении специфики художественного стиля речи, в реализации эстетической функции языка, в способах художественно-образной речевой конкретизации большую роль играют не только стилистически окрашенные, но и так называемые *нейтральные* языковые средства. Истинный мастер слова способен придать любой лингвистической единице в контексте художественного произведения эстетическое «звучание» и значимость. В этом-то и заключаются трудности искусства слова.

В связи с реализацией эстетической функции слово, языковые средства в художественной речи, сохраняя свою лингвистическую сущность, в то же время приобретают новые качества, становятся элементами искусства. Это уже не просто слово, а слово-образ, которое наполняется здесь дополнительным семантическим и эмоциональным содержанием, воплощая образную мысль писателя. Причем все это реализуется именно в условиях специальной речевой организации: не только за счет связей близко расположенных языковых единиц, как правило, отличающихся индивидуальностью и неповторимостью их сочетаний, но и дистантно расположенных, т.е. как узкоконтекстных, так и ширококонтекстных.

Типичным явлением поэтической речи является метафоризация (в широком смысле). Вот как, например, у А.С. Пушкина изображается гибель Ленского через символические ассоциации, метафорические отождествления: *Мгновенным холодом облит, / Онегин к юноше спешит, / Глядит, зовет... / Его уж нет. Младой певец / Нашел безвременный конец! / Дохнула буря, цвет прекрасный / Увял на утренней заре, / Потух огонь на алтаре!..* А вот слова-образы из произведений С. Есенина: *Спит черемуха в белой накидке; Колокольчик хохочет до слез; Увяданья золотом охваченный, я не буду больше молодым; Буйство глаз и половецье чувств.* И еще: пример создания образа через необычные, индивидуально-авторские словосочетания у Р. Рождественского: *Стартует утро. / Царствует и длится / Великий труд... / Труд правит миром!* Ср. также в прозаическом произведении выражение внутренней жизни героя, его психического состояния через изображение движения, жеста посредством образного сравнения (о Каренине в «Анне Карениной»): *Он не спал всю ночь, его гнев увеличивался. Он оделся и, как бы неся полную чашу гнева и боясь расплескать ее... вошел к ней.*

Весьма специфичны для художественных текстов, как указывалось, и такие случаи, когда какое-либо слово становится лейтмотивным для произведения, выражая определенную идейно-образную «линию» повествования. См., например, в «Русском лесе» Л. Леонова проходящие через все произведение образы

*реки, воды как символов жизни или леса, лесного сообщества, ассоциативно передающие сложные взаимоотношения изображаемых в романе персонажей. Соотношение света как символа жизни и темноты как символа смерти проходит через все повествование в романе «Анна Каренина». Новая жизнь уподобляется светильнику (как огонек над светильником, колебалась **жизнь** человеческого существа...; Она [Анна] **потушила** умышленно **свет** в глазах...; и все стало **темно**. — **Смерть!** — подумала она).*

Характерно для художественной речи и то, что слово — причем обычное, нейтральное слово, вовлекаясь в эстетическую организацию речи, не просто наполняется новым содержанием, но как средство материализации образного смысла становится как бы элементом идейно-художественного целого, способно передавать глубокое содержание; при этом важны его роль и «место» в композиции произведения. Так, по наблюдениям Д.Б. Благого, в «Медном всаднике» А.С. Пушкина контраст «общего» и «частного», конфликт между ними, передающий основной идейный смысл поэмы, подчеркивается, в частности, композиционным противопоставлением разных форм личных местоимений. О Петре: *Отсель грозить **мы** будем шведу; Природой здесь **нам** суждено / В Европу прорубить окно; Все флаги в гости будут к **нам***. О Евгении: *О чем же думал **он**? о том, / Что был **он** беден, что трудом / **Он** должен был себе доставить / И независимость, и честь, /...И что с Парашей будет **он** / Дни на два, на три разлучен*.

§ 161. На контрасте как композиционном приеме нередко строятся целые художественные произведения (хотя реализация этого приема, естественно, особая в каждом из них). В этом случае нередко общеупотребительные нейтральные слова «контрастной семантики» как элементы композиционного строения произведения «рисуют» образ и направлены на подчеркивание (и выражение) идейного содержания произведения. Например, в рассказе Л.Н. Толстого «После бала», композиционно четко распадающемся на две части (I. Б а л: любовь Ивана Васильевича к Вареньке Б. — ее отец-полковник в танце с дочерью и II. П о с л е б а л а: на глазах рассказчика — И.В. — страшная сцена экзеку-

ции над солдатом, которой руководит полковник, отец Вареньки, отчего *любовь так и сошла на нет*; сцена, перевернувшая судьбу, жизнь Ивана Васильевича). В этих двух сценах все повествование построено на контрасте, что и выражается в отборе и употреблении слов определенной семантики.

Так, в **первой** сцене — В а р е н ь к а: *высокая, стройная, грациозная и величественная...* у нее *ласковая, всегда веселая улыбка, ласковые и милые глаза, она в белом платье, в белых лайковых перчатках; Она... улыбалась и говорила мне...* Как видим, слова *белый, улыбка, улыбалась* повторяются много раз.

Под стать ей и о т е ц. Характерно, что он изображается в тех же «тонах» и здесь лейтмотивом «проходят» слова *красивый, статный, высокий с белыми... усами, сложен прекрасно; у него ласковая, радостная улыбка как у дочери; он, улыбаясь... вынул шпагу...; улыбаясь, сказал; ласково улыбаясь, сказал*. В этих сопоставлениях подчеркнута нераздельность дочери и отца: они похожи внешне, они как бы сливаются для Ивана Васильевича в один образ: *он не только любовался, но с восторженным умилением смотрел на них*; все *умиляет* героя рассказа в отце Вареньки (это слово, как и *ласково, улыбка, любовь*, повторяется здесь многократно). *К отцу... с его... ласковой, похожей на нее улыбкой, я испытывал какое-то восторженно нежное чувство*. И когда И.В. приехал домой, то он *больше всего видит ее в паре с отцом...*; невольно *соединяет его и ее в одном нежном, умиленном чувстве*. Именно это «трогательное умиление» и как бы объединение дочери с отцом оказалось для героя роковым, особенно сильно повлияло на его состояние, на отношение к Вареньке после страшной сцены, почему *любовь его и сошла на нет*.

В сцене бала душа Ивана Васильевича переполнена любовью, восхищением и нежностью, ведь это была *самая сильная любовь его; он был сильно влюблен*; он был *счастлив, блажен... добр*; он взглядом выражает *восторг и благодарность*; он испытывает *восторженно нежное чувство*. Вся эта сцена рисуется в светлых, радостных тонах, окрашенных словами-образами *любви, улыбки, умиления*. Художник рисует, а читатель, словно становясь очевидцем, сопереживает рассказчику.

Тем сильнее разочарование, точнее, душевный крах при описании **второй** сцены, которая передается в мрачных, темных тонах, неприятных звуках, резком голосе полковника. Сами по себе нейтральные (в общезыковом смысле) слова, а также эмоционально-окрашенная лексика, их нагнетание в тексте (в противоположность «светлым словам» первой части рассказа), их «вплетение» в композицию произведения оказываются весьма эстетически значимыми. Итак, рассказчик говорит: *Когда я вышел на поле... я увидел... что-то **черное**. В душе у меня **пело**... **Но** это была какая-то **другая, жесткая, нехорошая** музыка. Он различает много **черных** людей; солдат в **черных** мундирах; не перестающая повторяется **все та же неприятная, визгливая** мелодия; он видит что-то **страшное**... **спотыкавшегося, корчившегося** человека (солдата-татарина). А рядом шел **твердой... походкой... ее отец; твердым** шагом двигалась высокая, статная фигура полковника (это еще более ужасает и изумляет Ивана Васильевича: ни тени сомнения у полковника в правильности своего поведения). И речь последнего уже совсем не та по тону, что в первой части: — *Я тебе покажу, — услышал я его **гневный** голос...; он **крикнул**...; **самоуверенный, гневный** голос полковника, **кричащего**...* Увидев Ивана Васильевича, полковник **грозно и злобно** нахмурился, отвернулся, а Ивану Васильевичу стало **стыдно**, *...на сердце была почти физическая, доходящая до тошноты, тоска*. И здесь перед героем возникает целый ряд морально-нравственных, неразрешимых для него вопросов: *Очевидно, он что-то знает такое, чего я не знаю*. Не решив их, он не мог поступить на военную службу, как хотел прежде. После увиденной сцены **любовь его пошла на убыль**. Так один день и связанные с ним душевные потрясения переменяли **всю жизнь человека**.*

Итак, композиция рассказа, построенная на контрасте, а вместе с тем особая организация речи, наполненная лексикой также контрастного значения, усиливает, подчеркивает, рисует не только зримые образы, но и чувства, и переживания, и тем самым передает образную мысль, идею произведения. Читатель, как бы видя изображаемое, сопереживает прочитанному и глубже понимает его. Конечно, предложенный анализ поверхностен; для бо-

лее углубленного анализа потребовалось бы слишком много места. Но, думается, и эти контуры в какой-то степени показывают жизнь слова в художественном тексте, его роль в эстетической организации речи. (Кстати, заметим, что здесь стилистическую значимость приобретает прием повторения одних и тех же слов, хотя существует правило о недопустимости повторения слов в узком контексте как нарушении стилистической нормы.)

Таковы в самых общих чертах наиболее заметные особенности функционирования языковых средств в эстетической сфере общения, реализуемой художественной речью.

Церковно-религиозный стиль

§ 162. Среди функциональных разновидностей современного русского языка следует выделить и религиозный стиль. Как известно, в русской православной церкви богослужение осуществляется главным образом на церковнославянском языке, однако используется и русский язык — в жанрах проповеди, исповеди, свободной молитвы и некоторых других. В последние годы русская религиозная речь звучит и за пределами храма — в выступлениях священников по радио, телевидению, причем не только в религиозных передачах, но и в светских репортажах, посвященных значимым событиям общественной жизни (например, при освящении новых школ, больниц); на русском языке издается популярная религиозная литература. Можно, следовательно, говорить о том, что современный русский литературный язык весьма широко используется в религиозных целях. Поскольку же, как увидим, его употребление обнаруживает устойчивые стилистические особенности, обусловленные сферой общения, спецификой веры, есть все основания среди речевых разновидностей русского литературного языка выделять церковно-религиозный функциональный стиль, определяемый речевой реализацией религии как одной из форм общественного сознания.

Рассматривая веру и религию в качестве экстралингвистической основы этого стиля, мы должны интерпретировать их с

позиций не атеистического, а религиозного сознания, так как именно последнее воплощается в религиозных текстах, определяя их специфические стилевые черты.

Согласно учению церкви *вера* является союзом между Богом и человеком. В другой формулировке, тождественной этой по своей сути, вера есть «присутствие и действие Бога в человеческой душе» (Настольная книга священнослужителя. Пастырское богословие. М., 1988. Т. 8. С. 165). Самое высокое достоинство человека состоит в том, что он является образом и подобием Божиим (т.е. наделен способностью творчески преобразовывать мир). Бог вложил в человека чувство истины, и она узнается посредством религиозного опыта души как нечто близкое, родное, давно забытое, как свой Первообраз.

Вера человека становится по-настоящему глубокой, когда слово Божие делается его внутренним достоянием, его словом. Иначе говоря, человек, воспринимая слово Божественного откровения, соглашается с ним, принимает его и осознает уже как свою высшую ценность. Вера предстает поэтому как *общение*, в котором душа человека предельно близка Богу, а Бог предельно близок человеческой душе. Вместе с тем единение с Богом невозможно без единения с другими людьми. Поэтому сущностным признаком христианской веры является *соборность* — духовная общность многих людей, объединенных любовью к одним и тем же абсолютным ценностям.

На вере основывается *религия*. Содержание религии как формы общественного сознания составляют образы, мысли, эмоции, аффективно-когнитивные ориентации, ценностные установки, нормы. Главный компонент религиозного мировоззрения — система догматов (важнейших религиозных истин), соотносимая с типичными состояниями душевной жизни верующего человека. В христианской религии такими состояниями являются переживание *любви, благоговения, трепета*, чувство «ранга», *собственно-го несовершенства* и некоторые другие. Важно отметить, что религиозные истины как ценностно-смысловые структуры, отвечающие глубинным духовным потребностям верующего человека и опытно переживаемые им, не нуждаются в каких-либо внешних, формально-логических доказательствах.

Воплощающая веру религиозная деятельность, в том числе речевая, строго нормирована в отношении как ее содержания, так и эмоциональной тональности ее актов. Нормы этой деятельности во многом определяют характер духовных интенций, речевого и практического поведения верующего человека. Можно сказать, что церковно-религиозная речь служит хорошей иллюстрацией положения теории дискурса о том, что люди говорят «внутри дискурсивных правил» (М. Фуко). Даже в свободной молитве человек, достигший высокого уровня духовности, строго следует рекомендации: «Да будет у тебя в уме и в сердце то, чтобы всецело объединить свою волю с волей Божией и ей во всем подчиниться и отнюдь не желать волю Божию преклонить на свою волю...» (Настольная книга священнослужителя. Тематический материал для проповеди. Т. 6. М, 1988. С. 397). Примеры:

Господи, спаси, ибо я погибаю. Наставь меня на путь истины, добра и правды, и укрепи на этом пути, и избавь меня, Господи, от искушений. А если Тебе угодно послать мне искушения, утверди и укрепи мои слабые силы в борьбе с ними, дабы мне не пасть под тяжестью их и не погибнуть для царствия Твоего, уготованного для любящих Тебя от создания мира. — Архимандрит Кирилл (Павлов).

Господи, Ты являешь нам бесконечную милость и любовь. Ты с великим долготерпением ожидаешь покаяния и исправления нашего. Научи и меня от сердца простить ныне всем, кто когда-либо оскорбил и обидел меня. Ибо ты, Господи, оставляешь долги только тем, кто сам умеет оставлять должникам своим. — Протоиерей Артемий Владимиров.

Нетрудно заметить, что содержание молитвенных прошений определяется религиозным учением: это просьбы Божественной помощи в исполнении христианских заповедей (*Наставь меня на путь истины, добра и правды... Научи и меня от сердца простить ныне всем, кто когда-либо оскорбил и обидел меня.*) При этом молитвенная речь реализует комплекс характерных эмоционально-психологических состояний — любви, доверия, надежды, смирения, предания себя на волю Бога и др.

§ 163. Рассмотренные экстралингвистические основания церковно-религиозного стиля речи детерминируют его **к о н с т р у к т и в н ы й п р и н ц и п** — особую содержательно-смысловую и собственно речевую организацию текстов, назначение

которой состоит в содействии единению человеческой души с Богом. Этот принцип реализуется комплексом специфических стилиевых черт, важнейшими из которых являются:

- архаически-возвышенная тональность речи, соответствующая высокой цели религиозной деятельности и служащая проявлением складывавшейся веками традиции общения с Богом;
- символизация фактов и событий невидимого мира, а также возможных вариантов нравственно-религиозного выбора человека;
- ориентированная на религиозные ценности оценочность речи;
- модальность несомненности, достоверности сообщаемого.

Первая из названных стилиевых черт — архаически-возвышенная тональность речи — определяется возвышенностью религиозных мыслей, чувств, ценностных установок, которые предполагают использование соответствующих им своей стилистической окраской языковых средств — прежде всего церковнославянизмов. Это не только разноуровневые языковые единицы, но и так называемые коммуникативные фрагменты, т.е. «готовые к употреблению куски языкового материала» (Б.М. Гаспаров): *любящий Отец, очистит от грехов, нашего ради спасения, чудо творения Божия, сходит с небес, путь искуса и испытаний, стал Жертвой за нас* и т.п. Такого рода языковые и речевые единицы аккумулируют в себе многовековой опыт религиозного общения, они «населены голосами» предшествующих поколений верующих (наших «братьев и сестер»), — голосами, выражающими то же чувство любви к Богу и ближним, которое испытывает верующий человек, произнося молитву или «сердцем» воспринимая проповедь. Поэтому стилистическая окраска языковых единиц, традиционно используемых в богослужении (окраска, усиливаемая особым тембром, интонацией, ритмом речи и образующая единый комплекс коммуникативных средств с церковной музыкой, живописью), выполняет особую функцию — поддерживать в каждом верующем чело-

веке ощущение своей неотделимости от духовной общности людей, связанных верой в чреде поколений. Иными словами, указанная тональность, соответствуя возвышенным религиозным мыслям и чувствам, служит, кроме того, проявлением собранности христианской общины.

О важности использования в религиозной коммуникации возвышенно-архаизированных церковнославянских средств и неоправданности употребления здесь языковых единиц, вызывающих ассоциации нерелигиозного характера, особенно слов со сниженными коннотациями, убедительно писал известный отечественный теоретик проповеди Амфитеатров: что было бы, спрашивал он, «если бы мы, подражая светскому языку, вместо “Господь Иисус” стали бы говорить “господин Иисус”, вместо “братие” — “братцы”, вместо “крещение” — “купание”, вместо “таинство” — “секрет”, вместо “чудо” — “диговинка” и т.п.» (Цит. по кн.: *Архиепископ Аверкий (Таушев)*. Руководство по гомилетике. М., 2001. С. 85).

Вторая из названных стилевых черт — с и м в о л и з а ц и я с о б ы т и й н е в и д и м о г о м и р а — основывается на том, что абсолютные по своему значению духовные факты не могут быть представлены в человеческом общении иначе, как с помощью символов, помогающих, насколько это возможно, постичь содержание религиозных истин. Поэтому церковно-религиозная речь о б я з а т е л ь н о я в л я е т с я с и м в о л и ч е с к о й. Важнейшими средствами выражения данной стилевой черты выступают те тропы и фигуры речи, которые отражают сходство явлений, — главным образом метафоры, аллегории и сравнения.

Рассмотрим высказывание: *С тех пор начался суд над миром*. Метафоричность слова «суд» помогает понять — хотя бы в самых общих чертах — истину о наказании от Бога за грехи людей. Углубленное же ее толкование дается в развернутом контексте, причем с использованием новых символов:

Бог не похож на земного судью, он не судит и не осуждает нас бесчеловечно, следуя букве закона. Нет, к нам приходит Божья любовь, приходит ко всему роду человеческому и к каждому из нас. И тогда что-то с нами происходит... Любовь Божья... вдруг поа-

дает в *грязь и холод немой души*, и тогда происходит *взрыв*. Не потому, что у Бога есть ярость или гнев, это есть только у человека, а потому, что встретилось *чистое и нечистое...* — и происходит *буря*. — Проповедь протоиерея Александра Меня.

Приведем еще примеры символов-метафор: *Что такое невидимое? Невидимое — здесь, рядом с нами, в нашей душе...; Куда вознесся Господь? Где Он пребывает? Разумеется, не на том небе, которое видят наши глаза и которое простирается над нашей головой...; Вы часто слышите слово «искупление». Что оно значит? Дословно оно означает «выкуп», «освобождение», «приобретение для себя». Этим словом мы и передаем смысл таинственного действия Божия, которым нас, грешных и слабых, Господь освобождает из-под власти сатаны...* — Протоиерей Александр Мень; *...крест и страдания — удел избранных, это те тесные врата, которыми входят в Царство Небесное.* — Архимандрит Иоанн (Крестьянкин).

В религиозно-символической функции, помимо собственно метафор, широко употребляются аллегории — вид развернутых (текстовых) метафор, выражающих отвлеченное содержание с помощью конкретных представлений. В приводимом ниже фрагменте проповеди священник истолковывает символический смысл евангельского повествования о Марии Магдалине, оплакивающей Иисуса Христа:

А Мария стояла у гроба и плакала. Душа, потерявшая Бога, испытывает страдания и скорбь. Она ищет пристанища и не находит. Ничто не может заменить ей общения с Отцом Небесным.

И, когда плакала, наклонилась во гроб... Если душа жива и желает понять смысл своего бытия, то, размышляя, она непременно придет к проблеме смерти, которая неумолимо приближается к каждым прожитым днем. Примириться со смертью бессмертный человеческий дух не в силах. Если в конце жизни не быт и е, то зачем быть?

...И видит двух Ангелов, в белом одеянии сидящих, одного у главы и другого у ног, где лежало тело Иисуса. От смерти мысль человека неизбежно обращается к невидимому миру. И человек встречает свидетелей мира духовного: храмы, иконы, церковное пение... — Протоиерей Дмитрий Смирнов.

Как известно, в евангельских притчах, являющихся аллегорическими текстами, в символической форме наряду с событиями невидимого мира представлены религиозно-нравственные позиции людей. Показателен в этом отношении фрагмент из притчи «О блудном сыне» и комментарий к нему проповедника:

Старший же сын его был на поле и, возвращаясь, когда приблизился к дому, услышал пение и ликование.

И призвав одного из слуг, спросил: что это такое?

Он сказал ему: брат твой пришел; и отец твой заколол откормленного теленка, потому что принял его здоровым.

Он осердился и не хотел войти. Отец же его, вышедши, звал его.

Но он сказал в ответ отцу: вот, я сколько лет служу тебе и никогда не преступал приказания твоего; но ты никогда не дал мне и козленка, чтобы мне повеселиться с друзьями моими.

А когда этот сын твой, расточивший имение свое с блудницами, пришел, ты заколол для него откормленного теленка.

Он же сказал ему: сын мой! Ты всегда со мною, и все мое твое.

А о том надобно было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил; пропадал и нашелся.

Прежде всего эта притча о нашем Небесном Отце. Когда мы говорим: «Не спасусь, не годен, не годна, нет надежды», — вспомним, что есть Тот, Кто нас ждет, потому что мы все Его дети.

Это также притча о самодовольных людях... Вы посмотрите на этого сына старшего. Он ведь всегда с отцом, а как он не похож на него. Совсем на него не похож! Потому что у него нет любви, нет доброго отношения к своему брату, да и к отцу. Завистливый самодовольный человек. — Протоиерей Александр Мень.

Важная особенность веры как особого вида познавательно-коммуникативной деятельности заключается в том, что усвоение религиозной истины означает не только и не столько рациональное, сколько интуитивно-эмоциональное ее постижение, «принятие сердцем». Поэтому в религиозной речи при символизации явлений духовного мира широко используются сравнения, отсылающие человека к его нравственно-религиозному и житейскому опыту.

В приводимом ниже фрагменте текста смиренная любовь Иисуса Христа сравнивается с материнской готовностью слу-

жить своему младенцу в самых унижительных формах. Это сравнение делает доступной религиозную истину о *кенотической любви Иисуса Христа*, помогает «почувствовать» ее, тем самым установить контакт евангельского слова с человеческой душой:

Выражаясь в формах Священного Писания, мы можем сказать, что Бог есть смирение. И смиренному Богу свойственна смиренная любовь, а не свысока... Бог, сотворивший словом Своим все сущее, воплотился и жил, унижая Себя до пределов нам недоступных. Это есть характерная черта любви Божией: она самоистощающаяся, кенотическая, — так Господь, чтобы восприняли Его слово, до Своего распятия на голгофе мыл ноги апостолам и сказал: «Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам».

В любви человеческой есть любовь, которая несколько больше, чем все другие человеческие проявления, п р и б л и ж а е т с я к этому виду кенотической любви — это любовь матери: она все переносит от своего младенца; она готова на все унижительные формы служения своему младенцу, — это и есть кенотическая любовь матери. И отцы то же делают, но в иных формах. Более ярко это выражается в положении, которое воспринимает на себя мать ребенка. — Архимандрит Софроний.

Нужно подчеркнуть, что символизация проявляет специфику церковно-религиозного стиля речи не просто как формальный способ непрямого выражения смыслов (этот способ применяется и в других областях коммуникации, в том числе в художественной, политико-идеологической сферах), но как необходимая структурная особенность религиозной деятельности, состоящая в знаково-символическом выражении Божественных истин для их усвоения людьми. В свою очередь, метафоры, аллегории, сравнения, используемые в символической функции, создают своеобразие церковно-религиозного стиля именно их смысловой отнесенностью к духовному миру, их включенностью в деятельность, направленную на сближение души человека с Богом.

Органично связана с базовыми экстралингвистическими факторами рассматриваемого функционального стиля и такая его черта, как основанная на христианских ценно-

стях оценочность речи. Действительно, она определяется самой мотивацией религиозной деятельности — преобразовать *грешный* земной порядок жизни, все житейские отношения по образцу небесных — *святых, совершенных*. При этом верующий человек должен стремиться очистить свою душу от греха и развить в ней добродетели, являющиеся отражением Божественных совершенств.

Отсюда, с одной стороны, проникнутая чувством раскаяния негативная самооценка в исповедальной, в том числе молитвенной, речи (пример 1), а также резко негативная оценка враждебных Богу сил (пример 2), с другой — позитивная оценочность речи, прославляющей Бога и святых (пример 3):

(1) *Господи, мой Господи!*

Я — бездонная пропасть греха: куда ни посмотрю в себя — все худо, что ни припомню — все не так сделано, неправильно сказано, скверно обдуманно... И намерения и расположения души моей — одно оскорбление Тебе, моему Создателю, Благодарителю! — о. Борис Николаевский;

Исповедуем мы, многогрешные, Господу Богу Вседержителю... и тебе, честный отче, все наши грехи вольные и невольные...

Согрешили немилосердием к бедным, не имели сострадания к больным и калекам; согрешили скупостью, жадностью, расточительностью, корыстолюбием, неверностью, несправедливостью, жестокосердием. — Чин общей исповеди, составленный архиепископом Сергием (Голубцовым).

(2) *...у бесов когтей нет. Изображают их с копытами, когтями, рогами, хвостами потому, что для человеческого воображения невозможно гнуснее этого вида и придумать. Таковы в гнусности своей они и есть, ибо самовольное отпадение их от Бога и добровольное их противление Божественной благодати из Ангелов света, какими они были до отпадения, сделало их ангелами такой тьмы и мерзости, что не изобразить их никаким человеческим подобием. — Архимандрит Иоанн (Крестьянкин);*

(3) *Он [Бог] — свет без всякой тьмы по Своему божественному разуму, как всеведущий, познающий все существующее вполне истинно и совершенно до мельчайших подробностей. Он — свет и чистота по Своей божественной воле, как всесвятой, гнушающийся всего нечистого и любящий только святое и чистое. От Него исходит свет разумности, истины, добродетели и святости.* — Архимандрит Кирилл (Павлов).

Широко представлены в религиозных текстах развернутые оценочные описания важнейших христианских добродетелей и основных человеческих пороков, обличения и увещания.

Природой веры определяется также модальность несомненности, достоверности речи. В самом деле, вера предполагает убежденность человека в существовании Высшего Начала (Бога) и в истинности Его откровения. Согласно церковной доктрине ошибаться может светский оратор, в том числе ученый, поскольку он исходит из личных убеждений, между тем в церковно-религиозных текстах воплощено Божественное учение, являющееся абсолютно истинным. Характерным маркером этой убежденности выступает завершающая проповедь или молитву частица *аминь* — «истинно, верно».

Наиболее активными языковыми средствами выражения уверенности в истинности сообщаемого являются так называемые фактивные глаголы (*знать, помнить, веровать, верить* и др.), вводные слова со значением уверенности, существительные *истина, правда* и производные слова *истинный, истинно, поистине, воистину*: ...*Мы с вами именуемся христианами, потому что знаем: самым явным образом Бог открылся человеку в лице Христа; Мы знаем, что слово Господне истинно; ...мы верим, что скала Церкви незыблема; Эту печальную правду апостол выразил словами...; Бог смерти не сотворил, и, разумеется, грех не мог исходить от Того, Кто есть высшее Добро.* — Протоиерей Александр Мень.

Убеждающую силу имеют для сознания верующего человека ссылки на высший авторитет Священного писания, на свидетельства святых отцов Церкви. Этим обусловлено широкое использование конструкций чужой речи (прямой и косвенной):

*Слово Божие Ветхого и Нового Завета вещает убедительно, что при конце мира последует общее воскресение мертвых; Слово Божие неложно говорит нам: <...>; Сам Господь во Святом Евангелии неоднократно уверяет нас в бытии будущей загробной жизни: **Истинно, истинно говорю** вам: наступает время, и настало уже, когда мертвые услышат Глас Сына Божия. — Архимандрит Кирилл (Павлов).*

Часто встречающиеся в религиозных текстах повествования о сверхъестественных событиях (чудесах) тоже являются выражением веры как не требующей доказательств убежденности в существовании Божественных сил. Характерно, что во многих случаях священник говорит о чудесах как о засвидетельствованных в церковной истории фактах — с указанием имен собственных и дат:

...узнавши от родственников, что действительно в храме Преображения на Ордынке есть икона Богоматери «Всех скорбящих радость», она призвала с нею священника к себе на дом и по совершении молебна с водоосвящением получила исцеление. В воспоминание сего чуда, первого чуда от иконы «Всех скорбящих радость», и был установлен в ее честь праздник 24 октября (6 ноября). И в настоящее время этот чудотворный образ находится в храме на Ордынке. — Архимандрит Кирилл (Павлов).

§ 164. Из предшествующего изложения видно, что специфической веры определяют важнейшие черты церковно-религиозного стиля речи, создаваемые закономерным отбором и употреблением языковых средств. Рассмотрим подробнее эти средства.

Как отмечалось, разноуровневым языковым единицам, регулярно используемым в русской религиозной речи, присуща особая архаически-возвышенная функциональная окраска, которую можно назвать церковной. Фонд этих единиц (и правил их реализации) представлен прежде всего заимствованиями из старославянского языка.

Так, на фонетическом уровне наряду с современными русскими нормами произношения действуют церковнославянские

нормы (*Прохватилова О.А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи. Волгоград, 1999*): нередко сохраняются качественные и количественные характеристики гласных полного образования в безударных позициях (*Гло]сподь; б[о]г[о]угодн[о]; [о] ни[спо]слании*); эпизодически произносится ударный [э] после мягких согласных, шипящих и [ц] перед твердыми согласными (*освя[ш:’э]нной; при[н’эс]; ко[н’и]жэм*); в отдельных случаях отмечается звонкость парных согласных в позиции конца слова (*запове[д’]*).

Особенно широко используются лексические церковнославянизмы: *благо, храм, забвение, обрести, смиренный, уповать* и др.

В области морфемики характерны старославянские приставки и суффиксы: *пресвятой, пречистый, премилостивый, изведать, изгнать, искупить, создатель, покровитель, утешитель, сеятель, заступление, дерзновение, служение, смирение* и под.

Говоря о способах словообразования, нужно отметить, что в церковно-религиозной речи значительно шире, чем в других речевых сферах, представлены словосложение (*благодаяние, долготерпение, милосердие, песнопение, человеколюбие, богобоязненный, чудотворный* и под.) и субстантивация (*напитать алчущего, напоить жаждущего, одеть нагого, научить неведущего, подать ближнему* и под.).

Эпизодически используются морфологические старославянские средства, придающие выражению окраску церковной речи, в частности формы звательного падежа имен существительных: *владыко, отче, Богородице*, родительного падежа единственного числа мужского рода имен прилагательных и причастий: *святаго, честнаго, озарившаго* и др.

Указанную коннотацию имеют и синтаксические библеизмы — инверсии в словосочетаниях с согласованием: *Отец Небесный, Дух Святой, слово Божие, царь иудейский, род человеческий, море житейское* и под.

Разумеется, архаически возвышенная окраска присуща и многим единицам нестарославянского происхождения, также образующим фонд активно используемых средств церковно-религиозного общения, например словам *дерзать, кроткий, обет,*

ропот, страсть, хула и др. В создании и выражении этой окраски значительна роль средств экспрессивного синтаксиса, в том числе нанизывания однотипных конструкций (См.: Крысин Л.П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т.Г. Винокур. М., 1996).

Нужно иметь в виду, что отбор и использование языковых единиц с архаически-возвышенной коннотацией — это лишь одна из многих закономерностей, определяющих стилистико-речевую системность религиозной речи. Так, выше отмечалось регулярное использование средств символизации явлений духовного мира (метафор, аллегорий, сравнений). Широко употребляются и другие тропы и фигуры речи, причем их функции состоят не столько в ее украшении, сколько в эффективной реализации коммуникативных заданий религиозной сферы, прежде всего задачи эмоционального воздействия на сознание адресата. Активны, как уже указывалось, средства, выражающие модальность несомненности сообщаемого (вводные слова соответствующей семантики, конструкций чужой речи и др.). Часто употребляются оценочные языковые единицы, образующие в религиозной речи своего рода стилистическую антитезу *святость (добродетель) — грех*. Широко используются грамматические средства экспрессивного усиления оценки: приставка *пре-*, выражающая высшую степень качества: *преблагословенный, пресвятой, пречистый*; формы превосходной степени имен прилагательных: *честнейшая, славнейшая, величайший, самая могущественная* и под. Соборность религиозного общения обнаруживает себя в активном употреблении личного местоимения 1-го лица множественного числа, а также личного притяжательного местоимения *наш* и соответствующих форм глагола: *...мы можем перейти от осквернения к вечному спасению. И это в нашей воле. Это зависит от нас. И когда мы будем делать это маленькое дело соответственно нашим маленьким силам, то может прийти к нам великая сила Бога. А мы себя готовим только тем, что поучаемся в этом слове день и ночь...* — Архимандрит Софроний.

Важно иметь в виду, что в любом церковно-религиозном тексте (а часто и в отдельном его фрагменте) обнаруживается проявление целого комплекса стиливых черт, создаваемых специфическим отбором и использованием средств языка:

...мы уповаем на милость Божию, надеемся на то, что грехи не совсем еще погубили нашу душу.

Вы спросите: «А разве душа не бессмертна?» Конечно, бессмертна, но если вся она пропитана злом, то в процессе очищения она как бы теряет себя. Что от нее останется?

...Но тот, кто еще здесь, в этой земной жизни, собирает себе духовные сокровища молитвой, добром и борьбой с собственными грехами, приближает себя к евангельскому идеалу, еще до смерти начинает возвращать крылья, которые понесут его в вечность. — Протоиерей Александр Мень.

Налицо и языковые единицы с архаически-возвышенной окраской (*уповаем, Божию, возвращать*), и метафоры-символы, имеющие эту же окраску (*очищение, крылья, духовные сокровища*), и слова религиозно-оценочной семантики (*грех, зло, добро*), и маркер достоверности речи (вводное слово *конечно*) в составе вопросно-ответного комплекса. Показательно, кроме того, использование личного местоимения *Мы* и личных форм глагола: *мы уповаем..., надеемся.*

В этом сочетании, «сплаве» указанных черт проявляется **стилистика-речевая системность** церковно-религиозного стиля, создаваемая закономерным использованием взаимосвязанных языковых единиц и выражающая специфику религиозной речи.

Вместе с тем церковно-религиозная речь неоднородна. Рассмотренные инвариантные ее особенности всегда дополняются частными признаками, присущими тому или иному жанру, а в его рамках — той или иной типовой текстовой единице — *славословию, благодарению, прошению, покаянию, изъяснению вероучительных истин, повествованию о событиях священной истории, наставлению, обличению* и др.

Например, *молитвенное прошение*, а также *пастырское наставление* предполагают, в частности, ис-

пользование определенно-личных предложений с главным членом, выраженным повелительным наклоном глагола. (Совершаемые при этом иллокутивные акты, разумеется, различны: в первом случае это мольба, во втором — настоятельный призыв.) *Господи, прости нас, грешных! Даруй же нам всем, Господи, спасительно провести время поста и покаяния...; Помогайте всякому. Не будьте памятозлыбы.* Если призыв обращен не к группе прихожан, а ко всем последователям христианского учения, то предложение получает обобщенно-личное значение: *Не убий.*

В наставлении, кроме того, широко представлены предложения с составным глагольным сказуемым, включающим модальные слова со значением долженствования или необходимости: *Мы должны любить Бога всем сердцем; Должно всемерно сохранять чистоту своей души, необходимо всемерно избегать всех соблазнов и обольщений.* Но в отличие от официально-деловых текстов, выражающих правовое предписание, здесь реализована модальность призыва или поучения.

В какой-либо другой текстовой единице, например, в и з ъ я с н е н и и р е л и г и о з н о й и с т и н ы, обнаруживается уже во многом иной набор часто употребляемых языковых и речевых средств. Ими будут именные подлежащно-сказуемостные предложения ($N_1—N_1$): *Грех — это сознательное нарушение воли Божией; Крещение есть таинство Церкви;* сложные предложения с союзами или союзными аналогами причинной и следственной семантики: *Христос родился от Девы, потому что Мария не могла принадлежать никому: ни родителям, ни мужу; Мы — люди, и поэтому Бог открывается нам в человеческом образе.* Закономерно появление вопросно-ответных ходов, активизирующих внимание слушателей: *Кто такой пророк? Это человек, устами которого говорит Дух Божий; Что это значит? Это значит, что силой Господней мы делаемся соучастниками Славы Христовой.*

Примечательно, что в соответствии с целеустановкой тех или иных текстовых единиц у них появляются характерные семантические оттенки грамматических форм. Например, при истолковании евангельских притч и иных повествований проповедник нередко использует глагольную форму настоящего времени, имею-

шую особое значение — *настоящее всевременное*. В отличие от отвлеченной вневременной семантики, отражающей некоторую закономерность (*Солнце в с х о д и т на востоке*), всевременное значение отражает действие, совершаемое не просто всегда, но *в момент речи и всегда*. По словам Д.С. Лихачева, «это настоящее время сейчас совершающегося события и одновременно изображение “вечности”» (*Лихачев Д.С. Избранные работы*. Л., 1987. Т. 2. С. 565). Примеры:

*И мы, подобно апостолу Петру, утопавшему в море, **утопаем** в море житейском <...> Но и теперь... вы увидите близ себя Господа, ходящего по морю. Он, премилосердный, всегда с нами, во всякое время дня и ночи Он **призывает** нас небоязненно прийти к Нему, всегда **простирает** к нам божественную руку Своей всемогущей помощи.* — Архимандрит Кирилл (Павлов);

*...вспомним о нашем Небесном Отце, который **стоит**, который **ждет**, который примет каждого, кто из глубины души скажет: «Отче, я согрешил перед небом и перед Тобой».* — Протоиерей Александр Мень.

Налицо модификация семантики языковой единицы в соответствии со спецификой речевой разновидности, ее коммуникативных установок. (Подробнее об этой закономерности см. в § 33.)

Таким образом, в церковно-религиозных текстах наряду с их инвариантными стилевыми характеристиками проявляются особенные черты, связанные со спецификой жанров, а также отдельных типовых текстовых единиц.

§ 165. В речевых произведениях рассматриваемого функционального стиля эпизодически могут употребляться языковые и речевые средства, типичные для других стилей. Свидетельствует ли это о «многостильности» религиозной речи, об отсутствии у нее стилового единства?

Нет, не свидетельствует. Как уже не раз отмечалось, функциональный стиль — это особое качество речи, особый характер ее организации, определяемый в первую очередь некоторой общей коммуникативной целеустановкой (назначением соответствующего вида деятельности). В нашем случае целеустановка состоит в упрочении веры (союза человека с Богом). Для ее достижения могут привлекаться и те средства, которые обычно ис-

пользуются в иных коммуникативных сферах. Тогда иностилевые единицы органично включаются в речевую систему религиозного текста, их функциональная окраска не контрастирует с общей тональностью речи, а осложняет ее в соответствии с особенностями конкретной коммуникативной ситуации. Рассмотрим несколько примеров:

- (1) *Авва Дорофей учит: «Чем ближе люди к Богу, тем ближе они друг к другу». Это можно доказать наглядно. Представим себе круг: центр его — Бог, к центру ведут от окружности радиусы, точки на радиусах — люди; чем ближе точки к центру, тем ближе они друг к другу — чем ближе люди к Богу, тем ближе один к другому, и наоборот.* — Архимандрит Амвросий (Юрасов);
- (2) *Если есть среди кающихся ныне такие, кто совершил когда-либо непосредственное убийство, то есть убил кого-либо волею или нечаянно каким-либо орудием, рукою, отравой или еще чем, надо покаяться отдельно священнику.* — Архимандрит Иоанн (Крестьянкин);
- (3) *В новейшие времена перед русским народом, только что освободившимся от рабства тоталитаризма, воздвиглись «золотые тельцы» грубой рыночной наживы — и многие ли избежали поклонения этим кумирам? Закономерна последовавшая кара Божия: повсеместное обнищание народа, обесценивание денег и дороговизна хлеба насущного.* — Митрополит Владимир.
- (4) *Вот наступает зима, и вся природа как бы умирает. Деревья стоят без листьев, травы и цветы помертвели, ни одна птица уже не поет в лесу, насекомые лежат оцепенелые в своих убежищах. Но вот наступает весна, приходит новая жизнь и все оживает. Являются трава и цветы, деревья снова получают сок и облекаются в красоту свою...* — Архимандрит Кирилл (Павлов);
- (5) *...в уличной толпе нам случается видеть какого-нибудь забулдыгу, который только что спьяну вывалялся в грязи.
...Но ведь мы сами во всем подобны этому несчастному, если не гораздо хуже его. Одежды наших душ замараны смрадной грязью страстей и похотей.* — Митрополит Владимир.

Первый текстовый фрагмент представляет собой доказательство (в особом, религиозном, смысле слова) и содержит научную терминологию: *окружность, центр, точка, радиус*. При этом цель речи священника, разумеется, состоит не в геометрическом обосновании религиозной истины. Она заключается в эффективном, соответствующем особенностям религиозного сознания применении аналогии — «наглядного доказательства», которое позволяет с опорой на жизненный (школьный) опыт лучше усвоить постигаемую верой истину. Таким образом, проповедник в своей речи строго следует нормативной для религиозной деятельности установке на использование конкретного жизненного опыта верующих. Реализация этой установки не исключает обращения к форме научного доказательства и к научным терминам, но теперь уже в иной функции — как средства внушения религиозных представлений.

Второй пример иллюстрирует возможность органичного использования в религиозных текстах языковых конструкций, типичных для официально-деловой речи. В самом деле, перед нами сложноподчиненное предложение императивной семантики (*надо покаяться...*), начинающееся придаточным условием, что опять-таки характерно для официально-деловой речи, и при этом осложненное пояснительным оборотом, включающим в свой состав ряд однородных членов: *...непосредственное убийство, то есть убил кого-либо волею или нечаянно каким-либо оружием, рукою, отравой или еще чем*. (В юридических текстах подобные конструкции призваны точно определить объем понятия о правонарушении.) Как видим, синтаксическое средство, типичное для административно-правовой сферы общения, оказывается востребованным при решении религиозной задачи: вместе с другими средствами оно используется при подготовке верующих к исповеди.

Третий текстовый фрагмент напоминает публицистическую речь. Показательно использование в нем клишированных словосочетаний современных СМИ: *рабство тоталитаризма, рыночная нажива, обнищание народа, обесценивание денег* и др. Тем не менее проповедник, создавая текст, осуществляет не полити-

ко-идеологическую деятельность, как может показаться, а собственно религиозную. Речь идет об особой ее разновидности, имеющей целью обличение пороков эпохи, приверженности людей греховным идеям и правилам поведения. Священник отстаивает в данном случае не политическую доктрину (это было бы отступлением от принципа «царство Божие не от мира сего»), а необходимость следования христианским заповедям не только в личной, но и в общественной жизни. Одновременно внушается религиозная истина о недопустимости служения «чужим богам». Употребление публицистической лексики предопределено здесь самой жанровой тематикой общения, при этом идеологическая оценочность слов трансформируется в оценочность религиозную.

Четвертый фрагмент текста обнаруживает отдельные проявления образной конкретизации — важнейшей особенности художественной речи. Но и в этом случае проповедник принятыми в церковной практике способами приобщает слушателей к религиозной истине. Вызывая в сознании верующих образно-эмоциональные воспоминания (*Являются трава и цветы, деревья снова получают сок и облакаются в красоту свою*), он создает представление о всеобщности перехода от смерти к новой жизни и тем самым помогает прихожанам усвоить догмат о будущем воскресении. Стиливая значимость используемых здесь языковых средств не в их форме, а в функции.

Наконец, пятый пример показывает, что разговорные и даже просторечные слова (*забулдыга, спьяну, замараны*), стилистическая окраска которых, как отмечалось, не согласуется с общей возвышенной тональностью церковно-религиозной речи, могут тем не менее эпизодически использоваться в последней. Они предстают иногда как средство оптимизации коммуникативного контакта с аудиторией и как лексический материал для обозначения греховного в человеческой жизни: *Одежды наших душ замараны... грязью.*

Решая вопрос о стилевом статусе церковно-религиозной речи, нужно иметь в виду, что стили современного русского литературного языка являются не замкнутыми типами его

функционирования, сложившимися в той или иной коммуникативной сфере, что все они в большей или меньшей степени допускают использование языковых средств других сфер. При этом иностилевые для какой-либо речевой разновидности единицы употребляются в ней в и з м е н е н н о й ф у н к ц и и и потому перестают быть средствами другого стиля (см. § 54).

Не составляет исключения и религиозная речь. Мы видели, что характерные для того или иного из функциональных стилей русского языка единицы и явления эпизодически могут включаться в ткань церковно-религиозных текстов и что, участвуя в выполнении религиозных коммуникативных заданий, они функционально преобразуются в ней, становятся элементами новой речевой организации.

Таким образом, тексты рассматриваемой сферы общения, воплощая веру и реализуя ее назначение, объективируя религиозную деятельность, характеризуются стилистико-речевой системностью, соответствующей специфике религиозной речи; они проявляют целостный комплекс специфических стилевых черт. Налицо, следовательно, особый способ функционирования современного русского литературного языка, формирующий один из его функциональных стилей — церковно-религиозный.

Изучение церковно-религиозного стиля русского литературного языка только начинается. Глубже понять складывающуюся в этой области проблематику поможет знакомство с работами: *Кожина М.Н.* К основаниям функциональной стилистики. Пермь, 1968 (с. 160—175); *Крысин Л.П.* Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура / Памяти Т.Г. Винокур. М., 1996; *Мечковская Н.Б.* Язык и религия. М., 1998; *Майданова Л.М.* Религиозно-просветительский текст: стилистика и прагматика // Русский язык в контексте культуры. Екатеринбург, 1999; *Прохватилова О.А.* Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи. Волгоград, 1999; *Крылова О.А.* Существует ли церковно-религиозный функциональный стиль в современном русском литературном языке? // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000; *Розанова Н.Н.* Коммуникативно-жанро-

вые особенности храмовой проповеди // Бодуэн де Куртенэ: Ученый. Учитель. Личность. Красноярск, 2000; Шмелева Т.В. Исповедь // Культура речи: Энциклопедический словарь-справочник. М., 2003; Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004 (с. 266—276); и др.

Важные сведения о композиционно-стилистической организации проповеди читатель найдет в кн.: Феодосий. Епископ Полоцкий и Глубокский. Гомилетика. Теория церковной проповеди. Сергиев Посад, 1999, где к тому же содержится обзор дореволюционных гомилетик. Примечательно, что, характеризуя язык и стиль проповеди, автор привлекает представления функциональной стилистики: «Как известно, каждая область человеческой деятельности имеет свою так называемую профессиональную лексику, которая зависит от того, в какой сфере происходит общение людей: бытовой, деловой, научной. В силу особенности цели и содержания церковная проповедь также имеет право на свой, отличный от других сфер общественной жизни, язык и свои способы выражения мыслей» (с. 175). И дальше: «По утверждению современных языковедов, стилистические особенности речи создаются в зависимости от области применения ее в общественной жизни, от сферы общения людей. Задачи этого общения, содержание самой речи определяют ее стилистические особенности. Соответствует этому положению современной стилистики и своеобразие стиля церковной проповеди: так же, как и язык, он имеет свои характерные особенности, соответствующие сфере церковной жизни и отличающие его от разговорного, делового, научного, художественного и публицистического стилей речи» (с. 177—178).

См. также зарубежные функционально-стилистические исследования: *Mistrik J. Religijózny štýl // Stylistyka. I. Opole. 1992; Wojtak M. O początkach stylu religijnego w polszczyźnie // Stylistyka. I. Opole. 1992; Makuchowska M. Język religijny // Język polski / Red. St. Gajda. Opole, 2001.*

Разговорно-обиходный стиль

§ 166. Под разговорно-обиходным, или просто разговорным, стилем понимают обычно особенности и колорит устно-

разговорной речи носителей литературного языка; вместе с тем разговорный стиль проявляется и в письменной форме (записки, частные письма).

Хотя типичной сферой проявления разговорного стиля является сфера бытовых отношений, однако, по-видимому, и общению в профессиональной сфере (но только неподготовленному, неофициальному и, как правило, устному) также свойственны особенности, присущие разговорному стилю.

Общими экстралингвистическими признаками, обуславливающими формирование этого стиля, являются: неофициальность и непринужденность общения; непосредственное участие говорящих в разговоре; неподготовленность речи, ее автоматизм; преобладающая устная форма общения, и при этом обычно диалогическая (хотя возможен и устный монолог). Наиболее обычная область такого общения — бытовая, обиходная. С ней связаны содержательные особенности и конкретный характер мышления, отражающиеся в строе разговорной речи, прежде всего в ее синтаксической структуре. Для этой сферы общения типична эмоциональная, в том числе оценочная, реакция (в диалоге), что также воплощается в речевых особенностях разговорного стиля. Условием, сопровождающим проявления разговорной речи, оказываются жесты, мимика, ситуация, характер взаимоотношений собеседников и ряд других экстралингвистических факторов, влияющих на особенности речи.

Такая своеобразная экстралингвистическая основа разговорной речи обуславливает ее особое положение среди других стилистико-речевых разновидностей литературного языка.

Наиболее общими специфическими ст и л е в ы м и ч е р т а м и разговорного стиля речи являются непринужденный и даже фамильярный характер речи (и отдельных языковых единиц), глубокая эллиптичность, конкретизированный (а не понятийный) характер речи, прерывистость и непоследовательность ее с логической точки зрения, эмоционально-оценочная информативность и аффективность. Типичными (но не специфическими) стилевыми чертами разговорной речи являются идиоматичность и известная стандартизованность, личностный характер и неко-

торые другие. Все это находит яркое и последовательное отражение в составе употребляемых в этой сфере языковых единиц и особенностях их функционирования.

Среди наиболее общих лингвистических признаков разговорного стиля оказываются следующие: бóльшая, сравнительно с другими стилями, активность некнижных средств языка (со стилевой окраской разговорности и фамильярности), в том числе употребление внелитературных (просторечных) элементов на всех языковых уровнях; неполноструктурная оформленность языковых единиц (на фонетическом, синтаксическом, отчасти морфологическом уровнях); употребительность языковых единиц конкретного значения на всех уровнях и вместе с тем нехарактерность средств с отвлеченно-обобщенным значением; ослабленность синтаксических связей между частями предложения или их невыраженность, неоформленность; активность языковых средств субъективной оценки (в частности, суффиксов), оценочных и эмоционально-экспрессивных единиц всех уровней от фонетического до синтаксического; активность речевых стандартов и фразеологизмов разговорного характера; наличие окказионализмов; активизация личных форм, слов (личных местоимений), конструкций.

При характеристике разговорной речи по языковым уровням особенно выделяются такие функциональные явления, которые не свойственны другим стилям или мало употребительны в них. Лишь диалогическая речь в художественной прозе и драматургии близка разговорной речи, однако здесь проявляется стилизация и к тому же изменяется функция. В постперестроечное время средства разговорной речи стали использоваться шире и в публицистике.

§ 167. Перечислим наиболее характерные для разговорной речи языковые средства, создающие особенности ее стиля.

В лексике и фразеологии широко используются единицы разговорной окраски, в том числе бытового содержания, и конкретная лексика. С другой стороны, ограничен состав абстрактной лексики и книжных слов, а также терминологии и

необщеизвестных слов иноязычного происхождения. Разговорную речь характеризует активность экспрессивно-эмоциональной лексики и фразеологии, особенно таких окрасок, как фамильярная, ласкательная, неодобрительная, ироническая и других оценочных с понижением стиля. Высокочастотны авторские неологизмы (окказионализмы). В монографии «Разговорная речь в системе функциональных стилей...» (Саратов, 1983) отмечается, однако, подавляющее количество в разговорной речи нейтральной общеупотребительной лексики, но при этом конкретной, с четкой денотативной направленностью, с указанием именно на конкретный предмет, движение.

Развита полисемия, причем не только общеязыковая, но и индивидуально-окказиональная (ср. семейные «языки» и дружеские «жаргоны» узкого круга лиц). Происходит активизация фразеологически связанных значений. Синонимика богата, причем границы синонимического поля довольно нечетки; активна ситуативная синонимия, отличная от общеязыковой. Возможности сочетания слов шире нормативных общеязыковых.

Активно употребляются фразеологические единицы, особенно разговорно-сниженной стилевой окраски. Широко распространено обновление устойчивых словосочетаний, их переосмысление и контаминация.

С л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы е особенности разговорной речи связаны прежде всего с ее экспрессивностью и оценочностью. Активны здесь суффиксы субъективной оценки со значениями ласкательности, неодобрения, увеличительности и др. (*мамочка, лапушка, солнышко, дитяtko; кривляка; пошлятина; домище; холодина* и т.д.), а также суффиксы с функциональной окраской разговорности, например у существительных: суффиксы *-к-* (*раздевалка, ночевка, свечка, печка*); *-ик* (*ножик, дождик*); *-ун* (*говорун*); *-яга* (*работяга*); *-ятина* (*дохлятина, тухлятина*); *-ша* (в названиях профессий: *докторша, кондукторша, билетерша* и т.д.). Кроме того, употребительны здесь бессуффиксальные образования (*хворь, пляс*) и словосложения (*лежебока, пустозвон*). Можно указать и наиболее активные случаи словообразования прилагательных оценочного значения: *глаз-*

астый, очк-астый, зуб-астый; кус-ачий, драч-ливый; худ-ющий, здоров-енный и др., а также глаголов — префиксально-суффиксальные: *по-шал-ивать, при-говар-ивать, на-травл-ивать*; суффиксальные: *дер-ануть, спекуль-нуть; здоров-еть*; префиксальные: *ис-худать, при-купить* и др. В целях усиления экспрессии используется удвоение слов — прилагательных, иногда с дополнительной префиксацией (*Он такой огромный-огромный; Вода черная-черная; Она глазастая-преглазастая; умная-преумная*), выступающих в функции превосходной степени.

В области м о р ф о л о г и и своеобразна частотность частей речи. В разговорной сфере нет обычного для языка преобладания существительного над глаголом. Даже в «наиболее глагольной» художественной речи существительные встречаются в 1,5 раза чаще глаголов, в разговорной же глаголы — чаще существительных. (См., например, данные частотного словаря: 2380 слов, наиболее употребительных в русской разговорной речи, а также: *Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности*. М., 1974.) Значительно повышенную частоту употребления (в несколько раз выше против показателей по художественной речи) дают личные местоимения и частицы. При этом характерна активизация разговорных частиц *ну, вот, ведь*. Весьма употребительны здесь притяжательные прилагательные (*бригадирова жена, Пушкинская улица*); зато причастия и деепричастия почти совершенно не встречаются. Редко используются краткие прилагательные, и образованы они от весьма ограниченного круга слов, в результате чего в разговорной речи почти отсутствует противопоставление кратких и полных форм прилагательных. Среди падежных образований употребительны варианты форм родительного и предложного падежей на *-у* (*из дому, в отпуску, нет сахару, сахарку*).

Характерно для разговорной речи ослабление грамматического значения у местоимений (*Так оно и есть*) и использование их для усиления экспрессии (*Приходил этот твой очкарик*). Активна тенденция к несклонению первой части составных имен (*к Иван Ивановичу*) и составных числительных (*из двести пятьдесят трех*) и, напротив, склонение некоторых аббревиатур (*Книгу из БАНа получила*).

Отметим разнообразие видовых оттенков глагола со значением многократности действия в прошлом (*говаривал, похаживал, гащивал, заготовливал*) и однократности (*толкнул, долбанул*), а также активность экспрессивных форм наклонений с разнообразными усилительными контекстуальными средствами (см. во втором разделе этой книги стилистические ресурсы глагола), широкое использование форм одного наклонения в значении другого.

Удивительно многообразны временные значения глагола при использовании одного времени в значении другого. Особенно богата палитра значений настоящего времени (настоящее момента речи, настоящее расширенное, настоящее историческое), а также прошедшего и будущего в значении настоящего.

Широкое использование глагольных междометий оказывается специфической приметой разговорной речи (*прыг, скок, шасть, бух*); в художественной литературе эти междометия являются ее отражением.

Особенно характерен с и н т а к с и с разговорной речи. Именно здесь нагляднее всего проявляется ее эллиптичность, а также эмоциональность и экспрессивность. Это выражается и в высокой частотности разных семантических оттенков инфинитивных и неполных предложений (*Ну, полно!; Прекрасно!; Молчать!*), и в характере неполноты последних («пропуск» не только и не столько второстепенных, сколько главных членов: *Чаю? — Мне полчашечки*), и в большом числе вопросительных и побудительных предложений. Специфическая черта — собственно интонационная, эмоционально-экспрессивная передача значений (утвердительных, отрицательных и иных).

Именно разговорной сфере свойственно употребление специальных слов и соответствующих предложений, выражающих согласие или несогласие (*Да; Нет; Конечно*).

В связи с неподготовленностью и ассоциативностью разговорной речи для нее характерна перестройка фразы на ходу (*Телефон — это вас*), парцелляция (*Уезжать страшно. Но надо; Хорошо отдыхали. Только мало*) и вообще разорванная структура с перебоями интонации. Активность присоединительных конст-

рукций разных видов (в частности, с вводными словами и частицами: *да и, а тут, разве что, мало того, кстати*).

Разговорной речи свойственна ослабленность значения вводных слов, их избыточность и в целом (при большом числе вводных слов со значением указания на отношение между частями высказывания) использование их в измененной функции.

Порядок слов более свободный, чем в книжно-письменной речи (постпозиция союзов, перенос их из придаточного предложения в главное и др.).

Наблюдается активность междометных фраз (*Ой ли?; Вот как?; Батюшки!; Вот тебе на!*), фраз-предикативов, усиленных эмоционально-экспрессивными частицами (*Ну и сила!; Вот так сказал!*), и фраз с постоянными конструктивными элементами (*Надо же...; Есть же...; То же мне...; То-то и оно, что...*).

В сложных предложениях явно преобладает сочинение над подчинением (подчинительные предложения составляют в разговорной речи лишь 10%, тогда как в других стилях их около 30%), а в сложноподчиненных предложениях весьма однообразен состав придаточных, причем такой распространенный их вид, как определительные, в разговорной речи не находит широкого использования. Характерна и ограниченность словарного наполнения придаточных предложений (как проявление стандартизованности речи). Изъяснительные придаточные присоединяются к очень немногим глаголам: *говорить, сказать, думать, слышать* и др., например: **Я не знаю, кто у вас был; Я не говорю, что плохо.** Характерны для разговорной речи и бессоюзные связи в сложном предложении.

Быстротой речевых реакций объясняются обычно короткие здесь предложения. Глубина фраз, как правило, не превышает 7 ± 2 словоупотреблений.

В целом для разговорной речи характерно разнообразие ритмико-темпового и интонационного оформления и богатство эмоционально-экспрессивных интонаций. В связи с этими общими особенностями разговорной речи находится эллиптичность на фонетическом уровне: убыстрение темпа, ведущее к усилению редукции гласных, ассимиляции согласных и вообще не-

полному произношению звуков и слогов. Характерно, например, что орфоэпической нормой устно-разговорной речи оказывается *Здрасьте, Ван Ваныч, Марь Ванна*, а не четкое *Здравствуйте, Иван Иванович, Мария Ивановна* (последнее было бы искусственным).

Примеры эмоциональности и экспрессивности, как и эллиптичности разговорной речи и лингвистического воплощения других ее стилевых черт, можно было бы пополнить, но и приведенных, думается, достаточно для общей характеристики этого функционального стиля.

Итак, разговорно-бытовой стиль, обладая в большей степени, чем другие стили, своеобразием языковых средств, выходящих за пределы кодифицированного литературного языка, занимает особое место в системе современных функциональных стилей.

Более подробную фактическую характеристику разговорной речи можно найти и не в собственно стилистических работах. Значительный вклад в изучение этой речевой разновидности внесли лингвисты, занимающие различные теоретические позиции. См.: Русская разговорная речь / Под ред. Е.А. Земской. М., 1973; *Сиротинина О.Б.* Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974; *Лаптева О.А.* Русский разговорный синтаксис. М., 1976; *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь. М., 1981; Русская разговорная речь. М., 1983; Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка / Под ред. О.Б. Сиротининой. Саратов. Лексика. 1983. Грамматика. 1992; *Сиротинина О.Б.* Что и зачем нужно знать учителю о русской разговорной речи. М., 1996.

§ 168. Один из важных вопросов изучения разговорной речи как типа употребления литературного языка — вопрос о ее отношении к понятию *текст*. Являются ли продукты речевой деятельности в обиходно-бытовой сфере текстами? Поскольку разговорная речь существует в основном в диалогической форме, особое внимание уделяется организации непринужденного диалога.

В изучении указанной проблемы лингвисты не достигли единого мнения (см. работы И.Н. Борисовой, И.Р. Гальперина, В.Д. Девкина, Е.А. Земской, Л.А. Капанадзе, Н.А. Купиной, О.А. Лаптевой, Т.В. Матвеевой, О.Б. Сиротининой, Е.Н. Ши-

ряева и др.). При этом — как часто бывает в науке — исследователи, высказывающие несовпадающие точки зрения, получают важные для данной области знания результаты. Они-то и должны быть осмыслены нами.

Конечно, многое зависит от того, как понимается *текст*. По мнению О.Б. Сиротининой, существующие его трактовки могут быть обобщены в две группы: текст обычно определяется либо как *сознательно организованная речь* (главным образом письменная), либо как *реальная реализация речевого замысла*. Понятно, что вопрос о текстовом статусе разговорной речи можно решать, соотнося различные ее проявления с этими сложившимися в лингвистике определениями текста.

Идя по этому пути, О.Б. Сиротинина предлагает одну из первых типологий разговорной речи. Основанием типологии служит наличие у речевого образования характеристик текста, запечатленных в приведенных его дефинициях. По степени отступления от стандартной текстовой модели различаются *собственно тексты* обиходно-бытовой сферы (их доля сравнительно невелика), *текстоиды*, *тексты-разговоры* и *дискурсы* (последние встречаются наиболее часто).

1. *Тексты, отвечающие всем признакам текстовой структуры*, — это рассказы, неоднократно повторенные субъектом речи. В них налицо как реализация замысла, так и сознательная речевая организация. Часто у речевого произведения есть заголовок (*расскажу о...*), наблюдается развитие темы, есть связи между отдельными частями целого, а также завершение. Вместе с тем, в отличие от стандартных книжных текстов, здесь обычны отступления от темы с последующим возвращением к ней, реплики собеседника, уточняющие вопросы, поддакивания. Возможна нечеткая членимость текста на отдельные компоненты, нередко встречаются нарушения границ предложения.

Нет / Андрей / я тебе рассказывала уже еще раз повторю [для всех] // но это... анекдот конечно такой... жизненный тоже // Значит это... / в молодости... / когда вот Наташа была

маленькая... / сказки рассказывали... / бабушка... сказки... рассказывала... Наташе / про мольчика-с-пальчика // и вот... очередной раз / лето / в Астрахани / мы ушли в кино / с Борисом Алексаньичем // ну вот / приходим... / а эта все рассказывает сказки // нет ну ну мы это когда ушли конечно / там она только кла-а... укладывали спать / всё-всё-всё / крики-шум // приходим / открываем дверь — и мы только слышим из-за закрытой двери из темноты доносится / да сдох твой мальчик-с-пальчик! (Очень эмоционально, с хрипотцой, хорошая артикуляция. Дружный продолжительный смех) Мы как стоя-али — мы упа-а-ли. (Нараспев, со смехом.) Это обалде-эть надо (Под непрерывный хохот.) А е-ей так надое-эло расска-азывать // она говорит ещё раз / ещё раз / ещё // да сдо-ох твой мальчик-с-пальчик. (Истерический смех) Это было. (Живая речь уральского города. Тексты. Екатеринбург, 1995. С. 202—203).

2. *Текстоиды* весьма близки собственно текстам, однако их первоначальный замысел не включает программу тематического развертывания речи. Замысел состоит лишь в том, чтобы поделиться со слушателями впечатлениями о чем-либо. Поэтому по ходу рассказа темы легко сменяют одна другую по ассоциативному принципу (в связи с чем текстоид трудно озаглавить). Характерна ослабленность сознательной организации речи: текстоиды не имеют строгого членения на части, у них нет концовки. Можно сказать, что они принципиально не завершены, поскольку всегда возможно их продолжение. Кроме того, текстоиды более спонтанны, чем тексты и в построении отдельных высказываний. Пример:

<...> И вот ээ группа выехала туда проводить семинар лекторов Приморского края (рассказ о составе группы, о том, где именно читались лекции) <...> Я плохо спала никак не могла сначала там приспособиться день и ночь перепутала / и вот я ночью вставала открывала шторы / у себя в номере и видела сове-е-рше-нно необыкновенную бухту / там... цвет это же океан / там совсем другой цвет воды // Вам не приходилось бывать на океанических / были да? // Там наверно тоже цвет воды / другой чем у моря // А там вы знаете какой-то густо-

фиолетовый цвет / какой-то темно-темно-синий с фиолетовым отливом // <...> А потом / это мы на пути туда / а оттуда м-м нам повстречался тигр //...это было замечательно потому что мы ехали / У нас была «Волга» полная / мы полную «Волгу» набили народу / и увидели как голосует солдатик // Ну уже темнело / было уже где-то восемь вечера / и взять его естественно не могли / и мы поехали // И вдруг навстречу... А я сидела на первом сиденье / и как-то уже потом надо мной смеялись / потому что я очень спокойно сказала тигор // значит рысцой по э... обочине шоссе ид... идет тигр <...> Ну так вообще ээ необыкновенный город // Жить бы я там не смогла // Во-первых очень сложный климат (рассказ о постоянных переменах погоды) просто очень тяжелый климат // И потом сопки (рассказ о расположении улиц Владивостока) Сопка такой же город / Вот // Но вот сама география / океан / потом значит что мы еще там видели? Ну-у условия жизни там хорошие // Вот магазины такие хорошие / продуктовые в основном // Рыбы вообще (рассказ переходит на рыбные блюда, запеченные ракушки и т.д., ресторан, магазин «Дары тайги») там грибы морошка // ну то есть совсем как в другом мире <...> Ну была еще интересная экскурсия / нас возили совсем уж в такую погранзону (рассказ переходит на людей, потом на Находку, порт с современным управлением, водителя такси, ресторан-парусник на вершине сопки...). Записи О.Б. Сиротининой. (Человек — текст — культура. Екатеринбург, 1994. С. 109—112.)

3. *Тексты-разговоры* отличаются от стандартных текстов прежде всего разносубъектностью. Речевое произведение создается двумя (или несколькими) коммуникантами, причем регулярно происходит смена ролей говорящего и слушающего. Сознательная организация речевого целого практически отсутствует: развитие темы прослеживается с трудом, переход к новой теме может происходить по воле то одного, то другого собеседника. Вместе с тем в речевых произведениях этого типа обязательно реализуется определенный замысел. В приводимом ниже разговоре студента-физика (инициатора общения) и студентки-филолога замысел состоит в том,

чтобы поболтать со знакомой девушкой и взять у нее что-нибудь почитать:

А. *Кстати, Мишка мне в «Соколе» когда между прочим мы были, да, так вот, Миша этот преподобный мне знаешь что рассказывал?*

Б. *Что?*

А. *Кое-что из Белля. Кайф.*

Б. *Из Белля или из Бабея?*

А. *Из Белля.*

Б. *А, ой, Бель?*

А. *Бель какой-то новый...*

Б. *Бель? Я не знаю...*

А. *А обозвал он это так: «Поезд приходит по расписанию» (продолжается разговор о Белле).*

А. *Не знаю, не знаю, но Мишке я верю.*

Б. *Бабея он рассказывает, вот это да.*

А. *Бабея?*

Б. *А ты не слышал никогда, как он читал? Бесподобно! Он его читает, а потом он воспроизводит, когда вот просто на память Бабея... Я даже рассказывала как-то в трамвае, ко мне мужчина какой-то подходит и говорит: «Девушка, вы что, все на память знаете?». Я говорю: «Да нет, я так просто слушала это». Я Ф. слушала. Он рассказывал, вернее, читал.*

А. *А кому ты рассказывала?*

Б. *Галке Р. в трамвае. И наверно громко рассказывала. Мужик прислушивался, прислушивался, потом подошел и говорит: «Поражаюсь, феноменальная память», а я просто, меня так увлекло, интересно очень пишет. Причем это вот у меня томик избранного Бабея, вот <...>*

(продолжается разговор о рассказах Бабея) <...>

- А. *Да, Татьяна, слушай, если к Мишке поехать, да?*
 Б. *А куда именно?*
 А. *В Киев. Мне там нужны штаны. Это реально? А если не ездить, там достанут?*

(продолжается разговор о штанах, затем переходит на работу почты, на желание поехать в Польшу, затем на мед, шоколад, на друзей, конфетные напитки, которые продают в кафе) <...>

- А. *Да, который час, кстати?*
 Б. *Сейчас без пятнадцати двенадцать.*
 А. *Без пятнадцати двенадцать? Это мы с тобой так неслабо час проговорили? Да?*

- Б. *Да, час.*
 А. *Да, чтобы не забыть, ты все-таки посмотри Бабеля, Татьяна.*
 Б. *А где Бабель-то у нас. Я его принесла ведь.*

- А. *Мне читать нечего <...>*
 Б. *Хочешь, я тебе знаю что дам... Хочешь Жоржа Сименона почитать. Только завтра принесешь...*

(разговор переходит на романы Ж. Семинона)

- Б. *...что-то двести, да. Плодовитый писатель.*
 А. *Почитаем плодовитых. Ну все, ушел. Записи О.Б. Сиротиной. (Человек — текст — культура. Екатеринбург, 1994. С. 113—116.)*

4. *Дискурсы*, понимаемые как обмен высказываниями без особого речевого замысла и установки на сознательную организацию речи. Разговор в этом случае поддерживается главным образом ситуационно возникающими репликами:

- Б. — (Продолжает о пачке чая) *Я не могу найти //*
 А. — *Сань / ты скажи чайнику / чтобы скорее закипел //*
 В. — (Обращается к А., говоря о Б.) *Она его часто открывает //* (Обращается к Б.) *Сань / ты его совсем открой //*

- Б. — *Открыть?* (Открывает чайник совсем)
- А. — (Шутливо, с мукой) *Закрой / а-а-а // сил моих нет // ты издеваешься надо мной* (пауза)
- В. — *Саня / чайник кипит //*
- Б. — *Пусть покипит //* (Подходит к столу, садится со всеми) (На спинке стула, на котором сидит А., висит рубашка; Б. поправляет рубашку, но она падает на пол)
- А. — *Кто вешает рубашки / когда гости приходят?*
- Б. — *Нежданные //*
- А. — *Высокие /*
- Б. — (Пряча улыбку) *Я не сказала бы / что высокие //* *какой у тебя рост? <...>* (Живая речь уральского города. Тексты. Екатеринбург, 1995. С. 189.)

Другой подход к рассматриваемой проблеме состоит в том, чтобы установить возможное соответствие разговорного произведения речи категориальным признакам текста (таким как цельность, связность, членимость, тема, хронотоп, тональность и др.) и выявить закономерные модификации этих категорий в разговорно-бытовом общении.

Результаты исследований, выполненных в русле этого направления, дают основание считать, что разговорный диалог (текст-разговор и дискурс) представляет собой своего рода *н е к а н о н и ч е с к и й т е к с т*, существенно отличающийся от канонического, т.е. от книжных текстов, создаваемых в более высокоразвитых и организованных сферах культурного общения, чем бытовая сфера. В чем же состоит специфика непринужденного диалога и каковы аргументы в пользу его текстового статуса?

Как показано в работах Т.В. Матвеевой, замысел участников непринужденного диалога — часто подсознательный — характеризуется не интеллектуальной, а эмоционально-волевой доминантой. Он предполагает выражение в общении субъективного, личностного начала. Сообщение же мысли только ради нее самой нетипично для разговорного диалога. Отсюда своеобразие тематического развертывания речи, реализации категорий времени, места, тональности (субъективной модальности) и других.

Действительно, тематическое единство книжного текста обусловлено интеллектуальной составляющей замысла. Между тем для разговорного диалога такое единство, как мы видели, необязательно. Более того, в непринужденной беседе свободный переход от одной темы к другой помогает достижению гармонии общения: благодаря ему обходятся «острые углы» отношений, предупреждается чрезмерное втягивание собеседника в чужую тему. Но при этом разговорный диалог обнаруживает тематическое единство другого плана. Сквозной для него оказывается «Я-тема»: каждый участник диалога так или иначе предлагает на роль предмета обсуждения самого себя (свое мнение, решение, поступок). Например: Г. — *Я делаю такую крепенькую гимнастику // у меня гирьки по полтора килограмма* / Б. — *Дома я гимнастику делать не могу / потому что утром // все спят / я где буду // я ухожу на улицу //* Г. — *Я утром тоже не всегда //* Б. — *А вечером я уже не в состоянии // после двенадцатичасового рабочего дня что-то сделать //* Г. — *А я-то вечером прихожу / я раз по тридцать пресс качаю...* (Живая речь уральского города. С. 176).

С категорией «Я-темы» разговорного диалога органично связан его хронотоп. Так, исходной точкой при организации текстового пространства служит координата «здесь», а текстового времени — координата «сейчас». Существует, следовательно, реальная и постоянная на протяжении диалога локация «я — здесь — сейчас», придающая ему целостность.

Своеобразие психологического замысла участников непринужденного диалога, а именно установка не только и не столько на сообщение информации, сколько на ее оценивание, определяет значимость категории тональности. Эмоциональные оценки, выражаемые собеседниками, многоплановы и разнонаправлены. Они могут относиться к предмету речи, к адресату, к самому себе, к ситуации общения. Но при всей калейдоскопичности этих оценок диалог в целом, как правило, обнаруживает некоторое тональное единство. Часто это общая тональность согласия, вызванная стремлением коммуникантов высказаться и встретить понимание, или же тональность несогласия (Матвеева Т.В. *Непринужденный диалог как текст // Человек — текст — культура*. Екатеринбург, 1994).

Таким образом, целостность разговорного диалога обнаруживается в его своеобразном тематическом структурировании (реализации «Я-темы»), в специфике хронотопа, в тональном единстве. Она создается, кроме того, единством коммуникативной ситуации и относительным постоянством состава участников общения (см. работы Т.В. Матвеевой, И.Н. Борисовой). Важно также, что ситуация, включая общность апперцепционной базы коммуникантов и визуальный канал связи, обеспечивает более тесную, чем в кодифицированном письменном тексте, связь предложений в отдельных фрагментах разговорного целого (Е.Н. Ширяев). Все это и позволяет считать разговорный диалог неканоническим текстом — со своим особым типом интегративности, выражающим своеобразие речевой системности разговорного стиля.

О некоторых общих закономерностях функционирования языковых средств в функциональных стилях

§ 169. Анализ количественно-качественной стороны употребления различных языковых единиц в функциональных речевых разновидностях позволяет вывести ряд общих стилистико-статистических закономерностей функционирования языковых средств, проявляющихся с последовательностью и силой закона.

Первая закономерность функционирования. (Первая — условно, порядок может быть и иным.)

Существует строгая количественная зависимость между абстрактностью содержания текста (с проявляющимся в нем типом мышления) и абстрактностью речи. Та же зависимость имеется между конкретностью содержания и конкретностью речи. Схематически эту зависимость можно выразить следующим образом.

При абстрактности содержания (АС) число абстрактных по значению речевых форм (АРФ) стремится к 100%, а конкретных (КРФ) — к нулю, т.е. при АС $АРФ \rightarrow 100\%$, а $КРФ \rightarrow 0\%$. При КС $КРФ \rightarrow 100\%$, а $АРФ \rightarrow 0\%$.

Можно вычислить и коэффициент абстрактности или конкретности речи по формуле:

$$AP = \frac{\Sigma AP\Phi}{\Sigma AP\Phi + \Sigma KP\Phi} ,$$

где Σ — сумма

Примечание. Для научного стиля суммарные коэффициенты отвлеченности и конкретности речи оказываются следующими: $AP = 0,76$; $KP = 0,24$. Для художественного стиля (также суммарно): $AP = 0,30$; $KP = 0,70$. Как видим, разница существенная: данные диаметрально противоположны.

Вторая закономерность, тесно связанная с первой, в известной степени аналогична ей. Абстрактность и конкретность речи охватывают не только сами по себе языковые единицы, но и их значения и оттенки (контекстно-стилистические, или функциональные, значения, образующиеся в результате особенностей употребления языковых единиц).

Третья закономерность. Имеющиеся в русском языке функциональные стили речи отличаются друг от друга и стилистически различно оформляются не только по признаку абстрактности — конкретности, но и по другим признакам, определяемым экстралингвистическими основами соответствующих стилей.

Наблюдается строгая и четко выраженная количественно-качественная функционально-семантическая зависимость употребляющихся в той или иной речевой разновидности языковых средств от экстралингвистической основы, определяющей специфику стиля. Или, иначе, имеется теснейшая, закономерно проявляющаяся взаимосвязь функционально-семантической стороны языковых средств со специфическими признаками стиля. Происходит как бы семантическое расщепление одной и той же языковой единицы и преимущественное использование ее в том или другом функциональном стиле лишь в определенном значении, которое наиболее согласуется со спецификой стиля.

Например, из различных значений глагольных форм настоящего времени настоящее вневременное используется в науч-

ной речи, настоящее долженствования — в деловой и т.д. При этом соответствующие значения проявляются весьма отчетливо у многих слов, форм, конструкций в контексте соответствующей речевой разновидности. В результате образуется общая для данной речевой разновидности макроокраска, специфическая и неповторимая, которая и становится стилеобразующей, охватывая средства всех уровней. Это и создает речевую системность стиля (см. главу «Определение понятий «стиль» и «функциональный стиль» в лингвистической стилистике; О речевой системности функционального стиля»).

Итак, третья закономерность кратко может быть сформулирована следующим образом. В каждой речевой разновидности в зависимости от ее экстралингвистических стилеобразующих основ и в результате выражения специфики стиля формируются и активно функционируют (являются преобладающими и специфичными) о с о б ы е ф у н к ц и о н а л ь н о - с е м а н т и ч е с к и е значения используемых здесь единиц различных языковых уровней. Они создают общую для данного стиля функционально-стилистическую окраску речи и являются одной из существенных черт и форм речевой системности функционального стиля.

§ 170. Помимо отмеченных закономерностей, в каждом функциональном стиле речи существует определенная степень зависимости системы частот языковых единиц и их значений от того или иного к о н к р е т н о г о экстралингвистического фактора (для научной речи, в частности, таких, как сфера общения, отрасль науки, жанр, способ изложения — описание, повествование, рассуждение), в связи с чем можно говорить о разной стилеобразующей роли этих факторов и определять иерархические отношения между ними.

При изучении влияния этих факторов на статистическую структуру речи обнаруживается комплекс факторов, определяющий оформление той или иной речевой разновидности и положенный в основу классификации функциональных стилей речи. Это б а з о в ы й комплекс, который является с у щ е с т в е н н ы м

ны м для характеристики статистической структуры каждой речевой разновидности; им определяются четкие параметральные признаки и стилистико-статистические границы речевых функциональных стилей. Другие факторы, например в научной речи — отрасль науки, жанр, не являются существенными в смысле влияния их на изменение стилистико-статистической структуры речи, ее параметральных признаков. Способ изложения, иначе функционально-смысловой тип речи (описание, рассуждение, повествование), оказывается здесь по сравнению с предыдущими факторами более существенным для стилиобразования, но и он находится в подчиненном положении по отношению к базовому комплексу экстралингвистических факторов, обуславливающих основу и специфику каждого функционального стиля. Так, например, использование описания (или же повествования) различно в художественной литературе, в науке, в публицистике, т.е. в каждой из этих речевых сфер.

Итак, все признаки речи, которыми различаются функциональные стили, обусловлены не только и не столько возможностями языковой системы, сколько экстралингвистическими факторами, задачами коммуникации. Функционально-стилистика исследования невозможны вне учета этих задач, поскольку речь идет не только о собственно системно-структурном аспекте, но о функциональной стороне языка, которая немаловажна вне воздействия этих факторов. Изучение экстралингвистических факторов помогает вскрыть и объяснить закономерности функционирования языка, определить речевую системность стилей. (Подробнее см. в кн.: *Кожина М.Н. О речевой системности... Пермь, 1972.*)

ЛИТЕРАТУРА

І. Основная

- Бельчиков Ю.А.* Стилистика и культура речи. М., 2000.
- Бельчиков Ю.А.* Стилистика // Энциклопедия «Русский язык». М., 1997. С. 540.
- Болотнова Н.С.* Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск, 1992.
- Болотнова Н.С., Орлова О.В.* Стилистика русского языка: контрольно-тренировочные задания. Томск, 2004.
- Бондалетов В.Д.* и др. Стилистика русского языка / Под ред. Н.М. Шанского. Л., 1989.
- Борисова И.Н.* Русский разговорный диалог. Структура и динамика. Екатеринбург, 2001.
- Будагов Р.А.* В защиту понятия «стиль художественной литературы» // Вестник МГУ. 1962. № 4.
- Будагов Р.А.* Литературные языки и языковые стили. М., 1967. С. 40—66, 131—164, 215—245.
- Вакуров В.Н., Кохтев Н.Н., Солганик Г.Я.* Стилистика газетных жанров. М., 1978.
- Валгина Н.С.* Активные процессы в современном русском языке. М., 2003.
- Васильева А.Н.* Газетно-публицистический стиль речи. М., 1982.
- Васильева А.Н.* Курс лекций по стилистике русского языка: Научный стиль речи. М., 1976.
- Васильева А.Н.* Курс лекций по стилистике русского языка: Общие понятия стилистики, разговорно-обиходный стиль речи. М., 1976.
- Васильева А.Н.* Художественная речь: Курс лекций. М., 1983.
- Веселов В.П.* Современное деловое письмо в промышленности. М., 1990.
- Виноградов В.В.* Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. 1955. № 1.
- Виноградов В.В.* О языке художественной литературы. М., 1959 (гл. III и IV).
- Виноградов В.В.* Проблема взаимодействия литературного языка и языка художественной литературы. М., 1968.

- Виноградов В.В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963 («Введение»).
- Винокур Г.О.* О задачах истории языка // Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
- Винокур Т.Г.* Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980.
- Гавранек Б.* Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
- Гаузенблас К.* К уточнению понятия «стиль» и вопросу об объеме стилистического исследования // Вопросы языкознания. 1967. № 5.
- Головин Б.Н.* Язык художественной литературы в системе языковых стилей современного русского литературного языка // Вопросы стилистики. Саратов, 1978. Вып. 14.
- Голуб И.Б.* Стилистика русского языка. М., 2001.
- Горшков А.И.* Русская стилистика. М., 2001.
- Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В.* Функциональные типы русской речи. М., 1982.
- Кожина М.Н.* К основаниям функциональной стилистики. Пермь, 1968. С. 142—206, 240—249.
- Кожина М.Н.* О диалогичности письменной научной речи. Пермь, 1986.
- Кожина М.Н.* О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. Пермь, 1966.
- Кожина М.Н.* О функциональных семантико-стилистических категориях // Филологические науки. 1987. № 2.
- Кожина М.Н.* Стилистика русского языка. М., 1993.
- Колокольцева Т.Н.* Практикум по стилистике русского языка. Волгоград, 2006.
- Колтунова М.В.* Язык и деловое общение. М., 2002.
- Коньков В.И.* Речевая структура газетного текста. СПб., 1995.
- Кормилицына М.А.* Семантически осложненное (полипропозитивное) простое предложение в устной речи. Саратов, 1988.
- Костомаров В.Г.* Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. М., 2005.
- Костомаров В.Г.* Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публицистики. М.: Изд-во МГУ, 1971.
- Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. Изд. 3-е. СПб, 1999.
- Котюрова М.П.* Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста (функционально-стилистический аспект). Красноярск, 1987.
- Котюрова М.П., Баженова Е.А.* Культура научной речи: Текст и его редактирование. 2-е изд. Пермь, 2007.

- Крылова О.А.* Лингвистическая стилистика. М., 2006.
- Крылова О.А.* Существует ли церковно-религиозный функциональный стиль в современном русском литературном языке? // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000.
- Крысин Л.П.* Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. / Памяти Т.Г. Винокура. М., 1996.
- Купина Н.А.* Смысл художественного текста и аспекты лингвосмыслового анализа. Красноярск, 1983.
- Купина Н.А., Михайлова О.А.* Основы стилистики и культуры речи. Практикум для студентов-филологов. М., 2004.
- Лаптева О.А.* Живая русская речь с телеэкрана: разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. М., 2001.
- Лариохина Н.М.* Вопросы синтаксиса научного стиля речи. М., 1979.
- Майданова Л.М.* Структура и композиция газетного текста: Средства выразительного письма. Красноярск, 1987.
- Матвеева Т.В.* Непринужденный диалог как текст // Человек—текст—культура. Екатеринбург, 1994.
- Матвеева Т.В.* Учебный словарь: Русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М., 2003.
- Матвеева Т.В.* Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск, 1990.
- Митрофанова О.Д.* Научный стиль речи: Проблемы обучения. М., 1976.
- Одинцов В.В.* Стилистика текста. М., 1980.
- Пешковский А.М.* Избранные труды / Сост. И.А. Василенко, И.Р. Палей. М., 1959. С. 50—62, 147—156.
- Тезисы Пражского лингвистического кружка // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
- Развитие функциональных стилей современного русского литературного языка / Под ред. Т.Г. Винокур, Д.Н. Шмелева. М., 1968.
- Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Лексика. Саратов, 1983; Грамматика. Саратов, 1992.
- Рахманин Л.В.* Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. М., 1998.
- Рогова К.А.* Стилистические особенности публицистической речи. ЛГУ, 1975.
- Розанова Н.Н.* Коммуникативно-жанровые особенности храмовой проповеди // Бодуэн де Куртэнэ: Ученый. Учитель. Личность. Красноярск, 2000.
- Розенталь Д.Э.* Практическая стилистика русского языка. М., 1987.
- Русская разговорная речь / Отв. ред. Е.А. Земская. М., 1973.

- Русская речь в средствах массовой информации. СПб., 2007.
- Русский язык в эфире: проблемы и пути их решения. Материалы круглого стола 14 ноября 2000 г. М., 2001.
- Русский язык делового общения. Воронеж, 1995.
- Русский язык для делового общения / Под ред. Л.А. Шкатовой. Челябинск, 1996.
- Русский язык сегодня. / Отв. ред. Л.П. Крысин. М., 2000.
- Сенкевич М.П.* Практическая стилистика русского языка и литературное редактирование. М., 1980.
- Сиротинина О.Б.* От кого зависит судьба русского языка? // Русская речь. 2007. № 1.
- Сиротинина О.Б.* Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974.
- Сиротинина О.Б.* Тексты, текстоиды, дискурсы в зоне разговорной речи // Человек—текст—культура. Екатеринбург. 1994.
- Сиротинина О.Б.* Что и зачем нужно знать учителю о русской разговорной речи. М., 1996.
- Сковородников А.П.* Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск, 1981.
- Сковородников А.П.* Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. М., 2005.
- Солганик Г.Я.* Лексика газеты. М., 1981.
- Солганик Г.Я.* Практическая стилистика русского языка. М., 2006.
- Солганик Г.Я.* Стиль репортажа. М., 1970.
- Солганик Г.Я.* Стилистика текста. М., 1997.
- Стилистика газетных жанров. М., 1981.
- Стилистика и литературное редактирование / Под ред. В.И. Максимова. М., 2004. Ч. II.
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. М., 2003; 2-е изд. 2006.
- Трофимова Г.Н.* Языковой вкус интернет-эпохи в России: Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. М., 2004.
- Формановская Н.И.* Стилистика сложного предложения. М., 1978.
- Чернявская В.Е.* Интерпретация научного текста. СПб., 2004.
- Шаховский В.И.* Эмотивный компонент значения и методы его описания. Волгоград, 1983.
- Шварцкопф Б.С.* Официально-деловой язык // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996.
- Ширяев Е.Н.* Структура разговорного повествования // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. М., 1982.
- Шмелев Д.Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977.

- Щерба Л.В.* Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 26—28, 97—109, 113—129.
- Щерба Л.В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды / Под ред. Д.Э. Розенталя. М., 1980.
- Язык СМИ как объект междисциплинарных исследований. М., 2003.
- Язык современной публицистики. М., 2005.

II. *Дополнительная*

- Андроникова М.И.* О речи и языке телевидения // Вестник МГУ. Сер. «Журналистика». 1973. № 2.
- Аргументация в публицистическом тексте. Свердловск, 1992.
- Арнольд И.В.* Стилистика современного английского языка: (Стилистика декодирования). Л., 1981.
- Баженова Е.А.* Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь, 2001.
- Балли Ш.* Французская стилистика. М., 1961.
- Баранник Д.Х.* Устный монолог. Днепропетровск, 1969.
- Баранов А.Г.* Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов н/Д, 1993.
- Барлас Л.Г.* Русский язык: Стилистика. М., 1978.
- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Бгажноков Б.Х.* Особенности радиоречи // Психолингвистические проблемы массовой коммуникации. М., 1974.
- Бельчиков Ю.А.* К вопросу о соотношении текста и стиля // Теория и практика преподавания русской словесности. М., 1996.
- Бельчиков Ю.А.* Лексическая стилистика. М., 1977.
- Бернштейн С.И.* Язык радио. М., 1977.
- Бойкова Н.Г., Беззубов А.Н., Коньков В.И.* Публицистический стиль. СПб., 1999.
- Брагина А.А.* Синонимы в литературном языке. М., 1986.
- Брагина А.А., Вомперский В.П.* О телевизионной речи // Филологические науки. 1978. № 2.
- Брандес М.П.* Стилистика немецкого языка. М., 1983.
- Бурвикова Н.Д., Костомаров В.Г.* Карнавализация как характеристика современного состояния русского языка // Функциональная семантика языка, семиотика знаковых систем и методы их изучения. М., 1997.

- В поисках смысла (сборник в честь К.А. Роговой) / Под ред. Н.А. Любимовой. СПб., 2001.
- Валгина Н.С.* Пути вхождения разговорных конструкций в письменную речь // Филологические науки. 1997. № 6.
- Васильев А.Д.* Слово в телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении. Красноярск, 2000.
- Васильева А.Н.* Основы культуры речи. М., 1990.
- Васянина Е.Ю.* Прогулки по Интернету // Мир русского слова. 2000. № 1.
- Веселовская Т.М.* Особенности синтаксиса официально-делового стиля // Типология текста в функционально-стилистическом аспекте. Пермь, 1990.
- Вещикова И.А.* Орфоэпия. Основы теории и прикладные аспекты. М., 2007.
- Вещикова И.А.* Публицистический стиль как единица в системе функциональных разновидностей языка // Вестник МГУ, Сер. IX, Филология. 1990. № 1.
- Виноградов В.В.* О понятии «стиля языка» (применительно к истории русского литературного языка) // Известия АН СССР. ОЛЯ. 1955. Вып. 4.
- Виноградов В.В.* О теории художественной речи. М., 1971.
- Виноградов С.И.* Язык газеты в аспекте культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996.
- Винокур Г.О.* Культура языка. М., 1929.
- Винокур Т.Г.* О содержании некоторых стилистических понятий // Стилистические исследования. М., 1972.
- Войтак М.* Проявление стандартизации в высказываниях религиозного стиля // Текст: стереотип и творчество. Пермь, 1998.
- Вомперский В.П.* Стилистическое учение М.В. Ломоносова и теория трех стилей. М., 1970.
- Гайда Ст.* Жанры разговорных высказываний // Жанры речи. Саратов, 1999. Вып. 2.
- Гайда Ст.* Проблемы жанра // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая реализация. Пермь, 1986.
- Гайда Ст.* Стилистика и генология // Статус стилистики в современном языкознании. Пермь, 1992.
- Гаймакова Б.Д., Сенкевич М.П., Макарова С.К.* Мастерство эфирного выступления. М., 1996.
- Галь Н.Я.* Слово живое и мертвое. М., 1987., М., 2001.
- Гальперин И.Р.* Проблемы лингвистилистики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. М., 1980.
- Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
- Гарбовский Н.К.* Профессиональная речь. Сопоставительно-стилистический аспект: Докт. дис. М., 1988.

- Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
- Гвоздев А.Н.* Очерки по стилистике русского языка. 3-е изд. М., 1965.
- Гердт А.С.* Взгляд на русский язык науки сегодня и завтра // Русистика сегодня. 1995. № 4.
- Головин Б.Н.* Основы культуры речи. М., 1988.
- Головин Б.Н.* Язык и статистика. М., 1971.
- Горбунов А.П.* Образные средства языка газеты. М., 1969.
- Горшков А.И.* Лекции по русской стилистике. М., 2000.
- Грановская Л.М.* Стилистика современного русского литературного языка. Баку, 1971.
- Губаева Т.В.* Грамматико-стилистические особенности юридических текстов: Дис. канд. филол. наук. 1983.
- Губаева Т.В.* Семантико-стилистическая категория оценки в законодательном тексте // Стилистика текста в коммуникативном аспекте. Пермь, 1987.
- Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М., 1992.
- Данилевская Н.В.* Чередование старого и нового знания как механизм развертывания научного текста (аксиологический аспект). Пермь, 2006.
- Дементьев В.В.* О поэтике человеческого общения // Stylistyka. XIV. Opole, 2005.
- Дементьев В.В., Панфилов К.С.* Многоязычие и стиль: спорные вопросы стилистической типологии. Stylistyka. XII. Opole, 2003.
- Долинин К.А.* Интерпретация текста. М., 1987.
- Долинин К.А.* Стилистика французского языка. Л., 1978.
- Дускаева Л.Р.* Диалогическая природа газетных речевых жанров. Пермь, 2004.
- Евстафьев В.А.* СМИ в системе рекламных коммуникаций России: Докт. дис. М., 2001.
- Ефимов А.И.* Стилистика русского языка. М., 1969. (Предисловие В.В. Виноградова).
- Зарва М.В.* Слово в эфире. М., 1971.
- Земская Е.А.* Политематичность как характерное свойство непринужденного диалога // Разновидности городской устной речи. М., 1988.
- Земская Е.А., Ширяев Е.Н.* Устная публичная речь: разговорная или кодифицированная? // Вопросы языкознания. 1980. № 2.
- Зильберт Б.А.* Социопсихологическое исследование текстов радио, телевидения, газеты. Саратов, 1986.
- Ивакина Н.Н.* Основы судебного красноречия. М., 2006.
- Ильин И.П.* Стилистика интертекстуальности: теоретические аспекты // Проблемы современной стилистики. М., 1989.

- Ильсова С.В.* Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ: Докт. дис. Ростов н/Д, 2002.
- Кайда Л.Г.* Авторская позиция в публицистике. Дис. д-ра филол. наук. М., 1992. Как составить служебный документ. М., 1982.
- Какорина Е.В.* Новизна и стандарт в языке современной газеты // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. М., 1996.
- Капанадзе Л.А.* Структура и тенденции развития электронных жанров // Жизнь языка (сборник к 80-летию М.В. Панова). М., 2001.
- Капинос В.И.* Значение стилистики в практике преподавания родного языка / Основные понятия и категории лингвистилистики. Пермь, 1982.
- Кара-Мурза Е.С.* Журналистика и культура на переломе тысячелетий. М., 2002.
- Караулов Ю.Н.* О состоянии русского языка современности // Проблемы и перспективы развития русистики и материалы почтовой дискуссии. М., Изд-во АН СССР, 1991.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987. Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 1999.
- Киселева Л.А.* Некоторые проблемы изучения эмоционально-оценочной лексики современного русского языка // Проблемы русского языкознания: Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Л., 1968. Т. 281.
- Кожина М.Н.* О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь, 1972.
- Кожина М.Н.* О соотношении стилей языка и стилей речи с позиций языка как функционирующей системы // Принципы функционирования языка в его речевых разновидностях. Пермь, 1984.
- Кожина М.Н.* Речеведение и функциональная стилистика. Вопросы теории. Пермь, 2002.
- Колесников Н.П.* Стилистика и литературное редактирование. М.; Ростов н/Д, 2003.
- Колесов В.В.* Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра. СПб., 1998.
- Колишанский Г.В.* Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984.
- Коньков В.И., Краснова Т.И., Рогова К.А.* Язык художественной публицистики. Л., 1983.
- Костомаров В.Г.* О разграничении терминов «устный» и «письменный», «книжный» и «разговорный» // Проблемы современной филологии. М., 1965.
- Костомаров В.Г.* Тезисы возможной концепции функциональных стилей // Из опыта преподавания русского языка нерусским. М., 1970. Вып. 5.
- Котурова М.П.* Научный текст и стиль мышления ученого // Вестник Пермского университета. Пермь, 1996. Вып. 2 («Лингвистика»).
- Кохтев Н.Н., Голуб И.Б., Солганик Г.Я.* Практическая стилистика русского языка: Сборник упражнений. М., 1987.

- Красильникова Л.В.* Жанр научной рецензии: семантика и прагматика. М., 1999.
- Кройчик Л.Е.* Система журналистских жанров // Основы творческой деятельности. СПб., 2000.
- Культурно-речевая ситуация в современной России / Под ред. Н.А. Купиной. Екатеринбург, 2000.
- Купина Н.А.* Разговорное диалогическое единство как текст // Языковой облик уральского города. Свердловск, 1990.
- Купина Н.А.* Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург—Пермь, 1995.
- Купина Н.А., Николина Н.А.* Филологический анализ художественного текста. Практикум. М., 2003.
- Лазарева Э.А.* Системно-стилистические характеристики газеты. Екатеринбург, 1993.
- Лазарева Э.А.* Язык электронных СМИ в коммуникативном аспекте // Публицистика и информация в современном обществе. М., 2000.
- Лаптева О.А.* Внутрителивая эволюция современной русской научной прозы // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., 1968.
- Ларин Б.А.* Эстетика слова и язык писателя: Избр. статьи. Л., 1974.
- Леонтьев А.А.* Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.
- Лузина Л.Г.* Категория стиля и проблемы стилистики в современном языкознании // Проблемы современной стилистики. М., 1989.
- Лукьянова Н.А.* Экспрессивная лексика разговорного употребления. Новосибирск, 1986.
- Лысакова И.П.* Язык газеты и типология прессы. СПб., 2005.
- Майданова Л.М.* Религиозно-просветительский текст: стилистика и прагматика // Русский язык в контексте культуры. Екатеринбург, 1999.
- Майданова Л.М., Калганова С.О.* Практическая стилистика жанров СМИ: Заметка, интервью, статья. Екатеринбург, 2006.
- Максимов Л.Ю.* Литературный язык и язык художественной литературы // Анализ художественного текста. М., 1975. Вып. 1.
- Матвеева Т.В.* Разговорный диалог в зеркале текстовых сопоставлений // Stylistyka III. Opole, 1994.
- Мельничук А.С.* Язык как развивающаяся реальная система // II Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания «Диалектика развития языка». Тезисы докладов. М., 1980.
- Митрофанова О.Д., Акишина Т.Е.* Лекция как зона контакта научной и разговорной речи // Основные понятия и категории лингвостилистики. Пермь, 1982.
- Морозова И.* Слагая слоганы. М., 2001.

- Москвин В.П.* Стилистика русского языка. Волгоград, 2000.
- Мурат В.П.* Об основных проблемах стилистики. М., 1957.
- Мыркин В.Я.* Всегда ли языковая норма соотносится с языковой системой // Филологические науки. 1998. № 3.
- Наер В.Л.* Прагматика научных текстов. Вербальный и невербальный аспекты // Функциональные стили: лингвометодические аспекты. М., 1985.
- Нарушение норм русского литературного языка в программах центральных телевизионных и радиоканалов. Министерство РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. М., 2000.
- Непомнящий Э.* Русский язык, Россия и Интернет // Русский язык за рубежом. 2001. № 2.
- Нерознак В.П.* Теория словесности: старая и новая парадигма // Русская словесность. От теории словесности к структурам текста. М., 1997.
- Николаева Т.М.* Текст // Энциклопедия «Русский язык». М., 1997.
- Новиков Л.А.* Художественный текст и его анализ. М., 1988.
- Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 9. Лингвостилистика. М., 1980.
- Общение. Текст. Высказывание. М., 1989.
- От книги до Интернета. Журналистика и литература на рубеже тысячелетий / Под ред. Я.Н. Засурского. М., 2000.
- Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII—XX вв. / Под ред. М.Н. Кожинной. Пермь. Т. I «Развитие научного стиля в аспекте функционирования языковых единиц различных уровней, ч. 1, ч. 2 «Синтаксис» — 1994, т. II «Стилистика научного текста (общие параметры), ч. 1 — 1996, ч. 2 «Категории научного текста: функционально-стилистический аспект — 1998.
- Панфилов А.К.* Лекции по стилистике русского языка. М., 1972.
- Панфилов А.К.* Сборник упражнений по стилистике русского языка. 2-е изд. М., 1989.
- Панфилов А.К.* Стилистика русского языка. М., 1986.
- Панфилов В.З.* Язык, мышление, культура // Вопросы языкознания. 1975. № 1.
- Периодическая печать на пороге электронной эры / Под ред. Б.Я. Мисонжникова. СПб., 2000.
- Петрищева Е.Ф.* Стилистически окрашенная лексика русского языка. М., 1984.
- Пешковский А.М.* Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. М.; Л., 1930.
- Попова Т.И.* Телеинтервью в коммуникативно-прагматическом аспекте. СПб., 2002.
- Поэтическая грамматика. Т. 1 / И.И. Ковтунова, Н.А. Николина, Е.В. Красильникова (отв. ред.). М., 2006.

- Практическая стилистика русского языка. Функциональные стили / Под ред. В.А. Алексеева, К.А. Роговой. М., 1982.
- Прохватилова О.А.* Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи. Волгоград, 1999.
- Публицистика и информация в современном обществе. М., 2000.
- Пумпянский А.Л.* Функциональный стиль научной и технической литературы // Вопросы языкознания. 1977. № 2.
- Разинкина Н.М.* О преломлении эмоциональных явлений в стиле научной прозы // Особенности языка научной литературы. М., 1965.
- Разинкина Н.М.* Функциональная стилистика. М., 2004.
- Разинкина Н.М.* Функциональная стилистика английского языка. М., 1989.
- Реферовская Е.А.* Лингвистические исследования структуры текста. Л., 1983.
- Ризель Э.Г.* Полярные стилевые черты и их языковое воплощение // Иностранные языки в школе. 1961. № 3.
- Рождественский Ю.В.* Проблемы риторики в стилистической концепции В.В. Виноградова // Виноградовские чтения. М., 1981.
- Розенталь Д.Э., Голуб И.Б.* Секреты стилистики. М., 1996.
- Русский язык конца XX столетия (1985—1995) / Отв. ред. Е.А. Земская. М., 2000.
- Салимовский В.А.* Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). Пермь, 2002.
- Светана С.В.* Телевизионная речь. М., 1976.
- Сенкевич М.П.* Культура телевизионной и радиоречи. М., 1994.
- Сенкевич М.П.* Научные стили. М., 1967.
- Сенкевич М.П.* Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений. М., 1976.
- Сиротинина О.Б.* Факторы, влияющие на развитие русского языка в XXI веке // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2007. Вып. 7.
- Система средств массовой информации России / Под ред. Я.Н. Засурского. М., 2001.
- Скворцов Л.И.* Теоретические основы культуры речи. М., 1980.
- Сковородников А.П.* Речевое общение. Специализированный вестник. Вып. 1—12. Красноярск, 1996—2002.
- Скребнев Ю.М.* Введение в коллоквиалистику. Саратов, 1985.
- Скребнев Ю.М.* Некоторые понятия стилистики в свете дихотомии «язык—речь» // Сб-к науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза. 1973. Вып. 73.
- Скребнев Ю.М.* Очерк теории стилистики. Горький, 1976.
- Славгородская Л.В.* Научный диалог. М., 1986.
- Сметанина С.И.* Медиа-текст в системе культуры. СПб., 2002.

- Современная газетная публицистика. Л., 1988.
- Современная русская устная научная речь / Под ред. О.А. Лаптевой. Красноярск, 1985.
- Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. СПб., 2002.
- Солганик Г.Я. Заметки о языке научно-технических журналов // Русская речь. 1967. № 5.
- Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. М., 1973.
- Сорокин Ю.С. К вопросу об основных понятиях стилистики // Вопросы языкознания. 1954. № 1.
- Статус стилистики в современном языкознании / Под ред. М.Н. Кожинной. Пермь, 1992.
- Степанов Ю.С. Французская стилистика. М., 1965.
- Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX в. М., 1995.
- Стилистика газетных жанров / Под ред. Д.Э. Розенталя. М., 1981.
- Стилистика русского языка: Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста. М., 1987.
- Сулименко Н.Е. Стилистические ошибки и пути их устранения. Л., 1987.
- Томашевский Б.В. Стилистика. Л., 1983.
- Трошева Т.Б. Формирование рассуждения в процессе развития научного стиля русского литературного языка XVIII—XX вв. (сопоставительно с другими функциональными разновидностями). Пермь, 1999.
- Троянская Е.С. Лингвостилистическое исследование немецкой научной литературы. М., 1982.
- Ушаков А.А. Очерки советской законодательной стилистики. Пермь, 1967.
- Федоров А.В. Очерки общей и сопоставительной стилистики. М., 1971.
- Феодосий. Епископ Полоцкий и Глубокский. Гомилетика. Теория церковной проповеди. Сергиев Посад, 1999.
- Филин Ф.П. О просторечном и разговорном в русском литературном языке // Филологические науки. 1979. № 2.
- Фирсова Н.М. Введение в грамматическую стилистику современного испанского языка. М., 1981.
- Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М., 1998.
- Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М., 2007.
- Фролова О.Е. Организация пространства русского повествовательного текста. М., 2000.
- Функциональные стили и формы речи / Под ред. О.Б. Сиротининой. Саратов, 1993.

- Хетсо Г.* Стиль и норма // Ученые записки Тартуского университета. 1981. Вып. 585. (Лингвистика текста и стилистика).
- Хорошая речь* / Под ред. М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. Саратов, 2001.
- Чепкина Э.В.* Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995—2000). Екатеринбург, 2000.
- Чернухина И.Я.* Культура речи, прагматика, риторика, стилистика // Статус стилистики в современном языкознании. Пермь, 1992.
- Чернухина И.Я.* Общие особенности поэтического текста. Воронеж, 1987.
- Чернухина И.Я.* Очерк стилистики художественного прозаического текста. Воронеж, 1977.
- Чернышев В.И.* Правильность и чистота русской речи: Опыт русской стилистической грамматики // Избр. труды. М., 1970. Т. 1. С. 443—641.
- Чернявская В.Е.* Дискурс власти и власть дискурса. М., 2006.
- Черняк В.Д.* Массовая литература и речевой портрет современника // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2005. Вып. 9.
- Шанский Н.М.* Лингвистический анализ художественного текста. Л., 1984.
- Швейцер А.Д.* Проблемы контрастивной стилистики (к сопоставительному анализу функциональных стилей) // Вопросы языкознания. 1991. № 4.
- Швец А.В.* Публицистический стиль современного русского литературного языка. Киев, 1979.
- Шевченко Н.В.* Синтаксические особенности устной речи в официальных ситуациях // Вопросы стилистики. Саратов, 1981.
- Шелякин М.А.* Ситуативность устной речи как фактор нейтрализации грамматических значений // Ученые записки Тартуского университета. 1979. Вып. 481 («Семиотика устной речи»).
- Ширинкина М.А.* Вторичный деловой текст и его жанровые разновидности: Дис. канд. филол. наук, Пермь, 2001.
- Шмелева Т.В.* Речеведение. Новгород, 1996.
- Шмелева Т.В.* Речеведение: в поисках теории // Stylistyka. VI. Opole, 1997.
- Щерба Л.В.* Преподавание иностранных языков в средней школе // Общие вопросы методики. М., 1974.
- Энkvист Н.Э.* Стилистика как стратегия в моделировании текста // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1988. Т. 47. № 4.
- Язык и общество. Лингвистика текста и лингвостилистика. СПб., 1996.
- Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования. Тезисы докладов конференции в МГУ. М., 2001.

Учебное издание

**Кожина Маргарита Николаевна
Дускаева Лилия Рашидовна
Салимовский Владимир Александрович**

СТИЛИСТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

Учебник

Подписано в печать 15.08.2011. Изд. № 2407.

Электронное издание для распространения через Интернет.

«ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д.17-Б, комн. 324.

Тел./факс: (495)334-82-65, тел.: (495)336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru

Издательство «Наука», 117997, ГСП-7, Москва В-485,

ул. Профсоюзная, д. 90